

503 Дарина

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Дарина Грот

18+

Дарина Грот
Без Границ

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Грот Д.

Без Границ / Д. Грот — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Лето, 2013 год. Москва. Обычная рыжеволосая девчонка. И совсем необычная встреча. Встреча, которая перечеркнула все планы и мечты обычной девчонки – Виктории. И уже совсем необычная любовь, вскружившая голову девчонки. А что, если нельзя любить? Страшно! Что, если нельзя желать? Опасно! И что же делать, если Виктории очень хочется любить? Как дальше жить, когда внезапно, по взмаху волшебной палочки, все стало совсем необычным, включая обычную рыжеволосую девчонку? В одно прекрасное московское лето, в один прекрасный день, Виктория случайно натворила дел, которые обернулись для нее бедствием. Содержит нецензурную брань.

© Грот Д., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Выражаю благодарность Татьяне Сильченко и Юлии Зоткиной за их безграничную поддержку.

8 июня 2013 (суббота)

– Следующая станция «Киевская». Осторожно, двери закрываются... – Виктория закрыла глаза, вставила наушники в уши и уставилась во тьму. Вот уже два часа она каталась по кольцевой линии, пытаюсь подготовиться к экзамену по философии.

Начало лета, середина июня. Выпускные экзамены. Как и большинству студентов, Виктории совсем не хотелось ничего учить. Она хотела гулять, пить, есть и спать. Много спать.

Почему в молодости так хочется спать? Всегда и везде. Только спать. Невозможно ни о чем думать, только о мягкой подушке и теплом одеяле...ладно, хотя бы просто подушка, необязательно мягкая...Какие экзамены?

Лекционная тетрадь, уютно лежащая на коленях, оставалась нетронутой уже долгое время. Может, от того, что тетрадь просто лежит, вся информация сама по себе залезет в голову. Но, спустя какое-то время, Виктория поняла, что само ничего в голову лезть не хотело.

Девушка вышла на Комсомольской и пошла, куда глаза глядят. Погода была слишком хорошей, чтобы сидеть над лекциями. Виктория добрела до первого кофе и решила взять капучино. Может, поможет взбодриться и взяться за ум.

Суббота. Середина дня. Что за идиотизм? Таскаться по Москве, в обнимку с толстой экзаменационной тетрадкой, пытаюсь подготовиться к философии...Прекрасно.

– Вик? – голос подруги в телефонной трубке слегка расшевелил заспанную голову. – Привет, что делаешь?

– Я? Шатаюсь по центру. В данный момент пью кофе. Хотела изучить основные концепции Гегеля...и еще пару гениев прошлого. А ты?

– Только встала. Только, черт побери, встала! Тори, я всё проспала! Вчера мы с моим так зажигали, что сегодня у меня просто нет сил. Как он там, вообще не представляю!

– Значит, ждать тебя сегодня бесполезно? – улыбнулась Вика.

Василиса была очень активной дамой. Активной не в спорте, а в жизни. Ее жизнь кипела, бурлила. Постоянные тусовки, бесконечные праздники, ребята, подруги. Она не знала, что такое возраст и, что когда-то надо начинать умнеть и взрослеть.

Каждые три месяца у нее появлялся молодой человек, ибо настоящий ее жутко раздражал своим существованием. Ее могло в нем раздражать всё то, о чем люди не задумываются. Например, торчащий завиток, родинка на спине под лопаткой, как он курит сигареты, как он смотрит, какого цвета у него ресницы... Ее раздражало все. Потом Вася находила себе того, кто еще не раздражал ее.

Каждый раз, когда под рукой появлялся очередной «Петя», Василиса щебетала и безумно радовалась. Она была уверена, что влюбилась и именно эта любовь до последнего вздоха, именно он – ее Ромео, которого она ждала всю свою жизнь и, наконец, дождалась.

Больше всего было удивительно то, что все, кто был у Василисы, ужасно страдали после разрыва с ней. Ей пофиг, а они – страдают. Они бегали за ней, умоляли вернуться, прощали все ее выходки, а Васька говорила, что ей «слышится какой-то шум».

После вечеринок Ваську невозможно было поднять и куда-то вытащить. Точнее, это можно было сделать, но часов в 6-7 вечера.

– Ну я, возможно, подойду к тебе вечером, ок? – сонным голосом проямлила девушка в ответ.

– Ага, поняла.

Ее такой ответ обычно означал, что вероятнее всего, она не пойдет. Но так как, какая-то черта ее характера не позволяла сказать «я не приду», Василиса пыталась завуалировать свои истинные намерения.

Виктория допила кофе и пошла вниз по направлению к Охотному ряду. Она особо не задумывалась о дороге и через какое-то время вышла на Лубянку, к огромному книжному магазину.

Многоэтажный магазин, плотно набитый книгами. Он был разбит на кучи тем и под-тем, по которым книги были тщательно расфасованы по помещению. То место – просто находка для книголюбов.

Виктория же никогда не относилась к таковым. Она могла прочитать пару книг жанром фэнтези или психологического триллера. Она не очень любила бульварную романтику, но порой ей хотелось почитать что-нибудь душераздирающие и о любви или посмотреть красивую сказку современности: статный мужчина, за тридцать или около, влюбляется в неказистую девочку-нищевродку, которой вообще ничего от него не надо, лишь только святая любовь, которую они так потом феерично смакуют. Приелось это, конечно, но разбавить суровость окружающего мира можно.

Виктория решила зайти в магазин, думая найти какую-нибудь увлекательную книжонку, которая одним лишь описанием затронет черствую душеньку и ей просто захочется прочесть ее на одном дыхании.

Боже, сколько же в том магазине было книг! Даже, казалось бы, однотипная беллетристика, и та имела столько под-стилей, что Виктория просто потерялась в поисках подходящей вещицы.

Через пару часов, Вика, наконец, вся мокрая от пота, вышла на улицу с двумя книгами о каких-то кикиморах и леших.

Девушка почти забыла про упитанный талмуд по философии средних веков. Господи, как же тяжело читать то, что от тебя требуют. Когда Виктория училась в школе, нежелание читать то, что говорили, было ее глобальной проблемой. Она хотела читать только то, что хотелось! Часто разногласия с преподавателями литературы приводили к скандалам разного масштаба.

Ничего не поделаешь. Уже будучи в университете, Виктория поняла, насколько все-таки важно было читать...много читать. Конечно, после окончания школы, программа по литературе была осилена и вся классика прочитана. Да, никто и не спорит, что-то из прочитанного показалось ей полной чушью, с чем-то она была не согласна, но были и интересные книги и их большинство.

Также Виктория поняла, что большую часть книг, из предложенной министерством программы по литературе, нельзя давать читать четырнадцатилетним подросткам!

Вика помнила свои четырнадцать. Она была неуправляемой, не признавала любовь ни в каком ее проявлении, ничего не знала об уважении, да ей было наплевать на все. Она не знала, что такое страх! Разве могла она понять любовь в «Капитанской дочке» или жесточайшее чувство угрызания совести Раскольникова? Нет. Ей было наплевать.

В общем, довольная покупкой, Виктория покинула магазин и направилась к Тверской улице, но практически сразу же наткнулась на бабушку, торговавшую дряблыми, обветшалыми книгами, которые были старше самой бабули.

Девушка хотела было пройти мимо, но ее внимание привлекла книга черного цвета, с потертыми, пожелтевшими страницами, с жухлыми краями, словно их зажигалкой опалили. На обложке ничего не было: ни названия, ни автора. Одна лишь черная пустота. Ничего.

Как только Вика взяла книгу в руки, то сразу же поняла, какой раритет держит в руках. От нее шел запах времени. Наверное, время все-таки можно понюхать, когда открываешь такие старые книги.

Лишь только на второй странице было название – «Демонология». У девушки заливало сердце. Ей так сильно нравились сверхъестественные рассказы, что, конечно же, такую книгу назад она уже вряд ли бы положила... Хотя вопрос цены ее тоже волновал.

Ее семью нельзя было назвать очень богатой. Мама, Ольга Владимировна, работала врачом в городской больнице. Получала она неплохо – опыт, выслуга лет, жить было можно.

Отец жил отдельно. У него была другая семья, но и о Виктории он не забывал. Старался всегда помочь и морально, и деньгами. Вот он неплохо устроился в жизни: работал аналитиком в довольно известной фирме и был чуть ли не правой рукой генерального директора. Нельзя было сказать, что он был «светской львицей», но его дохода хватало, чтобы содержать и Викторию, и свою семью. Сама Вика никогда к нему не обращалась. Обида за мать все еще терзала ее сердце.

С Ольгой Владимировной они общались хорошо. Бывшие супруги умудрились сохранить дружеские отношения, но профукали брак.

В принципе, Виктория была рада, что все так сложилось, что не было семейной вражды. Несмотря на то, что все жили отдельно, уважение друг к другу не было потеряно.

Вдоволь налиставшись книгу, нанюхавшись ее запаха, Виктория перевела взгляд на бабулю.

– Сколько она стоит?

– Сто рублей, дочка, – улыбнулась старушка.

– Сто рублей? – удивлению не было предела.

Что такое сто рублей в наше время? Можно сказать, что сия бумажка была равносильна туалетной. Пара поездок на метро или, именно или, а не и, пара поездок на автобусе. Две буханки хлеба, одно молоко. Короче, к вечеру все равно не будет ни ста рублей, ни полного желудка, и, конечно же, девушке было не жалко этих денег.

Виктория даже смутилась от того, что книжка была написана какой-то кириллицей, похожей на современный русский. В принципе, можно было уловить общий смысл предложений, но некоторые слова оставались непонятными.

Виктория посчитала, что такой раритет просто обязан стоять у нее дома, а не вышвыриваться за копейки на улице.

Девушке стало жалко бабулю. Она была вынуждена продавать такие редкие вещи за бесценок, лишь бы продолжить доживать свой век. Виктории стало жаль, что никто не заботится о стариках в моменты, когда им очень нужна помощь, как материальная, так и моральная. До них нет никому дела: дети заняты своей жизнью, государство занято разборками с другими государствами, да и, в целом, оно уверено, что вся страна обеспечена, никто себе ни в чем не отказывает.

Виктория дала за книгу пятьсот рублей. Она дала бы больше, но у нее с собой больше не было наличных денег. Бабуля долгое время отнекивалась, говорила, что ей много... Но, в конце концов, Виктория все-таки уговорила ее взять деньги, ведь книгу которую она продавала, надо продавать за тысячи!

Через час-другой, Виктория добралась до Краснопресненского парка, который находился недалеко от дома. Но домой ей совсем не хотелось идти. Там никого не было. Мать была на даче, занималась садоводством.

Виктория этого никогда не понимала, в чем же радость, чтобы отбарабанить сутки-другие, а затем укатить черти-куда, чтобы потратить там силы в двойном размере. Что за отдых такой?

Девушка сидела на лавочке. Она еле нашла одну единственную пустую лавку, которая даже еще не остыла после парочки с коляской. Хорошо, что Виктория проходила рядом. Обычно в такой благоприятный денек черта-с-два найдешь пустую лавку.

Она хотела повнимательнее разглядеть доставшуюся задарма книгу.

Книга состояла из различных статей, описывающих всякую нечисть. На некоторых страницах были рисунки, слова, нацарапанные перьевой ручкой. Была куча знаков и печатей, каких-то мистических символов. Все они выглядели так, словно рисовались от руки. Хотя что в этом такого? Когда писалась эта книга не было фотошопов и дизайнерских программ.

Энциклопедия демонов, ангелов, чудищ, всех сверхъестественных существ, их полная характеристика, описание внешнего вида, рода деятельности, почему они такие. Можно было представить, насколько книга была жуткой в те времена, когда трактат Молот Ведьм был одним из самых популярных чтив.

Викторию забавляла та книга: такая толстая, наполненная кучей информации, из нее мог бы получиться отличный триллер! Но несмотря на все шутки, в ней чувствовалось некое величие.

Неожиданно, где-то на восьмисотых страницах Виктория заметила сложенную вдвое бумажонку, на ощупь напоминавшую промокашку. На ней был нарисован треугольник, обведенный в круг. На углах треугольника изображены символы. В середине треугольника – три круга, пересекающихся в центре. В каждом из них был изображен какой-то знак. Вокруг круга, который обрамлял треугольник, по форме пентакля, располагались цифры. То были не просто порядковые числительные. Для глаз Виктории это был просто набор цифр, никак не связанных между собой. Но что-то подсказывало ей, что для человека, который нарисовал подобную геометрию, каждая запятая и точка имела смысл и, возможно, жизненно-важный смысл.

Над кругом была надпись – Kharon. Девушка понятия не имела, что это за проклятие, на кого его нужно насылать и зачем. Текст, в форме стиха, написанный на латыни, ясности не привнес.

Повертев в руках листочек, девушка засунула его обратно в книгу и решила, что все-таки было бы неплохо почитать что-нибудь по философии.

Тот день Вика специально выделила под философию, покинула дом, потому что там невозможно заниматься: постоянно хочется гулять.

И вот она, вроде как бы и на улице, пытается постичь основы философии за полторы недели до выпускных экзаменов. Да и ничего странного! Виктория была такой же, как и большинство студентов: ничего не хочу делать, не хочу ничего учить, не хочу ничего читать, просто отдайте мне мой диплом и оставьте меня в покое этим прекрасным летом.

Еще долгое время девушка сидела в парке, вникая в логику просвещенных умов. Затем печально отправилась домой: она ничего не могла запомнить! Стоило ли паниковать? Оставалось еще полторы недели до экзамена... До одного из экзаменов. Нет. Для паники еще было рано.

Вечером к Виктории приехал Данил – ее молодой человек и вовсе отвлек девушку от учебы.

С Данилой они встречались уже два года. Они познакомились, когда Вика училась на третьем курсе, а он как раз заканчивал пятый. Пару раз погуляли вместе, пару раз выпили, пару раз проснулись в одной постели, не разрушая дружеские отношения страстью. А потом решили, что «пару раз» можно перевести в перевернутую набок восьмерку и все-таки разрешить страсти и любви залезть к ним под крылышко.

Данил стал чаще приезжать к ней, пытаясь всячески ухаживать, а в студенческие годы это нелегко. Виктория цвела и радовалась. Радовалась и ее мама, которой молодой человек нравился. Уже тогда она считала его перспективным цветком, который не завянет после университета. Так и вышло.

Данил устроился на работу, через год его повысили и сейчас он ждал очередного повышения. Виктория очень радовалась за него – хоть у кого-то что-то приятное получается в этой жизни.

Все окружающие говорили Виктории, что Данил – золотой мальчик, что с ним будет только светлое будущее. Девушка была согласна с людьми, но никогда не была уверена в своих чувствах к нему.

Бесспорно, Данил безумно ей нравился, но до сих пор Вика не могла понять, любит ли она его, хочет ли действительно светлое будущее с ним, так прекрасно описанное друзьями и мамой.

Они пили чай, когда девушка вспомнила о средневековой покупке. Она тут же решила показать книгу молодому человеку.

– Ну зачем ты покупаешь этот хлам? – Данил осуждающе посмотрел на девушку. – Эта вещь не несет в себе никакой ценной информации, кроме детских сказок про демонов. Ты что, веришь в это?

– Нет. – Викторию расстроила реакция молодого человека. – Ее просто интересно было бы почитать, понять, как в то время воспринимались отношения мистики и скептицизма. Дань, нельзя же так отвергать все сразу, только потому, что здесь нет ничего про бухгалтерский учет и статьи кодексов РФ.

– Причем тут это, Вик? Ты просто тратишь время не на то. У тебя экзамен и лучше бы ты тратила свое время на подготовку к нему.

Виктория молча смотрела на парня. В такие моменты она не хотела думать даже о совместном настоящем с ним, не то что о будущем.

– Боже, как можно быть таким занудой? – скрывая раздражение под улыбкой, спросила девушка.

– Ну все, начинается. Тори, ты же сама принесла ее, чтобы показать, спросить...

– Нет, я принесла ее, чтобы ты пораздовался за меня, а не начинал осуждать и рассказывать о моих экзаменах.

Данил молча смотрел на свою девушку и пытался не улыбаться. Глядя на эти попытки, Виктории стало тоже смешно. Она решила отпустить ситуацию.

– Я рад за тебя. Правда. Все равно искренне не понимаю, что в этой книге такого! Ну да ладно. Нравится она тебе – читай, развивайся.

Виктория покачала головой в ответ. В глазах молодого человека читалась насмешка что ли, уж непонимание точно. Девушка же не понимала его. Но его нежные губы заставили ее отвлечься от книги. Вот что-то, а целоваться с ним ей нравилось. В этом ему не было равных...

– Я еду в командировку послезавтра. На полторы недели, – сказал Данил, обнимая девушку.

Они лежали в кровати и казалось, что буквально пять минут назад ничего не существовало, кроме их тел и душ, тесно сплетенных между собой. Ей казалось, что все остановилось, позволяя им насладиться друг другом, не отвлекаясь и не обращая внимания ни на что. Как же быстро врывается реальность, не давая забыться окончательно.

– В командировку? Что будешь делать на этот раз? – неохотно спросила девушка.

Правда, в тот момент ей очень хотелось умиротворения, а не обсуждать дела снова. Но Данил – не тот человек, который после секса будет предаваться девчачьим ласкам и лобызаниям. Что нельзя было сказать о девушке.

– Дела компании налаживать. – Улыбнулся он в ответ, встал и начал одеваться.

Девушка молча смотрела на него, на то, как он застегивает брюки, накидывает рубашку, застегивает пуговицы, расчесывается.

Он уже вел себя так, будто они жили с ним вместе много лет. Все, что было связано с девушкой, ему было не интересно. Все ее радости не достойны его внимания.

Наверное, другая бы обиделась, закатила скандал, кто знает, но что-нибудь сделала. Виктории же было наплевать. Она прекрасно понимала, что Данил – не ее человек, не будет у них светлого будущего. Это вопрос времени. Между ними был только секс и симпатия и то, пролог

девушке не нравился. Ей не нравилось, что человек вообще перестал интересоваться ею, что ей просто надо было о чем-то его просить, потому что его инициатива заканчивалась на работе. Ей не нравилось, что молодой человек воспринимал ее как должное.

Но Виктория молчала.

Молча, она проводила его до двери, пожелала счастливого пути и, с радостью, почувствовала себя свободной на будущие полторы недели. Как только двери закрылись, у нее словно камень с души свалился!

Время было около часу ночи, ей хотелось спать, но несмотря на это, она все же решила еще немного почитать билеты.

9 июня 2013 (воскресение)

Воскресение. Утро.

Солнце пробивалось сквозь закрытые шторы. Девушке хотелось улыбаться. Как же приятно, когда просыпаешься и понимаешь, что настроение просто зашкаливает. Все вокруг такое легкое, воздушное и тебя просто разрывает на части от радости.

Ее мама, Ольга Владимировна, должна была вернуться только вечером. Значит, у девушки был впереди весь день ничего-неделания. По воскресениям она никогда ничего не делала и даже выпускной экзамен вряд ли смог бы исправить привычку.

Еще чуть-чуть повалявшись в кровати, Виктория встала и побрела в ванную. В коридоре она заметила книгу, которую вчера так и не донесла до комнаты. Девушка выдохнула про себя: если бы книгу заметила мама, то был бы строгий разговор на оценку вменяемости дочери. Недолго думая, Вика прихватила книгу с собой.

Она набрала полную ванну воды, лежала и разглядывала листочек, выпавший из книги. Что это значит? Что такое Kharon? Ничего не написано, ничего не сказано. В самой книге не было похожих имен. Вика искала что-нибудь в книге по символам, изображенным на листке, но ничего похожего там не было. Чертов листок не давал ей покоя.

Виктория отложила книгу в сторону, обернулась полотенцем и побежала к компьютеру искать online-словари. Внезапно до нее дошло, что хотя бы приблизительно она могла понять смысл текста. А если будет понятен смысл, возможно, он объяснит, что такое Kharon.

Вся мокрая, в полу-раскрывшемся полотенце, девушка клала по клавиатуре, ища по буквам смысл латинских слов.

Через два часа стараний, Виктория расстроилась: перед ней лежал какой-то текст, обращенный к некому Kharon. Кое-что она, конечно, поняла, Kharon – это он, а не «что-то». Но там не было ни слова о том, кто он такой и за что делает.

Магический текст – это уже слишком даже для Виктории! Все-таки по натуре она была скептиком. Одно дело почитать ради интереса мифы и легенды, другое дело начинать в них верить и пытаться вызвать какую-нибудь пиковую даму.

Она всегда была уверена, что все проклятия, порчи, сглазы, привороты, работают лишь потому, что человек в это верит. Девушка же верила в силу самовнушения и материальность мыслей. Ее невозможно было сглазить или проклясть, потому что она не верила в это. Человек, который верит в то, что его прокляли, действительно становится плох, только потому, что сам притягивает к себе всю дрянь. Шел, споткнулся, упал, расшиб колено: в такой ситуации Вика решила бы, что она – неловкое полено, надо быть аккуратнее; внушаемый человек был бы уверен, что упал он из-за какой-то странно выглядящей бабки, которая пожелала ему всякого нехорошего и теперь это с ним случается.

Непонятно, что случилось с девушкой в тот момент, но вдруг в глубине души ей стало интересно. А что если к ней явится этот Kharon и она сможет узнать, что он из себя представляет? С одной стороны часть ее жаждала приключений, попытаться вызвать незнакомца. Дру-

гая часть уже вовсю смеялась над собой. Если бы к Вике пришла Василиса и сказала, что собирается вызвать кого-то с того света, Виктория бы не упустила возможности посмеяться над ней.

Наконец, девушка отлипла от компьютера и начала одеваться. Тут она остановилась посреди комнаты, как вкопанная. Голову бороздила часть вопросов, внезапно озадачивших ее. Первое: как можно вызвать того, о ком неизвестно ничего? Кто он? Черт? Упырь? Демон? Ангел? Кто он? Второе: что нужно было для того, чтобы вызвать его? Может для этого ритуала нужна лапка стеклянной лягушки или плавательный пузырь сельдяного короля... Вика ничего этого не знала. Она даже не знала, как читать на латыни весь этот текст, написанный на пергаменте средних веков. Но если проблема с латынью могла разрешиться при помощи словаря, то с жабрами и лапками дела обстояли намного хуже.

Долгое время Вика смотрела на нарисованные круги и знаки, затем подсознание решило подсказать – сию картину надо перерисовать на пол! Да. Точно. Так и должно быть. Вот только чем рисовать? Маркером? Если увидит Ольга Владимировна, она незамедлительно отправит дочь в сумасшедший дом и, возможно, по связям, ей дадут неплохую палату. Мел? Мела нет. Оно и понятно, откуда мел?

А почему вдруг непременно круг должен быть на полу? Все же можно сократить...

Девушка взяла простой карандаш, села за стол и прямо на столешницу перерисовала ровный круг, сантиметров 30-40 в диаметре. Вместила все символы в окружность, сделала еще пару кругов внутри, нанесла знаки, цифры и довольная уселась ждать.

Надо же читать текст! Так у круга можно долго сидеть и ждать у моря погоды. Вика схватила бумажку и принялась читать выписанные слова, с подчеркнутыми ударениям.

Она прочла несколько раз, но ничего не изменилось: ни погода, ни голоса, ни молнии... Вздохнув, Вика прочла еще раз текст медленно и с выражением, затем снова начала ждать. Ничего не происходило. А чего она ждала-то? Да ладно, ей просто захотелось повеселиться.

Девушка встала со стула, прикрыла шаманские круги и хотела было идти на кухню завтракать. С этими проклятиями она совсем забыла, что ничего еще не ела. Но выйти из комнаты у нее не получилось, потому что она столкнулась с мужчиной, ударившись о его стальную грудь лбом.

Можно было бы сказать по другому, что на тот момент Вика чуть от страха не обделалась – но это ничего не сказать. Вспотела, подурнело, ноги затряслись... Она пятилась назад, не отрывая глаз от мужика. Ей в жизни так страшно не было! И на этот страх у нее была причина. В ее квартире, в ее комнате, около ее кровати стоит мужчина... Девушка даже дышать толком не могла, ей казалось, что она вот-вот задохнется. Она хотела спросить его, какого черта он делает в ее комнате, но у нее язык отсох. Она вообще не понимала, есть ли он во рту.

Страх, пронизывающий насквозь. Ужас сковал ноги, Виктория почти не чувствовала сердца. Оно не просто ушло в пятки, оно похоже вообще из организма свалило...

Но весь ужас случился дальше. Обгадившийся разум начал догадываться, что за мужик перед ним!

– ... Не может быть. – В ужасе прошептала Вика, все еще пятясь назад, даже не понимая, что за ней уже стена с батареей и идти больше некуда.

Это невозможно! Даже в тот самый момент, она не могла поверить своим глазам: ну не мог он выскочить из неоткуда лишь потому, что был прочтен какой-то текст. Кто-то просто подшучивает над ней. Кто-то, кто знает о книге и о записке в ней и этот «кто-то» издевается над девушкой. Это Данил!

Внезапно ее осенило, что, возможно, молодой человек не уехал ни в какую командировку, а подослал какого-то дядьку пугать до смерти свою девушку. Хотя нет. Это слишком нереально. Это еще нереальнее чем то, что сейчас в квартире появился вполне себе живой человек. Нет. Она не верила! Может она умом уже тронулась?

Девушка хлопала глазами, пытаясь прогнать навязчивый образ, но не тут-то было. Он стоял и не двигался, смотрел прямо в глаза и его взгляд был настолько жутким и холодным, что Вика боялась еще больше, хотя больше уже было некуда.

Мужчина молчал и просто испепелял Викторию взглядом. Он был хмур, возможно, даже зол. Прибывая в оцепеняющем страхе, она поняла, что у него очень красивое лицо. Янтарно-карие глаза прожигали лицо девушки, ее глаза. Его губы поджаты, ни грамма намека на скрытую улыбку. Черные волосы, челка, напористая, свисающая на глаза вовсе не мешала ему уничтожать девчонку своим тяжелым взглядом... Он был слишком притягателен и в то же время ее лоб покрылся холодным потом.

Жуткая агония страха, потому что Вика понимала: перед ней стоит нечто. Живое ли оно вообще или что это за материя? Как воспринимать это существо? Животное? Человек?

– Что ты такое? – прошептала она, вовсе не желая ни о чем спрашивать.

Мужчина стоял, словно каменное изваяние. Он вообще умел говорить? Может, у него особый инопланетный язык? Девушка продолжала сидеть под столом и строить загадки.

– Ты кого звала? – спросил он тихим, но уверенным басом.

– Я? – ее голос дрожал. – Н-н-никого. Никого не звала.

– Харон! – Чуть громче сказал он.

– Харон? – переспросила девушка, удивляясь, словно впервые слышала это имя.

Мужчина улыбнулся, вальжной походкой подошел к сидящей на полу девушке, взял ее за руку и подтащил к себе, крепко сжимая талию.

– Ты не знаешь, кого позвала, так ведь, Виктория? – прошептал он ей на ухо.

Девушку тут же охватило странное чувство. Она никогда такого не испытывала. Ее обнимало нечто, дотрагивалось до нее, говорило с ней, но животный инстинкт – бояться – исчез. Ей вдруг стало так хорошо и легко. Просто хотелось, чтобы он продолжал прижимать ее к себе... Дура!

– Нет... – тихо ответила Вика, закрывая глаза.

Она не знала, что с ней творилось, почему она обмякла, как постиранный носовой платок, в объятиях какой-то демонической сущности.

– О, Виктория, – произнес он, еще сильнее прижимая ее к себе, – в твоей квартире – инкуб и, похоже, ты даже понятия не имеешь, что натворила, да, девочка?

Она помотала головой, но страх вроде не возвращался. В объятиях мужчины она чувствовала себя так умиротворенно. От этого существа пахло сексом...

– Ты призвала к себе демона, Виктория... На свою кровь. Зачем?

– На кровь? – словно под наркотиками, переспрашивала Вика, ничего не понимая.

Она не резала себе вены и не пускала кровь. Мог ли демон перепутать квартиру?

Он выпустил ее из рук и глазами провел по ноге. Около щиколотки – застывшая струйка крови. Откуда она? Виктория точно помнила, что не резалась там... Внезапно, она поняла, откуда кровь. Она могла случайно порезаться бритвой и даже не заметить, пока принимала утреннюю ванну.

– Ты не помнишь, откуда кровь? – лукаво спросил он.

Затем Харон появился около нее. Одно мягкое, но резкое движение руки и девушка оказалась на кровати. Демон гладил ее ногу, осыпая поцелуями внутреннюю часть бедра. Вика еле справлялась с нахлынувшими чувствами.

– ...Виктория... Та самая сталь... острое лезвие... Поранила твою ножку, когда ты была в ванне.

Мужчина прикоснулся губами к порезу. В его взгляде читалась жажда, но девушка не могла понять – жажда чего? Она хотела отмахнуться от него, но руки ее не слушались. Они же, напротив, хотели обнимать его, чтобы их трогали. Тепло прикосновений его губ проходило сквозь ее тело, словно ток, только с минимальным вольтажом.

Но Харон остановился. Окинув девушку хитрым взглядом, он встал с кровати и снова устался на нее. Он был серьезен.

– Я могу отнять у тебя жизнь за одну миллисекунду. – Он схватил девушку и та повисла у него в руках, словно котенок. – Тебе нужна твоя жизнь?

Страх тут же вернулся. Все тело оцепенело, ужас парализовал разум. Девушка вообще уже перестала понимать, что происходит: то она умирает от идиотского желания разделить ложе с таинственным мужчиной, то ее бросает в холодный пот от страха.

– Да... – еле слышно ответила она.

– Да? – прошептал он, явно удивляясь.

Выражение его лица часто менялась, что перепуганная Вика не могла проследить какую-либо конкретную эмоцию. Складывалось ощущение, что Харон сам не знал, как совладать со своим лицом, словно он примерял маски, смотрел на что способно его тело, мимика лица.

– Если ты дорожишь своей жизнью, зачем тогда прочитала то, что написано на бумаге?

– Я не верила...не знала, что ты... Вы придете.

– Ты? Вы? – Харон смеялся.

Он уже давно отпустил девушку и расхаживал по комнате, бросая на Викторию коварные взгляды.

– Я напугал тебя, человеческое дитя? – Харон подошел и взял девушку за руку. – Меня не надо бояться. Я сотворен, чтобы доставлять удовольствие... за определенную плату. Ты готова мне заплатить?

Харон нежно поцеловал девушку, исследуя губами каждый миллиметр ее шеи. Вика закрыла глаза и вновь вылетела из реальности. Демон же не останавливался, сводя ее с ума, обжигая ее кожу, чаруя словами. Она уже задышалась от внезапного наслаждения, удовольствия, которое ей преподносило существо, когда Харон все-таки остановился.

– Ты готова мне заплатить? – повторил он свой вопрос. – Я продолжу...Я покажу тебе то, что ни один мужчина не сможешь показать. Я открою тебе занавес в беззаботное наслаждение, из которого ты долгое время не сможешь вынырнуть. Я подарю тебе свет и сияние, которые никогда больше не оставят твой разум. Нет больше боли, страха, меланхолии...Желание...Необузданное, полное безумства, уничтожающее, высушивающее, безрассудное...Желание, в котором ты захлебнешься и примешь его с величайшей благодарностью. Ты получишь скрытую часть своего сознания, посмотришь на себя с другой стороны...Ты готова заплатить?

Харон остановился, вытащил руку из ее шорт. Виктория открыла глаза и изумленно уставилась на мужчину. Она никак не могла понять, почему позволяет ему делать то, что он делал.

– Заплатить? – переспросила она, совсем уже ничего не понимая, что творится в безумной голове.

– Цена ночи – твоя жизнь, – он улыбнулся.

– Ты уверен, что оно того стоит? – не задумываясь, выдала Вика.

– Стоит? – Харон бегло посмотрел на улицу и вновь перевел взгляд на девушку.

Плохо собранный, весь растрепанный пучок, протрация в глазах, сбившаяся майка, непослушная рука, поправляющая шорты. Страх и непонимание на губах и дикое желание, чтобы к ним вновь прикоснулись частички ада. Вламывающееся жизнелюбие, твердящее «беги». Девушка была в протрации.

Харон наклонился к ней, щелкнул пальцем перед носом и Виктория вздрогнула.

– Нет. Нет. Не надо. Я ничего не хочу.

– Врать демону...ох, как не хорошо. Ну что ж, ты знаешь, как меня найти. Я не говорю прощай. Еще увидимся...Виктория.

Мужчина прикоснулся губами к ее щеке и исчез.

Виктория еще долгое время сидела в оцепенении, пытаясь разобраться в том, что случилось в ее квартире. Но у нее не получалось понять собственные чувства и переживания.

С одной стороны, она была жутко напугана. Все еще не могла поверить, что в ее доме побывало самое настоящее мистическое существо. Ее скептицизм потерпел безмолвный крах. И Вика даже не хотела пытаться вернуть хоть бы его малую часть.

Все то, во что она верила все свои двадцать лет, рухнуло. Демоны? Ведьмы? Вампиры? Неужели это все действительно существует? В тайне от людей, от их разума, от их восприятия... А может, и не в тайне? Может, люди настолько заняты своей бурной жизнедеятельностью, что даже в перерывах между идентичными часами они не видят того, что творится у них перед глазами. Возможно, в наше время всем сверхъестественным существам вовсе необязательно скрываться! Потому что только в современном мире можно стоять посреди толпы в час-пик, истошно кричать не своим голосом от боли, с призывом о помощи, а в ответ тебя толкнут и скажут «че встал по среди дороги, урод?». Естественно, скользящий сквозь людей, как змея среди травы, демон, в человеческом обличии останется незамеченным.

Осознание того, что сколько же в мире остается незамеченным, того, сколько же было упущено, повергло девушку как в шок, так и в отчаяние.

Виктория сидела за своим столом, разглядывая символы, начерченные на столешнице.

Что это было? Может, сон, я скоро проснусь и вздохну с облегчением? Харон... Демон. Ее размышления прервал телефонный звонок. К Виктории собиралась прийти ее подруга.

Девушки сидели в комнате. Вася рассказывала все, что с ней происходило на randevу с ее новым парнем, описывая животную похоть и платоническую любовь. Вика же думала о мистическом госте, о его лице, которое стояло у нее перед глазами; о его руках, плавно скользящих по ее талии вниз, в шорты... о его губах, едва касающихся мочки ее уха; о словах, которые они шепчут... Пьянящий голос, затуманенный бас... Взгляд янтарно-карих глаз. Сладострастие. Разве могла Василиса отвлечь свою подругу от таких воспоминаний?

– Ну что с тобой, Тори? – Василиса шлепнулась на стул, обиженно уставившись на подругу.

– А? Что? – Вика вновь вернулась в реальность, утопив очередной кусочек параноидальной фантазии.

– Ты вообще слушаешь, что я тебе говорю? Я специально шла к тебе, поделиться эмоциями, чувствами, чтобы ты порадовалась за меня... а тебе как будто все равно.

– Нет, Вась, нет, все не так... Просто я... – Вика замолчала.

– Просто ты что?

– Я не доспала сегодня.

– Да? Ты явно чем-то озадачена, но не сонная. Может, расскажешь, что случилось? Это из-за Данила?

– А что с ним? – удивилась Виктория.

– А ты не знаешь? – спросила Василиса.

– Не знаю что?

Васька отвела глаза в сторону. Она проболталась и это было очевидно.

– Мне сказали, что он уехал с какой-то девкой...

Виктория, наконец, отвлеклась от воспоминаний и сразу же загрузилась настоящим.

Она не любила Данила. Она могла говорить о любви лишь в начале отношений, но то было давно. Чувства угасли, любовь вначале уснула, потому и вовсе умерла. Банально и просто – все, как и у всех. Но как бы то ни было, ей совсем не хотелось, чтобы ее личность держали про запас: лететь отдыхать с другой, а спать с ней? Вздор!

Прежде чем устраивать сцены, Виктория решила дождаться, когда Данил вернется из «командировки». Вдруг кто-то что-то напутал? Что-то недосмотрел или пересмотрел? Может, кому-то вообще не стоит совать свой нос в чужие дела. Все эти сплетни, люди, смакующие их, поскорее узнать, кто и что делал той ночью. Если ничего не делал, то всегда можно придумать.

Виктория решила, что спросит у Данила лично, что происходило на самом деле и хватит ли ему сил и смелости признаться.

– С девкой? Он в командировке же... – отрешено произнесла Вика, в ужасе понимая, что даже такой шепетильный вопрос вытеснен эпилептическими воспоминаниями утра.

Именно тогда девушка поняла, что ей, в принципе, все равно, где и с кем был ее молодой человек. Она просто решила, что независимо от правды, они расстанутся.

Да, это были прекрасные два года. Прекрасные два года эгоизма, эгоцентризма, саморазвития. Было прекрасное начало. Виктория часто вспоминала, как все начиналось.

Тогда, давно, они ходили на общие тусовки. Он открывал ей двери; давал свои кофты, когда ей было холодно; держал за руку, когда она шла по бордюрному камню, представляя себя опытным канатоходцем; переносил ее на руках через лужи.

Тогда, давно, они смеялись, смотрели друг на друга, держались за руки, целовались в парках... Тогда, давно... уже прошло.

Тогда им казалось, что это любовь, что они вместе на всю жизнь, что никто и ничто не сможет их разлучить. Никто и ничто... кроме времени.

Почувствовав прикосновения рук другого мужчины, Виктория поняла, что больше не хочет ощущать прикосновения Данила. Она даже в самом начале не чувствовала того, что почувствовала за 10 минут общения с Хароном. Именно он поставил окончательную точку в раздумьях, быть или не быть.

И вот Васька пересказывала слухи, а Тори пыталась изгнать демона из головы.

Уже совсем вечером домой вернулась Ольга Владимировна и тут же занялась своим делами. Виктория же сидела словно на иголках.

Я должна поговорить с ним. Во что бы то ни стало, я должна...

Девушка сообщила матери, что хочет прокатиться на велосипеде, схватила велик и помчалась в Серебряный бор.

Вика неслась по вечернему лесу, ища тихий уголок. Ей не нужны были свидетели. Что бы подумали люди, если бы увидели в сумерках девушку со свечами, рисующую чужь на земле и шепчущую что-то на латыни? Посмеялись бы как минимум... Что подумают люди? Что скажут люди? Эти синонимичные вопросы чертовски мешают жить. Почему надо вообще беспокоиться о том, кто и что о тебе подумает? Почему нельзя просто жить, не думая об общественном мнении? Ведь эти люди даже не знают тебя лично, так какая разница, что они о тебе подумают? Почему надо быть объектом, услаждающим чей-то мимолетный взор? Все это ради пяти секунд взора незнакомца?

Но Вика не хотела выглядеть посмешищем. Ведь до визита инкуба, она бы тоже с удовольствием посмеялась над человеком, вызывающем в лесу дождь.

Очень мило в таком случае протекает связующая ниточка между собой и другими: мы не хотим, чтобы к нам относились также, как мы относимся к другим. Я не хочу, чтобы надо мной смеялись в той или иной ситуации, но если я за рамками этих ситуаций, то могу позволить себе поржать над другими.

Закончив перерисовывать знаки на остывающую после жаркого дня землю, Вика достала из рюкзака лезвие. Демон сказал, что была кровь... Значит, чтобы увидеть его снова, нужно было пустить еще кровь. Но здесь процесс встал. Девушка никак не могла собраться с мыслью, что надо самой себе что-то резать, делать больно. Ей становилось страшно. Но желание увидеть Харона перебороло страх порезаться.

Закрыв глаза, Вика резко полосонула палец и тут же вскрикнула от боли. Бордовая кровь закапала на землю, дрожащий голос читал латинский текст.

Закончив с листочком, девушка оглянулась: никого. Судорожно вспоминая все то, что она сделала до того, ища ошибку, Вика опять принялась читать текст. В ответ никто не появился.

Что-то не то... Почему он не приходит? Что не так? Знаки, цифры, круги, треугольник, кровь, текст... Все то же самое, что было утром. Почему? Девушка мучилась вопросами, на которые у нее не было ответов.

Просидев в лесу почти полтора часа, так никого и не дождавшись, Виктория отправилась домой. Она ехала не спеша, печально рассматривая асфальт, пытаясь разобрать свои эмоции.

В начале ей было страшно, ведь она понимала фразу «я могу отнять у тебя жизнь за одну миллисекунду». Существо, явившееся к ней, было способно на что угодно. Он был совершенно непредсказуем и чтобы он ни сделал, винить потом будет некого, разве что себя... если жизнь останется рядом.

С другой стороны ее терзало любопытство. Ей очень хотелось знать все то, над чем лишь на полмиллиметра приоткрылась завеса. Виктория жаждала открыть ее всю, чтобы пройти за кулисы и узнать подноготную. Но Харон не пришел.

– Где ты была? – мама стояла в коридоре, руки-в-боки. – Я полночи не сплю, жду, когда ты явишься! Вик, ну в чем дело?

– Мам... – Виктория развязывала шнурки на кедах. – Я каталась, думала, что ты уже спишь.

– Вика! – строго сказал мать.

– Мам, все я поняла. Извини, не хотела, чтобы ты беспокоилась.

– Во сколько ты встаешь?

– В семь... У меня консультация, надо сходить. А ты?

– В шесть. В семь меня уже не будет. Сама встанешь или позвонить? – женщина вроде смягчилась.

– Сама встану. Не беспокойся, мам. Ложись спать.

Виктория лежала и смотрела в потолок, окруженная тьмой.

«Почему? Что я сделала не так? Я повторила ритуал точь-в-точь, разве что место сменила... Ну не может он появляться только в доме! Я уверена, куда его вызывать, вообще не имеет значения... Что же не так...»

Еще почти час Вика лежала и обдумывала свои действия, пытаясь выяснить ошибку, пока незаметно для себя не уснула. Ей ничего не снилось, лишь чернота и тишина.

Утром Виктория чувствовала себя подавленной, так как чертовски не выспалась. Конечно, ночные гонки по лесам отнимают много сил и времени.

Она выскочила из дома и отправилась к метро Улица 1905 года. Погода была хорошая. Солнце за облаками и теплый-теплый ветерок.

Вика шла с полужакрытыми глазами, пытаясь уловить хоть какую-то частичку сна.

Подсознание же бесконечно убеждало ее, что она – сумасшедшая. Даже в таком подавленном состоянии, девушка думала лишь о вчерашней ночи. Она боялась за свое умственное состояние – точно ли она здорова? Может и вправду, не было никакого демона? Может, все, что она видела, чувствовала и слышала, было лишь игрой разума? Сон? Может, она сама все придумала и теперь не знает, как забыть?

Вика зашла в метро, втиснулась в третий поезд. Народу было очень много и без усилий в вагоне не окажешься.

Вика повисла на поручне и снова закрыла глаза, настраивая себя на три часа консультации перед экзаменом.

– Как твой пальчик? – внезапно раздался тихий шепот над ухом.

Виктория аж подпрыгнула от неожиданности. Она, конечно же, догадалась, кто стоит сзади. Ее догадки подтвердились, когда его руки обняли ее, не давая обернуться.

– Ш-ш... не нервничай. Тихо. – Харон копошился носом в ее волосах.

Виктория не дышала. Страх вновь завладел ею. Она окинула взглядом недовольные лица людей: никто не обращал внимания ни на руки, крепко держащие девушку, ни на внезапный испуг, торжественно гуляющий в ее глазах.

– Ты звала меня вчера вечером, – прошептал мужчина, обнимая девушку. – Я слышал, как ты читала текст...Кровь на земле...Страх порезать пальчик. Диагноз шизофрении...Меланхолия...

Виктория не моргала. Сон, дремота, желание закрыть глаза, все физические желания испарились. Она была бодра, но разум снова застеклянел. Вика понимала, кто с ней, но не больше. Она не могла выговорить ни слова, в горле стоял комок из нервов, а в разум постепенно начала проникать страсть. Сквозь страх и оцепенение, Вика чувствовала наслаждение. Господи, как же сильно она ждала этих объятий и как же страшно ей было признавать это.

– Я был занят. Слишком занят. Виктория, Кузнецкий мост. Пойдем, переход...

Харон взял девушку за руку и повел к лестнице на переход.

– Подожди. – Вика, наконец, смогла произнести что-то.

– Слушаю. – Харон крепко держал ее за руку и смотрел ей в глаза. – У тебя такой красивый цвет глаз...оливковый... Насыщенный. Столько жизни в твоих глазах.

– Я не об этом! – перебила его Вика, сама не ожидав от себя такой строгости. – Что происходит?

Демон опустил голову, но глаз от девушки не отводил, все еще держа ее за руку. Они стояли посреди станции метро Кузнецкий мост. Час-пик. Люди их ненавидели. Их толкали и обзывали. Они мешали всем, но ей было наплевать. Ему тем более.

– Ладно. – Решительно сказала Вика. – Пойдем.

Они вышли на улицу, сели в первую же кафешку. Виктория решила попытаться поговорить с мужчиной...с демоном.

– Два кофе. – Сообщил Харон первому попавшемуся официанту и пошел к столу, ведя за собой девушку.

– Но... – официант хотел что-то объяснить, но не тут-то было.

Харон остановился, посмотрел на парня и вновь повторил свой заказ, добавив тяжести в голос.

Вика сидела за столом, рассматривая мужчину напротив. Янтарно-карие глаза, словно переливались цветом, даже несмотря на то, что окружающий цвет был тусклым; темно-русые, практически черные волосы, челка, скрывающая лоб, пушистые черные ресницы...

Прошло пять минут, прежде чем Вика заговорила.

– Окей. То есть, все нормально? Нормально то, что мы тут сидим, как ни в чем не бывало? Нормально, что какое-то существо из ада собирается пить кофе? Может, еще сигару?

– Может... – Харон улыбнулся. – Но в кафе же нельзя курить.

– Откуда ты знаешь? Ох, что я несу...ты все знаешь!

– Виктория...знаешь, я рад, что сегодня я в России, в Москве. Рад, что курить в кафе нельзя.

– Что это значит?

– Ты же должна понимать, что за все мое существование, ты не первая женщина в моих руках.

– И я это понимаю.

– Вчера я слышал твой голос, но не мог все бросить и примчаться...Я украшал сон одной премоной дамы.

– Не мог все бросить? – Вика схватила кружку с кофе, надеясь, что кофеин сможет пробудить в ней благоразумие. – Я думала, демоны должны явиться, как только их позовут.

– О нет, детка. Мы являемся только к тому, к кому хотим сами явиться. Если у меня нет настроения, желания или я занят, то я не приду на зов, пусть хоть черному петуху голову рубят.

– Почему ты пришел ко мне? – Вика улыбнулась.

Это была ее первая улыбка за два дня. Первая улыбка в присутствии соблазнителя из тартара.

Харон усмехнулся, взял стул и подсел к девушке ближе. Он приобнял ее, бесцеремонно поцеловал в губы и снова улыбнулся. Демон вел себя так, словно они были женаты уже не первый год.

Виктория же сидела и не шевелилась. Она поражалась наглости поведения мужчины, поражалась себе: почему она не убирает его руки? Почему она позволяет ему целовать себя? Что происходит с ее головой?

– Ты меня заинтересовала. Твой неуверенный голосок, отвратительная латынь, порезанная нога... Давненько я не видал такого неловкого «мага».

– Я не «маг»!

– Я знаю. Ты миловидная, рыжеволосая девчонка, пятый курс университета. У тебя есть мальчик, которого ты не любишь. Живешь с мамой, из-за чего вчера отправилась в лес...

– То есть, все демоны контролируют свое присутствие? Захотел, пришел, захотел нет?

– Абсолютно.

– Почему ты снова пришел ко мне? Я же сказала, что не согласна на сделку.

– Это мы еще посмотрим. Хм, я рад, что ты, наконец, перестала меня бояться.

– Да черт побери! – Вика не выдержала. – Как так можно?!

– Кстати, каждый раз, когда кто-то говорит *черт побери*, черт забирает три дня жизни.

Аккуратнее со словами, малыш.

У нее снова появился ком в горле. Черти? Они тоже реальные?

– Понимаешь, Виктория, черти занимают не самую высокую ступень в иерархии ада и выполняют неблагодарную работу. Хотя как-то они должны радовать себя.

– Харон... Честное слово, я себя чувствую не в своей тарелке. Мне кажется, все это сон или еще какая-то галлюцинация. Этого не может быть. Демонов и чертей не бывает! Ты просто шутишь, насмехаешься надо мной.

– Да? Неужели? Тогда, для начала я покажу тебе, что такое иллюзия.

Харон взял девушку за руки и прошептал: «закрой глаза». Вика выполнила команду и молча сидела с закрытыми глазами.

Шум ветра. Теплый воздух. Волны, разбивающиеся о скалы. Виктория открыла глаза. Крик испуга вырвался из нее потому, что под ногами красовался обрыв, внизу – море, может океан, разбивающийся о подножье высоченной скалы, на вершине которой стояла девушка.

– О, боже! – шатаясь и хватаясь руками за Харона, крикнула Вика. – Какого черта, Харон! Я же могла упасть!

– Да, могла, но не упала. Не забывай, это иллюзия. Все, что сейчас ты видишь, на самом деле не существует! Это все проекция моего воображения. Эти прекрасные, зловещие волны, резкие порывы ветра, спутывающие твои волосы, чайки, истошно кричащие и парящие в небе... ничего нет! Давай руку.

Харон улыбнулся и прыгнул вниз, таща за собой визжащую девчонку. Вика была не на шутку перепугана действиями «попутчика». Ей было страшно подать, она пыталась осознать и понять, что всё – иллюзия, но разум отказывался верить. Уж слишком всё реально выглядело и чувствовалось. Какая может быть иллюзия, если в носу стоит соленый воздух, в ушах – звуки природы, а босые ноги точно ощупывают острые камни скалы...

Внезапно Виктория почувствовала, как ноги утопают в обжигающем песке, что ее словно на вертел посадили. Оглядевшись, Вика увидела залитую солнцем пустыню.

– А-а-а! – вскрикнула она, топчась с ноги на ногу.

Горячо. Слишком горячо. Виктория бросилась в объятия Харона, встав на его ноги.

– Хм, – усмехнулся он, обнимая и поддерживая девушку. – Иллюзорная пустыня, наполненная миражами, дублированная иллюзорность... Дальше!

Сотни миллиардов иголок проткнули кожу, сковывающая боль, увядание, туман перед глазами. Жизнь не чувствуется. Холод. Невозможный холод. Кругом снега, сугробы и льды и ни одной живой души. Замороженная пустота...

– Я не могу! – сквозь стучащие зубы проговорила Вика. – Харон... пожалуйста...

Внезапно они снова оказались в кафе. Никаких неприятных физических ощущений, только отчетливые воспоминания.

– Вот, детка, теперь ты понимаешь, что такое иллюзия, правда? – Харон обнял девушку и улыбнулся.

Виктория со всей серьезностью посмотрела на него, изучая его неземную красоту. От него шел запах страсти, его хотелось обнимать, хотелось, чтобы он обнимал. Чарующий взгляд, нежные губы, бархатистый голос. Виктория таяла, будучи рядом с ним.

– Я предлагаю тебе сделку. – Прошептала она, глядя в янтарные глаза.

– Сделку? Мне это нравится.

– Да. Вы же, дьявольской отребье, только по сделкам все делаете...

– Дьявольское отребье? – Харон нахмурился.

Виктория смотрела на него, сильно опасаясь дальнейших действий. Она ведь не знала, что может последовать дальше, в какую Антарктику он отправит ее. Но Вике было безумно интересно, как он среагирует, что будет делать.

Харон хмурился, молчал, испепеляя девушку лукавым взглядом. В итоге он просто улыбнулся.

– Что за сделка? – наконец, спросил он.

– Я хочу узнать, за что женщины отдают свои жизни. Что ты им даешь взамен? – Глаза девушки горели. – Я могу предложить тебе пожить человеческой жизнью.

– Что это значит? – Харон невозмутимо смотрел на девушку.

– Значит, что ты поймешь, что значит быть человеком.

– И это мне должно быть интересно? Что может быть интересного в человеческой жизни? Инстинкты и пара умных фраз, сказанных за всю жизнь? Пара любовных приключений? Горючие слезы?

– Ну вот заодно и узнаешь, что может быть интересного.

– Нет, детка. Так сделки не заключаются. Я назвал тебе цену и дал право выбора. За то, что предлагаешь мне ты, я могу дать лишь платонику. Физику тел ты сможешь прочувствовать только после сделки.

– А ты упрямый! – Вика улыбнулась.

– Нет, дело не в этом. Это закон, я должен придерживаться его. Я выполняю свою работу.

– Даже сейчас?

– Нет. Сейчас мы пьем кофе, а не находимся в постели.

– Я видела привязывающее заклинание... – намекнула Вика, еле заметно улыбаясь.

Демон тоже улыбнулся и в его глазах вспыхнул яркий огонек. Харон сжал ее руку и впился в нее глазами.

– Привязывающее заклинание? Да?

– ...Да... – робко ответила девушка.

– Детка, таких заклятий не существует. Все то, что написано в книгах, в Интернете, в рукописях, всего лишь удачно описные взаимоотношения между человеческим миром и нашим. Если демон влюблен в земную женщину, то, конечно, он к ней привяжется. Если ему скучно, и он вдруг услышал связующее заклятие, то ради веселая он может прикинуться, что привязан. Но как только демону надоедает игра, человек умирает. Чаще всего такого рода

«заклятия» исполняются только из-за скуки. Но поверь мне: не всегда удастся заинтересовать собой демона.

– Значит, у меня нет ни единого шанса уговорить тебя поэкспериментировать?

– Шанс есть всегда. Уговаривай. Кстати, твоя консультация заканчивается через пятнадцать минут. Профессору задали уже последний вопрос.

– Откуда ты все знаешь?

Харон улыбнулся в ответ. Его так умиляли люди. Наверное, он один из немногих демонических существ, который неподдельно испытывал удовлетворение от общения с людьми. На их фоне он чувствовал себя всемогущим великаном, а люди превращались в маленьких муравьев.

Харону больше всего нравилось общаться с женщинами. Оно и понятно, он – инкуб. Он создан для женского пола. Женщины его боготворили и расставались с жизнями, ни грамма не сожалея о содеянном, до тех пор, пока в игру не включался разум.

– Я не все знаю. Например, я не знаю, что ты сделаешь в будущем. Я хорошо осведомлен о прошлом, неплохо разбираюсь в настоящем, но будущее – неподвластно даже нам.

– Все-таки шанс удивить тебя есть?

– Если захочешь, ты сможешь сделать все. Не существует никаких ограничений, кроме тебя и твоего сознания. Любая граница недопустимости – это все твое сознание.

Виктория вздохнула и взглянула в окно. Люди шли, куда-то спешили, о чем-то говорили, им словно было интересно жить. На самом деле они просто плыли по течению, неспешно, даже не управляя вспомогательными частями. Просто плыли.

Демон смотрел на девушку и она все больше и больше интересовала его. Конечно, она была не единственной женщиной, которая его заинтересовала. У него было много дам, многих из них он любил... Любовь демона. Странная, порой даже в чем-то глупая, но у любви много подвидов. Демоны тоже могут любить.

Многие люди задаются вопросом, как такое возможно? Неужели такому существу, как демон, нужна женщина для любви? Зачем? Это вполне логичные вопросы, на которые, к сожалению, никто не знает ответы. Но всем известно, что перед женщинами очень трудно устоять... даже столь могучему существу, как инкуб.

– Ты же не причинишь мне вреда? – Внезапно спросила Вика.

– Вреда? – переспросил Харон. – Вообще, я не вредоносный демон. Но тебе на будущее – никогда не верь демонам. Никогда.

– Ты сейчас признаешься, что лжешь?

– Нет, детка, я признаюсь, что нам нельзя верить, что я могу соврать в любой момент, потому что мне нравится врать. Это один из моих любимых грехов. Твоя консультация закончилась. Тринадцатого числа у тебя экзамен. Как собираешься сдавать?

Виктория на мгновение отвлеклась от мыслей о сексуальном мужчине. Экзамен... Черт. Вот это уже серьезный вопрос. Она совсем забыла о нем, чего нельзя было допускать.

До чего же женские головы напоминают сито... Женщины такие дурные. Вот выстроены планы, виднеется блестящее будущее, вот жизнь начинает подниматься с колен, обнажая затейливые горизонты. И вот появляется он. И все. Она больше не смотрит вперед, не смотрит вверх, только на него, только в его глаза, скрывая томное вожелание, тайно шепча себе «ты-дура», но продолжая преследовать его... Как же глупо, недостойно и банально рушатся горизонты. Потом она сидит вновь на переломанных коленях, уже не пытаясь подняться, потому что ей страшно. Ей страшно, что будет больно, что надломится, что упадет. Но она даже не думает, что будет, если появится другой «он»...

Виктория унижала себя морально. Ей безумно хотелось испытать то, что предложил Харон. Но девушка боялась сделки, она любила свою жизнь.

– Черт, – прошептала она, отводя взгляд от янтарных глаз. – Черт!

Харон смотрел, внимательно наблюдал за девушкой, выживая из нее каждую эмоцию и то, как она переживает ее.

Нравилась ли она ему или ему было наплевать и он просто делал свою работу? Безусловная ложь! Девушка очень нравилась демону, очень ему хотелось поднять занавес, за которым идет вопиющий спектакль. Он жаждал, чтобы она увидела его. Но Виктория никак не хотела покупать билет на представление, нагло прорываясь сквозь охрану.

– Детка... Оставь в покое чертей... Что с экзаменом? В последнее время твоя голова слишком занята моей персоной. Я четко, во всей красе, вижу каждую мысль, которая проскакивает у тебя в голове. Я знаю о всех сценах, о которых ты думаешь и мечтаешь. Я видел все, что ты себе представляла.

Он дотронулся до ее губ, мягким шепотом описывая свое видение. Вика закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться хоть на чем-нибудь стоящем и отвлекающем

– ... Тебе так хочется, чтобы мои руки дотрагивались до тебя, чтобы мои губы обжигали твои в сладострастном поцелуе... нежность. Грубость. Малыш, у тебя все перемешалось... Прекрати, пожалуйста, так громко думать о нас... Во всей сексуальной сумбу르ности мыслей, которая творится у тебя в голове, я не вижу ничего касательно философии средних веков...

Виктория вновь открыла глаза. Внезапно ей стало стыдно. Она даже подумать не могла, что Харон видит насквозь все ее желания, еще и ей рассказывает о них. Неловкость, неуверенность и страсть – вот, чем была переполнена девушка на тот момент.

– Пожалуйста... – прошептала Виктория, сжимая руку демона. – Пожалуйста, не надо...

– Не надо что? – Харон улыбнулся и снова поцеловал девушку. – не надо это? Или не надо вот это?

Его рука, такая горячая и нежная, скользнула под футболку по спине.

– Нет! – Вика вскочила, залепила звонкую пощечину мужчине. – Это ошибка. Ошибка все, что здесь происходит! Черт!

Девушка схватила сумку и выбежала из кофе. Внезапное появление рассудка привело ее в чувство.

«Боже, что я делаю... Я совсем сумасшедшая. Этого вовсе не может быть. Я сплю. Может, я вообще в коме? Попала в аварию и провалилась в бесконечную кому? Какой-то парень позволяет себе то, о чем ему даже не положено думать. А я? Я веду себя как неудовлетворенная девка! Что со мной происходит?»

Вика бежала в университет, надеясь найти хоть кого-нибудь из группы, чтобы узнать, что обсуждалось на консультации, как будет проходить экзамен, насколько сильно надо бояться.

Харон же сидел в неподдельном шоке. Стоит ли говорить, что за всю историю существования женщин, они никогда его не били. Он никогда не знал, что такое, когда горит щека.

Мужчина сидел в кафе, среди людей, пытался понять свои чувства. Он пытался понять, что он должен чувствовать. Злость? Недоумение? Обиду? Ярость? Но ни одно из этих чувств не могло описать его состояние, в котором временно прибывал представитель ада. Одно он точно знал – он не понимал, за что его ударили.

Возможно, чуть ли не впервые он столкнулся с самым страшным мужским кошмаром: Харон, как никто другой, видел все мысли девушки насквозь, словно ее голова была из стекла. Все ее желания, мечты, визуализации ее мыслей. В своей голове она уже не раз спала с ним и он это знал и она это знала. Но в реальности она бьет его, отталкивает и убегает.

Бежать от самого себя? Какая детская глупость. Бежать от собственных мыслей, желаний, мечты. Зачем? Неужели так страшно осуществить то, что находится в голове? Нет, не в этом дело. Всего лишь очередная проблема во взаимодействии и социума. Как же стыдно сказать я изменила любимому или мужу. Сидеть потом с красными щеками, убивая себя за отвратительный поступок, уничтожая и коря за сотворенную глупость. Но как же было хорошо. Почему никто не вспоминает о том, как было хорошо? Стыдно... Стыдно перед кем? Перед людьми,

которых даже не знаешь? Перед собой? Ложь. Не стыдно! И так страшно признаваться себе в этом, страшно стать изгоем в обществе. Стать тем, на кого тыкают пальцем и смеются, призирают и потешаются.

Но почему? Почему всем так не наплевать на то, что происходит у других? Почему они так обеспокоены чужими жизнями? Неужели измена – самое страшное преступление? На самом деле все намного проще. Если человек никогда не любил, он никогда не узнает о том, что любовь имеет границы, что она очень редко оказывается долгожительницей, что порой она уходит очень тихо, аккуратно прикрыв за собой дверь. Люди же продолжают сидеть и думать, что любовь, она здесь, рядом...но почему-то пусто.

Неужели им страшно становиться изгоями в обществе, но не страшно оставаться одним в бесчеловечной пустоте, теша себя призрачным миражем упокоившейся любви? Занузданная некрофилия. Любовь не может воскреснуть, если она мертва. Не может.

Любовь не может вернуться, если она ушла. Нет. Все мираж. Иллюзия. И это не стыдно? Не стыдно обманывать самих себя? Но стыдно изменить...

Зачем хранить верность тому, что мертво? Лучше сохранить об этом память. Яркую, наполненную эмоциями и жизнью. Просто надо помнить.

Конечно, Харон не понимал, что происходит. Даже он, могущественный властный демон, при первой же возможности заблудился в потемках женского подсознания... И ему стало еще интереснее.

В кафе вошла женщина, неописуемой красоты, в белоснежном платье, с белыми волосами, длинными, распущенными... Она тут же увидела одинокого Харона, с прострацией на лице, даже немного с отчаянием и под села к нему. Девушка улыбалась, Харон разглядывал лазурный цвет глаз.

– Люцифер... – прошептал он, позволив себе легкую улыбку.

– Привет, Харон. – Девушка, изучала сидящего напротив мужчину. – Где же ты взял такое почти-что идеальное тело?

– Создал! Устал постоянно думать о том, в каком предстать виде перед той или иной дамой. Этот вариант никогда еще не подводил.. До сегодняшнего момента.

– Да я наблюдал за твоими страстями. Интересное кино... Кстати, не расскажешь, о чем оно?

Люцифер откинулся на стуле и ожидающе уставился на Харона. Демон вздохнул, отвел глаза, позволяя легкой, почти-что воздушной печали пробежать по лицу.

– Люцифер. Только представь себе, в какой нелепой ситуации я нахожусь. Передо мной сидит владыка ада и ждет отчетности за мои действия, а я сижу и не знаю, что сказать. Можешь себе представить?

– Вполне могу. Я и не такое представлял. Но позволь мне поправить тебя. В первую очередь, перед тобой сидит твой друг, если ты забыл, только потом владыка ада. Ты можешь мне открыться, Харон. Мне кажется, я заслуживаю доверия.

– Безусловно. У меня даже и в мыслях не было ничего скрывать...

– Ты бы и не смог. Да? – Люцифер улыбнулся.

Харон кивнул в ответ и опустил голову.

– Когда в последний раз тебя вызывали люди? – спросил демон, взглянув на повелителя.

– О, эти идиоты занимаются этим ежедневно и не по одному разу на день.

– И как часто ты к ним приходишь?

– Очень редко. Практически никогда. У меня есть несколько критериев, когда я позволяю себе прийти к человеку. Если вызывает мужчина, то уже семьдесят процентов того, что я не приду. Если же это женщина, то на десять процентов больше, что она увидит меня. Начнем с мужчин. Когда я слышу мужской голос, я всегда пытаюсь понять, для чего я понадобился тому или иному дураку. Если он хочет какую-то чушь, например, денег, власти, мести, то, как пра-

вило, я не прихожу. Хотя если настроение не очень, то я могу посетить его, заключить сделку, выгодную только для меня, уничтожить мага и порадоваться свободному вечеру. Если у вызывающего интересная просьба или он хочет предложить заманчивую сделку, то я поторгуюсь, конечно, но вызывающий вряд ли выживет. Если маг – женщина, то это уже, в принципе, интересно. Несмотря на то, что я не инкуб, я отдаю предпочтение женщинам. Помимо души они могут дать еще кое-что. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, не правда ли, Харон?

Демон улыбнулся в ответ, вспоминая огонек, оставленный на щеке и вновь стал отгонять от себя надвигающиеся непонимание.

– Что ты чувствуешь, Харон? На моей памяти это впервые, когда инкубу отказывают, да еще и с пощечиной! Как так вышло?

– Я не знаю. Единственное объяснение, которое приходит мне на ум – я слишком тороплю события, выражаясь людским языком.

– Нет, дело в том, что ты в реальности. В ней очень тяжело повернуть то, что ты делаешь во снах. Реальность – взаимодействующая яма, набитая опарышами, которые копошатся там на дне, ползая друг по другу, пытаясь возвыситься друг над другом, даже не осознавая, что каждый из них такой же беленький, толстенький червячок с черной головкой, между прочем довольно-таки бестолковой.

– То есть, ты считаешь, что я ни на что не годен за пределами сна?

– Нет, просто очень тяжело сделать то, что ты привык делать с легкостью. Вика не одна такая. Подойди ты к любой и она, скорее всего, откажет, при этом в голове выстроив совместно проведенную ночь во всех красках.

– Я всего равно добьюсь того, что хочу. Она согласится.

Люцифер посмотрел на демона и еле заметно улыбнулся. Ему было ужасно скучно разгуливать по земле. Люди уже не веселили его. Все превратилось в повседневную банальность: бессмысленные войны, где никто уже не понимает, за что воюет; убийства за обесценившиеся бумажки или за обиды детства; грабежи – воры воруют у воров: банки грабят людей, люди грабят банки, круговорот замкнут; предательство – вообще как обеденная молитва; дети предают родителей, родители предают детей; любовь – продажная: кто богаче, того сильнее любят... Все уже было, предсказуемо и тривиально для обитателей ада.

– Пожалуй, я понаблюдаю за этим. Ты не против, друг мой?

– Нет. – Харон пожал протянутую дамой руку.

– Ну что ж, я пошел...или пошла? – усмехнулся Люцифер, встав из-за стола. – Игра началась.

Харон проводил взглядом удаляющуюся девушку и, поняв, что никто не смотрит на него, просто исчез. Он появился в узком, малолюдном переулке, перед ним шла девушка в плеере. Харон шел за ней по пятам.

Демон не верил, что реальность так сильно отличается от царства сновидений. Он столько раз встречал блуждающих там людей и они даже не осознавали, что находятся не в реальности. Они переживали неподдельные эмоции, плакали, смеялись, боялись, обращались в бегство, теряли близких, находили новых возлюбленных, искали знакомые лица сквозь толпы безликих масок. Они не понимали, что находятся в забвенье.

Харон твердо решил проверить слова повелителя: он был уверен, люди никогда в жизни не отличат реальность от нереальности. Но он так же был уверен, что повелитель не может заблуждаться.

Харон схватил девушку за руку. Она подпрыгнула с перепугу и вытащила наушники. Мужчина крепко держал ее руку и шептал о баснословной любви, подтаскивая девушку в объятия, как паук муху затягивает в сети.

– Нет! – закричала что есть силы девушка, отбиваясь руками и ногами от онемевшего инкуба.

– Тихо, тихо! – он прижал ее к себе, крепко зажимая рот. – Просто разреши мне прикоснуться к тебе, позволь показать то, что на вряд ли ты сможешь увидеть без меня. Позволь мне познать тебя. Я подарю тебе целый мир, мир, о котором до сегодняшнего дня ты ничего не знала. Я обещаю тебе, что когда ты познаешь его, ты не пожалеешь о правильно сделанном выборе...

Девушка смотрела в глаза Харона, ища хоть одну мизерную подсказку на то, что он не сумасшедший маньяк и не достанет рапиру, чтобы проткнуть ее насквозь.

– Я отпущу руку, а ты обещаешь, что не будешь кричать? – спросил Харон, касаясь губами ее виска.

Перепуганная девушка положительно кивнула головой. Харон медленно убрал руку, осыпая бархатистую щеку маленькими, нежными поцелуями. Его рука беспардонно расстегивала пуговицы на джинсах, подлю и маняще проскальзывая под ткань.

– Пожалуйста... – прошептала девушка и из глаз потекли слезы.

Круглая, теплая слеза опустилась на руку демону. Он остановился и строго посмотрел на девушку. У нее дрожал подбородок, по щекам текли крупные слезы, холодными пальцами она стискивала мужские руки, не давая им дотронуться до самого сокровенного. Ни в ее глазах, ни в мыслях не было никакой страсти, никакого желания, в них были только слезы, в которых, словно рыба в воде, плескался панический ужас.

– Почему? – тихо спросил он, застегивая назад пуговицы на штанах.

– Пожалуйста... дайте мне уйти, – уговаривала его девушка, едва заметно поправляя штаны, смахивая слезы.

Харон вздохнул и сделал шаг назад, пропуская девушку. Она быстро посеменила в сторону оживленной улицы, молясь всем виданным и невиданным богам, не веря своему второму дню рождения.

Демон стоял в переулке, бешено разглядывая асфальт.

– Все должно быть не так! – прокричал он и стукнул кулаком стену.

Через несколько часов Харон вошел в сон той самой девушки, которая плакала и умоляла не трогать ее. Сон был красивый: волшебная природа, переливающаяся всеми красками и тенями, шум летнего леса, запах редкой хвои, нежный, ласковый трепет жизнерадостных птиц, никуда не спешащие облака, теплый ветер.

Вот она, с распущенными волосами, с улыбкой на лице, босая, в легком сарафане, бежит по траве. Трава мягкая, шелковистая, словно подушки. Девушка бежит, перед ней появляется фигура мужчины в белом одеянии. Она узнает его, этот тот самый, кто напал на нее в переулке... Но теперь она не боится его. Она открыто наслаждается его красотой. Она уверена, что это сознание проецирует недавно минувшие события. Она его не боится.

Харон берет ее за руку, она улыбается в ответ. Его прикосновения такие нежные, что хочется, чтобы он дотрагивался до нее снова и снова.

– Позволь мне познать тебя... – вновь шепчет Харон, скидывая лямку сарафана с ее плеча.

– Да... – соглашается девушка, закрывает глаза и погружается во что-то нереальное...

Утром она больше не открыла глаза.

Демон, успокоившись в своих возможностях, наконец-то, смог расслабиться.

В университете Вика застала еще двух сокурсников, которые вкратце рассказали ей все, что пытался донести профессор до выпускников. Рассказ ее впечатлил и на некоторое время даже больше, чем появление Харона в ее комнате. С каждым словом студентов, Вика понимала, что грядут не лучшие времена ее жизни и она почти-что бессильна что-либо сделать и учить философский бред она более не в состоянии.

Выйдя из университета, девушка отправилась в ближайший парк, крепко сжимая подмышкой тетрадь по философии. Виктория сидела напрочь опустошенная в парке, ничего не понимая, ни во что не веря. Она должна была заставить себя прочить хоть бы еще несколько билетов. Что ж за дрянная черта? Зная прекрасно, что грядут какие-то страсти, все равно ждать до последнего, а потом, дождавшись, достигать нирваны: голова вся в мыле, в сроки не укладываются, начальство проверяет гильотину и точит кол для задницы, коллеги, студенты соревнуется, кто быстрее сядет на этот кол. Плана никакого нет, просто хаотичное движение. С одной стороны такое поведение понятно. Стоит только представить себе, насколько скучно было бы студентам, если бы они заранее готовились ко всему? Они никогда бы не узнали, что значит крутит живот так, словно отвар из бледных поганок выхлебал; когда язык несет чушь, вообще не общаясь с головой; когда, наконец, вся суматоха заканчивается и, вопреки всем ожиданиям, взмыленная голова получает свое «молодец».

С другой стороны, готовься люди к своим увлекательным перформансам заранее, другие бы неплохо сколотили сначала на успокоительных травах, а потом и на лечении прободной язвы, открывшейся на нервной почве.

Виктория очень старалась запомнить что-нибудь до экзамена, но голова отказывалась от этой глупой и неинтересной идеи. Она хотела думать о плохих ребятах... о Хароне. Она хотела заставить себя поверить в то, что ей все приснилось, что она сама выдумала очередную псевдосказку и старательно пытается поверить в нее. Ее размышления были прерваны внезапным звонком. Это был Данил.

– Да? – устало произнесла девушка, запрокинув голову к небу.

– Привет, Вик, я вернулся пораньше, дела закончил, все нормально. Очень хочу с тобой увидеться. Заеду вечером?

– Данил, я... – начала Вика свою оправдательную речь. – я сейчас в парке, учу философию. Если хочешь, можешь подъехать сюда, выпьем кофе и поговорим.

– В каком парке? – воодушевлено спросил молодой человек.

– Какой парк? – удивленно переспросила девушка, оглядываясь по сторонам. – Который около моего университета.

– Хм, через двадцать минут буду. Дождись, ладно? – заигрывая, спросил он.

– Хорошо. – Виктория положила трубку и уставилась прямо перед собой.

Пустота. Ничего нет в голове. Шум фонтана. Ветер играющий рыжими волосами, шуршащий свежей листвой. Все, что могла понять Виктория на тот момент, это то, что каждый нерв и каждая клеточка ее организма хочет увидеть Харона.

В такие моменты много людей начинает страдать от невыносимой и неразделенной любви. Они хотят резать себе вены, лишь бы успокоить эту разбушевавшуюся боль. Образ любимого человека преследует их днем и ночью, не оставляя разум ни на секунду. Низ живота крутит от внезапных и беспочвенных мыслей. В голове лишь сумасбродные картины будущего, где возлюбленный, наконец, снисходит и целует. Пока вымышленное изображение нежно прикасается губами, охватывает руками, рассудок теряется окончательно. Уже невозможно сказать «нет» ни себе, ни воображению, остается лишь полностью поддаться ему, полностью отказаться от здравомыслия. Невозможно есть, пить, во сне лишь он, наяву лишь сон о нем... Боже ты мой, разве это любовь? Неужели люди действительно думают и называют это любовью? Редкостная чушь! Любовь, конечно, тварь жестокая и разнузданная, не знающая жалости и сострадания. Она как чума, единственное что, от нее нет лекарства. От настоящей любви действительно нет лекарства... только смерть и деспотическое безмолвие после нее.

Но на самом деле есть еще опаснее тварь, чем любовь, и она намного жестче. У нее нет времени, как у любви, ждать и сводить с ума. У нее есть обязанность лишить сна и рассудка за минимально короткий срок. Нет. Это не влюбленность и не сексуальность. Это страсть. Как спичка, страсть зажигает человека и он, полыхающий изнутри, бежит и ищет куда бы оку-

нуться, чтобы утихомирить огонь, который так беспощадно слизывает клоки кожи и все ближе подбирается к голове.

Если человек когда-нибудь испытывал страсть, то он прекрасно понимает, о чем речь, понимает насколько это действительно больно и насколько человек становится слабым. Конечно, он не морально слаб, он уже физически изнеможен. Страсть, как гигантский солитер, присосалась и высасывает все соки, до последней капли. А человек все еще кричит: «я люблю тебя». Он все еще не понял, что столкнулся не с любовью. Он один на корабле страсти в грандиозной бури, в центре бесконечного океана. И лодка эта вот-вот затонет.

Человек все еще боится сказать: «я хочу тебя»... Он не верит в эти слова. Он верит в «я люблю тебя», а любовь даже не в курсе. Он называет это любовью, чтобы оправдать свою животную похоть. Люди свято верят в то, что разница слишком велика: сказать женщине – я люблю тебя и я хочу трахнуть тебя. На самом деле здесь велика разница только для лингвистов. Потому что в реальности нет никакой разницы. Любовь между полами подразумевает «я хочу тебя трахнуть».

Вот только если речь идет просто о страсти, то «я люблю тебя» уже не подразумевается. Это уже необязательно. Страсть уже запустила свои пальчики в Викторию, взбаламутив разум. Пока она просто хотела его видеть...

– Вот ты где! – на дорожке показался Данил. – Весь парк по кругу obeжал, пока нашел тебя. Я звонил тебе... ты не ответила.

Молодой человек провел взглядом по рукам девушки: в ее пальцах был крепко зажат мобильный телефон.

– Мне кажется нет смысла говорить, что ты не слышала его... – Данил сел рядом. – Что, Вик? В чем дело?

Вика отвела взгляд. Она понимала, что конец близок, но не знала, как и что сказать.

Расставаться всегда тяжело, особенно если все было вроде как бы и хорошо. Просто так случается, что уходят чувства... И в чью-то привычку жить с кем-то, вторгается бешеная страсть. И больше невозможно прикидываться, что еще кого-то любят.

– Я все знаю. – Тихо сказала она куда-то в сторону.

– Знаешь что? – нотка испуга послышалась в голосе парня.

– Знаю, где и с кем ты был. – Виктория посмотрела Данилу в глаза.

Однозначно, молодой человек начал переживать.

– Кто сказал тебе? – спросил он.

– А что это изменит?

– Это ложь...

– То, что ты мне сейчас говоришь? Да, это ложь. Почему ты не в силах просто во всем признаться? Почему ты до последнего предпочитаешь извиваться как уж на сковородке, не переставая лгать? Данил, сколько можно?

Молодой человек, закрыл лицо руками. Он тяжело вздохнул и уставился вперед. Виктория смотрела на него и ждала ответа.

Внезапно мелкие пылинки и сухие веточки покатались вперед по дороге. Их подняло неожиданным дуновением ветра. Он был теплым, но сильным. Распущенные волосы колышались на ветру, пряча лицо девушки. Она нахмурилась и посмотрела в сторону, откуда дул неестественный ветер.

В непонятно откуда взявшихся листьях, которые кубарем носились перед ним, по алле шел Харон.

Викторией тут же завладел ужас, руки затряслись, страх постепенно парализовывал тело.

Харон был не один, с ним под руку шла девушка. Она о чем-то бормотала, но Харон не слушал ее. Прищутив глаза, он смотрел на Викторию. На его губах была легкая, едва заметная улыбка.

Ветер трепал его волосы и низ рубашки. Казалось, вокруг все менялось бесконечно быстро, кроме взгляда демона.

«Прелестная картина. Ты думаешь так надо расставаться? Я помогу тебе. Ее звали Юлия. Блондинка. Двадцать два года. У нее есть машина и богатый папа. Голубые глаза. Три раза они занимались сексом в теплом Индийском океане, четыре раза в номере, один раз в самолете, когда летели туда. У нее очень красивое нижнее белье и она любит секс. Не требует обязательств. Подумай еще. Есть варианты?»

Харон прошел мимо, мысленно перебросив свой рассказ девушке в голову. Как только он прошел мимо лавки, на которой сидели Данил и Вика. Ветер стих, июнь залитый заходящим солнцем и зеленью, вернулся в парк.

– Кто тебе это сказал? – спросил молодой человек.

Виктория уже слышала этот вопрос пять минут назад.

– Ты видел? – внезапно спросила она.

– Что? – переспросил удивленно Данил.

– Мрак, ветер, парочку, которая только что прошла мимо нас...

– Мимо нас никто не проходил... Вик. Какой ветер? Мрак? – он озадачено посмотрел на девушку, затем приложил руку к ее лбу. – Как ты себя чувствуешь?

Вика отдернулась от него, как от прокаженного, вообще не понимая, что происходит на самом деле. Она была готова поклясться, что все произошло наяву, что Харон сказал ей все... ветер, исчезающее солнце. Все это было слишком реально, чтобы быть неправдой.

– Кто мне сказал? – переспросила она. – А что это изменит?

– Это ложь.

Этот разговор уже был. Вика его уже слышала. Холод пробежался по рукам и ногам, сознание задурманено вместе со здравым смыслом. Девушка тут же начала обвинять себя в сумасшествии. Но тут она вспомнила о том, что сказал Харон, проходя мимо.

– Вы ездили на Индийский океан. Когда вы летели туда, у вас был секс в самолете, в туалете. Ее зовут Юлия. Ей двадцать два года. У нее богатый папа. Светлые волосы и голубые глаза. Вы три раза занимались сексом в океане...

Виктория смотрела, как у молодого человека расширяются глаза то ли от страха того, что его девушка знает правду, то ли от того, что откуда она знает, если он на самом деле никому не говорил.

– ...Четыре раза в номере. – У Виктории слезы наворачивались на глаза от осознания горя и правды.

– ...И у нее красивое нижнее белье...

Данил уже сам чуть не плакал, слушая дрожащий голос девушки.

– ... Она любит секс и не требует обязательств...

Вика не выдержала и зарыдала, закрыв лицо руками. Молодой человек был в неописуемом шоке. Он смотрел в одну точку, ничего не понимая. Он был в прострации. Данил никак не ожидал, что у Виктории есть вся информация. Откуда? Как она могла знать о сексе? О номере?

– Как ты узнала? – любопытство перебороло его. – Юлия сказала?

– Надеюсь, ты понимаешь, что между нами все кончено? – Виктория встала, вытерла слезы. – Ты предал меня, Данил. Предал. Я могла бы многое простить, но это я простить не могу. Я не могу это понять и принять. Слишком тяжелая ложь.

Она взяла сумку и пошла к метро. Ей никогда не было так тоскливо. Вика очень переживала из-за разрыва, ей было больно. Подорванное доверие всегда больнее, чем просто разойтись.

Что случается, когда человек внезапно осознает что, оказывается, он никому не может верить? Никому. Даже себе. Кому-то все равно, а кому-то ужасно больно. Кому все равно, тот, значит, уже просто смирился с этим. Может, еще не так страшно, когда ты разочаровываешься в окружающих людях. Природа и беспощадный социум всю сознательную жизнь готовят каждого к тому, что рано или поздно придется столкнуться с разочарованием; столкнуться с тем, после чего ты будешь сам в состоянии дать дефиницию слову *предательство* без помощи толкового словаря.

Но утратить веру в себя – вот это действительно страшно. Начинаешь бояться сам себя, собственных мыслей, всего, что происходит в голове.

Виктория не могла поверить себе: ветер, тучи, мужчина с женщиной, гуляющие по парку. Это не может быть иллюзией. Девушка ни на секунду не допускала мысль о том, что ей все привиделось. Как тогда объяснить ту информацию, которую сообщил ей Харон? Вика не умела читать мысли, но не в этот раз. Она четко помнила, что слышала его голос, нежный шепот в голове, который рассказывал ей о прошлом. Но губы демона не шевелились. Он просто шел и улыбался. Он молчал!

Виктория не могла называть себя сумасшедшей: она отчетливо слышала голос Харона. Может это был какой-то хитрый трюк? Над ней все-таки насмеются?

Девушка ворвалась в квартиру, схватила листок с заклинанием, лезвие и помчалась в ванную. Не раздумывая она резанула себе по пальцу и начала читать текст. Она уже читала его почти что наизусть и без запинки.

Вода шумела, пуская пар на поверхность зеркала, Вика читала заклинание. Ее мама смотрела телевизор в своей комнате, даже не подозревая, какая вакханалия творится в ванной комнате. Девушка читала текст, кровь капала в раковину, пар сгущался. Сзади нее появился силуэт мужчины. Его почти было не видно сквозь пар. Харон. Он пришел.

– Я чувствую тебя, – прошептала девушка, оторвав взгляд от затертой до дыр бумажки. – Я чувствую твое тепло...

Харон дотронулся до ее плеча и сделал шаг ближе, обнимая девушку. По ее телу мгновенно пробежался не один отряд мелких судорог, которые разом отключили почти всю логику и разум.

– Попробуешь ударить меня снова? Снова соврать себе, что не хочешь, чтобы к тебе прикасались?

Виктория молчала, позволяя его нежным рукам дотрагиваться до плеч, талии...

– Я хочу, чтобы ты больше не приходил, когда я зову тебя.

– И снова ложь, Виктория. – Харон убрал от нее руки. – Давай, расскажи мне о своем безумии, которое нахлынуло на тебя в парке. Расскажи, что ты чувствовала. Как ты это называешь? Предательство?

Девушка повернулась к нему лицом. Харон был абсолютно голый.

– Почему ты в таком виде? – изумившись, спросила она.

– Ну, я был занят делами, в которых одежда не нужна. Услышал твой голос и все ту же кривую латынь. – Демон провел рукой по бедрам, даже не прикасаясь к телу и на нем появились белые брюки, – ...Чтобы не смущать тебя. Виктория. – Он улыбнулся.

Девушка, отвернувшись от него, закрыла глаза и вновь зашептала о безумии. Она все еще не доверяла своим глазам. Она была уверена, что они ей врут.

– Так ты был в парке. – Утвердительно интонацией спросила она.

– Когда ты сидела вместе со своим парнем и терялась в мыслях, не зная, как отделаться от его неуклюжей и бездарной ласки и нелепой навязчивости? Когда ты знала, что он тебе изменил, но у тебя нет доказательств, и ты не знала, как начать разговор? Я был там. Я помог тебе расставить все точки над *i*.

– Кто была та девушка, рядом с тобой?

– Ты заметила? Хороший знак. – Харон улыбнулся. – Некая дама из своего сна. Исказить время и пространство – не самое тяжелое занятие для демона такого уровня, как я.

Виктория внимательно смотрела на улыбчивого посланника ада и не знала, что сказать. Как часто в жизни человека наступает момент, когда не знаешь, что сказать? Не прикидываешься, что не знаешь, а у самого на уме куча всего, а действительно не знаешь, что сказать. Молчание. Хаотичные, пустые мысли носятся по прожженным идеями полушариям. Незнание, что из этого ошеломляющего потока будет правдой. Боязнь выглядеть неясно. Опасение услышать неожиданный ответ.

Демон наклонился и прошептал ей сладко на ухо:

– Ревность, детка. Неужели ты собралась испытывать чувство ревности к инкубу?

Ирония и насмешка были слышны в его голосе. Девушке необязательно было отвечать ему или что-то рассказывать. Он прекрасно видел, что она чувствует на самом деле, знал все ее истинные эмоции.

– Нет... – удивленно и в тоже время смущенно ответила Вика.

– Нет? – усмехнувшись, переспросил Харон. – Какая же ты лгунья. Виктория, скажи мне правду...хоть раз.

Девушка отрицательно покачала головой, закрывая лицо руками. Демон нежно взял ее за руки, убрав их за спину. Его глаза цвета янтаря прожигали ее лицо. Он смотрел на нее, едва заметно улыбаясь.

– Виктория...Скажи мне, ты знаешь, что ложь – один из самых серьезных грехов, за который вам, людям, когда-нибудь надо будет держать ответственность? Ты в это веришь?

Девушка молчала. Она боялась что-либо сказать. Она не шевелилась, наслаждаясь приятными прикосновениями страстного мужчины.

– Я уже столько нагрешила. Так какая разница отвечать за один грех или за несколько? И, нет, до твоего появления я смело называла себя атеистом. А сейчас... Сейчас я до сих пор не уверена, кто ты такой и откуда взялся, и во что я должна верить. Я думаю, что ты либо профессиональный актер, либо...я не знаю. Я никогда не верила в демонов. Ничего мистического в моей жизни не происходило. Над всеми знакомыми девчонками, грезящими, чтобы их покусали вампиры, я всегда только смеялась. А сейчас.... Сейчас я мысленно выбираю койкоместо в психиатрической клинике.

Харон молча слушал девушку, не прикасаясь к ней. Сколько же раз он уже слышал от женщин о безумии? Сколько раз они шептали ему о беззвучном, вакуумном падении разума в черную материю, из которой нет пути назад? Харон нахмурился, опустил глаза и задался лишь одним вопросом.

– Почему?

– Что «почему»? – удивлено переспросила Виктория.

– Почему люди называют себя сумасшедшими при любом удобном случае?

– Я не понимаю.

– Знаешь, сколько раз я слышал слово сумасшествие? За пределом тысячи! Люди всегда хотят быть сумасшедшими! Я влюбился – я сумасшедший. Я убил – я сумасшедший. Я не хочу на море – я сумасшедший. Я хочу того мужчину – я сумасшедшая. Ко мне пришел демон – я сумасшедшая. Любое человеческое действие, едва нестандартное, описываются метафорическими, эпическими поэмами и декадансами о безумии. Почему?

Виктория удивленно смотрела на Харона. Действительно. Почему? Почему люди отказываются от себя, своих истинных чувств и желаний? Почему им проще сказать, что они невменяемые, чем принять себя?

Чувство страха – причина этого. Я влюбился – я сумасшедший. А где это видано, что любовь оставляет рассудок на месте? Люди, испытавшие любовь, долго не могут прийти в себя.

Я убил – я сумасшедший. Стандарты общества. Разве вменяемый человек способен на убийство? Ответ будет чертовски просто – нет. А если убийство еще и с каким-то изыском, то сумасшествие приобретает стадии.

Женщина, желающая мужчину – тоже сумасшествие? Конечно. Концепция современного мироустройства в том, что не принято и не культурно женщинам кого-то хотеть. Их не воспитывают подходить первыми к мужчинам. Стыдно и позорно. А если она осмелилась возжелать мужчину, к тому же имела наглость разболтать о своем безнравственном желании, это смерти подобно.

– Я не знаю, Харон... – пожала она плечами.

– Послушай меня, человеческое дите, взращенное урбанической системой искусственных ценностей и приоритетов, – демон коснулся ее лица. – Ты не сумасшедшая. Знаешь, почему? Потому что реальность многогранна. Я устал от того, что вы, люди, бьете себя в грудь, заявляя, что не верите ни в кого и ни во что, а по вечерам, когда вас никто не видит, читаете псалмы, взывая к богу. Я устал от того, что вы не верите в проклятия, проклиная всех подряд и выпрашивая прощения за свои слова. Вы не верите, но плюете через плечо, стучите по дереву. Зачем? Зачем вы врете сами себе?

– Потому что мы боимся правды. Мы боимся будущего, которое кроется за правдой. Боимся того, чего не понимаем. Может быть, поэтому. – Виктория смотрела в глаза мужчине, словно завороченная.

Харон вздохнул и опустил голову. Порой он слишком уставал от людей.

– Мне надо возвращаться. Я должен закончить то, что начал до того, как она проснется. Я хотел бы дать тебе совет на будущее. Никогда не пытайся снова бить демона. Мне это не понравилось. Больше всего мне не понравилось, что ты это сделала, потому что не в состоянии отказать себе. Разберись в своих желаниях, Виктория.

Харон одарил ее приятной улыбкой и растворился в воздухе, оставив девушку думать над своим поведением и желаниями.

– Вика! – позвала мама за дверью – Ты не спишь там?

– Нет! – тут же ответила девушка, выключив воду.

Она уселась на край ванны и закрыла лицо руками.

– Точно?

– Да, мам. Сейчас выхожу. Дай мне две минуты.

– Не торопись. Я просто хотела узнать, все ли в порядке.

«Разберись в своих желаниях, Виктория»... Последнее предложение Харона безудержно кружилось в голове. Вика уже давно разобралась со своими желаниями, она никак не могла разобраться с самосознанием, с общественными ценностями, с мнением окружающих.

Для нее самой страшной фобией было то, как посмотрит на нее общество. Конечно, сейчас никого не удивишь незапланированным сексом спустя пять минут после знакомства. Никто не говорит, что это нормально, но никто особо и не запрещает. И, естественно, Викторию пугало не это, ни зазорность и не глупая сексуальная связь. Виктория обнаружила вещь пострашнее, чем социум – Бога.

После последнего визита демона, когда Вика уже лежала в своей кровати, на заднем фоне играла легкая музыка, слегка приглушающая темноту, девушка вдруг осознала, что если существуют демоны и черти, то, значит, существует Бог и ангелы. С одной стороны абсолютно безумное равенство чуть окончательно не свело с ума девушку. Демон был слишком притягателен. Бороться со своими чувствами уже почти не было сил. Виктория с ужасом понимала, что она сейчас не просто хотела провести ночь с мужчиной неземной красоты, она хотела быть им любимой. Хотела любить сама.

Появление Бога в мыслях атеиста было совсем незапланированным. Простит ли Он ее за блудливые мысли? За один из смертных грехов человечества? Позволит ли Он хоть одним

глазком взглянуть на сказочные врата рая? Удостоится ли она Его взгляда, хотя бы презренного? Ведь Виктория собиралась совершить непоправимую ошибку, в которой не будет виноватых, кроме нее самой, за которую ей придется держать ответ перед Всевышним, позорно опуская взгляд.

До чего же странно-безумное чувство осознавать цену расплаты за своим деяния и все равно, вопреки всему, строить планы как бы качественнее совершить сие деяние. Чувство неизбежности, обреченности. Все, нет сил и возможности что-либо исправить, нужно лишь подготовиться к убийственному пиру, где придется вкусить лишь одно единственное блюдо – возмездие. Так будет вечно.

Обреченность заполняла собой сознание Виктории. Ей было страшно, сердце в груди замерло, пока разум рисовал перед глазами картины правосудия, но душа... Честна ли она была, раз вопреки всему, именно душа рвалась за односторонней выдуманной любовью?

– Привет, Вась. – Виктория набрала номер подруги. – Не спишь? Что делаешь?

– Нет, не сплю. Собираюсь неплохо повеселиться в компании моих друзей из другого университета. А ты что?

– А я... а я дома. С дуру подумала, что вдруг ты тоже дома и мы сможем пообщаться.... Я рассталась с Данилом...

– Ой, да ты что! – Василиса печально вздохнула. – Ты не представляешь, как я себя корила за то, что разболтала. Вначале я думала, что это не мое дело, потом подумала, что ты должна знать. Ведь если бы я наклеветала, то всегда можно извиниться, так ведь, Вик? Ты не злишься на меня? Он сознался?

– Да ты что, Вась, какое зло? – усмехнулась Виктория. – Наоборот, благодарна тебе за то, что ты открыла мне глаза.

– Честно говоря, Вик, я не хотела быть тем человеком, который откроет тебе глаза... ну да бог с ним.

– Бог с ним? – Вика вздрогнула при упоминании имени Господнем. – Он же мне изменил, какой Бог с ним будет? Он согрешил!

В трубке повисло минутное молчание.

– Вика. – Тихо произнесла подруга. – Давай я приду к тебе?

– Придешь? – удивилась девушка.

– Даже дистанционно я чувствую, как сильно ты переживаешь расставание с ним. Какой Бог, Вик? Это заявление вообще пугает меня. Все-таки мне нужно было промолчать тогда... Надо же было ляпнуть, а....

– Все, успокойся. Все нормально. Иди, спокойной отдыхай. Обо мне не думай. Я готовлюсь к философии и, видимо, перечитала о теоцентризме.... Не обращай внимания. Когда ты свободна?

– А, я совсем забыла про твои экзамены. Когда он? Тринадцатого? Вот, давай, ты его сдашь и сразу встретимся, если я сегодня тебе точно не нужна.

– Хорошо, идет. Я тебе позвоню за пару дней до этого.

– Окей. Ну все, я поскакала. Давай. Не грусти. Если что, сразу же звони, я приду, ни на что не смотря.

Виктория улыбнулась и отключила телефон. Ее глаза вновь впились в безмолвный ночной потолок. Что только она не представляла себе, о чем только не мечтала, страсть не хотела отпускать ее. Испуг перед Богом поглощал все больше и больше. Она была уверена, что терять ей уже больше нечего. Ведь Всевышний покарает ее только лишь за сумбурные мысли о злодеянии.

Проворочавшись почти всю ночь, Виктория уснула под утро. Ей ничего не снилось. Только тьма. Зато хоть эти несколько часов разум отдыхал от безжалостного образа Харона. Он ничего не планировал и хотел перекинуть эти обязанности на подсознание. Оно особо и

не сопротивлялось. Подсознание привыкло существовать на уровне статичного бреда – одно из его любимых занятий.

10 июня 2013 (понедельник)

Стрелки часов показывали около одиннадцати утра, когда Виктория открыла глаза и тут же приволокла в сознание всю ту же мистическую фигуру.

Не умываясь, не расчесываясь, без единой мысли о завтраке, девушка бросилась к ноут-буку. Она тщательно искала информацию об инкубах и суккубах, о боге и ангелах. Что конкретно ей хотелось найти, она не понимала, но все нутро чего-то жаждало.

– Все не то, не то... – шептала Вика, бешено прыгая со страницы на страницу. – Нет. Чуть. Бред. Не может быть. Никогда в это не поверю...

Спустя полтора часа поисков, Виктория смогла себя успокоить: она все-таки не сумасшедшая и вряд ли ей это грозит. В интернете было огромное множество историй, чьих авторов едва можно было назвать вменяемыми. Несмотря на то, что девушка лично столкнулась с демоном и его способностями, поверить в то, что было написано в интернете, она все равно не могла.

Внезапно, среди кучи советов, рассказов, заклинаний, Вика заметила довольно часто появляющуюся иконку черного ангела, чей обладатель комментировал почти каждый сайт, высмеивая те или иные комментарии.

– А вот это уже интересно. – Девушка перешла по ссылке и оказалась на личной странице человека, позиционирующего себя «магом».

Вика написала ему сообщение и хотела было бежать, наконец, в ванную, когда ноутбук издал интригующий звук.

Unknown Person: *«Что конкретно ты ищешь?»*

Victoria: *«Ищу что-то, что поможет мне удержат около себя демона или...заставить его выполнять моим команды».*

Виктория набрала текст и ожидающе уставилась в экран. Но прошло более десяти минут, а ответа не было и расстроенная девушка все-таки отправилась приводить себя в порядок.

Ольга Владимировна давно уже была на работе, квартира пустовала. В такие моменты Вика чувствовала себя свободной. Никто не смотрел, что она делает, что ест, как умывается, зачем она это делает. Никаких не нужных советов.

Вернувшись в комнату с тарелкой завтрака и чаем, Вика вновь плюхнулась за компьютер. На полу-тусклом экране мигал конвертик, призывая открыть его. Она не заставила себя долго ждать.

Unknown Person: *«Демона? Что за демон? У каждого ранга свое заклятие. Вообще, привязка демона – опасная затея».*

Девушка пожала плечами и написала ответ:

Victoria: *«Почему?»*

Unknown Person: *«Потому, что не существует заклятия, которое бы отвязало демона. Ты привязываешь его на всю жизнь».*

Прочитав сообщение, Виктория обрадовалась. Она была готова провести с Хароном всю свою жизнь. Она верила в то, что жизнь только начнется рядом с ним.

Victoria: *«Не вижу опасности».*

Unknown Person: *«Значит, ты очередная дура с сайтов, которая верит в волшебство и сказки. Пораскинь мозгами, какому демону понравится, что его привязали?»*

Victoria: *«Что он может сделать?»*

Девушка молча смотрела в монитор и ждала, что еще напишет интригующий незнакомец.

Unknown Person: *«Извести. Убить. Сжить со свету. Что угодно, лишь бы отвязаться. А отвязаться можно только в том случае, если ты умрешь».*

Вика нахмурилась. Наклевывалась не очень хорошая перспектива. Ей не очень хотелось быть убитой демоном. Она мечтала быть им любимой и не только по ночам. Но никак не могла придумать, как задержать возле себя ветреного Харона.

Victoria: *«Ты можешь переслать мне заклятие?»*

Игнорируя все предостережения, спросила Вика, в душе надеясь все-таки заполучить текст. Увидев, что собеседник набирает текст, сердце бешено затрепыхалось, предвкушая сказочное будущее.

Unknown Person: *«Я так и не узнал, какой именно нужен демон?»*

Девушка вздохнула. Ей не очень хотелось говорить незнакомцу о том, что ее разум и сердце возжелали привязать инкуба. Чувство стыда слегка пощипывало ее за горло.

Вика отвернулась к окну и поджала губы, думая как бы получить нужный текст.

Victoria: *«У меня нет определенного демона. Просто хотела почитать заклинания и посмотреть, что можно сделать и как. Изучить информацию, так сказать. Например, как можно привязать инкуба...»*

Виктория нажала **send** и полная надежды, неотрывно таращилась в монитор. Прошло пятнадцать минут, а незнакомец не отвечал.

– Черт! – выругалась девушка и хотела было закрыть крышку ноутбука, как на экране вылетел конверт.

Unknown Person: *«Инкуба? Это самая дурацкая идея, которую я когда-либо слышал. Но раз ты хочешь изучать демонов, то, во-первых, купи «Демонологию». Там описаны все демоны. Можешь почитать Кроули, Лавей, Лемегетон. Во-вторых, есть одна крайне редкая книга, написана на древнеанглийском без даты и без названия. Там есть заклятия на инкубов и суккубов. У меня есть эта книга. Могу сосканировать ее... не бесплатно»*

Виктория несколько раз перечитала сообщения. Древнеанглийский. Как можно прочитать такую книгу? Что это за книга? Нет даты. Нет названия.

Victoria: *«Не бесплатно – это сколько?»*

Unknown Person: *«Десять тысяч».*

Девушка выпучила глаза. В своем ли уме был незнакомец, говоря о таких деньгах.

Victoria: *«Это слишком дорого. У меня нет таких денег».*

Unknown Person: *«Информация в этой книге стоит намного дороже. Я и так назвал слишком лояльную цену. Прости, дешевле не могу».*

Виктория захлопнула крышку монитора со злости и скрестила руки на груди. *«Дешевле не могу»!* Как ее это раздражало. Почему эта информация стоит так много? Почему нет денег в самый нужный момент? Чертова несправедливость.

На столе стоял давно остывший завтрак и чай. Вика сидела в одной позе и усердно думала, как достать проклятое заклинание. Затем она вскочила, оделась и помчалась в библиотеку имени Ленина. Ну хоть какие-то данные должны там быть? Хоть что-нибудь.

Вика шла пешком по Садовому кольцу, затем свернула на Арбат и уже через двадцать минут должна была выйти к библиотеке.

На встречу ей шло скопище людей. Улыбчивые туристы разглядывали архитектуру, что-то фотографировали. Мимо пролетали дорогие иномарки, оглушая мощным ревом улицу. По асфальту бегали безумные голуби, подбирая шелуху, с жадностью пытаясь проглотить ее, без понимая гурманства. Пыль витала в воздухе, лоснясь в солнечных лучах. Легкий ветерок гонял ее туда-сюда. Небо раскаляли белесые самолеты, оставляя за собой след призрачности. Мир продолжал жить. Его не очень интересовала сбившаяся с пути душа и уже совсем не волновала вселенную. Никто не хочет участвовать в наставлениях, кроме родителей, но они так неинте-

ресно и скучно это делают, что слушать их вовсе не хочется. Жизнь продолжается. Чтобы ни случилось, у кого бы не случилось, жизнь – вот она! Она идет своим чередом.

Люди кругом говорят на разных языках. Люди смеются, люди плачут. Люди сидят на асфальте, рядом шляпы, в которых обесцененная мелочь. Люди поют, рисуют, играют в роботов, продают, слоняются без дела. Они на Арбате.

Виктория двигалась по всем известной улочке, твердо решив вырыть хоть какую-нибудь информацию по демонам.

– Девушка! – ее схватила за руку молодая цыганка. – Гадаю по руке, взамен дашь, что не жалко.

– Нет, – отрезала Вика, пытаясь вытащить руку. – Мне не интересно. Спасибо.

Цыганка нахмурилась.

– На тебе крест стоит. – Сказала гадалка и отпустила руку.

Виктория остановилась и обернулась.

– Крест? – испуганно переспросила она. – У меня с собой всего тысяча рублей. Расскажи.

Цыганка вновь подошла к девушке, взяла ее за руку и пристально уставилась на ладонь.

– Вот деньги. – Виктория вытащила из карману купюру, сложенную вдвое.

Цыганка неотрывно смотрела на исчерченную линиями ладонь. Прошло, по меньшей мере, минут десять, прежде чем она заговорила.

– За тобой следует ад, дорогая. – Прошептала она. – Убери деньги. Я не вижу твоего будущего.

– То есть, как это не видишь будущего? – Виктория насторожилась.

– Крест, который на тебе – есть перекресток, на котором ты сейчас стоишь. Ты должна ступить на какую-то дорожку из предложенных, тогда я смогу увидеть то, что тебя ждет. Но сейчас ты в раздумьях и еще кое-кто. Твое будущее неопределенно.

– Что значит, за мной следует ад?

– Перекресток – всегда не хороший знак, сильный, символизирующий нехорошие силы. Это значит, что тебе дают выбор и твоя задача сделать правильный. Обычно ад предоставляет этот выбор. Раз ты на перекрестке и в растерянности, это говорит лишь об одном – тебя подтолкнули сделать выбор.

Виктория почти не дышала. Страшное чувство, когда совершенно незнакомый человек говорит о том, что тобой заинтересовался тартар. Конечно, страшно. Голова безостановочно шепчет, что такого не бывает. Эмпирический материализм отрицает любую идею, любой молекул и атом, который невозможно засечь, любое незаурядное. Здравый смысл. Как часто к нему можно взывать? Существует лишь одна непоколебимая вера – вера в собственный здравый смысл. Если она вдруг начинает колебаться, окружающие засекают это и вешают ярлык – слабоумный.

Хотела бы Виктория вновь подумать, что над ней все еще кто-то очень умело шутит, да обстоятельства не позволяли.

– Куда я должна свернуть? – прошептала Вика, суя деньги цыганке.

– Нет, дорогая, это не покупается. Я не готова пройти за тебя этот путь. Это должен быть твой выбор. Мне не нужны деньги человека, на котором стоит крест.

Цыганка покачала головой и продолжила зазывать людей, обещая погадать по руке.

Виктория стояла и смотрела вслед гадалке, уже совсем опустошенная и потерянная. Переживания зашкаливали. На какое-то мгновение она даже потеряла мысль о Хароне, о его неопишуемой красоте, о его головокружительных объятиях, о губах, поцелуи которых, она вряд ли сможет забыть.

«Это все происходит не со мной. Нет. Я не верю...», Виктория уговаривала себя, стоя почти в самом центре Москвы... А вокруг продолжалась жизнь.

Внезапно Вика поняла, что она находится на Арбате. А на этой улице есть один из крупнейших книжных развалов в Москве. Алкоголики продают раритетные книги за бесценок. Не раздумывая, девушка пошла дальше, выискивая книги.

Продавцы разнообразными знаниями оказались совсем недалеко. Один длинный ряд забитый прегромаднейшей кучей книг. Цветные, серые, мрачные, толстые и тонкие, дряхлые и новенькие, невзрачные и те, от которых невозможно оторвать взгляд... Виктория копошилась в книгах, выискивая хоть что-нибудь... и она нашла. Дряблая книжечка с названием «Демонология». Вика отдала за нее какие-то копейки и понеслась на ближайшую лавку.

Девушка с явным нетерпением листала книгу, ища лишь одно имя и все, что его касается. Но ничего. Там ничего не было. Ни слова о Хароне и его деятельности. Там была куча имен, куча демонов и их огромные описания, нескончаемое количество символов и цифр, мертвый язык, арабийский, иерархия демонов, заклинания и обращения... Но к счастью, там было хоть что-то об инкубах.

Во-первых, это действительно демоны. Они могут принимать совершенно любой облик. Могут стать кем угодно, главное, чтобы предмет был одушевленным: животное, человек, материализация самой смелой фантазии самого демона.

Инкубы, предпочитают делить ложе с женщинами, то есть они мужского пола. Демоны, предпочитающие мужчин называются – суккубы.

И те и другие занимают довольно высокую ступень в демонической иерархии.

Инкуб всегда должен получить разрешение на то, что он собирается делать. Он непременно спросит, хотят ли его, можно ли ему, не возражают ли. Если жертва соглашается, то конец ее совсем близок.

Плату за свои профессиональные услуги берут не дешевую. Как правило – это сделка, условия которой оговариваются вскользь и жертва очень плохо осведомлена о происходящем, поскольку находится во власти Морфея.

Что инкубы, что суккубы выбирают жертв во время сна. Они посещают людей ночью, когда разум находится в неактивной стадии, чтобы усыпить бдительность было еще легче.

Существование инкубов и суккубов в реальности не описывается. Возможно, эти демоны вполне могут бродить среди людей, но всю свою мощь они направляют на спящего человека.

Маленькое предупреждение – кто бы не появился перед человеком, будь то инкуб или суккуб, не стоит забывать, что это демон и, находясь за границами сна, он все равно очень опасен и легко может заставить человека страдать.

Попытаться избавиться от инкуба можно с помощью молитвы. Не очень действенный способ, но все же стоит попробовать. Связь с похотливыми демонами считается серьезным грехом, прощения за него не будет.

Молитва может помочь только в том случае, если жертва не успела дать свое согласие. Если он или она произнесли сакраментальное «да», то все. Сделка заключена и назад пути нет. Неважно в каком состоянии был человек, в бреду или в незабытье. С адом не торгуются и сделки не аннулируют. В данном случае не существует никакого верховного и арбитражного суда. Все, что было поставлено на кон при заключении сделки с адом, назад не вернется ни при каких условиях. Нет пути назад – первая аксиома, которая всегда должна быть в голове, если столкнулся с каким-либо представителем подземелья. Ни один закон не действует против демонов. Им на все плевать.

Второе, что нужно всегда помнить при работе с адом, это то, что существует едва заметный, один-единственный шанс на то, что жертва окажется в выигрыше после сделки. И это вполне предсказуемо. Дело в том, что представители демонической иерархии берут слишком дорого за свои услуги. Нельзя прийти к Князю Тьмы и предложить пару тысяч рублей. Ад не работает за деньги! Жертве придется расплачиваться чем-то гораздо интереснее, чем жалкие бумажные параллелограммы. Некоторые сделки могут стоить жизни.

Есть и один хороший плюс при общении с демонами – они откровенны в ценах и обещаниях; они никогда не возьмут больше, чем запросили.

Третье, что очень важно и всегда должно быть перед глазами – понимание того, что любому существу, которое заключает сделку абсолютно и полностью наплевать на так называемого партнера! У демонов нет команд, они сами за себя. И уж тем более они меньше всего будут заботиться о человеке, который заключает сделку.

Обманывать существо из ада – плохая идея. Если существо не совсем низшего ранга, то почти сто процентов, оно знает наперед все, что произойдет в ближайшие пятнадцать минут, прочтет любую мысль, которая посмеет закрасться в голову, разгадает любой план еще до начала его исполнения.

Четвертое, у ада нет совести и взывать к ней бесполезно. Не надо ничего спрашивать и удивленно смотреть. Просто этот факт надо принять. У них нет совести. Как бы люди не пытались обратить их внимание на это чувство – все бесполезно. Им плевать. Человеческое страдание никак не отразится на демонах, лишь только в хорошем смысле.

Виктория читала и читала. Ей настолько стало интересно познать, кто такие эти товарищи, что она практически забыла, что изначально всего лишь хотела найти данные только по инкубам.

Последний пункт, обозначенный жирными восклицательными знаками, в предостережениях гласил: любая сущность, пришедшая на землю к какому-либо человеку, имеющая клеймо ада, опасна для жизни.

Вика закрыла книгу и уставилась прямо перед собой. С виду она выглядела спокойной, но задумчивой. Но никто из проходящих мимо даже не догадывался, насколько сильно ей было страшно! Никто не видел, как руки почти-что истощены мелкой дрожью. Паралич потихоньку завладевал девушкой, покрывая онемением конечности. В голове был лишь один вопрос: насколько далеко я уже зашла? Есть ли еще путь назад?

Испытывая неподдельный страх перед неопознанными, Виктория понимала, что мир духов слишком интересен, чтобы просто так взять и забыть о нем. Она прожила двадцать лет, отрицая любое мистическое начало. У нее сложилась четкая картина мира, в которой не было ни единого места для мистической ячейки. Концепция современного развития мира полностью состояла из материализма. Внезапно появляется очевидная возможность познать что-то новое, разве можно оставить эту возможность позади? Неважно, что страшно, важно, насколько будет интересно!

Вика достала телефон, который уже с получаса названивал в кармане.

– Да, мам, – устало ответила девушка.

– Вик, ну в чем дело опять? Почему нет никакого ответа? – строгий голос раздался в трубке.

– Я была на консультации. – В одну секунду соврала Вика. – Еще одну поставили перед экзаменом. Что ты хотела?

– Господи, твои консультации... Так. Я сегодня на сутки, коллега попросила заменить, так что не жди. В холодильнике еда есть, если что, деньги знаешь, где лежат.

– Мам, прекрати, мне не десять лет и не в первый раз остаюсь одна.

– Ладно, я предупредила тебя, давай.

Ольга Владимировна положила трубку, оставив свое чадо в покое.

До чего же приятная новость, когда узнаешь, что снова один в квартире. Никто не будет приставать с советами, настойчивыми предложениями, ты предоставлен сам себе. Ну не прекрасно ли это?

Девушка зашла в кафешку, блага на Арбате их полно, заказала легкий ужин и вновь погрузилась в поиски информации в интернете. Еда остывала, Вика пила только кофе, не отрывая глаз от экрана телефона.

Среди бесконечных советов и споров, девушка наткнулась на имя Люцифер.

Из всего прочитанного о Люцифере, Виктория поняла, что он уж точно знает, как привязать демона. Более того, он повелитель, владыка всего. К тому же он вовсе не прочь пообщаться с людьми. Виктория почему-то была уверена, что именно *Несущий Свет* ей поможет. Но на самых дальних затворках интернета не было ни одного заклинания.

Одна сплошная чушь: кровь, число тринадцать, которое непонятно какое отношение имеет к Люциферу, нескончаемое количество пентаклей, черные свечи, кресты, тексты на один уровень получше, чем стихи Бордо. Даже Виктория, не имеющая опыта в практической магии, ничего не знающая о ее теории, понимала, что описанные ритуалы – ничто иное, а просто чушь. Развлекательное времяпрепровождение.

Девушка вспомнила о своей черной книге, которую купила у бабули на Лубянке. Ведь Виктория толком даже не разглядела ее: выпавший листок с начерканной латынью полностью переключил на себя внимание.

Через часа полтора Вика снова сидела в своей комнате, так и не дойдя до библиотеки. Она листала ветхую книгу, изучала, пыталась читать.

Где-то ближе к концу книги, Вика наткнулась на главу «Fero Lux». Нутро ей подсказывало: вот он, Люцифер собственной персоной. На странице был изображен статный мужчина с огромными крыльями за спиной, без лица.

– Падший Ангел... – прошептала Виктория, вглядываясь в картину.

Девушка включила ноутбук и настроила сообщение незнакомцу с форума.

Victoria: *«Ты случайно не знаешь как вызвать Люцифера? Мне очень нужно...».*

Пока Виктория ждала ответа, она листала книгу и нашла еще кое-что «Calling of Lucifer». Прочитав заклинание, Вика расстроилась: похоже она поставила невыполнимую задачу.

Во-первых, Люцифер – своеобразный президент в аду. Добиться у него аудиенции – шанс, наверное, один к тысячи, если не к миллиону. Он просто не придет.

Во-вторых, если все-таки по каким-то неведомым причинам появится, то у вызывающего могут появиться проблемы. Человек, который увидел всего лишь мизинец на ноге Люцифера, уже может больше ничего в жизни не увидеть. Он просто перестанет существовать.

В-третьих, Люцифер очень коварен и не прочь повеселиться, поэтому придется следить даже за минимальным зачатком какой-либо несуразной идеи.

В-четвертых: ритуал. Текст – это уже было не так страшно для Виктории. И, пожалуй, самое безобидное из всего процесса. Люцифер еще до своего появления желает знать, что он получит. Человек, который жаждет встречи с Утренней Звездой должен четко и заблаговременно решить, чем именно он готов пожертвовать ради долгожданной встречи. Даже если он готов пожертвовать всем и душой и жизнью и телом, другой вопрос, не менее важный, встает ребром: нужно ли Люциферу то, что ему предлагают?

Виктория долго думала, что она может предложить Падшему Ангелу, если он согласится к ней прийти. Чем она готова заплатить за неизвестное будущее?

На засыпающем мониторе появился конвертик.

Unknown Person: *«Я надеюсь, что это шутка? Ты знаешь, кто такой Люцифер? Есть хоть какие-то идеи, чем может закончиться сеанс?»*

Victoria: *«Да, я все понимаю и знаю. Я готова ему заплатить, мне нужно, чтобы он пришел».*

Unknown Person: *«Он не придет к тебе. К великим-то не приходит»*

Victoria: *«У тебя есть заклинание?»*

Виктория начинала злиться. Она уже начиталась всех этих ценных и предостерегающих слов в интернете. И почему все так боятся Люцифера, спрашивая, *а ты знаешь кто он такой?* Это же просто Люцифер. Ангел. Бывший. Да, он могущественный. Даже очень. Да, он может убить, но и кирпич тоже может! Другое дело, что искать встречи с Люцифером – просто напра-

шиваться уже на неприятности. Но ведь живя изо дня в день можно тоже влипнуть в неприятности. Или появление Люцифера в квартире – слишком очевидная неприятность, поэтому разум шепчет, брось эту затею?

Разум Виктории шептал лишь одно: «хочу, чтобы Харон был рядом...». Это как конфликт в детском саду, когда дети идут разбираться в своих псевдо-взрослых проблемах, к ним приходит на помощь воспитатель, то есть, Несущий Свет.

Unknown Person: *«Если ты дашь мне весомую причину, то да, есть».*

Victoria: *«Весомая причина? У меня спор с одним из его подчиненных»*

Unknown Person: *«Забавно. Не собралась ли ты призвать Люцифера как судью? Думаешь он поддержит тебя, а своему подопечному пальчиком погрозит? Не глупи, крошка»*

Victoria: *«Я нашла один ритуал в книге. Как ты думаешь, сработает?»*

Виктория прикрепила сканы страницы и выслала собеседнику. И вот мир снова погрузился в гробовое молчание.

Девушка вновь перечитала текст. Зажечь три свечи, поставить бычье сердце в серебряной таре, дожждаться трех часов ночи, на бумаги написать «плачу...за встречу с тобой», поставить печать – отпечатки указательного и мизинца левой руки собственной кровью. После того, как заклинание будет прочтено, воткнуть в сердце нож из черной стали. Люцифер должен явиться в любом обличии и подтвердить сделку. Потушить две свечи. Одна должна остаться гореть. Если затухнет, неважно по какой причине, ритуал можно заканчивать – никто не придет. Если все-таки Люцифер появится, первое что надо сделать, нарисовать кровью быка крест на груди. Он сработает как защита от дьявола.

Unknown Person: *«Никогда не слышал и не видел ничего подобного. Где ты это взяла?»*

Victoria: *«Купила книгу по демонологии у бабули... книга совсем древняя».*

Unknown Person: *«Хм, интересно... предлагаю сделку. Ты сканируешь свою книгу, а я ту, которую ты просила. Бартер. Согласна?»*

Виктория улыбнулась. Конечно, она была согласна. Ей нужна была любая информация о демонах...о конкретном демоне.

Unknown Person: *«В твоём заклинании очень красивый текст. Где и когда встретимся?»*

Виктория закусила губу. Да хоть прямо сейчас!

Victoria: *«Твои предложения»*

Виктория сканировала книгу и ждала всплывающий конвертик, как манну господнюю. Незнакомец попросил о встречи в восемь вечера на Охотном ряду. У Вики оставалось чуть меньше трех часов, чтобы отсканировать книгу и добраться до пункта назначения.

Книга была очень толстой и с каждой потраченной минутой, девушка все больше и больше нервничала, что она не успеет. Каждое действие она старалась сделать максимально быстро, стараясь не растрчивать время за зря. Никаких лишних движений. Скорость. Она должна успеть, должна получить скан рукописей.

Время поджимало, когда Виктория закончила сканировать последнюю страницу. Она накинула кофту, схватила рюкзак, флэшку и помчалась к метро.

Июнь делал свое дело. Народу в метро было не так много: многие в отпусках, студенты сидели по домам и учили билеты. Виктория же вовсе забыла о своих экзаменах и дипломе. Так уж заведено, что когда появляется любовь и страсть, все другие чувства и дела должны исчезнуть из головы.

Незнакомец сказал, что будет ждать ее в центре зала на станции метро Охотный ряд. На нем будет белая рубашка, джинсы, кепка и кеды. В руках будет запечатанная посылка.

Без особого труда Виктория вычислила молодого человека среди ожидающих. Он стоял, облокотившись на перила, надвинув кепку на глаза. В его руке была запечатанная прямоугольная коробочка.

– Привет. – Она подошла к нему.

Она не чувствовала никакого стеснения, ни смущения, ей нужна была информация.

– Привет. – Ответил он и поднял глаза.

У него были безумно красивые глаза...цвет. Вроде бы каштановые, но казалось что отдают бордовыми. Да, глаза были очень красивыми, чего не скажешь про лицо в целом. Орлиный нос, кривые тонкие губы, выпирающие скулы.

– Как твое имя? – спросил он.

У него был такой приятный голос, который можно было слушать и слушать.

– Вика. Твое? – она смотрела ему в глаза, пытаясь понять хоть какие-то мысли.

– Сергей. Хоть теперь буду знать, как к тебе обращаться. До этого хотел величать тебя исключительно сумасшедшей.

– Почему? – улыбнулась Вика.

– Ну разве человек в здравом уме захочет призывать Люцифера?

Виктория опустила глаза, пряча улыбку.

– Ты распечатала листы?

– Краска закончилась в принтере. Я принесла флэшку и ноутбук, чтобы доказать, что она не пустая.

– Предвидя это, – парень загадочно улыбнулся, – я принес свой ноутбук тоже. Предлагаю посидеть в кафешке, разобраться с делами, если ты, конечно, не против?

– Конечно, не против. Пойдем.

Они пробрались на Манежную площадь, нашли уютную забегаловку, взяли по кофе. На столе стояли два компьютера. Молодой человек разглядывал файлы на флэшке. Виктория со счастливой улыбкой, рылась в копиях.

Даже по отсканированным страницам было видно, что книга не принадлежала XXI веку. Без каких-либо проблем в оглавлении было найдено заклятие – как привязать демона. Девушка сразу же погрузилась в изучение ритуала.

– Где, говоришь, ты взяла эту книгу? – спросил Сергей, кликая по сканам.

– У бабули купила. – Виктория тоже была занята своим делом.

– Это очень хорошая книга. Я уверен, что она в единственном экземпляре... Храни ее.

– А где ты свою взял?

– Пра-пра-бабка оставила.

– Ты ведьма? – изумленно спросила Вика.

– Ведьмак. В шестом поколении. Стараюсь им быть, учусь. А ты вот, похоже, понятия не имеешь, как устроен магический мир.

– Я и не скрываю. Этот мир только недавно открылся для меня. Я, честно говоря, до сих пор не уверена, а точно ли он существует. Слишком это все необычно...

– У тебя еще много времени впереди, чтобы убедиться в точном существовании потустороннего мира. Понять, что за нами всегда наблюдают. У нас есть хранители, они берегут нас. Ведь наверняка у тебя были моменты, когда ты хотела сделать шаг вперед на дорогу, и в последнюю секунду делала шаг назад. И не зря. В последнюю секунду из-за угла вылетает машина и если бы ты все-таки сделала тот шаг, то в твоём доме заиграла бы музыка. У нас есть те, кто и сбивает нас с пути. Домовые, ведьмы, хозяева лесов и водоемов, все они реальны. Зачем тебе, кстати, Люцифер? Что за спор он должен разрешить?

– Не зачем. Просто хотела попросить его помощи.

– У самого Люцифера? Не уверен, что он захочет принимать участие в разборках мелкого хулиганства низших демонов.

– А чем он так занят? Отпуска оформляет и перерасчет делает?

Сергей посмотрел на девушку и улыбнулся.

– Если бы только это, люди бы его так не боялись. В сканах, которые я тебе дал, есть точно работающий ритуал. Тот ритуал, который ты мне прислала, я не знаю, сработает или

нет...попробовать можно. Но все-таки советую начать с ритуала из моей книги. Если Люцифер не явится, ты сделала что-то не так.

– А то, что он не хочет приходить – считается? – аккуратно спросила девушка.

– Может и считается... Но в демонологии нет такого, как «не хочет». Если ты призываешь, то дух обязан явиться. Если ты призываешь неправильно, то дух, возможно, не захочет приходить, но все равно поймет, что его звали.

– Ты когда-нибудь вызывал Люцифера?

– Нет, я еще не настолько крут и бесстрашен, чтобы вступать в контакт с самим Люцифером. Слишком опасно. Как привязать демона – в книге тоже есть. Будь аккуратнее с ним.

– Да, я поняла. Могу я взять твой телефон, чтобы если что, было с кем связаться.

– Ты предлагаешь подружиться? – Сергей вновь улыбнулся.

– Ну... – Вика замялась. – Да, думаю, да.

Конечно, ей бы не помешал друг-ведьмак, когда у нее почти-что налажен непосредственный контакт с темным миром.

Они обменялись телефонами и разбрелись по своим делам. Виктория летела домой, как ракета. Срочно привязать Харона. Тогда он всегда будет с ней рядом, поддерживать, охранять. Его лицо не выходило из головы. Она была полностью похоронена под натиском и гнетом дьявольской красоты. Вика не знала ни характер, ни душу, если таковая имелаась, видела всего лишь лицо и чувствовала его прикосновения. И этого было достаточно, чтобы увязнуть в топкой трясине любви.

Кружка горячего кофе. Середина ночи. Виктория судорожно искала текст нужного заклинания и нашла среди почти одной тысячи страниц. Из ингредиентов: нарисовать пентакль в круге, пять свечей. В центре звезды изобразить печать демона, которого надо привязать. По углам изобразить планетарные символы, начиная с Урана во главе и против часовой стрелки: Марс, Сатурн, Нептун и Плутон. Все. У каждого угла звезды прочитать заклинание.

Виктория не верила своим глазам. Неужели это все? Никаких лапок пурпурной лягушки, сваренных вместе с жабрами рыбы-капли, никаких цветков, которые вымерли в прошлом веке... Просто пара простых рисунков и немудреное заклинание. Девушка так обрадовалась, что ей не придется призывать Люцифера и вести с ним диалоги, да и вообще как-либо взаимодействовать, чтобы справиться своими силами, что ей прям не верилось.

Несмотря на то, что время было середина ночи, Вика совершенно не думала о сне. Какой сон, когда ее безумная мечта вот-вот выплывет в реальность?

Девушка чертила мелом ровный круг на полу, в нем такой же ровный пентакль. В интернете были найдены все планетарные символы. Печать Харона была на листочке в книге. Свечей в доме было полно.

Как только все было готово, Вика принялась читать заклинание у каждого угла. Когда она закончила читать последние строчки, стоя на северо-западном углу, на ее кровати появился мужчина. Он смотрел в пол. На его лице было одно сплошное разочарование.

Вика вздрогнула от неожиданности, увидев его на своей кровати. Мужчина молчал. Виктория неотрывно смотрела на него. Ей не нравилось выражение его лица, но ей очень нравилось ощущение, которое она испытывала в самые первые секунды, когда появился демон.

– Харон... – прошептала она.

Внезапно окно открылось от неожиданного порыва сумасшедшего ветра. Свеча затухала одна за другой. Свет померцал и вовсе исчез. Листы с ксерокопиями взвились вверх, закручиваясь в бесподобном вихре. Ручки, карандаши, кисти, мелкие предметы, все завертелось под натиском безумного ветра, треплющего рыжие волосы, бесконечно бросая их в глаза.

Виктория нервничала. Ей было страшно. Разбушевавшаяся стихия в ее собственной квартире довольно сильно напугала девушку.

– Харон! – чуть громче позвала она, пытаясь убрать с лица пряди разлетающихся волос.

Гул ветра не прекращался. Мужчина все так же сидел с жесточайшим разочарованием на лице и смотрел в пол, на начерченную пентаграмму. Он не обращал внимания на перепуганную девушку.

– Харон. Пожалуйста... – слезы паники покатались из глаз.

Страх спровоцировал почти что истерику. Девушку уже трясло. В комнате не было света, лишь луна слабо отбрасывала свои лучи на печальное лицо демона.

Услышав «пожалуйста», Харон, наконец, поднял взгляд и резко встал. Непогода вовсе не собиралась утихомириваться. Ветер только усиливался, бумага летала, света все не было или он изредка мерцал вспышками.

– Что ты делаешь? – спросил он замогильным голосом и заглянул ей в глаза.

В тот момент Виктория поняла, что такое бояться на самом деле. В глазах демона горел огонь, самый настоящий, пылающий огонь, языки которого, казалось, вот-вот вырвутся и сожгут все к чертям собачьим. Его руки, держащие девушку за плечи, были мертвенно-холодные. Ей-богу, айсберг в океане излучает больше тепла, чем тело демона в тот момент. Его губы были бледно-сине-фиолетового цвета, сжатые так сильно, что превратились в тонкую нить, которая вот-вот порвется.

– Что ты делаешь? – повторил он свой вопрос, сильнее сжимая хрупкие плечи.

Виктория неотрывно смотрела на пылающий огонь в глазах демона, боясь отвести взгляд.

– Я... – заикаясь произнесла она.

– Ты. – Голос демона прогремел уже почти возле ее уха.

– Я хотела увидеть тебя. – Наконец, соврала Вика и закрыла глаза.

Харон усмехнулся, но не выпустил из рук девушку.

– Увидеть? – переспросил он. – И я должен в это поверить? Человеческое дитя... переполненное древними пороками... Ты лжешь!

Потихоньку непогода в доме начала успокаиваться. Бешенные альбомные листы, все мятые, местами подранные, начали опускаться мягким листопадом вниз; ветер стих; но света все еще не было.

– Я-я-я...

– Ты дрожишь... – Демон убрал растрепавшиеся волосы за ухо.

– Ты напугал меня, – всхлипнув, ответила Вика, пытаясь расслабиться в объятиях божественной красоты.

– Ты хочешь привязать меня?

Проигнорировав претензию девушки, Харон вновь уставился ей в глаза, требуя ответа. Вика отвернулась и вздохнула, пытаясь утихомирить животный страх, копошащийся в недрах души и сознания.

– Нет... то есть, да... Харон, я не знаю, что сказать...

– Правду. Вы знаете, что такое правда? Это то, что у тебя вот здесь. – Демон прикоснулся к ее груди. – А вот тут, – он положил палец ей на висок, – ложь...

Виктория молчала, боясь даже смотреть в глаза мужчине. Он все еще держал ее за плечи, молчаливо требуя ответа за свои действия. Но его не было.

– Хорошо. Ты хотела привязать меня. – Утвердил Харон. – Разве я не говорил, что это невозможно? Разве я не предупреждал о том, что это плохая идея?

Он подтащил к себе девчонку, впиваясь в ее глаза. Свирепость в его взгляде стихла, но пламя все еще горело. Демон все еще злился.

– Прошу тебя... прекрати. Я хотела тебя привязать, потому что твое лицо не выходит из головы! Потому что твои руки, сжимающие мою талию... Я не могу забыть эти ощущения. Голос... Господи, твой голос. Я схожу с ума каждый раз, когда слышу его! Поэтому я хотела привязать тебя! Мне мало одной ночи с тобой... мало.

Вика рыдала, открывая свое истинное лицо, обнажая свои желания, позволяя демону утонуть в океане ее перворожденных чувств.

– Ты хотела быть со мной, как девушка с парнем? – невозмутимо переспросил демон.

Вика кивнула в ответ, пытаясь успокоиться.

– Это невозможно. Для меня все люди равны и плата для всех одинакова. Ты не можешь со мной торговаться. Условия были установлены и, наверное, только Люцифер вправе что-либо изменить.

– Одна ночь – это мало. – Настойчиво повторила Виктория. – Я хочу взять все, не только секс.

– Прости. – Харон улыбнулся и опустился на кровать.

Он расстегнул рубашку и бросил загадочный взгляд на девушку. Она, онемевшая, смотрела на его тело. Мужчина погладил простыню, призывая девушку жестом лечь рядом. Вика, словно в наркотическом экстазе, смотрела лишь на обнаженный торс, на движение его глаз, рук, приподнятый уголок губ. Ее дыхание участилось, сердце колотилось сильнее и сильнее.

– Что со мной? – едва слышно спросила она, заставляя себя отвернуться от Харона.

В следующую секунду он вскочил, скинул с себя рубашку и девушка вновь оказалась в его умопомрачительных объятиях, медленно и коварно теряя рассудок.

– Это называется похоть, детка. Мой любимый порок, – шептал Харон, – одна ночь, одна жизнь. Соглашайся...

Нежные руки, бархатистые губы, слова, мягкие объятия, поцелуи...

– Послушай, – не открывая глаз, произнесла Виктория. – Нет. Это неправильная сделка.

Харон отшатнулся от нее и строгость, появившаяся на его лице, заставила девушку вновь нервничать.

– Неправильная сделка? – удивленно переспросил он.

Раздражающийся демон не верил своим ушам. Он словно начал расти на глазах, сзади него чуть ли дым не шел, лицо багровело. Девушка впадала в отчаяние.

– Я могу убить тебя. Просто так. Прямо сейчас. И тогда ты вообще ничего не получишь! Чувствуешь, как ноги наливаются цементом? Чувствуешь, как он мгновенно застывает, лишая тебя движений? Еще две минуты и он закроет твои легкие, наполнив их затвердевающим бетоном... Две минуты.

Сердце колотилось как сумасшедшее от страха. Страшно, когда внезапно осознаешь, что с каждой следующей секундой твое тело перестает реагировать на нервные импульсы, как ноги тяжелеют и перестают ощущать, и ты вот-вот провалишься вниз. В это время твое лицо и страдание на нем сжирает злое, зловещий взгляд существа, вылезшего из преисподни.

– Минута... Теперь живот. – Демон неотрывно смотрел на девушку. – Я так устал от твоих игр. Приди, уйди, хорошая сделка, плохая сделка. Ты что, серафима во мне увидела, дитя человеческое? Как смеешь ты, отпрыск, отрывать меня от моих дел? Торговаться со мной?

Просто страх уже не мог описать переживания девушки. Это была агония страха и отчаяния. Демон даже не прикасался к ней, а внутри творился настоящий ад. Ком в горле мешал издать хоть какой-то звук, а мысли о пощаде бесконечно вертелись в голове.

Внезапно все прекратилось. Исчезла тяжесть, тонны цемента покинули тело, агония стихла. Но злость Харона явно не отступала. Он молча смотрел на хватающую воздух девушку. Она плакала от обиды и бессилия, от невозможности заполучить то, что чересчур хотело сердце.

– Господи, прости... – Виктория опустила на колени, закрыла руками лицо и погрузилась в истерику. – Что я делаю? Господи, прошу тебя... Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое...

Она читала молитву, упиваясь слезами, уткнувшись лбом в пол. Харон молча смотрел на сумасшедшую картину, затем присел на корточки и взял девушку за руку.

– Отче наш? Seriously? – строго переспросил он. – Ты что, правда думаешь, что это сработает?

– Я в агонии, – рыдала девушка. – Мои чувства к тебе... Я предаю Бога! Раз существуешь ты, значит существует и Он! Я хочу, чтобы Он убрал тебя из моей головы! Я больше не хочу думать о тебе, я больше не хочу видеть тебя. Я больше не хочу, чтобы ты прикасался ко мне... Но я не могу справиться со своими желаниями... Бог поможет мне!

– Бог? – Харон смотрел на Викторину добрыми глазами, но с какой-то неправдоподобной ухмылкой. – Виктория, – он поцеловал ее, прижимая к себе, – я запрещаю тебе вызывать меня. Я запрещаю тебе делать, даже пытаться делать на меня какое-либо магическое воздействие. Я запрещаю тебе даже думать обо мне, до тех пор, пока ты не будешь готова отдать то, что я прошу... или мне придется убить тебя.

Харон не переставал целовать плачущую девушку, ее слезы, ее губы и щеки. Она же слушала его запреты, понимала, что с каждой секундой, с каждым его словом ей становится все хуже и хуже.

– Прощай. – Прошептал демон.

Виктория открыла зареванные глаза: она была одна. Внезапно ее словно током прошибло. Уже был рассвет, в комнате бардак, как после торнадо с землетрясением, на полу пентакль, воск от свечей и сами свечи, кругом разбросаны кучи листов... Вика сидела на полу, продолжая рыдать.

Был ли прав Харон? Была ли это похоть или проявлялись зачатки любви к чему-то запретному? Любви к существу, которое, по-хорошему, ее не заслуживает. Может, желание и страсть слились воедино с влюбленностью? Этот мужчина... Он был слишком обаятелен, слишком красив и притягателен, чтобы быть правдой. Сердце влюбилось в идеальную оболочку, в то время как разум бесконечно долго шептал об истинной сущности. Он просто насмеялся над ней. Ты и многотысячелетний демон? Любовь? Ты кем себя возомнила, дорогуша?

Реальность. Добро пожаловать назад. Сколько в мире людей умоляют Всевышнего столкнуть их с реальностью? Показать, что на самом деле творится в мире? Виктория умоляла Бога отвести ее грешную душу от ошибки, в которой погрязло ее сердце. Но Он не слышал ее. Возможно, потому что она слишком тихо просила и вовсе не хотела той самой реальности. Неопределенность смущает умы, не принося стабильности.

Плача, вытирая слезы, ненавидя себя, Виктория мыла пол, уничтожая следы своего шабаша. Огарки свечи она убирала по шкафам, складывала бумаги. С разбитым сердцем, под ласкающие землю лучи, Виктория легла спать. И вновь пустота. Нет снов, нет видений. Безжизненность....

13 июня 2013 (четверг)

Вокруг носились бледные студенты-однокурсники, шептались, трясли шпаргалками, молились. Выпускной экзамен по философии.

Виктория сидела у кабинета с книгой, ответами по билетам, тщетно читая все то, что должна была читать в течение пяти лет. Еще немного тезисов, еще немного о философах, еще две странички.

– Ну как успехи? – к ней подошел Игорь, сокурсник.

– А, не спрашивай. – Отмахнулась Вика. – Вообще ничего не знаю. Если каким-то чудом сдам, то это и вправду будет чудо. Ты? Все выучил?

– Частично. Но думаю, что-нибудь наплету. Это же философия! – он улыбнулся. – После экзамена намечается вечеринка в честь удачной сдачи...

– Удачной сдачи? – усмехнулась Вика. – Мы еще даже не в кабинете.

– Не будь такой пессимисткой. Все сдадут! Ты тоже!

– Надеюсь, ты имеешь дар предсказания... Что там насчет вечеринки?

– Короче, на Сокольниках есть кофешка. Сдаем философию и вместе едем туда.

– Скидываемся?

– Нет. Каждый за себя, ну или как решите с подружками. Есть же те, кто не пьет, чего они будут скидываться-то?

– Тоже верно! – Виктория улыбнулась. – Хорошо, если я переживу гос, то я с вами.

Парень ласково похлопал девушку по плечу и оставил ее в одиночестве.

– Драхе, ты чего здесь сидишь? – из неоткуда появился староста, – Филиппыч тебя вызывает. Давай бегом!

Виктория схватила свои тетрадки и учебники и помчалась в аудиторию.

В класс запустили пять человек. Вика подошла к столу, зарегистрировала свой билет и, не глядя на вопросы, отправилась за парту.

Первый вопрос: Схоластика. Основные тезисы. Представители. И второй вопрос: Философия марксизма.

Вика закрыла глаза. Первый вопрос был не так страшен, как она думала. В голове прокрутилось пара стартовых предложений, а дальше можно что-то рассказать.

А вот со вторым вопросом явно возникли проблемы: не успела она дочитать до философии XIX века.

Сев за стол к экзаменаторам, Вика без труда ответила на первый вопрос. А дальше началось что-то невероятное.

– Марксизм... – протянула Виктория, все больше и больше понимая, что на вечеринке праздновать ей будет нечего.

– Да, Вик, марксизм. Давай начнем с того, что ты дашь полное определение марксизма.

– Марксизм – это... – девушка нахмурилась.

Единственная мысль, слова, которые крутились у нее в голове – что делать? В таких ситуациях молчать нельзя. Никогда. Лишь слова, красивые слова, умело расставленные и подобранные, в состоянии получить всеобщее одобрение. Молчание – плохой знак, который не понимают обе стороны, участвующие в разговоре.

– Марксизм... – уже с явной долей отчаяния протянула Виктория, опуская глаза, которые вот-вот зарыдают от безысходности.

– Вика, ты готова дать ответ? – спустя две минуты спросил экзаменатор.

Девушка посмотрела на сидящего рядом мужчину. Филипп Филиппыч. Профессор философии, умело и интересно преподающий свой предмет, сидел просто в шоке. Ему было стыдно за своих студентов. Потратить столько времени и сил на то, чтобы выдать всю историю и картину философии и увидеть на экзамене лица, прогруженные в прострацию!

Викторию тоже постепенно начинала мучить совесть. Ведь у нее было время подготовиться и она готовилась, пока не встретила его.

А что она скажет матери? Что мать ей скажет? Какой позор и унижение! У нее ведь не было даже шпаргалок!

Внезапно Вика услышала отчетливый шепот: «философское, экономическое и политическое учение. Основатель Карл Маркс и Фридрих Энгельс».

Вика обернулась. Все студенты были заняты своими билетами и подготовкой к ним, фее-рический провал Виктории Драхе им был не интересен. Но тогда кто шептал ей ответ?

Девушка вновь уставилась на экзаменаторов и, словно завороченная, повторила то, что ей прошептали.

– Хорошо. Общая характеристика марксизма.

Вика опустила глаза и заметила, как у Филиппыча безмолвно шевелятся губы, а из них идет отчетливый шепот: «...политическая экономия капитализма, исторический материализм,

научный коммунизм. Центр философии – концепция развития отчуждения человека от продуктов собственного труда...»

Вика смотрела на губы профессора и вообще ничего не понимала. Шепот, которым он говорил, был, конечно, шепотом, но громким. Уж человек, сидящий рядом с Филиппычем, точно бы услышал и увидел, что рядом с ним происходит.

– Профессор, Вы ничего сейчас не говорили? – неожиданно спросила Виктория.

– Я просил тебя дать общую характеристику марксизма. Филипп Филиппыч молча сидит и ждет, когда последует ответ.

Экзаменатор говорил, а Виктория уже видела, как из его рта вырывается общая характеристика марксизма! Прямо в унисон с его объявлениями! Одновременно!

– Какого черта? – еле слышно спросила Вика сама себя, поправляя волосы.

– Прошу прощения? Драхе, все нормально? На тебе лица нет. – Тихо спросил Филиппыч. – Бледная, в поту... Тебя отпустить к медсестре?

– Нет, – прошептала она в ответ, не отрывая взгляда от шепчущих губ экзаменатора о концепциях марксизма. – Я продолжу.

Дрожащим голосом, Виктория пересказала все, что говорил экзаменатор, получила четверку и в полу-бреду, постоянно оглядываясь, вышла из аудитории.

– Ну как? Сдала? – на нее набросили сокурсники.

Никого не слушая, ни с кем не разговаривая, Вика прошла вперед по коридору. В туалете она умылась холодной водой, стараясь смыть напавшее безумие. Она все еще не могла поверить, что-то, что она видела, было вправду. Да и как в такое поверить? А с другой стороны – как не верить? Не зная ничего, Вика сдала государственный экзамен по философии, потому что экзаменатор сам рассказал весь билет? Какой бред!

Поток холодной воды. Бодрящая свежесть. Виктория все равно отказывалась верить в то, что произошло. Это уже слишком. Такого не бывает.

Минут через пятнадцать она все-таки вышла из туалета, натянув дурацкую улыбку. Ей пришлось много говорить, рассказывая, как проходил экзамен, как сильно ей повезло, что она вспомнила все, что нужно, что профессора совсем не злые. Вика пыталась успокоить сокурсников, вселить в них надежду, что все будет хорошо, что все сдадут.

– Вика, ты сдала? – в телефоне звучал взволнованный голос Ольги Владимировны.

– Да, мам, на четыре. Не переживай.

– Ну слава богу. Когда домой?

– Вечером. Может ночью. Пойдем с одноклассниками в кафе.

– Хорошо. Постарайся все-таки пораньше, ладно?

– Мам! – укоризненная нотка прозвучала в голосе. – Я не маленькая!

– Да, конечно, не маленькая. Но и не взрослая. Так что давай, повнимательнее. Вика, слышишь?

Виктория злобно смотрела в потолок, держала телефон чуть подальше от уха, дабы не слушать лекцию.

– Все, мам, хорошо. Я поняла. Давай. Пока.

– Вика, я тебе еще...

Мама начала что-то говорить, но девушка уже повесила трубку. Ей совсем не хотелось слушать никаких нравоучений. Просто после того, как Виктория увидела, как профессор рассказывает ей билет и этого никто не слышит кроме нее, ей захотелось немного расслабиться. Неважно в какой компании, неважно с кем. Главное не одной и уж тем более не дома.

После сдачи экзамена студенты отправились в запланированное заведение в Сокольниках. Молодежь весело галдела, хвастаясь своими достижениями и обзывая удачу дурными словами, рассказывая о том, кто как сдавал.

Оказывается, комиссия была очень строгой. Главный экзаменатор из министерства был почти что психом. Он валил всех, потешаясь. Если бы не Филиппыч, всех бы не аттестовал. Но и ему досталось – представитель министерства насмеялся над ним и над его плохо обученными выпускниками. Так что, если Виктория еще старалась думать, что Филиппыч сам все рассказал, то экзаменатор вряд ли бы так стал поступать.

Жуткие, шепчущие губы; пустой, белесый взгляд; бледнеющая кожа – обезображенное безразличием лицо не выходило у нее из памяти.

Все отмечали успешную сдачу, а Виктория занималась медитацией, доказывая себе, что подсознание спроецировало воспоминания в виде шепчущего профессора.

После пары-тройки бокалов девушка, наконец, стала расслабляться, забываться. Если это было сумасшествие, то и черт с ним, все равно ты уже бессилен что-либо сделать. Если вдруг заболевает разум, то это все. Просто будучи выпившим, легче осознать и смириться со своей безнадежностью, чем когда голова трезва. Девушке было проще, когда ее обнимал однокурсник, хохоча с ней в один голос. Ей было проще смотреть на его лицо, не представляя лицо Харона. И безусловно, ей было проще отвечать на его поцелуи, потому что в них не было ни грамма того, что было в поцелуях демона.

Как только Виктория почувствовала, что жалкие обнимашки с бранным человеческим телом мужского пола ей начали надоедать, не приносить никакого удовольствия, она незаметно вышла из кофе.

Впереди – метро и сделав пару шагов на встречу подземному царству мрамора и гранита, Вика остановилась. Позади нее огромный парк обидчиво смотрел в спину. Свежая, молодая листва, жмущиеся на лавках студенты и влюбленные, пьянчуги, смиренно укладывающиеся спать под шелест крон на прогревающейся земле. Фонари, искусно привносящие атмосферу сказки из Питера Пена, стояли вдоль аккуратно сделанных дорожек.

Не задумываясь, Виктория направилась в парк, сама не понимая, зачем. Единственное, что она понимала, что от спящих деревьев тянулся невозможный запах приключений. И девушка пошла по запаху... пока не споткнулась и не завалилась в кусты.

Дальше пустота. Ничего нет перед глазами. Нет даже понимая, открыты они или нет. Прохлада, ненавязчиво ласкающая тело. Сон, не сон; явь, не явь. Ничего не понятно. Стесненное сознание, пляшущее в алкогольном делирии. Оно занято. Ему некогда следить за реальностью. Время также мчится, позабыв рассудок. Время радуется: никто на него не смотрит! Шорох... Еще один. Разум устал. Он хочет вернуться в реальность, но все попытки тщетны. Резкое движение. Вспышка перед глазами... Боль. Сильная. Хочется плакать. Разум все еще пытается постигнуть бытие вне подсознания, вспоминая хитрое сознание.

Чьи-то руки. Теплые. Сильные. Невесомость. Вот, что значит парить над землей. Легкий ветерок... Начало пути.

Виктория открыла глаза. Тьма. Ничего не понятно, где и кто. Девушка попробовала пошевелить руками, ногами: все работает. Боль! Вот она! На верхнем веке левого глаза. Вика похлопала глазами и, действительно, боль никуда не делась, а лишь усиливалась.

– Ты наткнулась на сучок... в кустах. – Внезапный тихий голос немного привел Вику в себя.

С перепугу она подскочила и тут же свалилась на пол... это был не ее пол. Темнота все еще не разглашала тайны, а Виктория настойчиво щупала мелкий ворс под собой.

– Где я? – едва слышно спросила она, садясь на колени, безрезультатно вглядываясь в ночную тьму.

В ответ прозвучала тишина. Вика вертела головой как филин, всматриваясь вперед. Она аккуратно встала на ноги и неуверенно, словно годовалый малыш, сделала шаг вперед.

– Эй! – позвала она, идя словно зомби, вытянула вперед руку. – Кто здесь?

Сознание постепенно возвращалось в реальность, тут же волоча с собой отнекивающийся страх. Он уже обессилил – ежедневно таскаться к этой девушке.

– Уже забыла?

Вновь руки... те же самые, сильные и теплые, нежно обхватили ее ладони, придерживая девушку, чтобы темнота не заставила ее упасть.

– Харон.

Виктория не знала, что ощущать: страх; блаженство; может легкий испуг? Наслаждение? Она терялась в чувствах.

– Это правда ты? – испуганно переспросила она, отстраняясь от рук. – Где я?

– Ну скажем, у меня дома. Разве ты не рада этому?

– У тебя? Дома? Сколько времени? Господи... мать убьет меня! – Виктория озиралась по сторонам.

Хоть глаза давно уже привыкли к темноте, все равно, кроме черного силуэта ничего не было видно. Ни мебели, ни просветов от уличных фонарей сквозь шторы. Окон словно вообще не существовало.

– Я позвонил ей, сказал, что ты приедешь утром или днем...

– Ты... Что сделал? Замечательно! – Виктория подошла к Харону, пытаясь строгим взглядом посмотреть на его лицо. – И как мне теперь объясняться, что за мужчина ей звонил? Как тебя представить? Демон?! Демон Харон? Просто Харон? Инкуб? Или просто, что Виктория – чокнутая?!

– Ты отчитываешь меня? – Харон искренне удивился.

У него был бархатный голос, шелковистый, но интонация, с которой он говорил, слегка пугала.

Он щелкнул пальцами и бра, неуклюже разбросанные по стенкам, загорелись томным, бледным светом, лишь едва наполняя комнату слабым свечением. Вика отшатнулась. Она никак не ожидала увидеть Харона в таком виде: растянутая, выпущенная из брюк рубашка, белоснежного цвета, слепящая глаза, туфли, аккуратно причесанные волосы, едва заметная щетина, черные глаза, наполненные возмущением и искренним недоумеванием.

– Нет. – Быстро ответила девушка, кутаясь в кофту. – Нет. Я просто интересуюсь, что мне дальше делать. И ... что именно ты сказал моей маме?

Вика замолчала, неотрывно таращась на растянутую рубашку. Демон едва заметно улыбнулся едва и неспешно начал застегивать пуговицы. Вспыхнувшие, красные щеки девушки слегка развеселили его.

– И все? – спросил он, пытаясь застегнуть пуговицу на животе.

– Что все?

– Разве это все, что ты хочешь знать?

– Нет. – Виктория внезапно стала строгой. – Я хочу знать, что ты тут делаешь? Или что я тут делаю, если ты запретил мне вызывать тебя?

– Ты ответила на свой вопрос: я запретил тебе! Но мне никто не запрещал появляться по своему желанию и усмотрению. Абсолютно случайно я узрел твое тело в ночных дебрях и, будучи уверенным, рано или поздно я все-таки получу от тебя то, что хочу, я решил, так сказать, спасти твое тело. Я сделал это. Что касается твоей матери, то – Харон заговорил таким же голосом, как Виктория, – мам, не переживай, все нормально, остаюсь у Васьки, завтра приеду.

Виктория, открыв рот, смотрела на него, в очередной раз не понимая, как он это делает. Его голос звучал идентично ее.

– И она тебе поверила? Мама моя, я имею в виду? – Вика удивленно хлопала глазами.

– Конечно... Кстати, зачем вы отчитываетесь, когда вернетесь? Во сколько и с кем? – спросил Харон, наконец, справившись с пуговицами. – До чего неудобная штука...

– Что значит зачем? Она моя мама, нервничает, переживает, вдруг, что случится со мной... – попыталась объяснить Вика.

– И что тогда? – Харон бросил на нее хищный взгляд из-за плеча. – А? Что тогда? Что она сможет сделать? На что вы, люди, способны ради тех, кого любите? Если тебя придавит многотонной плитой, она сможет в одну секунду сдвинуть ее, чтобы подарить тебе возможность дышать? Она сможет вытащить тебя с тонущего корабля в Индийском океане, будучи на другом полушарии? Что она сможет сделать, если в игру вступает Смерть?

– Харон... Материнская любовь. Она... Мне тяжело объяснить, у меня нет детей, но я люблю свою маму и если бы ее придавила плита, я бы наизнанку вывернулась, но попыталась бы вытащить ее оттуда... И я могу представить, насколько сильно мать любит свое дитя и на что она готова ради него...

– Все-таки порой я рад, что работаю именно с живыми людьми. Вы такие забавные! Особенно ваша философия. Ни ты, ни она, ничего не сможете сделать, но горе – хороший старт начать оплакивать. У тебя слишком сильно болит голова, Виктория! Что ты можешь сделать с этим?

– Откуда ты знаешь?... Господи, опять я это спрашиваю. Не могу смириться с мыслью, что ты все знаешь. Тебе не скучно жить?

– Нет, я ж говорил тебе, люди вполне развлекают меня. Ну так что ты можешь сделать со своей головной болью?

– Выпить таблетку.

– Выпей.

– У меня ее нет. – Виктория поняла, к чему он клонит. – Но ты можешь мне помочь, да? Демон улыбнулся. Девушка неотрывно смотрела на него, запоминая каждую выемку на его лице, каждый штрих и ямочку. Его лицо было бесподобным, на него нельзя было не смотреть.

– Помогите мне, – настойчиво прошептала Вика, чувствуя как виски сжимаются тисками все сильнее и сильнее.

– Убрать боль? – он уже стоял рядом с девушкой, поправлял ее рыжие волосы. – Освободить от этого чувства?

– Да, – Вика закрыла глаза, словно котенок, едва не замурлыкала от мягких поглаживаний.

В одну секунду боль отступила, тепло разлилось по головным сосудам, обогащая мозг новыми силами.

– Что еще, моя госпожа? – цинично спросил демон, не выпуская девушку из рук.

И снова губы. Его губы на ее шее. Маленькие молнии проскакивали по телу от его поцелуев, жар от его рук, ладоней. Страсть разжигала сумасшедший пожар, а у Вики не было ни граммульки воды, чтобы потушить его. Всего лишь согласиться на сделку и тело получит то, что так безумно жаждет. Но ни сердце, ни душа не получают той любви, о которой пишут в книгах, шепчут многомиллионные бюджеты актеров с экранов мирового телевидения. Душа хотела не просто плотских игрищ. Она даже ни на секунду не хотела думать о том, что демон... А знает ли он, что такое любовь? Есть ли для него хоть доля правды в этом жестоком слове?

– Мне продолжить?

Его шепот разрезал ночь, заставив вскрикнуть, изнемогая от боли. Виктория открыла глаза.

– Нет. Я должна идти...

Девушка схватилась за голову, с ужасом проворачивая свои действия в памяти. Харон не сдерживал ее. Он молчал, сложив руки на груди, наблюдал за девушкой. Он не понимал ее. Как же так? Если присутствует безумное желание, то почему не удовлетворить его? Почему не заплатить и не получить то, что сводит с ума каждую ночь?

– Где моя туфля? – спросила девушка, стоя в огромной прихожей.

Харон появился в проходе и улыбнулся, томно разглядывая Вика.

– Туфля?

– Да!

– Та, которую ты потеряла в кустах?

– В кустах? – Вика удивленно посмотрела в глаза демона. – Ты не мог прихватить ее с собой? Как мне теперь идти?

Внезапная претензия просто ошарашила Харона. Он приподнял одну бровь, удивленно рассматривая оливковый цвет глаз.

– Что мне делать, Харон?

Настойчивый голос врезался в голову. Демон молчал, не прекращая сжигать девушку своими янтарными глазами.

– Я даже не предполагал, что ты уйдешь сегодня... – наконец, выговорил он.

– Это все прекрасно и замечательно, но ты не ответил на мой вопрос. Как я должна дойти до дома в одной туфле? Как ты мог не подумать, что мне понадобится вторая туфля. Люди обычно носят обе, одновременно! На двух ногах! К тому же, ты видел, что она лежит в кустах! Я не понимаю, что, действительно, было так тяжело взять ее?

Харон был мрачнее тучи и на то была причина. Никогда в жизни женщины с ним так не разговаривали. Сон всегда настолько сильно искажал реальность, что все до единой были готовы и отвечали лишь единственное слово «да». Все. Дальше им не надо было говорить. Дальше в игру вступал язык тела и умопомрачительные игры в преддверьях катарсиса. Но чтобы Харона отчитывали за утерянную туфлю... Это нонсенс!

– Хорошо. – Вдохнула Виктория, стоя в одной туфле. – Тебе придется отнести меня. Не знаю, что и как ты это сделаешь, но мне надо оказаться дома.

– Ты уверена насчет «должен»? – возмутился демон, разум к которому постепенно возвращался.

– Абсолютно. Я не могу идти босая. А босая я по твоей милости.

– Хорошо! – Демон щелкнул пальцем перед носом девушки и в одно считанное мгновение, они оба оказались в ее маленькой комнатке.

– Ты дома. – Сообщил очевидный факт Харон.

Виктория озиралась по сторонам, пытаясь понять реальность ли все то, что ее окружало или вымышленный мир демона, в который он погрузил ее.

Все на своих местах. Все, как должно быть. Куча карандашей и краски, альбомные листы и ватманы. За стенкой кашляла мама. Ни единого намека на ложь.

– Это все настоящее? – шепотом спросила Вика.

– Цена та же. Когда вновь успокоишь мондраж страсти в ночи и перестанет свербеть внизу живота, позови меня, я напомню тебе, как это могло бы быть, если бы ты заплатила.

Харон исчез, а Виктория, не справившись со своими чувствами, разрыдалась.

Что ей оставалось делать? Она влюбилась в чудовище, совершенно забыв, что оно не имеет никакого понятия о человеческой жизни. Это существо, в любви к которому погрязла двадцатилетняя девушка, предлагало сделку и к своему ужасу Вика понимала, что если еще раз она увидит его, еще раз он дотронется до нее, еще раз в ушах прозвучит его бархатный голос, она больше не сможет говорить это невозможное, болезненное слово «нет». Черт с ним, хоть одну ночь, но Харон будет принадлежать ей и только ей. Девушка была почти готова крикнуть «да», как внезапно в голову закралась мысль.

– Мам, я вернулась, – тихо сказала Вика, заглядывая в комнату матери.

– Вик? Ты? – Ольга Владимировна спросонья даже не поняла, что происходит, – сколько времени?

– Рано еще, спи. Я тоже пошла.

Когда Виктория открыла глаза, день уже убегал под агрессивным натиском вечера. Девушка спрыгнула с кровати и помчалась приводить себя в порядок, завтракать и рассказывать маме, как прошел экзамен и что творилось после.

– Какой у тебя следующий экзамен?

– Все. Это последний был. Дальше защита проекта и вуаля, я дипломированный специалист, ты за меня порадуешься.

– Когда защита? – мама пила кофе.

– Через две с половиной недели. Но у меня уже все готово. Это все-таки не философия.

– Ладно, дочь, я пошла собираться на работу.

– Опять?

– Да, Света заболела, я ее подменяю. К тому же, заведующий отделением уходит, сейчас будет конкурс на его место. Я хочу попробовать.

– Конечно, мам, ты обязательно пройдешь. Посмотри, сколько у тебя всяких наград и благодарностей. Я вообще считаю, что ты самый лучший реаниматолог!

– Как хорошо, когда тебя поддерживают! – Ольга Владимировна чмокнула дочь в щеку и ушла собираться.

Виктория отправилась к себе в комнату под предлогом подготовки к защите проекта. На самом деле, как только входная дверь закрылась и мама отправилась на работу, девушка бросилась делать ритуал.

Она собиралась призвать Люцифера и настрой ее был решительным. Если Харон отказывается, то Люцифер-то поможет.

Все было готово, кроме договора и времени. Стрелки часов должны были быть непременно на цифре три в ночное время. Это важное условие, описанное в книге. И если проблем со временем не было, нужно было всего лишь подождать, то проблемы с договором имели место быть.

Во-первых, Виктория долго думала о форме контракта. Это должен быть юридический договор? Просто текст? Форма таблицы? Как он должен выглядеть?

Во-вторых, плата. Что можно предложить Люциферу взамен за его услуги? Виктория не могла предложить ему душу. Если она отдаст Люциферу душу, значит умрет и не сможет быть с Хароном. Тогда что?

Два вопроса над которыми девушка думала остаток вечера и половину ночи. В итоге, договор она решила сделать в свободной форме. Просто взяла два листка а написала, что за оказанные услуги расплатится...голосом.

Виктория решила предложить владыке ада свой голос. Слух она не могла отдать, поскольку должна была слышать нежные слова, которые Харон будет ей шептать. Зрение – даже не обсуждалось. Виктория сходила с ума от одного только вида мужчины. Больше ничего ценного у нее не было.

Девушка состряпала простенький договор, проколола палец и шлепнула кровавый отпечаток. Она несколько раз прочла текст, отсчитала примерное количество времени, необходимого для заклинания и без трех минут выключила свет.

В центре комнаты горела свеча. Пентакль, символизирующий Люцифера и договор, завернутый в плотную ткань в центре нарисованного равностороннего креста.

Вика очень нервничала, все тело сжималось, как вселенная перед большим взрывом, предвкушая великую встречу. Страх тоже был недалеко. Позвать в дом Люцифера и оставаться при этом спокойной и не знать страха – наглая ложь. И если Вика могла внешне выглядеть так, словно «Несущий свет» был другом детства, то внутренний мондраж спрятать она не могла.

Девушка закончила читать заклинание ровно в три. Она оглянулась. В комнате никого не было. А через секунду затухла последняя свеча и помещение погрузилось в кромешную тьму, освещенное едва видимым ночным светом из окна.

Тишина.

Вике казалось, что по комнате начал ползать бесчувственный ветер и какие-то тени. Шаги, вздох... Девушка вертелась на месте как юла, в поисках приглашенного владыки...

Но никто не появился и даже через десять минут, и через пятнадцать и через полчаса. Виктория была одна в комнате.

Еще в течение трех часов она пыталась сделать ритуал, читала заклинания с разным темпом и ударением, зажигала и тушила несчастные свечи. Но ничего не происходило, никто не появлялся. Время было около шести утра. Вика сидела на полу и смотрела в некуда. Что уж скрывать, она была чрезмерно расстроена и не сдерживала слез. Вертелся лишь один вопрос – почему он не пришел? А за ним и другой, что не так и что сделать, чтобы он пришел?

Вся подавленная, рыдающая, с рухнувшей мечтой, Вика стирала пентакль с пола, убирала следы воска, прятала не работающие заклинание. Ей совсем не хотелось, чтобы ее мама, доктор медицинских наук, застала в комнате дочери хоть малейший намек на что-либо сверхответственное.

В одиннадцать утра Вику разбудил звонок сотового: Василиса собиралась идти гулять по городу и не просто гулять в одиночестве, а именно со своей подругой Викторией.

Как ни старалась девушка отказаться от гулянок, Васька так просто не отвяжется и ей пришлось согласиться.

Девушка чувствовала себя ужасно, не выспавшейся и разбитой. В голове жил лишь Харон и все, что с ним связано и ничего больше. Словно зомбированная, Вика с полужакрытыми глазами шла в ванную, приводить себя хоть в какой-нибудь порядок. И вот уже через полтора часа Виктория оказалась на Тверской улице, где ее ждала Васька.

– Не прошло и года мы, наконец, встретились! – заголосила подруга, – Викуся, как я рада!

она бросилась обнимать ошарашенную девушку и без остановки тараторить, бесконечно долго рассказывая о своих делах.

– Вика, как сдала? Ты мне еще не говорила!

– Хорошо сдала. Осталось вот проект защитить и все, можно уже идти на работу... Жизнь почти остановилась. Как твоя сессия?

– Моя? Еле выплываю. Тройка на тройке и тройкой погоняет. Но мне, честно говоря, наплевать. Скорее бы уже закончить этот убогий универ. – Василиса закатила глаза. – Пойдем зайдем покушать куда-нибудь, умираю с голода!

Виктория пожала плечами. Ей, по сути, было безразлично, куда и с кем идти. И это безразличие спустя какое-то время заметила Василиса.

– Слушай, ну не переживай ты так. Что он, последний мужчина на земле? – внезапно сказала Василиса.

Виктория посмотрела на нее непонимающим взглядом.

– О ком ты говоришь?

Она знает. Откуда? Мысли вертелись в голове, неловкость подступала ближе, сознание стеснялось.

– О Даниле, о ком же еще! После вашего разрыва, ты сама не своя. Я не узнаю тебя! Раньше в тебе было столько энергии, жизни и смеха, а сейчас передо мной сидит бледнолицое оно. Забудь о нем.

– Э... Вообще-то, Данил здесь ни причем. Я о нем и не вспомнила, пока ты мне не напомнила, что он вообще был.

– Ты почаще себе это говори и он действительно забудется.

Виктория вздохнула. Как можно общаться с людьми, если они тебя не слышат? Тебя не хотят слышать.

– Да, наверное, ты права... – Вика вспомнила о Хароне. – Может мне действительно стоит отпустить его.

– Конечно! Он не нужен тебе! У него уже все хорошо, а ты все киснешь. Вик, так же нельзя. Я знаю, что значит любить и как тяжело, когда не любят тебя...

«Если бы ты знала... этого разговора сейчас бы не было», горько усмехнулась Виктория.

– Ничего, я справлюсь. Но я еще не все попробовала...

– Что это значит? – Васька удивленно посмотрела на подругу.

Только в тот момент Вика поняла, что ляпнула лишнее.

– Ничего. Как твоя новая пассия? – сменить тему – единственное, что пришло на ум Вике.

К ее счастью, Василиса была очень забывчивая, даже скорее невнимательная, поэтому довольно быстро переключилась на свои чувства, совершенно забыв о подруге.

Виктория не слушала Ваську, ее вызывающие междометия и выкрикивания. Она думала лишь об одном: почему Люцифер не пришел? Все ведь было правильно: договор в любой форме, кровь, печать, текст... Что не так?

В очередной раз Вика начала сомневаться в своей нормальности. Может, просто никакого Люцифера и вовсе не существует? Все, что с ней произошло, девушка придумала сама?

Вечером, поделившись с мамой прекрасным враньем, создав бесподобную иллюзию, Виктория отправилась в свою комнату. Замок щелкнул и все понеслось снова: пентакли, свечи, заклинания.

Виктория перерыла все книги, интернет и сделала все, как написано. Но ничего. Никто не появлялся. Ну как же так? Как такое возможно?! Харон-то явился сразу же, даже, когда его не ждали, вошел в сердце и сидит теперь и рвет его изнутри. Почему не приходит Люцифер?

2 сентября 2013 (понедельник)

Шли дни, недели, месяцы. Виктория на отлично защитила свой проект и совсем сникла, потеряв себя в поисках Люцифера. Она совсем плохо выглядела, практически ничего не ела, в основном пила, в большинстве случаев – кофе, очень крепкий. У нее уже практически выпали глазницы, выкрашенные слабостью в черный цвет. Рыжие волосы, веснушки, некогда отражающие собой солнце и дарящие окружающим тепло и радость, померкли и потускнели.

Уже очень давно Виктория не спала нормальным сном. Почти все ночи она тратила на поиски путей к Люциферу. Она пыталась достать его любым доступным способом, а это было возможно лишь ночью, как твердили все заклинания в один голос.

Днем же Вика должна была строить из себя нормального, здравомыслящего человека. Ее мать была строгих нравов и если бы она заметила, что дочь не уверена в своем душевном здоровье, то она бы вылечила ее.

Конечно, в то время, когда мама была на работе, Вика спала как убитая, восстанавливая силы, но их все равно было недостаточно.

К тому же ей надо было искать работу, делать видимость, что она ищет ее. Ей вообще приходилось делать видимость, что она живет и не просто живет, а очень радуется этому факту. На самом деле, когда в душе и сердце поселяется любовь и страсть, желание жить становится практически невозможным. Все, что не делается или делается, слышится и видится, все превращается в одно сплошное страдание.

– Вик, привет. Давно встала? – звонок мамы порой хуже пожара.

– Час назад. Сижу ем. Что за имерджанси? – жуя несчастный огурец, спросил Вика.

– Я забыла документы на столе. Видишь? Могу я попросить тебя привезти их мне на работу? Они мне очень нужны.

– Мам... – Вздохнула Виктория.

У нее были планы, совсем другие. Она собиралась осмотреть еще пару книжных развалов в районах МКАДа. Носиться по больницам времени у нее не было.

– Что «мам»? – тут же прозвучал строгий голос. – У тебя все равно нет никаких собеседований сегодня. Мне правда нужны они.

– Хорошо. Хорошо. Через полтора часа буду.

– В реанимации. Сегодня дежурю.

– Хорошо. Поняла. Пропуск закажи мне.

– Уже. Давай. Жду.

Ненавидя весь мир и большего всего забывчивость матери, Виктория отправилась в больницу.

Вика терпеть не могла больницы и никогда не понимала, как можно там работать. Место, заполненное болью и отчаянием. Там всегда плачут и умоляют. Рождается вера в сверхъестественное, забываются помощь простых врачей. Слишком много страданий и переживаний. Слишком сильно болит сердце, глядя на все, что там творится.

Виктория шла по отделению реанимации, ей оставалось еще метров десять-пятнадцать до ординаторской, когда она услышала слабый звук, голос, неразборчиво просящий о чем-то.

Девушка завернула в открытую палату и с первой же кровати что-то сильное схватило ее за руку. То была старушка с хваткой здорового мужика. Виктория занервничала, пытаясь вырвать руку, но женщина крепко держала ее. Ее белесые глаза, не имеющие жизни, впились в лицо девушки.

– Ты заберешь его. Я выбираю тебя. – Прохрипела могильным шепотом старуха и стиснула руку еще сильнее, хотя сильнее казалось уже невозможно.

– О чем Вы? Отпустите! – Виктория почти уже боролась со «слабой и больной» бабушкой.

Старуха ничего не ответила. Она легла на подушки, закрыла глаза, продолжая держать руку.

– Ты заберешь его... – снова повторила она и, наконец, отпустила онемевшую руку.

Старушка выглядела умиротворенно, словно спала и ей снился прекрасный сон.

«Сумасшедшая дура», Виктория выскочила из палаты и сделав, еще пару-тройку шагов, уже оказалась в ординаторской.

– Быстро ты, – мама выглянула из-за шкафа. – Викусь, прости, пожалуйста, у меня сейчас плановая операция, мне надо бежать. Оставь документы на столе, ладно?

– Ладно. – Девушка вздохнула в ответ.

– Ты не обижаешься? – женщина остановилась в дверях и посмотрела на дочь. – Вика, что с тобой? Ты приболела?

– Нет, нет, все в порядке. Я устала...немного.

– Черт! Самый страшный звук для реаниматолога!

Они обе услышали пронзительную линию звука, режущего уши. Ольга Владимировна выскочила из ординаторской, Виктория за ней.

В той комнате, у умиротворенно спящей старушки остановилось сердце, о чем аппаратура трезвонила на все отделение, призывая врачей вернуть жизнь.

– Дефибрилляторы, адреналин... – кричали врачи, медсестры носились рядом, исполняя все указания.

Виктория, облокотившись у стены, смотрела и переживала за бедную старушку.

– Время смерти 18:07...– услышала она приговор, после которого отчетливо начинаешь понимать глубочайший и, наверное, бессердечный смысл слова «все».

Женщину отключили от аппаратов, писали данные, врачи были расстроены.

– Свет, звони родным, пусть с патологичкой свяжутся... – мать Виктории давала приказ медсестре.

– Ольга Владимировна, у нее никого нет.

– Вообще? – удивилась врач.

– Вообще. Все как обычно?

– Тогда да. – Ольга Владимировна посмотрела на дочь, – тебя тут не должно быть. Давай, иди домой. Я завтра после обеда буду. Спасибо, что привезла документы.

Девушка вздохнула, развернулась и ушла. Ей было немного обидно, потому что мать всю жизнь делала карьеру врача и продолжала ее делать. Понятное дело, что делала она это успешно и к своим годам зарекомендовала себя врачом от Бога. Жаль лишь одно, когда люди делают карьеру, они не могут одновременно делать семью.

Виктория вернулась домой и завалилась спать...

Ночью она внезапно открыла глаза и совсем непонятно зачем, начала шептать что-то на абсолютно незнакомом языке:

Ebenus, opprobrium, conticinium, lacrimose, venetum, abominamentum, reflabriventi, basiator, zodium, horripilato, perfluus, flammossus, universus, gloria, tabifluus, damnatio, martyrium, infidelitas, securitas, necrosis.

На последнем слове наступила убивающая тишина. Стало настолько тихо, что Виктория слышала, как внутри мчится кровавый поток. Совсем легкий ветер, такой же безмолвной, как и все вокруг. Девушке было так страшно, что дыхание почти остановилось. Не нужно было быть мудрецом, чтобы понять, что что-то не так. Когда все, что двигалось в привычном русле, внезапно застывает в паралитическом ужасе – по меньшей мере, странно.

Виктория лежала на кровати, выпученными глазами смотрела в потолок, не понимая, что происходит. Она даже пошевелиться боялась.

– На протяжении двух с половиной месяцев... – послышался тяжелый мужской голос, излучающий непоколебимую власть.

Несмотря на свою тяжесть и властность, голос был пьяняще притягательным и таким приятным, словно по спине провели лоскутом шелка. Этот звук можно было слушать часами, можно было влюбиться и вовсе потерять рассудок. Но Виктория, помимо всех сладких чувств, испытывала животный страх: звук голоса не имел никакого отношения к Харону.

– Да, два с половиной месяца, – подтвердил мужчина, – я слышал твой призыв.

Виктория, наконец, собралась с духом и подняла голову от подушек, посмотреть на гостя. За ее компьютерным столом сидел мужской силуэт.

– Ну так я здесь! – мужчина резко вскочил со стула и рванул к перепуганной до смерти девушки.

Виктория вздрогнула и накрылась одеялом с головой. Секундная тишина, следом раздался смех. Девушка закрыла глаза и зашептала все ту же молитву, единственную ей известную.

– Забавно... «да святится имя твое...»

Голос прозвучал прямо под одеялом. Виктория понимала, что «оно» не проникало под ткань, но была уверена на триста восемьдесят процентов, что тот, кому принадлежал голос, был вместе с ней под одеялом.

Виктория завизжала что было сил, спрыгнула с кровати и попыталась выбежать из комнаты. У самой двери, в полной темноте, она врезалась в высокого мужчину и грохнулась на пол.

– Нет, пожалуйста! – девушка закрыла глаза, пытаясь хоть как-то унять начинающуюся истерику.

Так страшно ей еще никогда не было. Даже, когда Харон впервые пришел к ней, она не чувствовала такого страха.

Внезапно, даже сквозь закрытые глаза, Виктория ощутила, что в комнате становится светлее. Не совсем, чтобы как днем, но хоть не тьма – глаз выколи.

Молясь, крестясь, умоляя не трогать ее, Вика открыла глаза на свой страх и риск. В десяти сантиметрах от ее лица она увидела мужское лицо. От неожиданности, она отпрянула

назад, умоляя сердце колотиться не так быстро. На нее смотрели глаза, зелено-коричневого цвета, с едва заметным оттенком бордового.

Виктория ничего не замечала, кроме страшно красивых глаз. Наверное, минуты две спустя, девушка осмелилась окинуть взглядом гостя целиком: светло-русые волосы спадали на глаза, едва заметный прищур, губы в кривой, заинтересованной ухмылке, прямой нос, словно искусственно созданный. Он был даже чересчур идеальным.

Незнакомец просто сжигал, уничтожая девушку своим тяжелым взглядом.

Виктория молчала, загипнотизированная пронзающим взглядом. Нежданное существо тоже молчало, внимательно изучая веснушчатое лицо девчонки.

Мужчина шевельнулся, Виктория вздрогнула, но даже не успела моргнуть, как его рука трогала ее волосы.

– Какой необыкновенный рыжий цвет... – прошептал он, рассматривая прядь волос у себя в руке. – закат умирающего солнца... А он и вправду молодец, создать такую красоту... Почему ты перестала шептать свою забавную молитву?

Мужчина вновь перевел взгляд на девушку, на ее глаза. Она не шевелилась, все так же сидела на полу и едва дышала

– Ты... – чуть слышно спросила она, тут же поправив себя, – Вы – инкуб?

Мужчина улыбнулся, переместив свой взгляд на дрожащие губы.

– Нет, Солнышко. Разве ты инкуба ждала, шепча мое имя? Ты знаешь мое имя? – он наклонился к ней еще ближе.

Виктория почувствовала запах и он был такой приятный и нежный, словно не существовало никакой угрозы, да и вообще ничего паранормального. Запах цветущей природы, с тонким ароматом кедровой хвои, утяжеляющий всю композицию: самая главная нотка указывающая на то, что перед ней не просто мужчина, каких много.

Незнакомец вновь приблизился к ней на максимально близкое расстояние, разглядывая ее горящие щеки.

Виктория не дышала. Каждое движение гостя заставляло ее напрочь забыть о своей физиологии. Она просто застывала и изучала гостя.

– ... Люцифер... – прошептала она, осипшим голосом.

Мужчина усмехнулся и встал. Он осмотрелся в комнате, особе внимание обратил на стул у стола. Схватил его и поставил около кровати, рядом с которой сидела перепуганная до чертиков Вика.

– А почему ты удивляешься, Солнышко? – спросил он, поправляя кольцо на левой руке.

Огромный перстень с какими-то узорами. Это были не просто узоры. Даже ничего не понимающая в рунах Виктория в тот момент осознала, что на кольце были изображены древние, возможно даже никому неизвестные знаки и символы.

– У тебя довольно душно... – Мужчина вновь осмотрелся и расстегнул две пуговицы на рубашке. – Наверное, как в аду... Шутка. Это вы, люди, думаете, что у нас там вечное пекло.

– Это не так? – внезапно спросила девушка.

– Вечное пекло на солнце... хотя я не уверен, что оно вечное. У нас нормальная, устойчивая концепция естествознания и природы.

– То есть, вы не жарите никого на сковородках с вилами? – Вика позволила себе улыбнуться.

Люцифер бросил быструю улыбку и снова опустился на пол к девушке, поближе к ее оливковым глазам.

– У чертей много работы, – прошептал он, рассматривая шею девушки, – и вилы, и сковородки присутствуют... Выражаясь метафорически, конечно.

Он наклонился уже совсем близко к ее уху, его губы уже почти касались мочки. Виктория закрыла глаза, в очередной раз забыв про кислород.

– Но я знаю, что черти – это не то, зачем ты звала меня на протяжении стольких дней... Скажи мне, Солнышко, зачем ты звала меня? Заставила бросить довольно важные дела, чтобы явиться к тебе? Зачем?

– Вы же сами знаете... – Вика опустила глаза, краснея.

Люцифер опустил голову и улыбнулся. Его, несомненно, забавляла вся ситуация, и, единственное, о чем он жалел, так это то, что не пришел раньше так развлечься.

– Исправь меня, если я ошибаюсь, – он откашлялся, вернувшись вновь на стул. – Ты, человеческое дитя, влюбилась в одного из моих подданных.

Виктория опустила глаза. Люцифер встал и пошел бродить по комнате. Его движения были такими грациозными. Скользящими, невозможно эластичными.

– Вот это да! Влюбиться в... Ты же знаешь, в кого ты влюбилась? Род его деятельности?

Вика посмотрела на гостя, на его легкие движения.

– Харон... он... – заикаясь начала она говорить, – он – инкуб.

– Именно, Солнышко! Ты влюбилась в инкуба. Но он не просто инкуб. Он верховный демон-легионер. Король инкубов в моем царстве и ему подчиняются легионы! Это очень трогательно влюбиться в него. И глупо. Но не мне судить. Что ты хочешь от меня?

Виктория молчала. Она уставилась на пол и просто молча крутила мысли в голове, не зная, как бы их аккуратнее выложить гостю.

– Не стесняйся, дитя, у тебя такая редкая возможность получить аудиенцию у меня и я надеюсь, ты воспользуешься ей с умом!

– Прости... те, – Вика встала с пола и, на всякий случай, сделала пару шагов к двери. – Я хочу заключить сделку. – Набравшись храбрости, прошептала она.

При слове «сделка», мужчина моментально стал серьезным и быстрыми шагами подошел к девушке. Все еще прибывая в кромешном испуге, Вика попятилась к двери, пока не уперлась в нее.

– Сделка? – Люцифер вновь дотронулся до ее волос, убирая прядь за ухо. – Юное, цветущее Солнце, мы говорим с тобой об одной сделке?

Девушка молчала, рассматривая глаза собеседника. Красновато-бордовый цвет в его зелено-коричневых глазах стал ярче.

– Я хочу просить у Вас помощи. – Тихо ответила девушка. – Какова будет цена?

– Какую ты хочешь помощь? – он взял ее за руку и подвел к кровати, усаживая на постель. Сам властелин уселся на рядом стоящий стул.

– Я хочу Харона... но не только как любовника и уж совсем не на одну ночь.

– Ты хочешь одного из моих лучших товарищей сделать влюбленным дурачком?

– Не совсем, – быстро затараторила девушка, – не совсем. Я хочу его как мужчину. Я хочу любви, чтобы он был со мной. Но я не могу предложить свою душу поскольку, отдав ее Вам, я не смогу наслаждаться тем, что буду иметь...

Люцифер тер подбородок, сидя на стуле, смотря в некуда. Он был озадачен.

– Любовник из ада... Скажи мне, Солнышко, неужели на земле так мало мужчин, которые хотели бы подарить тебе любовь, что за ней ты решила спуститься в ад и отдать что-то важное для себя? Может, тебе следует присмотреться?

– Нет, – твердо ответила она, – нет, мне нужен только он.

– Ох, Харон...обольститель женских сердец... Что же мне делать с вами?

Мужчина замолчал и погрузился в мысленный поток. Прошло более пяти минут, прежде чем Люцифер снова заговорил.

– Хорошо, – сказал он, – что ты готова предложить, если не душу?

Виктория молча опустила голову. Она нервно хрустела пальцами, вздыхала, косо глядела на интерьер комнаты.

– Я готова лишиться голоса...

– Голоса? – удивленно переспросил гость. – Где-то я это уже слышал... Ах да, в замечательной детской сказке про Русалочку. Это так романтично!

Мужчина встал и внимательно посмотрел на девушку. Затем он перестал улыбаться, да и вовсе нахмурился.

– Солнышко, ты что, серьезно, хочешь отдать мне голос, взамен на то, что я отдам тебе своего лучшего верховного демона-искусителя и к тому же товарища, жить на землю?

По одной только интонации, Виктория догадалась, что предложила глупость.

– Что я еще могу дать, кроме души? – осторожно спросила она.

– Торг? – удивился властелин. – Интересно. Давай, предлагай, что у тебя еще есть, кроме души.

Все, что девушка могла предложить дальше, лишь смешило Люцифера. Он отметал предложения одно за другим. Виктория начинала нервничать, понимая, что сделка вот-вот сорвется. А кто, кроме Люцифера, сможет ей еще помочь?

– Ладно. Спасибо, что развеселила, но я с тобой уже два часа вожусь. Мне пора. Перед тем, как уйти, скажу тебе кое-что: то, что ты предлагаешь, мне совершенно не интересно. Я не коллекционер и не собираю людей по частям. Я довольно принципиален и строго придерживаюсь установленных мною правил. Могу тебе предложить вот что: я заберу твою душу через два года и сохраню тебе жизнь, так и быть. Виктория, послушай внимательно: ты будешь жить, ты сможешь наслаждаться обществом Харона в течение двух лет. После я заберу душу.

– Почему нельзя дать мне всю мою жизнь вместе с душой и забрать ее после смерти в старости? Душа же не стареет, так какая разница, когда Вы ее заберете? Два года или семьдесят лет...

– А ты уверена, что доживешь до семидесяти лет? Я и так рискую, отдавая тебе эти два года. Если с тобой что-то случится, то я не успею забрать душу. Она отойдет туда, куда следует, а не мне. Плюс, я не могу позволить Харону быть на земле в течение такого длительного срока. Мое последнее слово, Солнышко, два года, после я забираю душу и сохраняю твою жизнь. Так говори, да или нет?

Девушка насупилась. Два года. Так мало... Семьсот тридцать дней, в лучшем случае семьсот тридцать один, если год високосный...

– Два года... и ни одной женщины больше в его сердце?

– Сердце? У инкуба? Солнышко... Какая же ты забавная. Я предоставлю ему отпуск на два года. Он будет здесь.

Семьсот тридцать дней Харон будет прикасаться к ней, смотреть на нее, целовать... Он будет принадлежать ей. Да черт с этой душой!

– Хорошо. Я согласна. – Виктория попыталась улыбнуться.

– Подведем итог. Я отпускаю Харона и освобождаю его от обязанностей в аду на два года. Через два года я заберу твою душу, сохраняя право на жизнь. Ты будешь жить. Правильно? На это ты соглашаешься?

– Да.

Люцифер усмехнулся и подошел к девушке близко-близко. Их глаза смотрели друг на друга, а тишина прокрадывалась в комнату. Мужчина снял перстень, который на глазах принял размер дна стандартной кружки.

Вика смотрела на непонятный атрибут, не понимая, что происходит.

– Позволь, – Люцифер, едва касаясь плеча девушки, снял лямку майки.

– Что происходит? – Вика занервничала, прикрывая плечо рукой.

– Солнышко, ты заключила сделку. Я должен получить подтверждение. – Он подтянул ее к себе, крепко обнимая за талию.

– Переспать со мной? – в ужасе спросила она, слегка отбрыкиваясь.

– Да что ты! Разве похоже, что я говорю о сексе? – он прижал ее к себе еще сильнее, и окинул взглядом лопатку.

Он приложил к обнаженной лопатке свой перстень и Виктория почувствовала сильнейшую боль, словно на ее теле плавился раскаленный металл. Он прожигал ее кожу, сводя с ума.

Виктория вырывалась, пытаясь укротить боль, но Люцифер крепко держал ее.

– Нет, Вика, ты должна выдержать это... Потерпи еще. Я знаю, что это больно, но печать должна появиться на твоём теле, как гарантийный знак того, что ты мне должна и наша следующая встреча не за горами...

– Я не могу больше! – Вика завизжала, извиваясь как уж на сковородке. – Слишком больно! Пожалуйста, прошу Вас, остановитесь!

– А разве любить – не больно? – спросил Люцифер, выпуская измученную девушку из своих суровых объятий. – Готово.

Вика опустила на пол, стирая слезы боли. Мужчина присел рядом на карточки и надел перстень на палец.

– Виктория... Я рад нашему знакомству. Надеюсь, ты тоже. Сегодня третье сентября две тысячи тринадцатого года. Третьего сентября две тысячи пятнадцатого года я заберу твою душу и печать исчезнет.

– А как Вы ее заберете? – Робко спросила девушка, прикасаясь к плечу.

– Увидишь! До встречи, Виктория. Мне было приятно иметь с тобой дело.

Люцифер улыбнулся и исчез. Вика вздохнула и внезапно почувствовала невозможную усталость, словно кто-то опустошил ее. У нее едва хватило сил дойти до кровати, чтобы упасть на нее и провалиться в сон.

3 сентября 2013 (Вторник)

Виктория проснулась около полудня. Несмотря на то, что несколько часов назад ей казалось, что сил у нее больше никогда не будет, она чувствовала себя как-то по-новому. Свежо.

– Доброе утро, храброе сердце! – услышала она голос, ради которого продала душу Дьяволу.

– Харон... – прошептала она, усаживаясь на кровати.

Тот самый мужчина, к которому она почувствовала необъяснимую тягу, желание.... Любовь. Он сидел в ее комнате, около ее кровати.

– Я удивлен. Приятно удивлен. И, безусловно, мне польстила твоя выходка. Это же надо, достать самого Люцифера и заставить его сводничать. Виктория, я поражен твоим безрассудством. – Он почему-то отчитывал ее как маленькую девочку.

– Я всего лишь хотела быть с тобой... Хотела продлить одну ночь на как можно дольше... – Тихо ответила она.

– У тебя даже не было этой ночи, как ты можешь знать, стоит ли она того, что ты сделала?

– Я уверена, что стоит... Пожалуйста, Харон, позволь мне насладиться тобой эти два года. Тем более, что я такое сделала? Я всего лишь отдала душу, не жизнь... Хотя, наверное, еще немного переговоров с твоим повелителем, я бы и жизнь отдала.

Харон усмехнулся и подошел к зеркалу на шкафу. Он поправлял шевелюру, незаметно разглядывая свое лицо.

– Зря ты так к своей душе... Но я не в праве переубеждать тебя, да и поздно уже. Поздно ведь? – Харон искоса посмотрел на девушку.

– В смысле?

Мужчина направился к девушке и легким движением руки, скинул с ее плеча лямку майки.

– Да, поздно... – улыбнулся демон.

– Что там? – Виктория вскочила с кровати и подбежала к зеркалу.

На лопатке красовался круг, в нем – непонятные знаки. Вика дотронулась до «татуировки» и интуитивно вздрогнула от боли, которой на самом деле не было. Никакого дискомфорта. Никакой боли. Словно никакого ожога не было, как и самого Люцифера. К тому же, тату была черного цвета, что совсем неестественно для татуировок, в принципе.

– Что это? – спросила Вика, стоявшего рядом Харона.

– Метка Люцифера. – Ответил он, словно рассказывал банальную тему на детском утреннике.

– Метка Люцифера? – загадочно переспросила Вика, проводя пальцами по коже.

– Печать Дьявола. Как тебе удобнее называть. – Харон улыбнулся.

– О, господи, – прошептала девушка, отходя от зеркала, зажимая рот руками, чтобы не вскрикнуть. – О господи... Этого не может быть.... Я не могу... У меня не может быть татуировки. Мать убьет меня...

– Это не татуировка. Это печать.

– А, ну это изменило ситуацию в целом... «Мама, на мне печать Дьявола, это не татуировка» – Вика посмотрела на Харона. – Как звучит?

– Звучит так, будто ты собираешься обвинить меня в случившемся. Плохая идея, Вика.

– Как работает эта метка? – Девушка вновь уставилась в зеркало.

– Довольно просто. С каждым днем она будет ярче и чем ближе к дню исполнения договора, тем больше ты будешь ее ощущать.... Когда Люцифер заберет твою душу, метка исчезнет.

– Почему Люцифер не рассказал мне об этом? Он же должен был осветить мне все аспекты сделки.

Харон рассмеялся. Виктория удивленно смотрела на мужчину, не понимая, что смешного сказала.

– Люцифер ничего и никому не должен. Это во-первых. Во-вторых, это сделка с Дьяволом, а ты говоришь о честности. Я вообще удивлен, что он не обдурил тебя, дабы потешить себя или не уничтожил в первые секунды своего явления.

– А он мог?

– Мог. Он и не такое мог. Хотя мой повелитель очень дипломатичный и отличается чувством справедливости. Ну да ладно, хватит о нем болтать. У тебя есть два года. Как ты собираешься их проводить? Мы будем жить вместе?

– Нет. – Виктория не могла не улыбнуться. – Ты будешь жить отдельно. По крайней мере, первое время. Я могла бы оставаться у тебя....

Харон слушал девушку, незаметно прикасаясь к ее руке, проводя глазами по ее губам, жадным до его поцелуев...

– ... Мы будем ходить гулять...

Демон невозмутимо дотронулся до ее губ и поцеловал девушку, заключая ее в нежные объятия.

– ... Ходит в кино... – шептала она, пока мужчина целовал ее шею, опускаясь вниз, сводя с ума и без того уже пьянеющую от любви девушку.

Харон аккуратно уложил тающую в его руках Викторию на кровать, сладострастно осыпая ее поцелуями.

– Нет, Харон, нет, – прошептала девушка, останавливая демона. – Рано. Слишком рано.

– Что значит «рано»? – не понял мужчина, поднимая глаза на девушку.

Он был удивлен ее очередным отказом. Что сейчас мешало ей придаться тому, для чего, в принципе, она создана, тем более с таким партнером.

– Это значит, – отдышавшись ответила Вика, – что нельзя вот так вот взять и оказаться в постели. В смысле, а как же романтика?

Харон смотрел на девушку, пытаясь понять хоть грамм из того, что она от него хочет.

– Романтика?

– Ты не знаешь, что это такое, да, Харон? – печально спросила девушка, вставая с кровати.

– Я никогда не нуждался в романтике. Женщины не отвергали меня и были благодарны.

– Это было тогда, когда ты жил в подсознании каждой из них. Сейчас ты в реальности, а она довольно сильно отличается от того, что творится во сне... Я хочу таких отношений, которые могут быть только между мужчиной и женщиной, словно сказка, но наяву. Я хочу любви, которая сведет нас двоих с ума. Я хочу страсти, в которой можно захлебнуться от одного лишь глотка. Хочу понять твои чувства, истинные... У меня ведь всего два года, чтобы хоть как-то дать тебе почувствовать, что значит быть человеком.

Демон смотрел на девушку и... не испытывал ничего, кроме звериной похоти. О каких чувствах она говорила? Не все люди-то способны на чувства, а наивная двадцатилетняя девчонка собралась вытащить их из демона, в лицо которого влюбилась без памяти.

– В таком случае, я оставлю тебя, свет мой. Чуть позже свяжусь с тобой. Мне надо подумать о твоих словах и о моей роли в твоей жизни. Квартиру надо подыскать. Я ж теперь что-то вроде человека, да?

Харон улыбнулся, окинул еще раз девушку жадным взглядом и просто исчез.

Виктория осталась одна. Посреди комнаты, не веря ни во что. Ей казалось, что все это сон. Ну какой Люцифер? Какой инкуб? Какой договор? Можно было подумать, что все не по настоящему, но вот нестирающаяся татуировка на лопатке говорила об обратном.

Виктория молча смотрела на текущую воду по ладоням, сидя на краю ванны и думала. А правильно ли она сделала? Насколько ужасно то, на что она решилась? Но безумная любовь к демоническому мужчине не давала долго думать о содеянном...

– Как прошли несколько часов, проведенных с неспящим человеком? – поинтересовался Люцифер, увидев напротив мужскую фигуру.

Повелитель сидел в простолудивой кофешке, думал о современном бытие, попивал кофе. Он совсем не удивился, увидев своего друга, Харона, усаживающегося за стол.

– Пока не понял. Честно говоря, ничего не понял. Почему ты мне не сказал, что она хочет «романтики» и «истинных» чувств? Что мне делать?

Люцифер улыбнулся, поправил галстук и сделал глоток бодрящего кофе.

– Не поверишь, она не говорила, что хочет «истинных» чувств и «романтики». То, о чем она просила, я был уверен, что ты с легкостью дашь ей. Придется тебе подыграть даме.

– Как? Я не умею любить!

– Харон. – Люцифер на мгновение стал серьезным. – Мы заключил сделку. Мы же честные товарищи. Девчонка пожертвовала своей душой ради твоих объятий. Будь с ней поласковее. Сможешь?

Харон смотрел на своего друга, повелителя, очень усердно пытаясь понять, что от него хотят.

– Я не очень хорошо осведомлен в человеческих отношениях, в романтике. Я не понимаю, что ей надо... Как вообще ей удалось вытащить тебя к себе? Что она сделала? Тебе миллиарды людей пытаются отдать души, но ты глух к их просьбам.

Люцифер усмехнулся. Он помешал кофе, заглянул в образовавшуюся воронку и тихо прошептал:

– Я уже давно вступил в игру... Еще тогда в кафе... Я впервые видел, чтобы инкуба били со всей серьезностью... Меня заинтересовала девушка. Я стал наблюдать за ней, затем, как она медленно влюбляется в тебя. Ты не представляешь, но каждый вечер она сидела с лезвием у вен, с текстом, готовясь вызвать тебя. Потом она отступилась от этой идеи, крича о господнем возмездии. Потом она попыталась привязать тебя. Не удалось. И она нашла выход: попытаться связаться со мной. Бедная девушка, никак не могла понять, что все выдуманное людьми заклин-

нения не могут заставить меня появиться. Я молча наблюдал, как менялись заклинания ритуалы, как покупались книги, атрибуты, гарантирующие мое появление. Все бестолку. В какой-то момент, мое сердце сжалось. Я подсунул ей умирающую ведьму, которая передала свой дар. Именно благодаря этому Виктории удалось заключить сделку. Осторожнее Харон, теперь она – настоящая ведьма. Серьезный вред она нанести не сможет, я надеюсь, но заставить понервничать может. Виктория и не догадывается, что получила сильнейший дар и уж тем более понятия не имеет, что с ним делать.

Харон опустил глаза, посмотрел на друга и не знал, то ли ему радоваться, то ли ужасаться.

– Вот это ты встряхнул унылые будни, – тихо сказал демон. – Ты подсунул мне ведьму, Люцифер!

– Да. – Он рассмеялся. – Уверен, что ближайшие два года будут веселыми. Теперь тебе точно скучать не придется, друг мой. По поводу романтики и всех остальных чувств, советую тебе погулять по городу. Понаблюдай за людьми. Я уверен, что ты откроешь их с другой стороны. Посмотришь на то, как мужчины ведут себя в реальности и как тяжело им очаровать понравившуюся девушку.

– То есть, ты устроил мне двух летнюю экскурсию в мир людей и в роли гида подсунул ведьму? – усмехнулся Харон. – Слушай, я уже понимаю, почему люди не всегда лестно отзываются о нас.

– Дорогой мой друг, мне пора, дела зовут. Жду весточки о твоей жизни среди людей. Сними квартиру, иди работай, если хочешь, займись Викторией как женщиной, отдохни от разнообразия лиц во снах... И да, я уже в курсе, что Солнышко ответила тебе отказом, сгорая от желания. Расположи к себе даму, не вникая в ее подсознание.

– Солнышко? – удивился Харон.

– Ты же видел, какая она рыженькая с примесью золота? Веснушки. Золотые ресницы. Как Солнышко. До встречи, друг. Заплати за мой кофе, пожалуйста, ты же теперь... человек.

Люцифер похлопал его по плечу и исчез. Харон остался в одиночестве, разглядывать чек, принесенный официантом.

Он все еще не понимал, то ли Люцифер отправил его в ссылку, то ли действительно желал отвлечь от многотысячелетней рутины. Можно сойти с ума от нее. Харон оценил обеспокоенность Люцифера о своем друге.

Демон, по наказу повелителя, расплатился за напиток и отправился изучать Москву и все, что она может дать, опираясь лишь на одну мысль – попытаться стать человеком...

– Вика, сходи, пожалуйста в магазин. Кофе кончился. – Ольга Владимировна еле открыла глаза, после тяжелой смены. – Сегодня опять в ночь. Завтра утром буду дома и целых два дня выходных. Сейчас думаю только о кофе. Сходишь?

– Кончено, – крикнула Вика, надевая кеды. – Может, сходим куда-нибудь на выходных? Пообедаем?

– Без проблем, дай только дожить до них.

Виктория улыбнулась и захлопнула за собой дверь.

Девушка выбежала на улицу и тут же спертый воздух стукнул ей по носу. Солнце и жара несколько не стеснялись сентября. Несмотря на то, что время было около трех часов дня, людей было не так много. Середина недели все-таки.

Виктория зашла в магазин, поздоровалась со знакомым продавцом, окинула взглядом стоящую рядом с ним женщину и попросила кофе.

– Как мама? – спросил продавец, пробивая чек.

– Нормально. Утром пришла с суток, вечером опять на работу. Как обычно – работы не початый край. – Улыбнулась она.

– Передавай привет. Чек. Кофе. – Продавец передал товар.

– Спасибо. Новая продавщица? – Виктория кивнула на стоящую рядом женщину уходя. – Удачи в будущем!

Девушка вышла из магазина и тут же врезалась в Харона. Она шлепнулась на асфальт и удивленно захлопала глазами.

– Прости, – демон смутился, протягивая ей руку.

Виктория встала, подняла кофе и влюбленными глазами уставилась на неожиданного гостя.

– Что ты тут делаешь? – спросила она, чувствуя, как щеки просто полыхают красным огнем.

– Я купил телефон, компьютер...ноутбук, как вы его называете. Что еще? Сим-карты и мне нужна твоя помощь. Как всем этим пользоваться?

– Ты что сделал? Купил? – она не смогла сдержать улыбку. – Сейчас, маме кофе отнесу и спущусь к тебе. Подождешь меня здесь?

– Ты не хочешь познакомить меня со своей мамой?

– Харон! – смущенно воскликнула Виктория. – Для начала нам нужно придумать душещипательную историю о твоём появлении в моей жизни. Поэтому, предлагаю просто погулять по городу...пообщаться.

– Я жду. – Покорно ответил мужчина.

Он смотрел вслед девушке, когда та заходила в подъезд, смотрел как порыв легкого ветра растрепал ее волосы, как темная сторона подъезда скрыла ее из вида.

Уже через час они сидели в кофе, Виктория разбиралась с телефоном демона.

– Вот. Это твой номер. Это мой номер. Они здесь, в контактах. Можешь писать смски. Вот. Заходишь в сообщения. Находишь адресата, мой номер то есть, здесь вводишь свой текст и жмешь отправить...

Демон слушал, разглядывал устройство и изредка усмехался. Что за странный аппарат? Ведь демоны общаются между собой мыслями! А уж если на то пошло, то они вообще не очень общительные товарищи. Им уж точно не нужны телефоны для связи.

– С ноутбуком посложнее, – вздохнула Виктория, открывая компьютер. – Зачем он тебе вообще?

– Видел его у тебя на столе. Он не нужен? – расстроено спросил Харон.

– Не знаю. Вообще, если работаешь или учишься, то, конечно, нужен... Давай, расскажу, вкратце, как пользоваться. Сделаем тебе почту...

– А ты не могла бы сесть ко мне поближе? – Харон приобнял заволновавшуюся девушку.

– Поближе?

– Мне нужно постоянно ощущать твоё тепло...человеческое тепло...

Виктория пододвинулась и...все. Ни о каком компьютере думать она больше не могла. Рука, лежащая на ее пояснице, шаловливые пальцы, нежно поглаживающие, начинали потихоньку сводить с ума. Дыхание учащалось, сердце колотилось, мысли ушли. Горячие губы опустились на ее щеку. Руки сжали крепче.

– Харон... – взмолилась девушка. – Мы в общественном месте... а ты лишаешь меня рассудка.

– А что такого с общественным местом? – удивился демон, на минуту перестав целовать пылающую девушку.

– Такое поведение не приемлемо на глазах общества. Это интимно.

– Правда? – Харон улыбнулся. – Я сегодня видел много целующихся пар на улице. Они не выглядели антисоциальными.

Он снова впился губами в ее, крепко обнимая.

– Простите! – полный страсти поцелуй прервал непонятно откуда появившийся официант с мужчиной. – Могут принести счет или вы еще что-то будете заказывать?

Харон неотрывно смотрел на губы Виктории, девушка в свою очередь таращилась на официанта, пытаясь узнать в нем спасание или неуместного гостя.

– Можно еще один кофе с сиропом...любым? Капучино. – Выговорила она, крепко сжимая руку демона. – У них аудит что ли? – сама себя спросила Вика, смотря вслед официанту и мужчине.

– Какой аудит? – ничего не понимая, спросил Харон.

– Знаешь, иногда приходят люди, чтобы проверить, как работают другие люди. Видишь, нашего официанта сопровождает какой-то мужчина. Он словно уже недоволен работой официанта.

– Да? Возможно... – отрешенно ответил Харон, разглядывая одинокую фигуру официанта. – Аудит...

– Сегодня очень много людей...а ты целовать! – Виктория улыбнулась, прижимаясь к задумчивому Харону.

Мужчина осматривал помещение, изучал людей.

Через пять минут официант вернулся с тем же спутником, поставил кофе и ушел.

– Он даже не смотрит на то, как работает официант! – удивилась девушка. – Он смотрел мне прямо в глаза. Ты видел? Как так можно оценивать труд людей?

Викторию возмущало поведение «тайного» покупателя, а Харон мрачнел с каждым словом все больше.

– О ком ты говоришь? – спросил он, отвлекаясь от своих мыслей.

– Вон о том дядьке! – Вика показала на пустое место рядом с официантом.

Харон перевел взгляд на Викторию, затем снова на никого и внезапно до него начало доходить, что происходит, а мрачные мысли подтверждались.

– А... – прикинулся он, – понятно. Пойдем-ка, прогуляемся.

Вика улыбнулась, сообщила, что для начала ей надо допить кофе. Все это время Харон сидел как на иголках, боясь, что Виктория заметит, что «аудит» видит только она.

Но все прошло гладко, пока девушка не вышла на улицу.

Они шли с Хароном, держась за руки, как внезапно на встречу им появилась парочка: парень и девушка.

Молодой человек шел с печальным лицом, убрав руки в карманы, смотрел себе лишь под ноги. Девушка шла со стеклянными глазами прямо на встречу Виктории.

– Черт! – пытаясь увернуться от столкновения, Вика отпрыгнула в сторону, влетев в другого прохожего.

– Что? – Харон подхватил в объятия девушку.

– Ты не видел? – обиженно воскликнула Вика. – Она прямо на меня шла! Если бы не отскочила, она бы врезалась в меня...В этом городе всегда так...

Харон нахмурился, бросив взгляд на одинокого уходящего парня. Он не знал, что ему делать, поэтому решил просто поцеловать девушку и обняв за плечи, отправиться дальше.

– Люди все такие неаккуратные? – попытался он перевести тему

– В большинстве – да. – Виктория успокоилась. – Где ты будешь жить? Решил?

– Да, нашел квартиру в центре почти. Недалеко от Театральной. Есть такая станция?

– Да! На Театральной? – удивилась Виктория. – Деньжищ, наверное, стоит...

Демон непонимающим взглядом посмотрел на Вику. Она сразу же объяснила ему, что жить в Москве, в центре – дорогое удовольствие, не каждому по карману. Виктория только потом додумалась, что Харон не имеет ничего общего с людьми, кроме внешности.

Хотя его внешность была скорее похожа на внешность ангела. Девушка никогда в жизни не видела такой красоты...неестественной.

– Не обращай внимания! – улыбнулась она, снова прижимаясь к нему.

Мужчина был таким горячим и его тепло струилось приятным шоколадом по юным венам; его руки были таким сильными, что Виктории хотелось, чтобы эти два года превратились в вечность. Но она была наивной влюбленной дурочкой, а незаконченной идиоткой. В сказки пока веры не было.

– Расскажи мне, что ты испытывала к Данилу? – внезапно поинтересовался Харон. – Ты любила его?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ваши отношения продлились довольно долго... Ты рассталась с ним не из-за той жгучей блондинки, так ведь?

– Я все-таки не понимаю, почему ты спрашиваешь об этом. Но раз тебе интересно... Я любила его. Большого всего я любила его в самом начале наших отношений. Он был старше меня, презентабельный молодой человек с идеальным будущим. А что еще нужно? Только потом я поняла, что нужна более долгая, вечная любовь. Моя любовь к нему была убита им же. В нем не было стержня, потом полезли недостатки один за другим. Потом появился ты и я... Господи, я потеряла рассудок. Его жгучая блондинка стала прекрасным поводом свалить без объяснения причины.

– Ты считаешь, что ты меня любишь? – Мужчина остановился и заглянул девушке в глаза. – Скажи мне правду, Виктория. Что ты испытываешь ко мне?

– То, что я испытываю к тебе, намного сильнее моих чувств к Данилу. Я хочу жить тобой, твоей жизнью, чтобы ты всегда был рядом, чтобы я всегда ощущала твои горячие, сильные руки, могла видеть твои глаза, в которых светится другая вселенная... Я потеряна в своих чувствах.

– Люди называют это любовью?

– Нет, я называю это любовью. Любовь не может быть одинакова для всех людей.

– Да? – Харон задумался. – Странно, по крайней мере, женщины, с которыми я проводил ночи, заканчивали примерно одинаково.

– Ты путаешь любовь и страсть. – Виктория улыбнулась.

– Дорогая, по-моему это ты перепутала их, поэтому у тебя метка Люцифера на плече.

– Вот как ты к этому относишься... – Вика смотрела ему в глаза.

– Я всего лишь предположил, что ты перепутала. Не опрометчивый ли это был ход?

– Я не о чем не жалею. – Девушка пошла вперед.

Харон тронулся за ней. Он смотрел на ее спину, волнистые рыжие волосы, футболку, облегающую талию, запах... не тот запах, который Франция продавала всему миру. Естественный запах, который мог услышать только идущий сзади инкуб. Что-то действительно было в этой солнечной девушке. Люцифер не зря назвал ее Солнцем. Виктория по-настоящему излучала светлые ассоциации. На нее хотелось смотреть и улыбаться. Что Харон и делал.

Плохо было лишь то, что он не знал жалости. Каждая женщина, после ночи с ним, клялась в любви. Они все страдали. Демон привык к своим воздыхательницам. Его лишь удивляло, что Виктория все еще не разделила с ним ложе, не почувствовала всего его, она просто глупо влюбилась... Он даже боялся подумать, что будет, когда случится тот самый безудержный первый раз.

Было около полуночи. Виктория сидела у себя в комнате, Харон – напротив. Они оба молчали. Девушка просто смотрела и не могла насмотреться. А Харон не знал, как себя вести. Он бы первоклассным любовником. С его умениями не мог посоперничать ни один другой инкуб. Но он не умел просто общаться.

– Ты когда-нибудь любил? – спросила Вика.

– Что? – переспросил он.

– Ничего. Ничего. – Виктория улыбнулась. – Знаешь, за сегодняшний день, проведенный с тобой, точнее, ту добрую половину дня и вечера, я поняла, что ты вовсе не страшный. Я больше тебя не боюсь.

– Виктория... – Харон склонил голову. – Я демоническая сущность. Во мне нет даже понятий о некоторых добродетелях. Я, конечно, не отличался особой жестокостью, как некоторые мои соотечественники, но не бояться демона – нелепо. Я ни в коем случае не призываю тебя бояться, но должное опасение все-таки должно присутствовать. Интересно, почему я вообще говорю тебе это...

Харон улыбнулся и присел рядом с девушкой. Она тут же начала нервничать, заливаясь краской, терев кончики волос.

– Мне не понятно твое смущение, детка. – Харон взял ее за руку. – Откуда оно? Что ты сейчас чувствуешь?

– Желание... – Виктория глубоко вздохнула.

– Желание? – Харон улыбнулся, касаясь губами ее плеча. – Почему ты противишься ему? Почему отталкиваешь мою ласку?

– Человеческие отношения так не строятся. – Виктория провела рукой по его щеке.

– И для этого ты выбрала себе демона, чтобы строить с ним человеческие отношения? – удивился мужчина, расстегивая верхнюю пуговицу.

Виктории казалось, что она вот-вот потеряет сознание от предвкушения неописуемых картин.

– Нет... Любовь выбрала, не я. Я до сих пор молю Господа о прощении, хотя, скорее всего это уже бесполезно.

– Я знаю о твоих мольбах, я слышу поток твоих мыслей. И еще кое-что в них я слышу. Неужели ты не слышишь? Не слышишь свой внутренний голос, который шепотом перекликается с похотью. Они вдвоем хотят, чтобы слишком правильное сознание позволило им получить то, за что была заплачена высокая цена...

Виктория уже прощалась с рассудком. Как же тяжело оставаться наедине с собой, когда услышав милый голос желанного человека, разум оборачивается в бегство, как паршивый дезертир. От одних только слов, девушка прибывала в неописуемом экстазе. Ей и так казалось, что она сейчас умрет от бесконечного потока эйфории.

– ...Говори со мной, говори... – Демон уже расстегивал третью пуговицу своей рубашки, целуя пальцы рук девушки. – Что сейчас ты чувствуешь? Всего лишь желание?

Виктория издала нежный стон и уже практически попрощалась с реальностью, когда поняла, что больше не ощущает прикосновений.

– Да ты девственница... – Харон с улыбкой смотрел на нее.

Вика подскочила на кровати и впопыхах начала поправлять волосы и футболку.

– Что значит девственница? У меня были мужчины... – Обиженно сообщила она.

– Я знаю. Ты моральная девственница. Любовь – это таинство, которое должно постигаться не за один год. Мне тысячи лет и я все еще учусь, потому что крайне редко можно встретить одинаковых женщин. Тебе никто ничего не рассказал, не показал. У тебя был просто секс, какого миллиард, с участием двоих: мужчины и женщины. Я же готов предложить тебе еще одного участника – любовь. Именно с участием мужчины, женщины и любви секс перестает быть сексом. Он перерастает в возвышенную любовь и тебе посчастливилось будучи не спящей получить ее.

Харон набросился на опешившую девушку со сладострастными поцелуями. Виктория даже пискнуть не успела. Все, она сдалась. Не было у нее больше никаких сил говорить демону «нет». Она больше не хотела это говорить.

Внезапно Харон замер, на какое-то мгновение даже перестав дышать. За это время Виктория вернулась к жизни. Она открыла глаза и удивленно посмотрела на своего искуителя.

– В чем дело? – встревожено спросила она, разглядывая озадаченное лицо перед собой.

– У меня что-то шевелится в штанах... – Мужчина нахмурился и встал с кровати.

Двумя пальцами он вытащил из брюк мобильник. Раздался тихий смешок. Харон перевел взгляд на девушку: она, закрыв рот руками, тихонько хихикала.

– Он больше не шевелится... Что ему надо? – Демон протянул аппарат Виктории.

– Это смс.

– От кого?

– Спам. Люди, автоматизированные системы, вечно что-то предлагают купить, взять кредит, выиграть машину... Всякая чушь.

Мужчина с серьезным выражением лица смотрел то на мобильник, то на девушку.

– Что я должен сделать?

– Можешь либо удалить смс, либо забыть про сообщение. Отвечать не нужно. Участвовать в предложенных акциях – тем более.

Вика встала с кровати, подошла к застывшему мужчине и принялась застегивать его рубашку.

– У меня завтра очередное собеседование... Я должна поспать хоть немного. Если ты не занят, мы можем встретиться вечером?

– Ты меня выгоняешь? – искренне удивился он.

– Нет. Намереваю на то, что я устала. События последних полутора дней слегка утомили меня и заставили понервничать. Я довольно много потратила сил на встречу с Люцифером... Потом твое появление лишило меня разума окончательно. Я человек и мне тяжело дается общение с твоим миром, тяжело испытывать к тебе чувства.

Харон насупился, посмотрел на девушку, внимательно слушая ее, пытаясь понять, но он не мог. Все, что он мог понять, это то, что хотят, чтобы он ушел.

Он ничего не знал о покое, ему была неведома усталость. Но он старательно изучал людей, пытаясь вывести формулу «если..., то...». В этом случае он неплохо справился, запомнив, что «если человек устал, то ему надо отдохнуть»

– Хорошо. Я понял тебя. – Безропотно согласился он. – Что я должен сделать перед уходом? Просто исчезнуть?

– Нет. Меня поцеловать. Пожелать спокойно ночи.

– Это то, что вы делаете перед сном? Люди, я имею в виду.

– Ну не все. Так делают только те, кто состоит как минимум в хороших отношениях друг с другом...или влюбленные. Незнакомые так делать не будут.

– Я понял. – Харон улыбнулся, уже обнимая девушку. – Я просто поцелую... – сообщил он, почувствовав, как быстро она вся напряглась от его прикосновений. – И пожелаю спокойной ночи.

Харон брел по центру Москвы. Вокруг было столько людей, что у демона даже глаза разбегались. Ему нужно было понаблюдать за поведением людей в обыденной жизни. Узнать, что они делают, когда не в постели, как общаются между собой.

Он уселся на улице, в ночном кафе на Никольской улице и принялся разглядывать парочки.

И о чудо! Они все такие разные. У них все было абсолютно разным! Харон был в смятении. Первоначально, когда Люцифер изъявил свою волю, демон был уверен, «Ха, люди. Стадо озабоченных людишек. Чему от них можно научиться? Что они могут дать?»

И вот самоуверенный демон, искушитель женских сердец, сидел и не понимал, как простодушные мужчины добиваются расположения к себе. Почему Виктория уже столько раз отказывала ему, когда у них было столько возможностей насладиться друг другом? Что он еще должен сделать?

И, конечно же, он не понимал, что творится у девушки в голове. Достать Люцифера в буквальном смысле из-под земли, отдать ему свою душу, заполучить верховного инкуба в свои руки на два года и говорить «пошел вон, я устала». Будучи на земле почти всего сутки с небольшим, Харон уже начал философствовать на тему женской логики и ее последствий.

Около него обосновалась парочка: молодой человек усаживал свою девушку за стол. Харон все подмечал: молодой человек отодвинул стул, подождал, когда девушка усядется, пододвинул стул. Наконец, он уселся сам напротив. Он смотрел на нее такими влюбленными глазами, пока она с хмурым видом рылась в предложенном официантом меню. Рядом с ней лежал небольшой букет из трех бордовых роз. Несомненно, цветы презентовал молодой человек.

Цветы. Харон отметил первую особенность, которая часто встречалась по всей Никольской улице. Если девушка шла с цветами, то существовала огромнейшая вероятность того, что рядом с ней идет именно ее ухажер. Еще она могла идти одна с цветами после свидания, если молодой человек не провожал ее.

Глаза. Это вторая вещь, на которую обратил внимание Харон. Почти все мужчины смотрели на своих девушек так, словно перед ними стояли богини. Они буквально обожествовали своих дам одним лишь взглядом. Глаза блестели. Правда. Сверкали! Настолько живыми они казались демону, что он глубоко задумался, а сможет ли он когда-нибудь также смотреть хоть на какую-нибудь женщину?

Харон также отметил менторские голоса и самовлюбленные взгляды девушек. По одному только их выражению лица было понятно, что то, что происходит вокруг, должно происходить. По-другому просто быть не может.

Улыбки. Еще одна черта, которую Харон отметил про себя. Практически все влюбленные улыбались. Не всегда, конечно, совпадали их мысли и улыбки, но не взирая ни на что, мужчины ходили с приподнятым уголком губ, а девчонки, конечно, светились счастьем, улыбаясь во все тридцать два зуба. Харон любил улыбаться и данная задача не должна была вызвать проблем.

Еще, что заметил демон это то, что влюбленные держались за руки. Что такого важного было в этом прикосновении? Почему вообще мужчина и женщина так часто держатся за руки?

Харон раскладывал по полочкам информацию, предварительно набросав план действий по отношению к его сложной девушке – Виктории.

Мог ли он вообще называть ее «моя девушка»? Что люди вкладывают в это понятие? Моя – девушка – значит моя... Мог ли он делать с ней все, что захочет? Нужно ли узнавать о ее желаниях? «Собственность» и «девушка» эквиваленты?

Встречал он и парочек, которые насупившись шли порознь. Парень брел, опустив голову, а девушка, сложив руки на груди, смотрела отрешенным взглядом вроде бы вперед. Но Харон мог прочесть и взгляд и мысли: она просто смотрела, потому что у нее есть глаза. У нее не было никакого интереса созерцать развесившуюся ночную улицу.

Что могло расстроить их? Что за причина, что они идут как чужие друг другу? Демон не знал. Не знал он также, что «чужие» это нормально для человеческих отношений. Время беспощадно забирает то, чему так все радуются. Постепенно люди начинают отворачиваться друг от друга, перестают понимать друг друга, а в один прекрасный день, они просыпаются, смотрят друг на друга и синхронно задаются лишь одним вопросом: «Кто ты такой и почему лежишь в моей кровати?»

Демон уже ни на микросекунду не задумывался о реальной сложности человеческих взаимоотношений, о безумном спектре их необъяснимых чувств и вмешательствах кровожадного сознания. Пока Харон смотрел на одержимых страстью, возможно, любовью людей, он пытался их сразу же понять.

Любое человеческое движение Харон примерял на себя. А смог бы он также? Что вообще он испытывал к этой девушке с печатью Люцифера? И испытывал ли?

Безусловно, он точно понимал, что хочет ее попробовать в постели, от нее пахло сексом, и, несмотря на то, что она была совсем юной и чертовски неопытной, демон чувствовал непреодолимую сексуальную тягу. Хорошо ли это? Достаточно ли этого для женщины? Во снах секс – это все, что было нужно. Ему никогда не отказывали, никогда не стеснялись, но всегда хотели. Все его женщины просто ждали повторения в следующем сне, не думая о том, что умрут после первой ночи. Никто из них и подумать не мог, что такое может случиться в реальности.

Харон наблюдал за всеми. Он слушал людские речи и подслушивал их мысли. Довольно часто то, что говорилось не совпадало с тем, о чем думалось. Иногда говорилось красиво, что даже Харон заслушивался. А в голове текли дикие мысли о том, как все достало. Реже, думалось хорошо, а говорилось еще лучше.

Харон был решительно настроен не разочаровать своего повелителя и девушку, которую ждало малоприятное будущее.

4 сентября 2013 (полдень, среда)

Виктория ехала в метро, с левой стороны ее поддерживал Харон. Она ехала на стотысячное собеседование, демон просто сопровождал.

Они оба молчали. Виктория вышвыривала мысли из головы одну за другой, пока сильные руки обнимали ее. Харон улыбался, наблюдая тщетные попытки перестать думать о любви.

Такой странный и непонятный казус для него: вначале ищут любовь, долго и страстно ищут, перепробовав много горестей. Потом некоторым везет и они находят ее. Вместо того, чтобы полностью подчиниться, поддаться этой любви, они начинают выгонять ее из головы и сердца. Ну в чем же дело? Как так можно?

Виктория искала оправдания себе: у меня собеседование, не хочу выглядеть глупо.

– Виктория Драхе? – в огромном коридоре появилась миловидная девушка.

– Да. – Вика улыбнулась, поднимаясь со стула.

– Давайте знакомиться. Меня зовут Анна. Я специалист по подбору персонала.

– Виктория. Специалист в области дизайна.

– Хорошо, Вик. Очень приятно познакомиться. Расскажите немного о себе.

– Я закончила....

Неожиданно перед глазами появилась тьма. То была не просто непроглядная тьма, а субстанция в которой можно было бы блуждать бесконечно долго, так как сквозь мрачную завесу все равно виднелись серые дорожки, которые то и дело пересекались. Лабиринт. Ужасный страшный лабиринт.

Девушка стояла одна посреди этой тьмы, окутанная перемежающимися дорогами. Дышать становилось все труднее и труднее, сердце совсем не слушалось ее. И вот результат: вертевшись на одном месте, как юла, пытаюсь понять, куда идти и надо ли вообще идти, девушка помчалась куда глаза глядят. Она переступала с одной дорожки на другую, проходя сквозь черные стены, чувствуя легкую преграду, которая беспроблемно преодолевалась.

Страх подступал все ближе и ближе, уже готовый душить своими тощими ручонками, похожими на огромные клещи. Паника достигла своего пика безумства, окутывая сознание...

– Ну что ж, Виктория, не буду лукавить – Вы мне очень понравились и... Вот список документов, которые нужно предоставить в HR в течение следующей недели. Как только разберетесь с документами, можете сразу приступить к работе. Согласны?

Вика смотрела круглыми глазами на собеседницу. Сказать, что она ничего не понимала, это ничего не сказать.

– То есть, Вы берете меня на работу? – тихо и неуверенно переспросила она.

– Конечно! – воскликнула Анна, – все в порядке?

– Да, абсолютно... – Виктория смутилась еще больше.

– Что ж Вика, вот список, подготовьте и приходите. Ваш телефон у меня есть. Мой – вот. Будут вопросы, звоните без стеснения, отвечу на все.

– Хорошо. Спасибо. Я пошла?

– Да, конечно, идите. Прошу Вас, не затягивайте с документами.

– Хорошо. До свидания. – Вика выскользнула за дверь и остановилась в коридоре, тяжело дыша.

В коридоре не было ни единой души. Когда Виктория пришла, с ней было еще четыре человека. ... Коридор пуст.

Девушка посмотрела на часы и ахнула: ее собеседование длилось два с половиной часа! Как же так?

Виктория ничего не помнила. Рядом никого не было, кто бы мог объяснить наистраннейшие приключения на собеседовании.

Не успела она выйти на улицу, как рядом появился Харон. Он был улыбчив, можно сказать, даже весел. Виктория же напротив, выглядела удрученно.

– Ну как? – поинтересовался Харон, исполняя один из увиденных в мире людей жестов: он взял ее за руку.

Девушка не смогла не улыбнуться. Ей безумно было приятно внезапное прикосновение любимого мужчины. Его теплая рука тут же заставила вздрогнуть нервную систему, очнуться от долгого сна.

– Меня взяли... на работу. – Вика вернулась на землю, борясь с опьяняющим желанием, чтобы его рука, продолжила свой тернистый путь.

– Я даже не сомневался. – Демон лукаво улыбнулся.

– Почему ты так улыбаешься? – Виктория что-то заподозрила.

– Ты очень сочная внутри... – Сообщил Харон и прикрыл глаза от удовольствия.

– Не поняла? – Вика нахмурилась еще сильнее. – Что это значит?

– Я подселился к тебе во время собеседования.

– Ты... что? – она вытаращила глаза, рассматривая самодовольное лицо демона.

– Подселился. Я отправил твою душу в районы преисподни. Погулять. Сам занял твоё тело, чтобы помочь с собеседованием. Как тебе просторы небытия? На мой вкус, немного запутанно.

Девушка слушала его, в очередной раз будучи не в состоянии поверить ни одному слову. Что бы Харон не говорил, звучало как отрывок из книги о ведьмах или из какого-то мистического сериала. Ну как в такое можно поверить? И, конечно, Виктория не могла. Она стояла в недоумении, пытаясь хоть как-нибудь перенаправить фантазию в позитивную сторону.

– Не переживай. Демоны вообще часто подселяются к людям.

– Зачем?

– Как зачем? – удивился Харон. – Питаться энергией. Если ты утром просыпаешься и перед твоими глазами воспоминания о черной пустоте, вместо прекрасного сна, то можешь быть уверена, в ту ночь тобой кто-то питался.

– Ты что, серьезно сейчас? – Виктория все еще не верила.

– Как никогда. Это нормальное, частое явление. Люди ничего не подозревают, чувствуют амёбную сопливість и уверены в том, что всю ночь разгружали вагоны, пока лунатили.

– То есть, ты питался моей энергией?

– Нет. Я проходил собеседование. С первых твоих слов я уже знал, что ты провалишь этот важный разговор. Прости мою самостоятельность, но я решил, что тебе непременно нужно помочь. Сколько времени ты ходила по собеседованиям? Два? Три месяца? Я же справился за один раз.

Девушка шокировано смотрела на стоящего перед ней мужчину. Неужели, все что он говорил, имело хоть какое-то отношение к реальности? Десятки разнообразных вопросов изничтожали рассудок.

– Получается, ко мне может... «подселиться» еще кто-то? – с опаской спросила Вика, хватая его за руку.

– Гипотетически – да. Даже самые низшие чины, не говоря уже о высших. Но не надо переживать, дорогой мой человек. В ближайшие два года этого никто не посмеет сделать. Предугадывая твой вопрос «почему?», отвечаю: у тебя очень мощная защита в виде меня. Так что спи спокойно...или не спокойно, если ты, наконец, позволишь мне дотронуться до тебя. Позволишь?

Его янтарные глаза смотрели в глубину души девушки. Они улыбались, слыша ее мысли, полные самоотверженного желания.

– Ты никогда никого не насиловал? – выскочил вопрос из ее рта.

Демон усмехнулся, покачал головой, крепко сжал ее руку и пошел вперед. Вика шла на полшага сзади, ругая всякими гадкими словами себя за идиотский вопрос. Внезапно демон остановился и подтянул к себе девушку.

– Я не вижу таких мыслей в твоей голове. Ты этого хочешь? – с абсолютно серьезным выражением лица спросил он.

Вика занервничала и отрицательно покачала головой, пряча глаза и матеря себя еще сильнее.

– В постели я дамский угодник. Если женщина хочет то, что ты сказала, я это сделаю. Но я действительно не вижу такого желания в твоих мыслях, от того делаю вывод, что вопрос был задан просто так. Почему?

– Я не знаю... Вообще люди любят задавать вопросы просто так. Когда на самом деле им совершенно безразличны ответы. Я спросила, потому что ты всегда спрашиваешь: «Могу ли я, можно ли мне, согласна ли я». Ты всех их спрашивал или только меня?

– Ох, детка, ты затронула очень серьезную тему. Давай присядем где-нибудь, я тебе расскажу, как это работает.

Без разбора, они зашли в первое попавшееся место, где были столы, заказали по напитку и уселись решать сложные вопросы.

– Понимаешь, человеческое дитя, ад – очень гуманная штука. Мы никогда ничего не делаем против воли человека....

– Кроме подселения, да? – усмехнулась она.

– Это производственная необходимость.

Харон улыбнулся в ответ, думая о том, что перед ним сидит мощный дух ведьмы, который к ней подселили. Подселение – опасная штука и даже демон это понимал, но не хотел ничего этого рассказывать и без того перепуганной девушке.

Дух может подселиться по собственному желанию, а может и по желанию ведьмы... Харон не хотел об этом думать. Он прекрасно знал, чем может, да и скорее всего, закончиться ведьмовское подселение. Это же своеобразная порча! Ведьмы чаще всего подселяют в непонравившегося им человека что-то типа лярвы, низкосортного душка, но от него, как и от тараканов, очень сложно избавиться. Практически невозможно.

Подселенный дух постепенно начинает уничтожать человека изнутри. Со временем несчастного невозможно даже узнать. Из молодого жизнерадостного живчика выходит угрюмый, ничего не желающий, меланхолик, который мечтает лишь об одном – умереть. И тут в игру вступает судьба: он все-таки погибает. Врачи разводят руками, перекидывая вину на психиатров, последние все валят на случай, чуть-чуть на невнимательность и на депрессию. В результате никто не виноват, а между тем, дело-то сделано.

И нужно ли все это было Виктории? Благоразумный посланник ада подумал, что, конечно же, нет.

– Почему вы ничего не делаете против воли человека? Неужели, если человек страдает во время или после столкновения с кем-то вроде тебя, то страдает он, потому что сам захотел?

– Именно, – он окинул собеседницу добрым, но уставшим взглядом. – Это наш кодекс. Никто не вредит человеку, пока он сам не захочет. Я говорю не о посредственном контакте души и, как вы это называете, сверхъестественной субстанции. Вообще, естественно, существует много пунктов и подпунктов, о которых никто не знает и не предупреждает. Это уже как повезет, как справится хранитель и насколько он силен. На самом деле, детка, все очень сложно. Соблюден кодекс чести. Это в сказках у людей Бог хороший, Сатана – плохой. В действительности же, что Бог, что Люцифер в первую очередь, очень философские персонажи. У них у обоих все очень сложно и в то же время интересно устроено. Это для людей они натуральный инь-янь, но я-то знаю, что у них есть общие черты, и самая сильная и значимая, общая черта – дух соревнования.

– Соревнования? – Виктория слушала с неподдельным интересом.

– Именно! – Улыбнулся демон. – Простите, еще, пожалуйста, чай и...пищцу.

Харон перевел взгляд на девушку, нахмурился, глядя как она вертела в руках пустой стакан. Он читал ее глаза.

– ... Пищцу с морепродуктами, – не отрываясь от оливковых глаз, сказал Харон. – и, добавь больше сыра.

Официант кивнул и ушел. Виктория улыбнулась и опустила взгляд.

– Как ты это делаешь? – спросила она.

– Дорогая моя, – он наклонился к ней поближе, – ежедневно, ежечасно, скорее ежесекундно, я слышу десятки сотни голосов и среди них я отчетливо вычленяю твой, о чем-то просящий меня, умоляющий. Порой невыносимо просящий прикоснуться... Но я держусь. Больше сыра и морепродуктов... Хорошо. Я понял тебя.

Виктория не переставала улыбаться. Сказка, дурацкая мистика, но демон на земле не более двух суток или около того. А девушка уже считала себя самым счастливым человеком на земле. Никогда в жизни она не испытывала такой огромной, необычный спектр эмоций. И, конечно, она была полностью и бесповоротно помешана на любви к нечеловеческому, к коварному, лживому существу. Она ни разу за все время не подумала, что она – дура! Она не считала, что любить – дурно. Неважно кого при этом. Это общество навешало ярлыков, что любить бедняка – стыдно, а толстобрюхого миллиардера – стыдно, но хорошо. Любовь не знает, что такое зазорно, общество – знает. Более того, оно решает и навязывает свое мнение. Окружение говорит, кого любить хорошо, а кого плохо. Чтобы выжить, приходится прислушиваться... Лишь только тем, кто не влюблен по настоящему. Общество может навязать свою волю только тем, кто не испытывает искренних чувств, не понимает того, что слово, неважно кем сказанное, может убить.

Девушка погрязла в сказке, красоте лица демона. Она сходила с ума, когда видела, как мило и выразительно поднимался уголок его губ; зачарованно смотрела, как его глаза пожирают ее, так сладко они прищуриваются, разглядывая ее в упоительном экстазе; движение его рук, плавные, змеиные и такие нежные, несмотря на всю мужскую грубость; его запах... О боже, его запах. Один лишь он манил и без того безумную голову. Его невозможно описать, но почуяв его, Вика просто хотела, чтобы этот мужчина обнял ее, прижал к себе, поцеловал; чтобы она почувствовала себя защищенной; звук его голоса, слишком пьяняще-манящий, голос можно было слушать часами, струящийся сквозь разум, окутывающий собой сознание. И даже, когда Харон молчал, эхо его голоса продолжало звучать, не отпуская от себя ни на секунду.

– Почему между вашими мирами идет соревнование? – Виктория пыталась отвлечь себя от мыслей о Хароне.

– Запутанная, тяжелая... война. Бог всегда хотел быть хорошим. Он хорошо говорил, красиво, люди ему верили. Верят до сих пор. Но он не дал им права выбора и смело говорит о своих благодетелях, выставляя себя сундуком хороших качеств. Мы были низвергнуты по его воле... Мы отреклись и теперь у нас есть право голоса и выбора. Люцифер – строгий властитель, может обязать кого-то делать то, что ему надо, но он никогда не будет заставлять людей верить в него. Люцифер всегда призывал людей к материализму. Бог, в свою очередь, говорил об идеологии, о любви к тому, кого люди даже никогда не видели. Господь вообще не очень любит посещать своих подчиненных... Люцифер не брезгает спуститься к людям, провести с ними пару недель....

– Люцифер живет среди людей? – Удивилась Виктория.

– Бывает. Когда ему становится тягостно, он опускается на землю. Богу тягостно не становится, ну или он просто не хочет к вам спускаться. Своими антигосподними делами вы его и так утомили. Я не хочу погружать тебя в наше «небесное» недопонимание. Оно длится уже не одно тысячелетие и порой мы уже сами не понимаем, за что и почему происходит то, что происходит.

– Мда... – Виктория вздохнула, – разногласия – всегда неприятно. Так значит, вы всегда спрашиваете разрешения?

– Практически.

– Подожди! А если вы хотите убить, тоже разрешения спросите?

– Как-то я сказал тебе, что демоны много врут... Если я хочу кого-то убить, то это дело – нехитрое – заболтать человека и заставить его самого согласиться на свою смерть. Если перед тобой Абаддон, то он даже спрашивать не будет ничего. Просто оторвет голову и съест. На самом деле, Виктория, у каждого духа, демона, черта – свой индивидуальный характер. Кто-то захочет поиграть с тобой, кто-то поговорить, кто-то просто распотрошит на микрочастички и атомы...

Виктория еще долго пытала Харона вопросами о мироустройстве ада. Демон покорно отвечал на все и практически не лукавил.

Внезапно, ему показалось, что Виктория – не самая худшая компания в мире. Более того, она ему нравилась. Конечно, он понимал свое природное влечение к женщинам. Они все ему нравились, правда на одну ночь. Но Харон никогда не обещался с ним ни до, ни после секса. Виктория стала первой женщиной из человеческого мира, с которой демону привелось проводить время. Он поймал себя на мысли, что ему интересно, как складывается жизнь у человека, что и через что он проходит, что чувствует, как переживает. Ведь Харон смотрел на людей лишь сквозь сны... Он привык к тому, что сон – это то, чего не существует. Те люди, во сне, ничего не знают об истинности чувств, не знают, что такое стыд, смущение. Безликое существование в тени собственного сознания. Харону действительно стало интересно, насколько сильно люди вживаются в реальность, забывая о своем истинном характере.

– Наверное, теперь моя очередь дальше задавать вопросы, да, детка? – Харон открыл дверь, пропуская девушку вперед.

– Похоже на то, – она улыбнулась ему, с опаской взяла его за руку.

– Почему ты отталкиваешь мою ласку? – стиснул он ее пальцы, но держался на расстоянии. Ведь стоило ему позволить себе чуть лишнего по отношению к девушке, как она тут же теряла самообладание и вряд ли от нее тогда можно добиться каких-либо ответов.

Виктория отвела взгляд в сторону. Вот он и стыд, и смущение в единой форме, тесно сплетенные между собой. Красные щеки, щенячий взгляд. Харон слышал ее стыдливые мысли и улыбался.

– Я же говорила тебе... романтика.

– Да, да я помню... Я просто не очень понял, когда ее сроки заканчиваются. Сколько времени отводится на романтику у людей?

– Харон, ты задаешь такие вопросы, на которые я, к сожалению, не могу ответить. Я бы очень хотела знать, но, правда, не знаю. Это непредсказуемо... Давай просто будем жить и я буду наслаждаться твоим присутствием... потом и всем остальным. Извини.

Девушка достала мобильный, разрывающийся в сумке.

– Вась, привет! – Вика одарила замолчавшего Харона извиняющейся улыбкой. – Да, конечно. А что случилось? Уже? Встретиться?

Виктория снова виновато посмотрела на Харона. Она была в замешательстве. Подруге нужно было пообщаться, поделиться своими чувствами и переживаниями. А с другой стороны, Харон, чьи переживания Виктории хотелось знать не меньше.

– Хорошо, через сколько ты сможешь подъехать на Маяковскую? Жду тогда на площади... Харон, – Виктория обратилась к мужчине. – Поехали со мной, я познакомлю тебя с Василисой. Она моя хорошая знакомая... подруга.

– Подруга? – переспросил он. – Интересно звучит «подруга» от человека, который всем нутром отрицает дружбу, потому что не раз был предан друзьями. Почему ты снова начала верить людям и называть их друзьями? Разве это не было больно? Разочарование не оскорбило тебя до глубины души? Я вижу твои воспоминания... Вот здесь больно, когда тебя предают те, кого ты любишь? – Он взял ее за руку и приложил к своей груди. – Очень больно... Я чувствую каждый твой нейрон. Откуда в тебе столько сил снова называть кого-то другом?

У Виктории стояли слезы на глазах. Он все еще держал ее за руку у своей груди, а всю боль снова вспоминала девушка.

Конечно, он безупречно капался в прошлом Виктории. Он отчетливо видел лица тех, кого она могла называть другом и то, как эти люди предавали ее, растоптав сердце, плюнув в душу. Он снова ворошил болезненное прошлое, словно острые вилы пронзающее сухую солому.

Вика ничего не ответила, лишь смотрела в глаза мужчины, пораженная нахлынувшими воспоминаниями. По ее щеке катилась слеза. Демон неотрывно наблюдал, как остается мокрый след на бархатной коже. Он смахнул ее и поцеловал девушку в щеку.

– Не стоит... – прошептал он, – Слезы – слишком сильные частички, несущие в себе огромную кучу информации. Не стоит лить их понапрасну. Прошрое, плохое прошрое – должно обдумываться, но не оплакиваться. Нужно быть благодарным своему прошлому за то, что сегодня ты такая. Твоя подруга уже вышла из второго вагона и не может понять, в какую сторону ей выходить.

Виктория рассмеялась, вытирая слезы. Харон улыбнулся, запоминая, где локализуется вся боль предательства.

Они вдвоем стояли на площади, в пятнадцати метрах от входа в метро. Наконец, из-за дверей показалась Васька.

Виктория, увидев ее, обрадовалась и в то же время начала нервничать. Ведь они с Хароном не придумали их историю встречи и знакомства... Вике вовсе не хотелось врать. Но и сказать, что «знакомься, это чувак из ада, я продала душу дьяволу за его любовь» – совсем не хороший вариант.

Но появление какой-то женщины, идущей рядом с Василисой, немного остудило Вику.

– Викуся, привет! – еще издалека крикнула подруга.

– Привет! – ответила она и кивнула женщине.

Та ничего не ответила, лишь молча и проникновенно смотрела на Вику в ответ. Виктория пожала плечами и переключила свое внимание на Василису.

Подруга смотрела на Харона. Оно и понятно. Харон был очень притягательным мужчиной. На него просто хотелось смотреть... всегда и везде. Его черты угодили бы всем.

– Это Харон. – Представила своего спутника Виктория.

– Вася...лиса. – Девушка даже не собиралась скрывать свой восторг, желание смотреть и немного вспыхнувшую зависть. Васька перевела взгляд на Вику, явно ожидая объяснения этого странного и совсем неожиданного знакомства.

– Мы с Хароном...э... – Девушка мялась не зная, как, и самое главное, что сказать.

– Виктория – моя девушка! – ситуацию спас демон.

– Слушайте, ну прикольно! – ничего не понимая, сообщила Вася. – Так, ладно, вы двое, расскажите мне свою историю в кафе, ибо я безумно хочу есть.

Не споря, все двинулись к подземному переходу. Каждый из них чувствовал себя по меньшей мере странно. Виктория не планировала встречаться в тот день с подругой. К тому же она неловко себя чувствовала из-за женщины, идущей рядом с Василисой. Ведь Васька даже не представила ее! Словно ее там и не было!

Харон все думал над брошенной фразой – «она моя девушка». Что он должен делать, чтобы Василиса поверила в это.

Виктория с Хароном уселись за стол, а Василиса с женщиной отправились покупать еду. Девушка испепеляла взглядом своего «молодого человека»

– Что я не так сделал? – наконец, спросил он еле слышным шепотом.

– Нет, нет, все так. Мне понравилось то, как ты сказал Ваське о нас... Теперь надо придумать историю знакомства...

– О, – перебил ее демон, – положиись на меня и не забывай подыгрывать.

– Господи, все с ума посходили! Еле взяла поесть. Фух. Ну рассказывайте: что, где, как?

Демон бросил взгляд на свою девушку. Василиса неотрывно смотрела за ними двумя, чуть ли не с оберткой поедая бутерброд.

– Может, лучше с тебя начнем? – аккуратно переспросила Вика.

– Ну уж нет! – покачала пальцем подруга. – У меня стандартное спустя-трех-месячное-расставание. А вот у вас... у вас что-то необычное. Где вы познакомились, Харон?

Василиса переадресовала свой вопрос к мужчине, поняв, что подруга просто стесняется.

– Три месяца назад я ехал в метро... Увидел девушку, которая что-то неотрывно читала в тетрадке. Она склонилась над письменами как коршун, правда, спрятавшись в рыжих волосах. Я наблюдал за ней, никак не пытаясь себя проявить. Я, честно говоря, был в исступлении. Что-то было в этой рыжей бестии...демоническое. Я не мог оторвать взгляд. Через пару станций я понял, что хочу, чтобы эта девушка посмотрела на меня. Я не просто хочу, я жаждал этого. И, наверное, силой мысли, я заставил ее взор подняться от исписанных листов и посмотреть на меня. Ее темно-оливковые глаза изучали мое лицо в течение нескольких секунд и этого времени мне хватило понять, что я просто обязан узнать ее имя и, по крайней мере, телефон.

Демон замолчал и улыбнулся. Обе девушки смотрели на него, открыв рты. Василиса забыла, что вообще есть хотела. Виктория же слушала красивую сказку, в душе немного расстраиваясь, что все на самом деле было совсем по-другому.

– И что было дальше? – с набитым ртом спросила Васька, вспомнив, наконец, о еде.

Харон продолжил свой увлекательный рассказ. Виктория посмотрела на женщину, сидящую рядом с Васькой. Она молчала. У нее были такие безликие глаза. Вика никогда в жизни не видела таких глаз. Просто пустые, жуткие и бесцветные, словно невзрачные линзы, купленные за полкопейки на распродаже в секонд-хенде. Зрачок был заляпан жирными пальцами, цвет вообще стерся. В такие глаза невозможно долго смотреть: отведешь свой взгляд либо, потому что жалость разыграет, либо страшно станет.

И Виктории было не по себе от того, как эта тихая женщина смотрела на нее. Не по себе ей было и от ее бледности и бледно-розовых губ, потрескавшихся вдоль и поперек. Они были такие сухие, что у Виктории инстинктивно возникло желание дать женщине воды, хоть как-то помочь.

– Кто это? – спросила Вика, перебив рассказ Харона.

– Где? – Васька начала оглядываться.

– Женщина, которая сидит рядом с тобой. Ты нас не познакомила.

– Женщина? – удивленно переспросила Васька, рассматривая пустые стулья рядом.

Харон нахмурился. У него было такое серьезное лицо, словно он был на грани открытия чего-то очень важного. А может, оно так и было. Василиса улыбнулась, положила остаток бутерброда на поднос и внимательно посмотрела на подругу.

– Женщина, значит, – подытожила она. – Какая женщина? Вик, ты чего?

– Вот эта! – уже не так уверено произнесла Виктория, глядя в глаза незнакомке.

– Послушай, ты начинаешь меня пугать. Здесь нет никакой женщины. – Василиса демонстративно встала и плюхнулась на пустой стул.

Похоже, кроме Виктории никто не видел, как сероватое облако тумана взвелось вверх, после того как Василиса села на «тетушку» и в другую секунду, оно снова опустилось на другой стул, но все равно рядом с Василисой.

Постепенно до Виктории начало доходить, что за женщину она видит, которую никто не видит.

– Ты что, тоже не видишь ее? – со страхом спросила Вика Харона.

Мужчина однозначно покачал головой, отнимая у Виктории последнюю надежду, что она – не сумасшедшая.

– То есть, ты все еще видишь ее? – спросила Василиса.

– Нет. – Быстро ответила Вика и отвела глаза от женщины. – Нет. Я пошутила.

– Я рад, что это была шутка. – Харон решил хоть что-то сказать.

Он-то, конечно, больше всех понимал, что никакая это не шутка. Он прекрасно помнил слова Люцифера и слишком опасался того момента, что произойдет в будущем. Блуждающая ведьма рядом с демоническим существом не есть хорошо ни для ведьмы, ни уж тем более для него...

– Ну чудненько. – Воскликнула Василиса и устремила свой взор на мужчину. – Харон, как романтично вы познакомились!

– Да, – мужчина отвлекся от размышлений. – С той самой минуты мне кажется, что я столкнулся с любовью и хочу, чтобы она была рядом.

Василиса беспощадно пытала несчастного демона вопросами, на которые он отвечал, давая полную волю и свободу своему бесподобному воображению. Он учился говорить в реальности, внимательно следя за реакцией девушки. Ему было важно понять, что ей нравится, что – не очень. Попытка внедриться, погрузиться в человеческую психологию, которая казалась демону чем-то невозможным, непостоянным. Он говорил что-то смешное, ему так казалось, он ожидал, что девушка улыбнется, но на ее лице было лишь смущение и озадаченность. Он пытался говорить о серьезных вещах, а она улыбалась. Что могло происходить в ее голове? Как с этим работать, он тоже не знал.

Виктория же более не слушала сказки Харона. Она смотрела на то, что никто не видел, на то, что ни для кого не существовало. Она смотрела на женщину... на дух, преследовавший ее подругу.

Виктория отвела взгляд, мысленно обозвав себя сумасшедшей дурой. Какие духи? Разве могут они существовать? Идиотизм. Вика больше не хотела думать об этом. Нет никаких призраков, духов и всех остальных мертвецов.

Вика устала на Харона, пытаясь переключиться на его бесподобную красоту.

Василиса же рассказывала уже о своих больных чувствах после расставания с молодым человеком, которого Виктория даже не успела увидеть. Подруга говорила о том, что жизнь несправедлива, так жестоко издеваться над ней. Задавала вопрос: «Когда же я смогу влюбиться?». Переживала, переживала, переживала.

Харон все слушала, внимательно слушал и вовсе не понимал, что происходит с этой девчонкой. Ведь демон слышал не только то, что она говорила, но и то, о чем она думала. А думала Василиса вовсе не о своем разрыве и несчастной судьбе, а о том, что ей совсем не везет, потому что такой мужчина, как Харон сидит не рядом с ней, а рядом с рыжей ведьмой.

Демон искрение удивлялся, как так получается? Говорить об одном, думать совершенно о другом...

Он слышал мысли Виктории, которая умело, возможно, уже заученно отвечала Василисе, думая о женщине с безликими глазами. И с одной стороны ее можно было понять: сколько раз уже Виктория слушала подобные истории? Сколько было пролито слез на ее плече? Сколько раз Виктория пыталась помочь? А потом ей надоело.

Три месяца безудержной страсти, пылающей в агонии любви, истомное желание и все. После наступал тлен и пустота. Чувство одиночества... Одинокая оса, полосатая, красивая и яркая... мертвая и покрытая слоем пыли...

– Господи... – прошептала Виктория, доставая телефон из сумки – Мама....

Девушка взглянула на дисплей: действительно звонок был от мамы.

– Да, – нехотя ответила она. – Все нормально. Похоже, взяли. Завтра начинаю собирать документы. Ты сегодня дома? Хорошо. Я? В центре, на Маяковской сидим вместе с Васькой в кафе. Поздно, мам. Давай. Хорошо. Я поняла.

Виктория раздражалась с каждым вопросом, но мать настаивала на своих вопросах и ответах дочери.

– Почему ты так разговариваешь с матерью? – неожиданно спросил Харон.

Вика посмотрела на него, на Василису и опустила голову. Она перебирала пальцами салфетки, вздыхала, но продолжала молчать. А что ей было сказать? Она не любила разговаривать на тему отношений в семье.

– Это сложно объяснить, – наконец, выдавила она из себя.

Девушка посмотрела на мужчину глазами полными слез.

Их отношения с матерью действительно были не идеальными. Они любили друг друга, как родитель и ребенок, но совершенно не понимали. Мать хотела одного, дочь совершенно другого. Но долгое время Викторию никто не слушал. У родителей всегда имеется весомый аргумент «я же лучше знаю, потому что прожил дольше» и фиг с этим поспоришь.

Долгое время Ольга Владимировна доказывала дочери, что в школе не должно быть двоек. Что, дочь непременно должна пойти по стопам матери и стать врачом. Виктория же не хотела этого. В их семье долго не угасали конфликты на эту тему, пока Вика все-таки не поступила в университет на дизайнера.

Все детство мать пыталась отдать дочь на гимнастику, потому что сама когда-то хотела быть гимнасткой. Виктории это не нравилось и она пошла на танцы.

И так всю жизнь. Противостояния даже в еде: Ольга Владимировна никогда не варила любимые дочерью макароны...

Совсем вечером Харон держал девушку за руки и смотрел в ее глаза, пытался улыбаться. Вика же была озадачена.

Когда Василиса ушла домой, демон, уставший от ее болтовни, вздохнул с облегчением. А Виктория долгое время смотрела вслед удаляющейся женщине.

– Когда я могу завтра прийти к тебе? – спросил Харон, стараясь переключить девушку на себя.

– Завтра поеду получать ИНН для работы и... Как же все сложно. Давай встретимся часа в три на Арбате? Я буду ждать тебя у начала улицы. Пойдет?

– Пойдет. Я могу поцеловать тебя? – он осторожно спросил разрешения.

Вика улыбнулась и потянулась губами к мужчине.

– Хотел тебе кое-что сказать. – Прошептал Харон, оторвавшись от ее губ.

– Говори, – Вика посмотрела в его глаза.

– Будь аккуратнее с подругами. – Демон растянулся в наипаршивейшей улыбке. В его голосе прозвучала нотка серьезности, заставившая сердце содрогнуться.

– Что это значит? – Виктория взволновалась. – Почему ты так говоришь? Харон!

– Потому что, я умею слышать и видеть то, о чем думают другие... И сегодня я видел и слышал.

– О чем она думала? – сердце колотилось как сумасшедшее.

Харон не переставал улыбаться. Он перестал обнимать девушку и сосредоточился на ее лице.

– Спокойной ночи, детка. – Он наклонился к ней и прошептал, – завтра в три на Арбате. Мужчина развернулся и пошел в сторону парка.

– Харон! – позвала Виктория. – Подожди!

Но демон стремительно шел в темноту, укрываясь теплой мрачной тенью.

– Харон! – снова крикнула Вика и бросилась за ним.

Девушка так быстро бежала вперед, что едва не угадила под машину, перебегая дорогу. А когда она отошла от потрясения, то поняла, что впереди уже никого нет.

– Куда он делся? – прошептала она, останавливаясь перед дорогой.

Вокруг была тишина... и мысль: у меня больше нет друзей. «Аккуратнее с подругой» – что за ужасное предостережение? О чем таком могла подумать Васыка, что Харон решил предупредить? Почему он так поступил? Без объяснений исчез...

Виктория стояла одна посреди безлюдной улицы и смотрела на метро 1905 года, рядом с которым все еще кипела жизнь.

В руке мелькнул мобильник. Вика набрала номер подруги.

– Вик? Я забыла что-то в кафе, да? – сразу забеспокоилась девушка.

– Нет. Я хотела спросить, как тебе Харон?

В трубке повисла тишина. Вика смотрела в застывшую часть парка и не двигалась.

– Он... – произнесла Василиса, – он милый. Красивый.

– Милый и красивый? – тихо переспросила Вика.

– Романтичный. – Добавила подруга.

– Он тебе понравился? – напрямую спросила Вика, не отрывая взгляда от дерева.

– Он мне понравился как твой молодой человек. Вы хорошо смотрите друг с другом.

Не переживай.

– Я не переживаю. Просто было интересно твое мнение. Ладно, я спать. Давай, до встречи.

Милый. Красивый. Романтичный. Аккуратнее с подругой. Виктория уселась на лавку около подъезда. В голове прыгала лишь одна мысль – больше никаких встреч с подругами. Плюс, предостережение демона играло свою роль. О чем думала Василиса, глядя на мужчину, за которого Виктория отдала свою душу?

Вика закрыла глаза и внезапно перестала чувствовать силу гравитации. Невесомость. Легкость. Девушка с перепугу открыла глаза и обомлела.

Яркое солнце ослепляло глаза. Утро. Может, полдень. Ее собственный двор на Большом Предтеченский переулке. Ни одной души рядом. Вдруг появляется мужчина, внушительных размеров с большим выражением лица. Огромными лапищами он трясет какую-то девушку и требует денег. Та рыдает и что-то невнятное мычит, сквозь зажатый рот.

Он тащит ее за гаражи, бросает на землю и наносит удар ножом. Виктория кричит, бросается на помощь девушке, но... она бессильна что-либо сделать. Она – бестелесная материя. Виктория попыталась схватить мужчину за руку, но ее пальцы, собственные пальцы, прошли сквозь его руку, как в чертовых фильмах ужасов.

Сколько Вика не пыталась поймать руку мужчины, у нее ничего не получалось, что, естественно, вводило девушку в непомерный ужас. Он же продолжал наносить удары один за другим. Девушка из последних сил кричала о том, что мужчина обознался, ее зовут не Яна. Она умоляла его остановиться...

Виктория открыла глаза. Темнота. Ее подъезд. Никого. Холодный пот и ужас в душе.

Девушка встала и едва ступая, направилась к злосчастным гаражам. Там, между ракушек, у стены забора лежало тело той самой девушки, которую Вика видела в своем видении. Оно все было в крови, наполовину накрыто каким-то мешком.

Вика, зажав рукой рот, чтобы не заорать, пятилась назад.

– Расскажи им... – услышала она тихий голос.

Виктория подняла глаза. У мертвого тела стоял вполне себе живой дух девушки... Более того, он еще о чем-то пытался сказать. Его слова было так плохо слышно, едва поняты. Словно какие-то телевизионные или радио помехи искажали их звучание.

Виктория вздрогнула и помчалась домой, шепча под нос молитву. Но чем сильнее она говорила слова, тем сильнее ныла татуировка на ее лопатке, а тихий, искаженный металлическим звучанием голос трупа все еще не уходил из головы.

– Нет! – уже дома, захлопнув за собой дверь, вскрикнула Виктория.

– В чем дело? Ты чего орешь? – в коридоре появилась Ольга Владимировна.

– Ни в чем. Я по телефону разговаривала. – На ходу соврала девушка.

– Ты выглядишь очень встревоженной. Вика? – позвала мама и добивала еще освещения. – Да ты вся бледная... Ты больна? Вика!

– Все нормально, мам. – Наконец, ответила Виктория.

– Что-то не очень похоже. – Ольга Владимировна протянула руку, чтобы потрогать лоб девушки, но Виктория остановила ее.

– Я же говорю, все в порядке. – Вика попыталась улыбнуться. – Правда. Иди ложись спать. Ты работаешь завтра?

Виктория должна была взять себя в руки, чтобы мама ничего не заподозрила.

– Точно? – Ольга Владимировна чувствовала, что что-то не так.

– Мам! – взвизгнула Вика, отойдя, наконец, от двери. – Ну сказала же! Чего по сто пятьдесят раз-то повторять надо?

– Вот теперь похоже на правду. Ладно, я спать. Завтра действительно на работу... и не ори, пожалуйста, так больше.

– Хорошо, мам. – Виктория улыбнулась, закрывая за собой дверь в комнату.

– Еда на кухне. Если не будешь, убери в холодильник. – Крикнула мать вдогонку.

– Да, хорошо...

Полночи Вика ворочалась в кровати, пытаясь уснуть. В голове творился настоящий апокалипсис, такая жуткая война мыслей. Все, что связано с Хароном хотело уничтожить все, что связано с ужасным видением. Душа и сердце хотели думать о любимом мужчине, о его красоте, об адской сущности, о нем всем. Но голова же пыталась понять, что происходит с ней самой. По какой причине духи умерших начали беспокоить ее? Вина ли в этом печать Люцифера? Что привлекает духов в ней? Ее же молния не била, клинической смерти не было. Ничего такого не было, что могло бы спровоцировать это явление...

...Или она все-таки сумасшедшая? Сумасшедшая дура, напридумывала себе всякой чуши, сама поверила в нее и теперь куча вопросов ломает голову. Надо просто поверить, что ничего не было. Всего лишь игры разума.

5 сентября 2013 (четверг)

Благоприятно справившись со своим задуманным планом, Виктория вышла из здания налоговой. Она шла по улице, стараясь не смотреть на людей, боясь снова увидеть пустые глаза заблудших душ, боясь столкнуться с кем-то потусторонним.

Виктория шла к метро, чтобы добраться до Арбатской, где они с Хароном договорились встретиться.

В голове бродили самые разнородные мысли, от которых девушке было не по себе. Виктория уже устала думать, но разум продолжал свой безвольный террор.

В ушах играла музыка, чтобы не слышать окружающий мир. Чтобы не услышать никого и не сойти с ума окончательно. Так страшно, когда чувствуешь, как частички разума просто покидают его. Вакуум. Ничего не понимаешь, но отчетливо видишь, как он уходит, даже не прощаясь.

А что можно сделать? Как можно заставить разум остаться? Страшно от одной только мысли, что ты – безрассудный кретин. Овощ, который теперь будут закармливать таблетками в сумасшедшем доме.

Виктория твердо решила, что никто не должен знать о ее новой способности, иначе дурдом обеспечен. Никто не должен знать, кто такой Харон и откуда он взялся на самом деле, и что было для этого сделано. Никто не должен знать о встрече с Люцифером...

Девушка шла вперед, не поднимая головы, то и дело поправляя спадающую сумку с плеча. Она шмыгала носом, пряча волосы за ухо, вела беседу сама с собой. Словно уговаривая себя: «а давай сохраним это в тайне?», «Конечно, давай! Было бы совсем безрассудно разболтать хоть кому-то о случившемся». «Да, но про девушку надо было сказать». «Нет, нет, меня бы запрятали за решетку. Что я сказала бы полиции? Ко мне пришел дух умершей, который швырнул меня немного назад в прошлое и я видела в деталях всю сцену убийства? Что какой-то психопат покровисал несчастную девчонку, как конфетти, лишь только потому, что мозги окунулись в сумасшествие и он перепутал ее с кем-то другим? А вдруг такое сумасшествие придет и ко мне? Нет, ничего этого не было...»

Виктория осмелилась поднять голову только уже у самого Арбата и тут же наткнулась на Харона.

Он стоял около первого высокого дома, задрал голову и разглядывал что-то наверху.

Как же он был похож на ангела, созерцающего небеса, с которых его давным-давно сбросили. Вот он, стоит во всем черном, с букетом ярких кроваво-бордовых роз и со странной ухмылочкой разглядывает лазурные облака.

Жгучее солнце гладило его черную рубашку, питая тело нещадным теплом, лаская лицо, которое так бессовестно таращится на него и даже не жмурится.

Мужчина никого не замечал, ничто ему было неинтересно, лишь голубая высь.

Виктория стояла как вкопанная и рассматривала демоническое существо необыкновенной красоты и удивительного поведения.

Рядом с ним проходила женщина в развивающемся на ветру платье. Оно было нежно бирюзового цвета и такое лоснящееся. Женщина прошла насколько близко, что полы ее платья обхватили ноги демона в свои мягкие объятия. Харон тут же бросил улыбчивый взгляд на скользящую по брюкам юбку, а затем и на удаляющуюся женщину. Она окинула его игривым взглядом через плечо и скрылась в подземном переходе.

Виктория, стоявшая около перехода, ждала сказочную женщину, чтобы получше разглядеть. Но она так и не поднялась, словно испарилась.

Внезапно Харон резко повернул голову в сторону, где стояла Виктория и, окинув смущенную девушку хмурым взглядом, улыбнулся. Виктория усмехнулась, покачала головой и спустилась в подземный переход. Она мчалась к своему любимому на всех парах и даже не заметила, как уже в переходе влетела в мужчину.

Какого же было ее удивление, когда она поняла, что мужчина – это Харон, который еще неподвижно стоял на Арбате секунду-другую назад.

– Ты ко мне бежишь? – спросил он ее, обнимая.

– Как ты тут оказался? – Вика закрыла глаза, прижимаясь к нему. – Твое внезапное появление могут заметить люди.

– Нет, не могут. Они слишком заняты своим жизненным потоком, в котором им надо барахтаться. А вот ты сразу заметила меня, да? Я чувствовал твой пожирающий взгляд. Как странно он лазил по моему лицу, бесстыдно пытался заглянуть под рубашку... Виктория... Твои мысли – шикарные, с нетерпением жду, когда ты позволишь им войти...нет, захватить реальность.

Мужчина поцеловал ее. Виктория же таяла в его объятиях, от его искусных поцелуев, от его слов и шепота. Она наслаждалась каждой секундой, которую Харон ей дарил.

– Пойдем, прогуляемся, расскажешь, как сильно ты ненавидела людей в очереди в налоговую, – Харон не торопливо взял девушку за руку и повел к выходу из перехода в сторону Арбата. – О, совсем забыл. – Остановился он и вновь уставился на недоумевающую девушку. – Я видел, что мужчины на земле дарят женщинам цветы... Это романтика?

Харон протянул букет Виктории. Девушка, наконец, разглядев цветы, была поражена необычной красотой лепестков. Они действительно были кровавого цвета, словно кто-то окунал кисть в живой венозный поток, а затем рисовал по цветам. Кончики лепестков были в буквальном смысле бархатными. На них как будто лежали невесомые, но видимые, пылинки нежности, которые человек мог разглядеть. Бутоны пухлые-пухлые, полные жизненной энергии.

– Харон, – прошептала завороченно Виктория, не в силах оторвать взгляд от цветов. – Они такие красивые. Я прежде не видела такого умопомрачительного цвета.

– Оно и понятно, – демон улыбнулся. – Эти цветы были выращены не на земле.

– Как это понимать? Они с Марса? – на полном серьезе спросила Вика.

– Ну нет, конечно, не с Марса. Я принес их из, как вы любите называть это место, ада. У нас растут там такие цветы. Здесь таких нет и вряд ли когда будут.

– Цветы из ада. От демона. Харон, я точно здорова на голову? – девушка смущенно посмотрела на своего спутника.

– Абсолютно. Ты веришь в мое существование, но не веришь в мир, в котором я живу и где могут расти такие цветы? Ты такая странная.

– Странная – это лучше, чем сумасшедшая. Понимаешь, это ты знаешь себя всю жизнь, ты себя не удивляешь этим. А я всю свою жизнь знала совсем другие вещи. Двадцать лет меня растили атеистом, скептиком и материалистом. Двадцать лет я смеялась над теми, кто верил. Моя мать – реаниматолог. Она никогда в жизни не поверит, что у мертвого человека есть душа и она куда-то отправляется путешествовать. Конечно, я чувствую себя глупо, когда ты появляешься.

– Я всегда забавлялся, как люди реагируют на мое появление. Хотя что-то необычное в их жизнях. Но обычно мне не приходится им ничего доказывать. С тобой же все иначе... С тобой я в твоём мире, в твоей жизни... в реальности.

Они шли по Старому Арбату, держась за руки. Таких как они миллионы на земле, они ничем не отличались. Демон в мужском обличье остался не замеченным, да и девушка с проданной душой.

Харон безудержно смотрел на окружающий мир. На то, что делают люди, как они одеваются, как причёсываются, какие у них сумки и украшения. Он строил и строил картину, внедряя себя в человеческую жизнь, пытаясь понять, какую ступень общества ему надо занять для комфортного существования.

Виктория думала лишь о его теплой руке, о его пальцах между ее, о том, как приятно и нежно его большой палец ритмично поглаживал ее указательный, и как приятно мог бы этот палец гладить ее тело...

Демон улыбался – мысли девушки он также прекрасно слышал. Ему нравилось то, что она себе представляла и он с воодушевлением ждал, когда все то, что у нее в голове, выплеснется в реальность.

– Харон. – Внезапно девушка остановилась. – Я должна кое-что тебе рассказать. Вчера, когда ты ушел, я видела как убили девушку...

– Ты о своем видении? Я уже видел сквозь твои воспоминаия и глаза все, что происходило с тобой вчера.

– Тогда, ты должен знать, что это было.

– Это было видение о прошлом. – Харон пожал плечами.

– И ты считаешь, что это нормально? – Вика не могла понять невозмутимое спокойствие мужчины.

– Да. Вполне. Я такое каждый день вижу.

– Харон, – Виктория прижалась к нему, стараясь добраться до его уха. – А что если я тебе скажу, что у людей – видеть прошлое в картинках – ненормально. Мы не умеем видеть прошлое, будущее, настоящее... У нас нет таких видений.

– А что если тебе скажу, – Харон наклонился к ее уху и тоже зашептал, – что ты не можешь знать все то, что происходит с другими людьми. То, что тебе кажется нормальным или ненормальным, потому что происходит с тобой, может происходить и с другими и они чувствуют себя вполне комфортно.

Виктория смотрела в янтарно-карие глаза и понимала, что мужчина прав. Харон же завуалировано старался объяснить, что с ведьмами и не такое бывает и это вообще не худший вариант. Но он совсем не хотел прямо говорить, кто она. Не хотелось ему объяснять, как умирающая бабка умудрилась под натиском Люцифера передать свой дар.

– Я успокоил тебя?

– Да.

– Хочешь посмотреть мою квартиру? – он улыбнулся. – Я даже подписал договор по... сейчас, подожди. По... аренде жилплощади ровно на два года.

– Какой нелепый намек. – Виктория не смогла сдержать улыбку. – Ты еще на чай меня пригласи.

– Я могу. Чай я купил. И кофе, кажется, тоже. – Смутившись ответил Харон.

Он был серьезен, наверное, слегка даже обижен насмешками девушки, старался не смотреть на нее. И тут Виктория поняла, что «посмотреть квартиру» значит посмотреть квартиру. У него и в мыслях не было с помощью такого жуткого человеческого хода дурманить девушку, чтобы затащить к себе в койку.

– Пойдем. – Виктория почувствовала себя дурой в очередной раз.

Как же так? Даже демон секса порой думает не о сексе, а люди все об этом. Еще и желания свои пытаются перевесить на других.

– Почему у тебя была такая странная реакция? – спросил Харон.

– Да так, не обращай внимания. – Девушка ответила быстрой улыбкой.

Демон снова остановился и внимательно посмотрел на лицо подруги.

– Я повел себя как бестолковый мальчишка? – удивленно спросил он.

– Харон, прекрати копаться у меня в голове. – Вика засмушалась еще больше.

– Нет, детка, объясни мне! – настаивал он. – Я собираюсь пробыть на земле довольно долгое время. Я должен все знать, чтобы больше не выглядеть бестолковым мальчишкой!

– Обычно, если парень предлагает девушке посмотреть на его апартаменты, скорее всего он хочет показать только свою кровать и в действии себя самого. Это стереотипы. Я еще не встречала и не слышала ни об одном парне, который действительно хотел показать квартиру.

– О, – Харон отвел взгляд в сторону. – Ты серьезно подумала, что я так предлагаю переспать? Я настолько неудачник по-твоему?

Он уже улыбался, обнимая девушку, откусывая от нее части своими невообразимыми глазами. Ей же казалось, что она сейчас лопнет от смущения.

– Харон...

– Что?

Он смотрел на рыжеволосое солнце, которое держал у себя в объятиях. Да, она определенно ему нравилась. Он наблюдал за милой улыбкой, за улыбающимися веснушками. Глаза. Сколько же неподдельной радости было в этих глазах. Океан жизни. Демон слышал, как бьется ее сердце, как оно наполнялось энергетикой любимого человека. Харон не мог поверить, неужели, людей, действительно, способны на такую любовь к кому-то кроме себя?

– Ты смущаешь меня.

– Ну хоть какое-то достижение у меня имеется. А то я уже расстроился, что не вызываю у тебя никаких эмоций!

– Ты знаешь о моих эмоциях лучше меня.

– Правда. Но твое сумасшедшее желание дотронуться до моего тела, ощутить мои губы на своих, чтобы я расстегнул следующую пуговицу на рубашке, сильнее сжал твою руку и все то, что происходит у тебя в голове... И твое поведение в реальности... это два абсолютно разных человека. Ты отталкиваешь меня, избегаешь... Я уже начал сомневаться в своих способностях правильно считывать мысли. Скажи мне детка, может, я что-то не так понимаю? Я неправильно интерпретирую твои мысли, а?

– На нас смотрят люди, – прошептала Виктория, не позволяя мужским рукам прорваться туда, куда им хотелось.

Харон отступил. Виктория улыбалась, в ней горело пламя страсти и демон не мог неправильно считать его. Он все прекрасно понимал, но не понимал, почему эта девушка так странно себя ведет. Теперь еще и люди.

– Почему они смотрят на нас? Разве они не делают то же самое? – удивился Харон, взяв девушку за руку, продолжая свой путь к Манежной Площади.

– Делают. Иногда делают даже хуже. Но как правило, они находят себе оправдание, почему им можно так делать, а нам нельзя.

– Ты всегда слушаешься людей?

– Нет. Я не слушаюсь людей. Мне не нравится, что они смотрят на нас.

– Ты хоть представляешь, как сильно они ненавидят нас, целующихся таким прекрасным вечером, в старых улочках Москвы? Может, многим хочется того же...

– Может. – Виктория была непреклонна. – Но большинство смотрит осуждающе. Это все настолько интимно, на это не должны смотреть чужие глаза.

Харон опять остановился.

– Вы меня удивляете! Ты, в частности! Ну как так, детка? Я не понимаю! Говорить о стыде и смущении, при этом в твоей голове творится такой умопомрачительный секс, что я, наверное, с трудом дождусь, когда он вырвется оттуда.

– В этом-то и дело. Я не прочь воплотить его в реальность, но наедине с тобой, а не чтобы весь Арбат наблюдал.

– Я понял тебя. Понял.

Они подошли к красивому дому, архитектура которого явно отличалась от современной. Постройка советских времен, сохранившаяся до наших дней. По этому дому никогда не скажешь, что в нем живут люди.

Харон поздоровался с консьержем и повел девушку за собой. Женщина окинула Викторию презренным взглядом, мысленно обозвав ее проституткой. Демон улыбнулся, услышав ярлык.

– Немного пешком... на третий этаж. Лифтов нет. – Предупредил демон о предстоящем путешествии.

– Я выдержу... всего-то три этажа. – Она улыбнулась и пошла вперед.

Харон открыл дверь и пропустил девушку вперед.

– Вот мое временное пристанище среди людей... – Мужчина закрыл дверь.

Виктория сняла кеды и прошла в гостиную огромных размеров. Харон шел за ней, не сводя глаз с ее затылка.

– Тебе сделать чай? Ты же чаю хотела.

– Да, не откажусь. – Девушка развернулась и заорала не своим голосом, бросившись бежать.

С перепугу не заметив выступающую стенку, девчонка влетела прямо лбом в нее. Без сознания она грохнулась на пол и наступила неожиданная тишина.

Харон удивленно смотрел на лежащую на полу девушку, ничего не понимая. Что так сильно могло напугать ее, что она хотела даже сбежать?

Он поднял ее и отнес на кровать. Вот она, без сознания, в мире сновидений. Одна секунда и Харон уже будет там. Но Вика на его кровати, беззащитная, с растущей шишкой на лбу, с зарождающимся безумием во лбу. Оголенное нежное плечо, на лице выражение страха и отчаяния.

Харон принес мокрое, холодное полотенце, положил его Вике на лоб. Может шишка хоть чуть-чуть станет меньше. Его смущало обнаженная часть тела. Несмотря на свою похоть и едва контролируемую страсть, Харон поправил футболку, спрятав кусочек наготы.

Он поправил ей подушки и сел рядом в кресло, задрав голову к потолку. Мысли тут же начали атаку и мозговой шторм. Земная женщина, реальность, два года отпуска. Сможет ли он дать этой женщине то, что она хочет? Способен ли вообще на это?

Кто-то тихо откашлялся в гостиной. Демон улыбнулся. Он вышел из комнаты, закрыв за собой дверь и тут же нашел глазами статного мужчину за своим столом.

– Друг мой, – сказал он, вставая из-за стола, – решил провести тебя... Посмотреть, кому ты принес букет этих прекрасных роз. Виктории, надеюсь?

– Люцифер, рад тебя видеть в столь приподнятом настроении. По договору я должен сделать эти два года прекрасными, а если получится, может, и идеальными.

– Ты прав, прав. – Люцифер стоял у окна.

– Как дела дома? – Харон все-таки добрался до чая. – Выпить что-нибудь?

– О, нет, – мужчина развернулся лицом к демону. – Я здесь по делу. Мне что-то мешает в спине уже второй день. Ты мой ближайший друг. Будь добр, посмотри, что там у меня...

Люцифер скинул рубашку на пол и...

Харон много раз видел своего владыку в таком виде, но каждый раз у него замирало сердце, на лице был неописуемый восторг, а в глазах – едва выносимая боль.

Люцифер стоял к нему спиной, а вместо лопаток возвышались огромные белые крылья. Они были такие величественные, мощные, представляя, сколько пережил их хозяин, спускаясь на них сверху, Харон все больше и больше приклонялся уважением и преданностью. Не надо было смотреть ни на тело, ни на лицо, ни в глаза их хозяина, достаточно было просто посмотреть на могущественные крылья. А какие же они белоснежные! В облачную погоду, пропитанную меланхолией, они обжигали глаза своей божественной белизной. Если на величественные перья падали лучи солнца, то глаза просто слепли. Гладкая и белая поверхность отражала лучи, отправляя их в обратное путешествие по космосу, лишая зрения несчастных.

Конечно, демоны были сильнее людей, но даже им жгло глаза. Слишком яркий свет. Словно в глазах сверкнула молния, но не исчезла тут же, как положено, а осталась в глазах, крепко покрыв своей безжалостной пеленой зрачок.

В голове пульсирует глазная боль. Люцифер раскрывает свои крылья. Харон, бросив свой чай, сквозь терзающий глаза свет, направился к Люциферу узнать, что беспокоит его.

Осматривая могущественную спину, плавные переходы в крылья, рыдая, демон заметил, что у правого крыла торчит длинное перо, которое утыкается в поясницу. Несмотря на свою мягкость, нежность, оно было довольно твердым. Если Люцифер прятал крылья, то оно словно металлический кинжал, впивалось чуть правее позвоночника.

– Перо. Люцифер, здесь перо. – Вытирая кровавые слезы больных и ослепляемых глаз, прошептал Харон. – Что мне делать, оно еще не до конца вышло.

– Ну так вырви его, поскорее, чтобы я не мучал твои ослабшие глаза.

Харон дернул мешающее перо, Люцифер усмехнулся и тут же подхватил рубашку с полу, пряча крылья.

– Прости, друг мой, что вновь ослепил, но кто мне еще поможет, кроме тебя? – он улыбнулся, застегивая пуговицы.

– Кто? – удивился демон. – Да кто угодно! На моем месте мечтает оказаться минимум пол земли и уж точно весь ад. Это же честь, Люцифер.

– Конечно. Я не сомневался. Проблема лишь в том, что знающих о моем сиянии крыльев можно посчитать по пальцам на одной руке. А на дураков не хватит даже всех пылинок мира. Глупцы просто будут слепнуть, корчась от боли. Как ты считаешь, когда их глаза будут выжигать словно кислотой, они будут думать о предоставленной им чести?

Харон улыбнулся и опустил голову, Люцифер как всегда веселился.

– А если все равно будут считать это честью? Ты согласишься на пожизненные муки в слепоте?

– Ох, друг мой, ну что же я садист? В таких случаях всегда действенна сделка. Заключаем. Забираем. Исчезаем. Кстати, ровно через две минуты откроет глаза та, которая в агонии от одного лишь вида твоего лица. Если у тебя есть еще что спросить по срочным вопросам, спрашивай.

Харон смотрел на длинное перо, лежащее на полу и больше не улыбался. Его лицо помрачнело, укрывшись тяжелой серьезностью.

– Зачем ты дал ей силы ведьмы?

– А как бы она смогла произвести на меня впечатление и «заставила» прийти, если бы я не дал их? Я не могу позволить себе спуститься к ней после всего того бреда, что она вытворяла, начитавшись глупостей в просторах интернета и книгах. Но, ты же не держишь на меня зла?

– Нет. Наоборот, я в предвкушении путешествия и разнообразия. Стоит ли мне говорить ей об ее новых возможностях?

– Нет, друг мой, позволь ей тоже повеселиться. Я уверен, это миссия будет увлекательна не только для тебя. Я ведь тоже наблюдаю за вашими отношениями. Увидимся.

Люцифер улыбнулся и исчез в ту самую секунду, когда Виктория набрала полные легкие воздуха, содрогнулась от ужасных воспоминаний и открыла глаза.

В комнате царил легкий полумрак. Шторы плотно задернуты, да и солнце садилось с другой стороны дома. Виктория неподвижно смотрела на огромный шкаф, стоящий вдоль всей стены. Она смотрела в зеркало и не моргала, боясь, что кто-нибудь вылезет оттуда.

– Харон, – прошептала она имя, в которое верила.

Девушка видела спасителя в демоне, защитника. Она верила, что он не даст ее в обиду, никому не позволит сделать ей больно.

Вика провела рукой по лбу – мокрое холодное полотенце свалилось на пол. Чувствуя легкое головокружение и тошноту, Вика присела на кровати, все также неотрывно таращась в зеркало.

Дверная ручка плавно опустилась вниз, сердце сжалось в кулак, дыхание сперло. Девушка ждала. В комнату вошел Харон и Вика тут же бросилась ему в объятия. Организм был слишком слаб и она едва не упала, когда мужчина подхватил ее, разглядывая перепуганные глаза и маску ужаса на лице.

– Ты все еще слаба, – прошептал он, убирая прядь выбившихся волос за ухо.

– Что это было? – загробным шепотом спросила Виктория.

– О чем ты говоришь, детка?

– О мужчине.

Харон удивленно посмотрел на лежащую у него на руках девушку. Ему уже закралось подозрение, что это может быть за мужчина и почему демон его не видел. Харон уселся вместе с Викторией на огромную кровать, которая явно превышала все размеры стандартного евро. Демон изучал лицо в смятении, вытаскивая по атомам пропитанные самобичеванием ниточки, примеряя на себя новое чувство. И одного он не понимал: как можно испытывать столь обширную гамму чувств?

– С петлей на шее. Он стоял около стола, потом резко направился на меня. Я испугалась. У него такое лицо... Пустое и безжизненное. Неужели ты не видел его?

Харон отрицательно покачал головой.

– Почему я их вижу? Что со мной стало? Может я, действительно, сумасшедшая? Милый мой.

Девушка положила свои холодные ладони на теплые, щетинистые щеки молчаливого мужчины. Она пыталась ощутить каждый сантиметр его баснословного лица, убеждая себя в более или менее здравом уме. Чувствуя, как сквозь заледеневшие от страха руки, пробегает его тепло, как оно стреляет по капиллярам, пробуждая их от внезапного зимнего сна в прекрасный осенний вечер. Виктория прикоснулась губами к его. Она закрыла глаза. Вот то тепло... пожар, который она искала, чтобы согреться, чтобы понять, что она – живая. Нет сумасшествия. Жизнь бьет ключом.

Харон не шевелился, лишь сладострастно отвечал девушке на поцелуй. Нет, он не превратился в человеческую ханжу, он просто боролся и укрощал свои сумасшедшие чувства, измывался над полыхающей страстью и желанием схватит рыжеволосую пигалицу и все-таки продемонстрировать свой многотысячелетний навык творить что-то необычное и невозможное среди людской пучины обыденности и банальности.

Но Харон и пальцем не тронул девушку. Он умел ждать.

Виктория же проникала в поцелуй все глубже, думая, что она приобретает рассудок, на самом деле, не замечая, как быстро теряет его в реальности. Чувственные губы мужчины играли шутки с ее разумом. Ее непослушные руки, блудливо и так неуклюже пытались растегнуть пуговицы на рубашке, чтобы дотронуться до «божественного» тела. Она так хотела почувствовать жизнь, струящуюся сквозь мышечную ткань в черную душу.

– Нет, нет, нет... Я должна остановиться, раз ты не останавливаешь меня... – прошептала она, крепко обняв окаменевшего мужчину.

– Знаешь, сколько сил мне понадобилось, чтобы не наброситься на тебя и на собственной шкуре не узнать, что значит изнасиловать? Я уже прекрасно знаю, что дальше, чем детские поцелуи, ты не позволишь мне зайти. Кстати, напomini мне, почему?

– А...

– Подожди, я сам. Романтика, да? – он бросил на нее ядовитой взгляд исподлобья, застегивая пуговицы. – Мы изучаем, что такое романтика. Я помню, детка, помню.

Харон встал с кровати и добавил немного света, поправляя волосы и воротник. Виктория закрыла глаза и упала на кровать.

– Я такая дура... – тихо сказала она.

– Не согласен.

– Нет, Харон. Со мной явно что-то не так. Если я не сумасшедшая, то я – дура.

– Твой чай остыл, детка. Пойдем, я сделаю новый и ты поделишься своими мыслями и страданиями по поводу того, что тебе мешало сейчас просто сказать мне «да». А ведь ты так хотела это сказать. Я слышал, как ты умоляла свое упрямство, а оно твердило о романтике. Ты расскажешь мне подробнее, к чему мне следует подготовиться, углубленно изучая романтизм начала XXI века?

Виктория едва слышно рассмеялась, все также лежа на кровати. Она все еще не могла смириться и понять, что демон без всякого труда проникает в ее голову и поглощает все ее мысли, а потом, словно острое копье, бросает их в девушку с намеком: «на, смотри, о чем думала твоя несносная голова, в то время, когда тело не было так безупречно».

– Ты просто невозможен. Прекрати лазить у меня в голове.

– Увы, это невозможно, детка. Я слышу твои мысли так же явно и четко, как твой голос.

– Как ты их отличаешь от реально сказанного?

– Как лингвист...по контексту. – Харон улыбнулся. – К тому же, если бы все, что ты думаешь, я бы воспринимал как сигнал к действию, у нас бы уже было, о чем написать, по крайней мере, одну книгу. А некоторые мысли, я вообще не уверен, что ты когда-либо попросишь осуществить. К сожалению...

Виктория села на кровати, пытаясь понять свое самочувствие. Вроде она пришла в себя, но воспоминания о мужчине ее не покидали. Сквозь смех и наслаждение, она прогоняла дурное видение. Но все ее усилия были тщетны.

Как только они вдвоем вышли на кухню, Виктория поняла, что мужчина-то никуда не делся.

– Харон, – прошептала Вика, впиваясь мертвой хваткой в руку демона.

Он уставился на девушку: бледная, глаза перепуганные, руки дрожат. Харон уже грешным делом подумал, что девчонка сейчас опять грохнется в обморок от страха. На всякий случай он приобнял ее.

Виктория смотрела в одну точку, не шевелилась и не дышала. Ее пальцы судорожно сжимали мужскую руку, ища в ней защиту и поддержку. У нее были такие холодные пальцы и такие цепкие. Сердце колотилось в бешеном темпе, грудь тяжело вздымалась, вытесняя использованный воздух. Девушка смотрела на того, кого Харон не видел.

– Он здесь? – тихо спросил демон девушку.

Она молча кивнула в ответ, не отрывая взгляда от духа.

– Что он делает?

– Смотрит. Показывает на шею... – Вика еле сдерживала слезы.

– Что это значит? – Харон внимательно смотрел на девушку.

– Да откуда же я знаю! – всхлипнула она. – Но мне так больно внутри. Сердце болит. Оно пустое и разбитое. Меня кто-то подвел, предал. И это невыносимая боль, удушающая, давящая. Нет сил терпеть. Нет сил жить... – Виктория закрыла глаза и вздохнула. –... Девушка. Очень красивая. Большие светло-голубые глаза... как у куколки. Радостные и любящие жизнь. Любовь. Сердце переполнено любовью к этой девушке. Сердце бьется лишь потому, что ее сердце бьется. Я дышу потому, что она дышит. Какая же она нежная, ласковая...

– Вика... – прошептал демон, ничего не понимая.

Девушка висела у него в руках, словно спущенный воздушный шарик. Закрытые глаза, сухие губы и такая безмолвная маска отчаяния и нестерпимой боли.

– Виктория, – Харон позвал чуть громче. – Оставайся со мной... Эй...

– В то утро, я захожу в квартиру. Она с ним. Она. С ним. В моей постели. Боль. Больно. Пусто. Мучения... Она ушла с ним. Петля на шее... я больше не чувствую боли. Больше нет отчаяния. Осталась лишь пустота... и скитания.

Виктория открыла глаза. Слезы катились по щекам, глаза блеклые и безжизненные.

– Эй, детка... В чем дело? – Харон дотронулся до ее лба.

– Я не знаю, Харон... – девушка окинула усталым взглядом мужчину.

Он подхватил ее на руки и посадил на широкий подоконник, переживая, что девушка вот-вот грохнется.

– Мне так плохо, у меня даже нет сил двигаться, нет сил сделать вдох. Такое ощущение, что я прошла огонь и медные трубы.

– Я пережил все эмоции, о которых ты сейчас говоришь. Вместе с тобой я пришел и почувствовал их на своей шкуре... Но я не понимаю, что это было. Примерно то же самое я испытываю каждый раз, когда заглядываю в прошлое какого-нибудь человека. Но что было с тобой – я не знаю.

– Я видела его прошлое. Его глазами. Он повесился из-за нее. Представляешь! – Вика посмотрела на демона. – Харон, представляешь, как сильно он любил ее и что она сделала? Бедняга. Как же сильно ему было больно... Почему ты не видишь его? Ты же... очень могущественный.

– Я работаю с людьми. С женщинами. Мне ни к чему видеть умерших, застрявших между мирами. Вот Люцифер видит их всех, но даже внимания не обращает. Он четко знает, где живой, где мертвый.

– Почему его вижу я? Это из-за сделки?

– Не думаю. Честно, я не знаю. Я не понимаю, как это работает и кому какая выгода в том, чтобы живые могли вступать в контакт с мертвыми. Что он сейчас делает?

– Он исчез. Показал, что повесился в твоей ванне и исчез... Господи, как тут жить-то можно, зная, что тут такое произошло.

Демон нахмурился, помрачнел, как грозовая туча, поджал губы и покачал головой.

– Почему ты так на меня смотришь?

– Не произноси при мне его имя.

– Чье имя? – еще больше удивилась девушка.

– Его.

Виктория смотрела непонимающими глазами на любимого мужчину, пытаясь понять хоть чуть-чуть его. Может, он тоже с ума сошел? Вообще демоны могут сходить с ума?

– Прости, я не понимаю, о чем или о ком ты говоришь. – Виктория обняла его, уткнувшись лбом ему в грудь.

Харон вздохнул и посмотрел на улицу.

– Останься со мной. – Тихо попросил он.

– Здесь? – удивленно, с опаской воскликнула Виктория.

– Да...

– Тут покойник с петлей на шее...

– Ты со мной, помнишь? – он прикоснулся губами к ее щеке. – Он не угрожает тебе, пока ты со мной. Я буду сопровождать тебя везде. Останься со мной сегодня.

Девушка смотрела на него и понимала, что как бы страшно ей не было в этой квартире, все равно не способна отказать ему. Язык вовсе не слушался. Более он уже не мог говорить слово «нет».

– Я знаю, слышу, как ты заставляешь себя отвергнуть мою просьбу. Но ты не можешь. Не можешь. Не мучай себя, не мучай меня. Вот телефон, звони маме, рассказывай историю, что вы с Василисой ночуете вместе... Рассказывай...

Виктория сделала все, что сказал Харон, а под натиском его нежных поцелуев она и вовсе ничего не соображала. Демон ни на минуту не отходил от нее.

– А это что? – Виктория прыгнула с подоконника, заметив что-то яркое, блестящее под столом.

– Где? – Харон последовал за ней взглядом.

– Вон там...

Вика вытащила из-под стола длинное перо и загадочно посмотрела на находку. Глазам было чертовски больно, перо отбрасывало яркий слепящий свет. Виктория зажмурилась, протерла глаза, но продолжала смотреть на кусочек небывалой чистоты.

– Не смотри... – демон даже не стал договаривать, глядя на то, как внимательно и претенциозно Виктория изучает частичку Люцифера.

Девушка прижала к себе перо, закрыла глаза и опустилась на пол. Все. Понеслось. Кадры, с огромной скоростью мельтешащие перед глазами. Время летело, летели картины воспоминаний...

Красота. Свет. Нежность. Душа радуется. Уважение. Чарующая любовь. Повиновение. Вкус соперничества, горечь и обида. Он не понят. Никем не понят. Падение. Долгое, тяжелое, мучительное. Все летит вниз. Небывалая скоростью. Свет устремляется вниз. Удар. Боль. Земля разверзлась от удара, пропуская в себя яркий свет. Он не затухает. Все ярче вспыхивает, пробираясь в недра, освещая их. Остановка. Неосознание. Обида. Отчаяние. Предательство. Ненависть. Возвышение. Подданные и армия. Признание величия. Всеобщая любовь. Уважение. Пьедестал. Равенство... Безразличие.

Харон слушал и не шевелился. Виктория сидела на полу с закрытыми глазами, крепко прижав к себе перо.

– Это часть Люцифера... – открыв глаза, прошептала она. – Он потерял его в мире людей. Должен был взять, но забыл.

– Ты видела историю в картинках. Ты видела то, что я даже не видел... Благодаря тебе я тоже смотрел... Но людям это нельзя лицезреть.

Харон замолчал. Он не хотел говорить, что с такими знания нормально жить больше нельзя. Приходится прикидываться либо сумасшедшим, чтобы все отстали, либо молчать. Всю жизнь молчать.

Демон не был знатоком человеческих жизней, но даже он ясно понимал, что ничего хорошего не выйдет, если, допустим, Ольга Владимировна услышит историю Люцифера, которая прошла сквозь разум ее дочери.

– Я хочу оставить его себе. – Приказным тоном заявила Виктория, вставая с колен. – Здесь был Люцифер. Когда?

– Виктория. Нет...

Девушка улыбнулась и укоризненно покачала головой. Неприкрытая ложь мужчины развлекла ее.

– Я и не думала, что такое может быть. – Трогая перо, стараясь смотреть сквозь прищуренные глаза, сказала девушка. – Харон, я оставлю его себе. И... Я не спрашиваю разрешения. Это не обсуждается.

Демон стоял в растерянности: такого он никогда не видел. Конечно, за свое многовековое существование он имел дело с ведьмами. Они сами звали его в свою постель. Они знали, что их ждет и никогда не возражали против. Некоторые пытались произвести магическое воздействие, но погибали. Их изящная самоуверенность уничтожала жизнь.

Но Виктория – это совсем другое дело. Демону нравилась эта девушка. Ее стесненная недоступность, ее развратные мысли, легкое поведение и ослепительная улыбка. Ее сильный нрав и детское простодушие.

Харон ждал, когда Виктория начнет понимать, что за активность в ней проснулась. Ему было интересно, что девушка будет делать, думать, попытается ли сделать еще какую-нибудь глупость.

Ее пальцы, нежные, мягкие, гладили перо Люцифера, передавая все ощущения и болезненные воспоминания в душу. Они скрывались. Не давали рассмотреть себя. Мельтешили и копошились, как личинки комаров. Но для Виктории было достаточно этого... и для Харона тоже.

Девушка вовсе забыла о духе с петлей на шее, вспоминая образ Люцифера, его бордовые глаза и запах ели. От осознания его жизни почему-то в ней проснулась такая жалость и печаль по отношению к владыке ада. Какой тут дух с петлей?

В ту ночь они спали вдвоем. На одной громадной кровати. Первая совместная ночь.

В ту ночь ей снился хвойный лес и огромный филин, который так громко ухал, смотря на мир большими желтыми глазами. Сквозь сон Виктория чувствовала невероятное умиротворение и спокойствие. Теплые руки желанного мужчины гладили ее расслабленное тело всю ночь. Впервые за долгое время Вика, действительно, расслабилась.

В ту ночь Харон покрыл все ее тело легкими поцелуями. Каждый миллиметр был укутан волшебной лаской. Впервые он все чувствовал по-другому, потому что его жизнь была не во сне. И ему так нравилось это новое, усовершенствованное чувство. Ответная реакция девушки была осознана, а не задурманена пустыней сна.

В ту ночь между ними ничего не было. Виктория продолжала настаивать на романтике и бурном периоде ухаживаний. Харон же поражался. Все, что он мог делать с этой земной женщиной, так это поражаться.

26 сентября 2013 (четверг)

Почти месяц прошел с момента заключения сделки Виктории и Люцифера.

Сентябрь подкрадывался к концу. Холодало. Хотя трясогузки и скворцы все еще топтали лапками безжалостные мостовые и привокзальные площади в поисках еды. Они ждали какой-нибудь крошки от человека, ведь мошки уже не летали. И, к счастью, люди не все жадные и не все спешат. Пухлых птиц и их оперившихся птенцов, готовящихся к долгим перелетам, все-таки подкармливали.

Листья потихоньку желтела и падала. В тихом, безмолвном парке было слышно, как едва шурша, листочки отрывались с макушек сонных деревьев, и неспешно падали вниз, кружась в легком завихренном танце. Их удивительный окрас поражал глаза. Столько цветов и оттенков на деревьях, на листьях, на траве. Существует ли вообще столько названий для цветов в осенней палитре?

Конечно же, дожди. Мягкие, монотонные, но не проливные. Вода с неба шепчет себе да шепчет о чем-то. Никто не слушает. Весь мир в плееере, шея обмотана проводами, опустошающими страдающий гипоксией искусственными и небывалыми звуками мозг. А дождь все шепчет и шепчет, земля благоухает перед крепким сном.

Почти месяц Виктория ходила на работу, которую она получила с помощью Харона. Ей нравилась эта работа, а Ольга Владимировна продолжала бубнить, что ее дочь должна была быть врачом, а не художником с улиц. Ссоры, скандалы. Мать и дочь все больше и больше не понимали друг друга.

Ольга Владимировна никак не хотела принять тот факт, что дочь уже выросла. Все. Ее уже можно отпустить в плавание в жизнь, изредка давая совет по ее просьбе, а не навязывать свое мнение и видение.

Почти целый месяц девушка после работы встречалась со своим мистическим другом. Она все больше и больше погружалась в небывалую любовь к нему. Ей хотелось смотреть и смотреть на него. Хотелось, чтобы его голос звучал вечно в ее голове и ушах. Виктория была

преисполнена своими желаниями по отношению к демону. Она всегда трогала его руки, рассматривала красивые, длинные пальцы, аккуратные ногти, нежную кожу. Эти руки не знали, что такое быт, ни на словах, ни из словаря.

Иногда, оставаясь у демона на ночь, Виктория любила рассматривать сказочный торс. Ей нравилось смотреть, как пальцы совершают неловкие движения, с трудом застегивая пуговицы на рубашках, и как быстро они их расстегивают. Как иногда, они просто разрывают ткань, когда не получается расстегнуть какую-нибудь пуговицу.

Его смех – столь редкое явление. Харон практически всегда был либо хмур, либо настрожен. Ведь он учился жить среди людей. Не до веселья. Да и вообще, заметив, что Москва не очень улыбочива, особенно по утрам, Харон вовсе перестал улыбаться на улицах, воспринимая это как некультурный знак и признак идиотизма.

Виктория пыталась объяснить, что в Москве отношение к смеху довольно своеобразное. Российский народ не привык просто так улыбаться: дурной тон, волна придурковатости. Но это вовсе не значило, что в Москве на смехе стоит табу. Просто надо найти не только достойную причину для смеха и улыбки, но еще и до окружающих донести, что ты вполне здоров, что вот она, твоя причина смеха. Харону было тяжело понять это. Ему было проще расстаться с улыбкой вовсе, чем подстроиться под изменчивое настроение социума.

Виктория любила гулять с Хароном. Порой демон с таким восторгом и удивлением рассматривал то или иное исторически значимое сооружение, поражаясь человеческому умению: оказывается, люди умеют не только все портить, но еще и строить.

Вика часто спорила с Хароном на эту тему. Современный постройки ее не очаровывали, напротив, раздражали. Непонятное стремление к фаллическим формам и структурам просто обескураживало ее. Куда могли деться достойные архитекторы, с потрясающим воображением и умением реализовать это все в жизнь? Что за однообразные небоскребы, натканные по всему миру? Да бог с миром, зачем Москву пытаются заполнить худощавыми, безвкусными и невзрачными зданиями?

Конечно, для Харона красивы были и современные здания и архитектура прошлых веков. Ему проще, ведь у него не было возможности так тщательно рассмотреть ни то, ни другое, до появления Виктории.

По вечерам они вдвоем обошли почти всю столицу пешком, беседуя обо всем, что приходит на ум. Демон откровенно признавался, что ему чертовски нравится Москва, ее дома и их архитектура, структура и движение, хмурые люди, которые несмотря на свою хмурость, готовы откликнуться и улыбнуться в любой момент. Наверное, больше всего ему нравилось движение. В Москве оно везде: на дорогах, под землей, в небе, в домах и подвалах, на крышах и рельсах. В этом городе ничего не стоит, ничто не стабильно. Безумная, российская хаотичность завораживала представителя тартара.

Никакие доводы Виктории о том, что в постоянной суматохе жить крайне сложно, она высасывает из тебя твою энергию... жизнь, в конце концов. Москва поглощает в себя все. Она скорее как черная дыра, затягивает и затягивает. Мало кто замечает, что находится в самом центре низменной городской пучины. Наверное, поэтому никто не хочет бежать отсюда.

Большую часть своего населения Москва заставляет существовать, не жить. Своей красотой и массивностью ей удастся держать в себе столько миллионов людей. Может, она и устала от нас, но по привычке продолжает поглощать и засасывать окружающую материю.

Виктория рассказывала о чудесах подземной жизни в столице, об истинной архитектуре, которая скрыта под землей, под толщей почвы.

Демон же облазил каждую станцию в подземелье, пробыв на каждой из них, довольно долгое время разглядывая великие мозаики, статуи, узоры, плиты, фрески.... Сказать, что он был поражен – ничего не сказать. Он не ожидал от людей такого. Не ожидал, что у них есть понятие красоты и что они, в принципе, могут дать жизнь самой красоте.

Естественно, Харон не мог не заметить москвичек. Ему уже случалось быть среди людей, но то были совсем не большие сроки и как правило, то была Европа и ее чопорные дамы. У него были однодневные отношения и ни одна из женщин даже не пыталась просто погулять с Хароном. Никто не предоставил ему возможности насмотреться на не менее красивый средневековый Лондон, вычурный Париж и закладывающийся фундамент всем известной Эйфелевой башни. Он ничего не видел, кроме озабоченных своими желаниями почтенных дам, которые в тайне от мужей, придавались плотским утехам не только с людьми, но и с инкубами. Но раньше Харон не видел в этом ничего плохого. Демон был создан для удовлетворения прекрасного пола, на что ему жаловаться?

Харон читал женские разумы, неподвластные никому желания, словно неоновые вывески на дорогах. И ему нравились их разумы. Не всегда женщины думали о сексе: у них куча дел и переживаний, которыми была заполнена голова. Они старались обо всем помнить, думать. Они спешили.

Каждый раз Виктория безумно ревновала, замечая, как Харон смотрит на ту или иную девушку. Он мог обворожительно улыбнуться какой-нибудь даме, чем смущал и злил Вику. Девушка ничего ему не говорила. Она лишь тихо переваривала свое недовольство. А что она могла предъявить ему? Она даже не догадывалась, знает ли Харон что-нибудь о ревности, с чем едят это блюдо?

Демон, в свою очередь, понимал, что примерно значит ревность, но не очень понимал, что он такого делает, что Виктория злится. Но один лишь добрый взгляд на другую и тут же зубы скрипели от злости.

Виктория почти привыкла к своим видениям и призракам. Духов она видела ежедневно. С коллегами по работе она постоянно видела одни и те же души, сопровождающих их. Практически рядом с каждым человеком стоял усопший. Какую роль он выполнял, Вика не понимала. К счастью духи не разговаривали с ней. Иногда они беспородно погружали ее в свои воспоминания, показывали свою прошлую жизнь. Чаще всего это было то, как они умирали. Реже что-то хорошее или какие-то счастливые моменты.

Виктория изменила отношение к смерти. Отныне она была уверена, что смерти бояться не надо. После нее все-таки есть жизнь. Да, может, она не такая веселая и счастливая как раньше, но она есть. Есть душа, которая продолжает жить и она помнит, как все было. Стоит ей скинуть телесную оболочку, как к ней возвращаются воспоминания, о которых человек мечтал, но пока жил так и не получил.

Духи очень часто показывали воспоминания из детства, вытирая слезы невозможности побывать снова там, обнять еще молодую маму, от которой тогда отбрыкивались и ногами, и руками. Душа помнит все.

Виктория все еще не понимала, что все это значит, но относилась довольно спокойно. Ну идет человек, ну следует за ним душа, никто ее не видит, кроме меня, и что в этом такого? Вот примерно как думала девушка, заверяя сама себя в собственной нормальности. Вика заставляла себя поверить в то, что все происходящее с ней – нормально.

Иногда девушка замечала одиноких духов. Они ни за кем не следовали, существовали сами по себе. Медленно ходили по улицам, просачивались сквозь стены, словно шли по своим делам, как будто им было куда идти.

Кто-то из них улыбался, но улыбка была все равно печальная и сковывающая. Встретив такую улыбку никогда не поймешь, от хорошего ли человек улыбается. А может, он вообще не улыбается, у него проблемы с тройничным нервом... Невозможно верить в такую улыбку... в ней нет души. Она притворная. А когда идет сама душа с такой улыбкой, вовсе становится жутко: души ведь не умеют притворяться. Тогда, что могло заставить ее так улыбаться?

Поначалу Виктории было жутко, когда она встречала призраков, но когда они улыбались, идя на встречу, ей становилось еще хуже.

Порой девушку одолевала жалость к ним. Как-то бредя по улицам старой Москвы, Виктория увидела девчонку, куда-то спешащую, а сзади дух матери, который пытается заплести развивающиеся на ветру косы. Вот он мчится за девушкой и что-то кричит безмолвным ртом, явно пытаясь остановить беспощадное время.

От таких картин действительно становилось жутко. Виктория ни раз видела влюбленных, разлученных самой смертью. Они проливали горькие слезы, вороша память, вытаскивая боль на поверхность. А любимый рядом! Он всегда рядом, трогает руки, гладит по голове, улыбается. Но его уже никто не видит и не чувствует. И снова боль.

А еще хуже, когда влюбленная душа плелась за своим возлюбленным, а он уже нежно гладил руки идущего рядом с ним живого человека, заставляя себя любить снова. А дух страдает: он слишком хорошо помнит, как все было и лучше всех знает, как могло бы быть, и вовсе не понимает, как случилось то, что случилось. Почему никто не чувствует его прикосновений? Почему никто не отвечает на его поцелуи? А он так надрывается, крича в уши живому слова угасающей любви.

У Виктории разрывалось сердце от этих видений. Что ж за жестокая субстанция, может, материя, правит на самом деле миром, если некоторые люди обречены на страдания даже после смерти? Страдания вызванные тоской и непониманием. Ведь некоторые призраки просто не понимают, что они – призраки, что они мертвы. Они всячески пытаются привлечь к себе внимание нужного им человека. Но никто, никто их не замечает. А если и замечает, такие как Виктория, то стараются пройти мимо, с опущенным взглядом. А кому понравится клеймо сумасшедшего? Держи все свои видения при себе.

Тоска изничтожала всех тех, кто, наконец, понимал, что их разлучили. Навсегда. Тоска совсем не похожа на ту, которую испытывают люди к живым. Она намного сильнее, болезненнее и бедные души плененные насильственной тоской.

Виктория часто спрашивала себя – почему? Почему она это видит? Почему она должна смотреть на эти страдания и быть абсолютно неспособной помочь никому? От собственной неспособности становилось еще хуже. Приходится закрывать глаза или опускать голову, говорить себе, что ничего не видишь, не слышишь, и, в принципе, все пофиг. Надо сделать то же самое, что делают остальные миллиарды людей – просто пройти мимо. Оставить агонию в центре многочисленной толпы незамеченной. Виктория никому не говорила о духах и призраках. Даже Харону. Никто не должен был знать, что она сумасшедшая.

Прошло почти месяц с момента заключения сделки. Если бы не призраки, то счастьем девушки не было бы предела.

Харон учился быть человеком, учился жить человеком, пытался понять, что такое чувствовать и что именно он должен чувствовать.

Вопрос с ревностью оставался открытым: Виктория молчала, демон культурно выжидал время.

Пока Вика была на работе, Харон шел изучать людей. Он следовал за ними везде, слушая каждый вздох и каждое слово, кому-либо сказанное.

Он незаметно преследовал пары и все больше и больше дивился неоднородному разнообразию чувств, которые люди испытывали друг к другу. Они умели любить и то была важная информация для Харона. Его разум пытался понять, как люди любят. И одну вещь он для себя точно определил: не существует такой пары, чьи чувства были бы на одинаковом уровне. Кто-то слишком любит, так сильно, что голова бредит лишь об этом человеке, перед глазами постоянно стоит лишь его образ. Образ неизменчивый и недвижимый. Просто стоит, чтобы был маленький шанс, тощая надежда посмотреть на образ в собственном подсознании. Как сильно колотится сердце. Нет. Оно трепещет и заполняется жизнью, когда любимый человек появляется в жизни. Воздух начинает блуждать по организму, сбивая дыхание. Зрачки. Безумные, черные зрачки. Огромные. Они впиваются в лицо, словно оголодавшие пиявки. Они при-

сасываются, вытягивая образ для памяти. Адреналин был впрыснут в кровь, дрожь по телу. Чувство страха? Но нет. Это она – любовь. Нежные прикосновения, едва ощутимые, но проникающие прямо в душу, ласкающие ее, жаждущие трогать именно ее. И возлюбленный позволяет дотронуться до его души.

Все то же самое Харон чувствовал от Виктории. Спустя почти месяц пребывания среди людей он, наконец, понял, почему Виктория совершила такой безумный поступок, зачем искала встречи с Люцифером, почему и ради чего, а точнее ради кого отдала свою душу. Она любила его. Ему это льстило. Еще как льстило. В его жизни это было впервые. Обычным делом было, что после ночи с ним женщины хотели еще. Но то была похоть, не любовь. А Виктория...

Почти каждую ночь, скандаля с матерью, Виктория оставалась у Харона. Каждую ночь его пальцы едва прикасались к ее коже, гладили ее тело, играли с волосами, расстегивали застёжки и пуговицы... Его губы целовали ее руки и тело. Но ничего серьезного между ними не было.

Виктория засыпала в его объятиях, изнемогала от любви и страсти, но ничего не было. Харон уже и не думал, что когда-то что-то будет, но ему чертовски нравилось, что его любили просто так. И в то же время очень страшно от одной только мысли, что может случиться с рассудком бедной девчонки, когда они все-таки воспользуются кроватью не только как местом, где можно поспать.

Иногда он задумывался, как сильно может изменить любовь девушки его истинное обличье?

Харон встречал на улицах и других влюбленных. Пары, где он и она ненавидели друг друга. Они готовы убить, уничтожить, но жить друг без друга не могут. И, конечно, его удивляла возможность существования такого союза. Ни он, ни она, не были ни демонами, ни ангелами, но у них были такие сильные энергетика и непобедимый дух. Может, именно озорные духи и мешали быть вместе без скандалов.

Их отношения с Викторией, к счастью, были далеки от диких. Девушка была слишком податливая и готова исполнить любую просьбу демона. Она его обожествляла, идеализировала. Харону иногда даже казалось, что попроси он ее спрыгнуть с высоты ради него, она бы не задумываясь это сделала.

Виктория написала Харону смс, что хочет познакомить его с Ольгой Владимировной и они обе ждут его в восемь вечера у нее дома. Харон долго пытался выяснить, зачем это надо, но по телефону он не мог прочитать мысли, поэтому в назначенное время стоял около квартиры, созерцая дверной звонок. Ему не было страшно, скорее непривычно. Демон видел сквозь стены, как Виктория переодевает кофту, расчесывает волосы, как ее мать сидит за столом. Даже не заходя в квартиру, он уже знал, что Ольге Владимировне не нравилась затея дочери.

Едва Харон услышал слово *затея* в мыслях у женщины, тут же переключился на дочь, жадно расковыривая ее мысли, ища ту самую *затею*. Но ее там не было.

Мысленно мужчина снова вернулся в голову Ольги Владимировны и снова четко услышал слово *«затея, Виктория, плохая затея»*. Харон нахмурился. Инстинктивно он оказался в голове у Виктории, погружившись туда всецело. Он искал затею. У демонов есть удивительный порок – чрезмерное любопытство. Но его снова постигло разочарование. Никакой затеи у Вики в голове не было. Уже чувствуя раздраженность, Харон уперся руками в дверь, прожигая взглядом возведенные человеком препятствия, погружился в голову Ольге Владимировне. *«... что за идиотизм, Вика... со своими идеями. Бросить мать, уехать к какому-то мужику... не нравится мне это»*. Харон отошел от двери и усмехнулся. Вот она, идея, которую теплила Виктория. Демон остался собой доволен, узнав все, что хотел, он позвонил в звонок.

Ольга Владимировна неожиданно для себя подпрыгнула на месте. Вика выбежала из комнаты, застегивая молнию на штанах набегу. И вот Харон уже слышал, как бешено колотится сердечко, как радость перерождается в неопикуемый восторг, как с трепетом душа хочет видеть его.

Дверь распахнулась, Виктория оказалась в объятиях любимого ею мужчины. Она закрыла глаза, нежась на его плече и ласково прошептала:

– Прошлая целая вечность с той минуты, когда мы виделись последний раз. Как же сильно я соскучилась.

– Вечность? – Харон улыбнулся, крепко обнимая девушку, разглядывая сквозь стены недовольное лицо Ольги Владимировны. – Ох, детка, что ты знаешь о вечности? Мы виделись с тобой вчера вечером, на этом самом месте прощались, также обнимались. Это было восемнадцать часов десять минут и тридцать пять секунд назад. Поверь мне восемнадцать часов – это не вечность.

Виктория слушала нежный шепот Харона и едва сдерживала свой восторг и счастье. Что она знала о вечности? Да это что он знал о вечности, не умея любить?

– Это – вечность. Даже одна секунда, проведенная без тебя – вечность. Проходи.

Харон зашел в квартиру, крепко держа девушку за руку. В коридоре стояла ее мама и пыталась улыбаться, притворяясь, что рада знакомству с мужчиной ее дочери. Демон посмотрел на женщину, улыбчиво поздоровался и ожидающе уставился на Вику. Она держала его за руку и ее радости не было предела.

– Добрый вечер, молодой человек. – Ответила Ольга Владимировна на приветствие Харона. Сухой, властный и строгий голос. В общем-то как и у большинства врачей. Женщина умело улыбалась, притворяясь, что рада сему торжеству. Но демон злорадствовал, отчетливо видя, как сильно он не нравится «свекрови». Ему уже нравилось начало вечера.

– Мам, это – Харон. – Виктория представила своего молодого человека.

Девушка, настолько сильно ослепленная неведанной любовью, даже не видела, что добродушие и улыбка матери ни имеют ничего общего с реальностью. Она не чувствовала ту самую настоящую неприязнь, исходящую от Ольги Владимировны.

– Харон? – менторским тоном переспросила она. – Необычное имя.

– Я был назван по-другому. Харон – это то, как я назвал себя сам.

– Как тебя называли родители?

Мужчина окинул женщину игривым взглядом, опустил голову и лукаво, исподлобья посмотрел на стоящую рядом Викторию.

– Родители? – усмехнулся он. – Если бы я хотел, чтобы все знали, как меня называли... родители, я бы не стал представляться другим именем.

Ольга Владимировна вздохнула, открыто демонстрируя свое недовольство. Виктория все еще ничего не замечала, кроме благолепного лица демона. Он гипнотизировал ее, по нейронам уничтожая разум.

– Пойдем? – Вика дернула его за руку.

На кухне был накрыт небольшой стол: легкие закуски, салаты и бутылочка вина.

Мужчину посадили сбоку, Ольга Владимировна села в центр. Ее зеленые глаза изучали лицо напротив. Она неотрывно смотрела за парочкой. И мама уже быстро разобралась, что происходит на самом деле в этих отношениях.

– Как вы познакомились? – спросила она, подкладывая гостю салат, непрерывно наблюдая, с какой силой держит его руку ее дочь.

– Четыре месяца назад я ехал в метро. Увидел девушку, которая что-то неотрывно читала в тетради...

Демон слово-в-слово пересказал историю, которую когда-то рассказывал Василисе. Вика же с удовольствием послушала красивую для себя сказочку, чего нельзя было сказать об ее матери.

Молодой человек все меньше и меньше ей нравился. Неприязнь становилась все сильнее. Ей так и хотелось сказать дочери: «брось его, Вика, и беги. Не оглядывая назад, просто беги».

– У тебя серьезные намерения к моей дочери? – внезапно спросила Ольга Владимировна.

– Что значит «серьезные намерения»? – спросил Харон без задней мысли.

Лицо женщины вытянулось, глаза наполнились негодованием и подозрением. В тот момент она не могла скрыть разочарования. Зато Харон веселился вовсю, наслаждаясь зловещими мыслями женщины.

– Как ты видишь совместное будущее с моей дочерью? – досчитав до десяти и выдохнув, спросила Ольга Владимировна.

– Довольно красочно. Антρουажно. Всепоглощающе. Эпохально. Нажористо. Эксцентрично. Экстравагантно. Местами сюрно. Экзотично. Немного паранормально.

– Мы любим друг друга, мам. – Выпалила Вика, наконец, заметив, что родитель напрягается и даже раздражается. – Мы хотим жить вместе, поэтому сегодня мы здесь.

– Вместе жить... – Ольга Владимировна опустила взгляд. – Хорошо, Харон, расскажи мне о себе: где работаешь, живешь, что делают твои родители. Расскажи мне о себе все.

– У меня нет родителей. Они умерли. Очень давно. Я рос сиротой. Живу в центре Москвы.

– Снимаешь? – удивленно спросила мама.

– Абсолютно верно.

– То есть своего дома у тебя нет!

– Мам!

– Подожди, Вика.

– Есть, но не в этой стране. Мой родной дом очень далеко отсюда. Дьявольское расстояние, Ольга Владимировна. И мне больно вспоминать о нем.

Женщина смотрела на инкуба, как на мерзкую личинку майского жука. Ей безумно хотелось раздавить ее, чтобы она не портила жизнь ее ребенку. Но она была бессильна поднять ногу, чтобы прикончить «опарыша», подползающего к ее девочке.

– Хорошо, Харон. Ты работаешь? Где? Виктория мне ничего не рассказывала о тебе.

– О, работаю я в одной известной компании, но мне не разрешено говорить о ней. Если Вы беспокоитесь о деньгах, – прищурившись уточнил Харон, прочитав тревожные мысли женщины, – то можете не переживать, у меня достаточно средств не дать Виктории прозябать в нищете.

– У нас все будет хорошо. – Убеждала Виктория.

– Хотелось бы верить...

Ольга Владимировна молчаливо разглядывала, как дочь смотрит на хамоватого мужчину, как высоко она его превозносит. Ни на кого раньше Вика так не смотрела. Никогда прежде ее глаза так не блестели. Как сильно из них пробивалась любовь к этому мужчине, который абсолютно не нравился Ольге Владимировне.

Женщина общалась сквозь зубы с Хароном, окончательно разглядев в нем что-то неприятное, отталкивающее. Она вообще была уверена, что мужчина с таким лицом, с таким кошельком, с такой фигурой и речью просто не может быть хорошим человеком, который нужен ее дочери. Его излишняя и хамская самоуверенность, высмеивающее выражение лица, королевская осанка... «самовлюбленный говнюк!», вот что думала мама Вики. Весь вечер она не могла дожидаться, когда, наконец, Харон уйдет.

Виктория стояла на лестничной клетке в обнимку с мужчиной своей мечты. Ей не хотелось отпускать его, не хотелось, чтобы он уходил.

– Давай завтра? – спросила она.

– Что завтра?

– Переедем к тебе.

– Кстати, о «переедем ко мне»... Я не слышал этого желания от тебя. Искал в твоих мыслях, но там пустота. Ты скрываешь их от меня? Как?

– Скрываю? – Виктория нахмурилась. – Да я весь вечер только и думала, что мы завтра переедем... шептала тебе, что надо говорить маме, а ты похоже не слышал меня вообще, не только о переезде.

Демон нахмурился, положил свои теплые ладони на ее виски и закрыл глаза. Он с легкостью проник ей в голову в поисках мыслей. Вокруг него была куча коридоров и серость. Словно моросил нескончаемый дождик, прячущий видимость, затмевающий своим монотонным шепотом все шорохи и движения. Харон носился по коридорам, выискивая хоть что-нибудь, какой-нибудь звук или букву. И к его счастью он нашел. Едва слышный, вакуумный шепот невидимых губ, просящих поцеловать...

– Я слышу их. – Тихо сказал Харон, нажав девушке на виски чуть сильнее. – Слышу. Просят поцеловать. Просят разорвать одежду и исследовать губами каждый миллиметр прекрасного тела. Просят: «забери меня...сейчас...» Забрать? Сейчас?

Харон открыл глаза и внимательно посмотрел на девушку. В ее глазах стояли слезы, они умоляли сделать все сейчас.

– Иди собирайся. Я жду здесь. – Харон кивнул на дверь и улыбнулся.

Виктория поцеловала мужчину и помчалась в квартиру собирать все необходимые на первое время вещи.

– Что ты делаешь? – В дверях стояла Ольга Владимировна, скрестив руки на груди.

– Собираюсь.

– Куда?

– К Харону. Куда ж еще.

– Я не хочу, чтобы ты к нему ехала. Мне он не нравится. Вика, слышишь меня?

– Мам! – Виктория замерла на мгновение. – Мы уже все обсудили.

– Ты слышишь меня? – Ольга Владимировна повысила голос. – Я не хочу, чтобы ты к нему ехала.

– А мои желания вообще собирается кто-нибудь учитывать, а? – Вика снова отвернулась к сумке, складывая свою косметичку и ноутбук.

– Это плохая идея, Вика. Очень плохая.

– Почему? Почему ты так говоришь? Почему ты не хочешь, чтобы я была счастлива?

– Как раз о твоём счастье я и говорю...

– Да? – девушка сверкнула глазами. – По-моему ты, как всегда, говоришь о своём счастье. Всю жизнь ты думаешь за меня, навязываешь свое мнение. Уж прости, мама, но можно мужчину для себя я выберу сама на свой вкус, а? Можно он будет нравится мне, а не тебе?

– Что ты городишь? Тебе вообще не стыдно? Его уже влияние сказывается, да? Вот Данил был хороший парой тебе.... Но зачем тебе он? Конечно, тебе всяких уродов и хамов подавай. Что ты о нем знаешь?

– Я знаю о нем достаточно! – крикнула Вика, схватив сумку. – А с Данилом у меня не получилось, потому что он нравился тебе, а не мне. Дай мне пройти!

– Что у тебя на лопатке? – Ольга Владимировна стояла в проходе, не давая дочери выйти. Виктория остановилась. Она совсем забыла про печать Люцифера.

– Ничего. – Буркнула она.

– Вика! – прозвучал строгий голос.

– Татуировка!

– Тату... Что? Ты что, совсем с ума сошла? – уже едва слышно переспросила взволнованная женщина. – Я тебя спрашиваю, у тебя с головой все в порядке?

– Все, мам. Завтра позвоню.

– Нет, не завтра. Я запрещаю тебе ехать с этим мерзавцем куда-либо!

– Мам! – усмехнулась Виктория, – я взрослый человек. Я поеду с ним. Завтра дособирую вещи. Я прошу тебя, не обижайся и попытайся хотя бы раз в этой сраной жизни понять меня и мои чувства. Я люблю его. Это ты понимаешь?

– Понимаю, Вика, прекрасно понимаю, более того даже вижу! А еще я вижу, что ему наплевать на тебя и твои чувства. Я не хочу, чтобы он разбил тебе сердце.

– Пока мое сердце разбиваешь только ты. Прекращай это, мам. Все будет хорошо. Можешь мне поверить. Разве я так много прошу?

Ольга Владимировна вздохнула и пропустил разгорячившуюся девушку.

– Эти двери для тебя всегда открыты...

– Спасибо.

Виктория выскочила на лестницу, где нашла улыбающегося Харона. Он демонстративно вытащил у девушки из рук сумку, неотрывно смотря ей в глаза.

– Твоя мать не очень-то жалуется меня, детка.

– Да, ты не очень ей понравился.

– Не очень понравился? По мне, так это называется ненависть. Конечно, немного не привычно, когда женщина ненавидит меня, но ты знаешь, все равно забавное чувство. Она эгоистка. Так вы это называете?

– Что «это»? – Виктория улыбнулась.

– Когда люди слышат и слушают только себя. Когда думают, что Солнце вращается только для них. Когда уверены, что весь мир подождет. Вот отсюда, – демон взял девушку за руки приложил к своей груди. – Да? Сердце, потом в разум, да? Вот тут эгоизм? – Харон показал пальцем на висок девушки. – Да, здесь. Не в сердце. Подойди ко мне. Ближе. Еще. Чтобы наши тела соприкоснулись...

Послышался щелчок и тьма. Секунда. Вторая. Яркий свет. Кухня Харона.

– Как ты...? – Виктория огляделась.

– Как я это делаю? Тебя давно мучает этот вопрос... – Харон уже раздевался, вешая куртку. – Детка, помнишь, я говорил тебе, что пространство и время не изумляет и не поражает демонов. А вот пространство и время поражаются нам. Мы их подчиняем, не они нас. Почему ты так удивляешься?

– Почему? Да в этом мире полно всего, чему можно удивляться без остановки. Ты же удивляешься людям, хотя не должен бы.

– Позволь, я впервые живу так долго в человеческом мире.

– А я, наверное, каждый день с инкубами проводила и все о них уже знаю, да?

Харон усмехнулся, молча рассматривая стоящую напротив девушку.

– Тогда удиви меня совместным проживанием... – Демон подошел к ней ближе и расстегнул кофту. – Твоя мать увидела след Люцифера. Почему ей так не понравилось, что у тебя, как ты ее назвала, татуировка? Что в этом такого? Я видел миллионы людей с татуировками.

– Правда, но есть и миллионы людей, которые считают, что тату – это уродство, к тому же на всю жизнь. Понимаешь, Харон, война между «хорошо» и «плохо» никогда не кончится. И есть лишь одна беда в этом – никто на самом деле не знает, что есть хорошо, а что плохо, этого вообще не существует, есть твое отношение и оно либо хорошее, либо плохое. Моя мать считает тату злом и уродством...

– Это же всего на два года. – С ноткой грусти произнес он.

– Ты такой чудной порой! – Виктория снова улыбнулась. – Я понимаю, что Люцифер – твой бос, ты его знаешь лично, можешь позвонить и встретиться. Но если моей маме сказать, что знак на моей лопатке был сделан самим Люцифером, которой погостил какое-то время у меня в комнате и я заключила с ним сделку, то она отправит меня в дурдом. Это уже просто не вписывается в категорию «плохо», это наглый перебор!

– Глупые люди, – прошептал демон, двумя пальцами стаскивая с девушки расстегнутую кофту. – Как же мало вы на самом деле знаете...

Он жадно впился губами в губы девушки и, не отрываясь от тяжелого поцелуя, незаметно направился с ней в спальню.

– Харон... – девушка закрыла глаза, ощутив под собой невесомость, а затем мягкую кровать.

– Вы ничего не знаете о свете, который каждую секунду дает вам жизнь. – Натиск демона сводил с ума опьяненную чувствами Вику. – Сколько же сил и желания должно быть, чтобы давать жизнь этому свету... Сколько энергии он отдает вам.

– Нет, нет, Харон, прошу тебя, остановись... – девушка крепко обняла разгоряченного мужчину, который довольно проворно избавил ее нежное тело от одежды и ему оставалось лишь стянуть трусики с замороженной магнетическим шепотом девушки.

– Что тогда вы можете знать о тьме? А? Детка? – в полутьме демон с хищной улыбкой разгадывал подло висящую на его указательном пальце белую ткань.

Все. На Виктории не осталось никакой защиты и разум вот-вот предаст. Слишком этот мужчина настойчив, слишком сильный и красивый. Его невозможно не хотеть... Ему невозможно отказать..

– ... Никто из вас не знает, – горячие губы опускались ниже, на ее живот.

Вика вздрогнула. Ей хотелось открыть глаза, остановить чарующие и сводящие с ума действия. Но она не могла шевельнуться. Ей было безумно стыдно. Но и наслаждение не дремало. Оно проникало во все мышцы, сковав их своим крепким телом.. ох уж это наслаждение! И как же возможно не любить его? Отказывать ему? Что за бесчувственным куском железки надо быть, чтобы прогнать от себя всеобъемлющее наслаждение?

– Вы все делите на хорошее и плохое, – Харон опускался все ниже, заставляя сердце девушки почти уже выпрыгивать из груди. – Вы делаете это так безрассудно, потому что вы неразумные невежды...

Зубы. Мягкий, приятный укус на внутренней части бедра. Девушка вздохнула и выгнулась как змея. Его горячее дыхание аккуратно пощипывало нежную кожу, унося Вику ввысь.

– А что вы знаете об истине? – Харон уже снова нависал над девушкой. – Скажи мне, Виктория. Скажи!

Но она не могла уже говорить. Блаженство от прикосновений, от поцелуев, сердце уже останавливалось. Девушке едва хватало воздуха, чтобы дальше жить в этом безумном потоке эмоций.

– Я готов показать тебе истину... Она не хорошая и не плохая. Она безупречно чиста, всеобъемлющая и всепоглощающая. Готов погрузиться вместе с тобой в нее... прямо сейчас. Вика, детка... Лишь одно движение отделяет нас от истины... – Харон шептал ей на ухо, нежно покусывая мочку, обжигая страстным дыханием.

– Харон, – задыхаясь произнесла Виктория, обхватив ногами его тело, – больше не могу... не могу больше отказывать.

– Ну так попроси меня! – он улыбнулся. – Я слышу, что говорит твоя голова, она кричит, умоляет меня сделать это движение! Но я не слышу твой голос! Ты позволишь мне показать тебе абсолютное?

– Да... – выдохнула Вика. – Тысяча раз да!

Демон улыбнулся и сделал то самое движение, которое ждал несколько месяцев, о котором мечтала Виктория. Она вцепилась в раскаленную спину мужчины. Под натиском пальцев вскрикнули мышцы и с ними девушка, теряющая сознание. Ей казалось, что от выплеска такого огромного количества гормонов, гипофиз просто умрет, сердце остановится, легкие откажутся обогащать тело кислородом. Но нет. Она продолжала дышать. Все чаще. Более поверхностно. Сердце стучало. Сильнее. Сильнее. Сознание терялось в собственной голове.

Время остановилась. Тяжелая тишина, не знающая жалости, разрядилась от крика девушки, но не ушла. А за окном сверкнула молния. Ударил гром. Откуда? Конец сентября... Настолько хорошо, что она готова умереть в этом умопомрачительном экстазе. Сумасшествие. Топчется рядышком, смотрит, как тонкие, бледные пальцы истязают мужскую спину. Им хочется рвать плоть, что-то сжать и искромсать. Сильно сжать. Глаза закрыты. Они не хотят ничего видеть. Им настолько хорошо. Они желают, чтобы в мире ничто не смогло их отвлечь от происходящего ни на секунду. Его крепкие руки, не зная преграды, изучали тело. Его губы совершенно не знают, что такое усталость. Столько в нем энергии и жизни. Каждым своим прикосновением он дарил что-то невозможное. То, что разум срывает хуже наркотиков и алкоголя.

Гроза бушует, сильнейший ветер хлестал невидимыми ветвями по окнам, погода совсем расклеилась. Она плакала... Виктория кричала, разрывая плоть на части. Погода кричала, разрывая свою плоть. Девушка открыла глаза. На потолке тени огромных крыльев...

– Боже... – Вика снова закрыла глаза.

– Нет, детка, – обхватывая руками талию девушки, прошептал Харон, – ничего общего у нас с Боже нет.

После имени Господнего в демоне проснулось непонимание. Он замер, зарываясь носом в волосы девушки. Он остановился, чтобы дать едва живой Вике отдохнуть, набрать воздуха в грудь.

– Почему, детка? – шептал он, – это же я привожу тебя к чистоте, я дарю желанное наслаждение. Почему же ты называешь его имя, а?

Демон вновь запустил колесо страсти, крепко сжимая ее в своих объятиях, целуя шею, слыша как бьется сердце, срывается дыхание.

– Я слышу твои мысли. Какие они... страстные. Вот ты где настоящая. И вот, наконец, и мое имя звучит... И мне это нравится... как скромно оно звучит... но я все равно его слышу.

– Я не хочу, чтобы ты больше останавливался...

– Как прикажешь, госпожа. – Усмехнулся Харон всецело погружаясь в происходящее...

К таким разговорам, умоляющим женщина Харон уже привык давно. Ему нравилось, когда его обожествляли, умоляли продолжать, обнимать и целовать. Виктория не была первой и не была последней женщиной, сходящей с ума в руках инкуба...

Почти безжизненное, обессиленное, хрупкое тело девушки остывало после бурной страсти. Виктория лежала на животе, раскинув руки крестом. Она спала, глубоким, прекрасным сном, сном о котором можно только мечтать.

Ее обнаженное тело купалось в ночи, нежно укутываясь ласковым ароматом. Харон был рядом. Первый раз за всю его жизнь он лежал рядом с женщиной после соития. Он молча изучал ночной потолок, отражающиеся фары на нем, тишину.

Он не понимал, что дальше, как себя вести, что она скажет. Хотя, на счет «что она скажет», он точно знал – ничего. Она подумает, представит, вспомнит, мысленно подтвердит, что это самая лучшая ночь в ее жизни, но она ничего не скажет.

Виктория пошевелилась, но так, едва заметно. Харон окинул ее взглядом и перевернулся на бок, разглядывая тонкую линию горизонта. Он улыбнулся.

– Не могу дождаться утра, – сообщил он, застав девушку в конюшне.

Виктория причесывала черного коня. Он весь лоснился под палящим солнцем, цокал копытами, поднимая пыль и тряс головой.

– Ты здесь... – умиротворенно прошептала девушка, поворачиваясь к нему.

Вороной конь фыркнул и тоже бросил косой взгляд на мужчину. Виктория повернулась к демону: как же рада она была его видеть, как сильно она соскучилась, словно не видела его несколько недель.

В считанные секунды она оказалась в объятиях страсти и силы, вновь отдаваясь демоническому существу, мечтая лишь об одном, чтобы сон никогда не кончился.

Пока Харон едва заметными движениями уничтожал сарафан, выставляя мягким солнечным лучам нежную кожу, Виктория начала вспоминать, что совсем недавно она уже ощущала эти прикосновения. Совсем недавно она уже чуть не лишалась рассудка, отвечая на пьянящий, сладострастный поцелуй богоподобного мужчины.

– Мое нежное, прозорливое, человеческое чудо, – Харон взглянул в глаза девушки. – Придется мне отчитаться о своих действиях, раз ты спрашиваешь...мысленно. Я должен дать тебе все, что в моих силах, чтобы ты поняла, что секс – это не двухминутные игрища между полами заканчивающееся беспорядочным засыпанием в усталых позах. Буквально недавно мы выпустили огромный шар плотской энергии...но во сне я могу сотворить то, что в реальной жизни просто невозможно...

Харон стоял на одном колене около взволнованной Виктории, медленно спуская вниз ее трусики...

– Ты подтверждаешь мое бесцеремонное, наглое вторжение в твой Эдемовский сон? – прошептал он, прикасаясь губами к ее руке.

– Да. – Прозвучал до жути привычный и банальный ответ...

Утром в комнате разрывался будильник. Виктория открыла глаза и хотела было отключить душераздирающее устройство, как поняла, что у нее просто нет никаких физических сил даже моргнуть, не то чтобы шевельнуться. Мозгу непрерывно отдавались сигналы взять телефон в руки, но руки не слушались, они уже плакали в ответ от обиды, от того, что их не понимают и не слышат, что у них нет сил шевелиться.

Виктория попыталась пошевелить ногами и тут оказалось все намного хуже. Руки ничего не могли делать, но девушка хотя бы их чувствовала, но ног она даже не чувствовала. Их не было. Разум просто не знал, куда отправить команду, чтобы ее хоть кто-нибудь выполнил.

– Х... – Вике хватило сил сказать лишь первую букву имени демона и то на выдохе.

Мужчина ее не слышал. Он с неподдельным интересом изучал шумную пробку под окнами. Разноцветные и в то же время однообразные машины, психующие водители, недовольные пешеходы. Харон даже мысли не допускал, что Виктория зовет его.

Семя подозрения закралось, когда уже третий раз он услышал разрывающийся будильник и никого спешащего его выключить.

Мужчина тихо вошел в комнату. В помещение стояла гробовая тишина. Харон нахмурился, присел на край кровати и тихо позвал девушку. Никакого ответа. Демон закрыл глаза, пытаясь проникнуть в сознание спящей Виктории, но наткнулся на странное препятствие: опять запутанные коридоры. Пустые. Нет мыслей.

Демон обошел кровать. Ему срочно нужно было увидеть лицо девушки.

Виктория все так же лежала на животе, раскинув руки. Глаза были открыты, а по щеке текла слеза. Едва слышное дыхание, слабое сердце и чувство страха. Виктория не понимала, что с ней происходит, почему она не может даже вздохнуть, не то что бы пошевелиться. Онемевшее тело, которое она совершенно не чувствовала, сходило с ума от страха. Инсульт. Ее первая мысль о том, что ее долбанул инсульт. Становилось совсем жутко и до боли обидно. В таком виде жить совсем не хотелось. Виктория мысленно призывала убить ее, но демон не мог услышать ее. Он блуждал по серым коридорам в голове девушки в поисках шальных мыслей, не в состоянии поймать ни одну из них.

Харон смотрел как текут слезы, одна за другой, и постепенно до него начала доходить истина случившегося. Он не смог не улыбнуться и, конечно же, ему было не жалко девушку.

Демон осторожно развернул ее на спину, убрал волосы с лица и поцеловал онемевшие губы.

– Сегодня день моего монолога. – Сказал он, ложась рядом с Викой.

Виктория лежала и только вертела глазами. Увидев улыбку Харона, ей стало немного неприятно. Она в таком нелепом виде, а он осмеливается делать из нее посмешище, когда ее тело отказало.

– Я, пожалуй, начну с себя. – Заявил он, поглаживая обнаженное плечо. – Меня слегка смущает... Я бы даже сказал, пугает сеть непонятных коридоров в твоей светлой головушке. Второй раз я с этим сталкиваюсь. Все бы ничего, детка, но есть одно но – я не могу выдернуть ни одну твою мысль. Я не вижу, о чем ты думаешь, кроме этих несуразных коридоров.

Харон взглянул на лицо Виктории: никаких эмоций, полная прострация и безразличие. Но в душе и сердце все было с точностью да наоборот. Ей и так было страшно от непонимания своего состояния, а после слов Харона стало еще страшнее. Если он не видит и не слышит ее мысли, то и помочь он не сможет...

– Безмолвное человеческое дитя... – прошептал он, все еще улыбаясь. – Знаешь в чем причина твоего физического состояния сейчас? Знаешь, почему ты не можешь шевельнуть мизинцем и вздохнуть полной грудью? Я тебе скажу...

Демон лег на спину, положив руки под голову. Посмотрел, как утренняя полоса света медленно крадется по еще спящему потолку. Город приветствовал утро, встречал еще одну новую линию жизни, такую же как и предыдущие, которые были вчера, позавчера, годы назад.

– Это не болезнь и не недуг, это – умиротворение. При любом сексуальном воздействии человек выделяет столько энергии, что можно было бы ею заполнить всю эту квартиру... И это нормально! Если ты спишь с себе подобным... с человеком. Ты выбрала другой путь, другого избранника. Ничего не зная обо мне, ты придалась стихии, которая тебя полностью поглотила. Я знаю, что сегодняшняя ночь была лучшей в твоей жизни, ты шептала мне об этом, когда могла... Как и при любом соитии, ты, находясь в объятиях неземной страсти, выплеснула почти всю свою энергию... Я забрал ее.

Харон снова перевернулся на бок, уставившись на загадочное лицо девушки. Конечно, ей стало спокойнее, что она не с инсультом, но что будет дальше, и незнание этого все еще пугало Викторию.

– И все было бы ничего, не будь ты такой... жадной. – Он улыбнулся. – Я пришел к тебе во сне... и скажи ты мне, что с тебя хватит ночи, сегодня ты смогла бы двигаться, дышать, в общем, жить нормальной жизнью. У тебя было бы легкое недомогание, усталость, но с этим можно было бы жить. Но ты, детка, не смогла отказать своим желаниям... В твоём прекрасном сне я забрал остаток твоей энергии. Вот, почему ты не можешь даже глазом моргнуть. Зато я чувствую себя превосходно. Никогда лучше себя не чувствовал. Я все еще не слышу твои мысли... Позволь.

Харон прикоснулся двумя руками к голове девушки и слегка надавил на виски, медленно, как закрученный штопор, проникая в сознание.

– Ты прячешь их от меня, детка... как ты это делаешь? А? – не отрывая рук, Харон поцеловал девушку, тем самым отвлекая ее от блокады мыслей. – Кучи коридоров...ходы, выходы и входы. О, вот они! Сокровенные мысли!

Харон закрыл глаза и улыбнулся, считывая все переживания девушки. Все ее страхи за свою жизнь, все воспоминания о просто божественной ночи, проведенной в объятиях лучшего мужчины, волнения из-за неспособности выйти на работу, первородная радость того, что этот день они проведут вместе с Хароном. И плевать ей, что она, словно статуя, лежит и даже не шевелится. Главное, что он рядом, что его бархатный голос шепчет ей на ухо приятные слова, руки гладят ее, а сам он тихонько посмеивается над юношеской ненасытностью.

– Не переживай. – Харон убрал руки от ее головы. – Силы восстановятся. Скоро. Честно, я не знаю, как скоро, но восстановятся. Потом я их снова заберу, да, детка?

Демон дотронулся до ее руки, улыбнулся и нежно поцеловал щеку, уже крепко обнимая талию.

– Интересная практика, Виктория. Не было еще такого, чтобы женщины меня не обнимали... Твоя физическая беспомощность и потрясающе красивая нагота провоцируют во мне всплеск новых, только что рожденных чувств, эмоций. Я даже не буду считать с тебя, против ты или нет...тысяча раз да – твои слова...

Харон сдернул одеяло с Виктории и принялся покрывать ее тело миллиметровыми поцелуями. Девушка хотела улыбнуться, обнять его, а может, и рассмеяться, потому что легкая щетина забавно щекотала ее тело. Но она ничего не могла сделать. Ничего.

Внезапно Харон замер и с расстроенной ухмылкой посмотрел в глаза девушки.

– Я не могу ничего сделать. – Прошептал он, выпуская ее из объятий – Ты обессилена, нет энергии и из-за этого я не могу ничего сделать. Жаль, но придется подождать, когда пополнятся твои энергетические запасы.

Конечно, демон не стал говорить, что энергия ведьмы в разы сильнее и мощнее, чем энергия простого человека. Не стал он и говорить, что ведьме сложнее восстановить свою энергию. Эта тайна, которую Виктория должна была осознать сама.

– Кстати, работа... – Харон взял мобильник Виктории. – Я скажу, что ты приболела, да?

Мужчина с легкостью справился с заданием, сообщив о внезапно недомогании и попросил несколько отгулов. Виктория слушала и облегченно вздохнула, когда поняла, что Харон все уладил.

Мужчина включил расслабляющую музыку, залег рядом с девушкой на кровать и уснул. Виктория, устав смотреть на потолок, закрыла глаза и сама не замечая, провалилась в сон.

Лето. 1948 год. Москва. Она – странствующая субстанция. Она себя не видит и не чувствует, но видит и слышит все в округе. У нее потрясающая способность передвигаться в пространстве с огромной скоростью, словно комета или астероид в пучине космоса. У нее нет никаких препятствий: стены, дома, заборы, огромные заводы, все что угодно, бестелесный дух бесп проблемно проходит сквозь.

Вот она мчится по московским улочкам. Улицы еще не так многолюдны. Огромные пешеходные зоны пустеют. Машин на дороге почти нет. Одна. Может две... пусто. Хорошо.

Виктория куда-то несется. Она совсем не понимает, куда и зачем, но какая-то сила просто утягивает, как будто она находится в центре сильнейшего водоворота. Нет никакой возможности остановиться противостоять стихийным силам, тянущим ее вперед и вперед.

Вот она оказывается на Ваганьковском кладбище. На дорожках никого нет, кроме одной юной девушки и гуляющей старушки. Девушка стоит около мужской могилы. Холм свежий. Черная земля едва покрылась сухой коркой, цветы еще живые, распускают свои бутоны, раздаривая свою красоту мертвым. Интересно, они сами-то знают, что мертвы?

Девушка около свежего холма, а на глазах стоят слезы. Она аккуратно смахивает их ладонью, на лице проскакивает улыбка, полная счастливых воспоминаний и отчаяния. Она бесконечно задается вопросами, которые кроме ее разума и покойников никто не слышит. Но не удивительно, что в них целые гаммы безнадёги.

Старушка медленно бредет по аллее, в умеренном темпе постукивая выточенной из какого-то дерева палкой. Она что-то бормочет себе под нос, с кем-то разговаривает, кого-то просит. Старушка поднимает взгляд и видит тоскующую девушку. Змеиные, быстрые и проворные движения и, казалось бы едва стоящая на ногах бабушка, стоит уже около скорбящей девушки. Костлявой, но жилистой рукой женщина прикасается к ладони девушки. Она мокрая от слез...

– Ты....

Виктория открыла глаза. Прямо перед ее лицом нависало лицо Харона с очевидной загадкой на нем.

– Интересный сон, – прошептал он. – Мне кажется ты приходишь в себя.

Девушка осторожно пошевелила пальцами и какова же была ее радость, когда конечности откликнулись на призыв мозга. Она не смогла не улыбнуться.

– Харон, – скрипучим голосом произнесла она, поняв, что организм постепенно начинает функционировать. – Как же страшно мне было.

– Шшш, – он положил палец поперек ее шепчущих губ – не надо сейчас разговаривать, тратить силы на то, чтобы описать то, что я и так весь день наблюдаю.

Виктория удивленно посмотрела на него. Что значит весь день? Ей казалось, что она спала всего минут десять. Виктория перевела взгляд на часы и удивилась: время было семь вечера. Об этом шептал и вид за окном.

– Семь вечера? – Вика решила все-таки удостовериться в увиденном.

– Нет. Шесть часов пятьдесят восемь минут тридцать три секунды. Тебе надо отдыхать. Не разговаривай и не шевелись.

– В туалет.

– В туалет? – удивлено переспросил Харон. – Ну, конечно же! Туалет!

Он подхватил девушку на руки и отправился с ней в ванную комнату.

– Мне надо одеться.

– Зачем? Ты и так прекрасно выглядишь. Закончишь свои дела, скажешь. Я отнесу тебя назад.

По миллиметрам Виктория передвигалась вперед, держась за стенку. Разобравшись с туалетом, Вика также по миллиметрам полезла в душевую кабину. Прошлая ночь была слишком приятной, чтобы не оставить следов, которые как бы не хотелось хранить вечно, надо смывать.

Вода тихо зажурчала, обдавая тело прохладной свежестью. Вике пришлось сидеть на полу под душем, сил стоять у нее не было, а еще надо было как-то помыться.

Харон, услышав звуки воды, подошел к двери ванной комнаты и закрыл глаза. Как же ему хотелось услышать женские мысли, понять и принять их к сведению. Но он ничего не слышал. Неосознанной инстинкт ведьмы работал и демон понимал это. Вика, сама того не понимая, прятала и закрывала от него все, что происходило у нее в голове. Ведьмы вообще сильные и властные существа. Конечно, произвести какое-либо воздействие на инкуба – у нее вряд ли хватит сил, но она попытается. Наверняка. Харон этого не хотел. Не хотел он и, чтобы Виктория скрывала от него свои мысли. Но если он скажет ей, что это она сама закрывается от него, потянется слишком много вопросов, на которые ему совсем не хотелось бы отвечать.

От переживаний демона оторвал громкий грохот. Он тут же заскочил в ванную. Под напором душа, облокотившись на стеклянную стену, сидела улыбающаяся девушка. Вокруг нее валялись флаконы, которые с грохотом упали вниз.

Демон молча, с задумчивым выражением лица, смотрел на гладкие ноги, сведенные вместе, крепко поджатые под собой. Улыбка на лице. Глупая. Стесненный взгляд. Жаждающий, чтобы увидели ее наготу и смертельно стесняющийся этого. Пальцы, нервно теребящие близлежащий флакон. Мокрые волосы, ставшие совсем другого цвета, закрученные от воды, прятали под собой верхнюю часть тела.

Харон был серьезен. Задумчив. Молчалив. Слегка прищулив глаза, он неотрывно смотрел на улыбку девушки. Сколько же сил ей нужно было, чтобы улыбаться? Чтобы сохранять эту улыбку? Зачем она это делает, если ей тяжела, почти невыносима эта улыбка? У нее нет энергии, ее забрали. В глазах все еще потухшее пепелище от того жизненного костра, пальцы дрожат, сердце тихо бьется, в груди едва хватает сил, чтобы сделать вдох и выдох... А она тратит едва накопившиеся силы на улыбку.

– Почему ты так... – Виктория закрыла глаза, сделала паузу, выдохнула и снова зашептала, – так смотришь...на меня?

Ее вопрос даже не прозвучал как вопрос. Если бы не «почему», Харон вряд ли бы когда догадался, что это вопрос.

– Странные вы, люди. Все больше и больше мне становится интересно – почему? Почему ты улыбаешься, когда твое сердце плачет?

Харон опустил на корточки рядом с девушкой. Она закрыла глаза и совсем уже обмякла, расслабляя тело, потому что силы ее покидали очень быстро. Но улыбку она не убирала.

– Потому что всегда приятнее смотреть на улыбку, – зашептала она, запрокидывая голову, хватая воздух.

Харон молчал. Ему было непонятно. Какая разница, кому что приятно? Почему об это вообще надо думать?

– Ты должна думать о восстановлении энергии и сил, а не об улыбке. Так правильнее...логичнее.

– Я не думаю... – глубокий вдох. – Я просто хочу улыбаться...тебе. Помой меня, пожалуйста. Сил нет.

Девушка перестала шевелить пальцами и замерла. Вот и улыбка сошла с ее лица. Казалось, что она вообще не дышит, совсем на труп походила. Харон снял душ и направил нежные водяные струйки на ослабшее тело девушки. По телу тут же выскочили мурашки, но сама Виктория даже не вздрогнула.

Мужчина аккуратно приподнял ее голову, поцеловал мокрые губы. Совсем безжизненные. Намочил еще раз рыжие померкшие волосы.

– Каждый раз, когда я дотрагиваюсь до твоей головы, усилием воли я слышу, как струятся твои мысли... Я слышу, что ты снова хочешь улыбнуться, что ты безумно рада тому, что происходит...Но у тебя нет никакой энергии, чтобы делать то, что ты хочешь. Я чувствую, как невольно и нагло твои мысли говорят, умоляют меня придать твое тело ласке...сейчас. Скажи мне, Виктория, ты...сумасшедшая?

Услышав последний вопрос, Вика попыталась открыть глаза, как-то пошевелиться, опровергнуть ложное обвинение. Но все напрасно.

– Нет. Не надо. Молчи. – Харон гладил ее посредством воды, затем положил руку на лоб. – Нет, детка, я не хотел тебя обидеть. Не принимай близко к сердцу. Я всего лишь пытаюсь понять тебя.

Демон не убирал руки от головы, считывая всю необходимую информацию, словно слепой, касающийся пальцами шрифта Брайля в беззвучной книге. И как же ему были приятны ее мысли! Как сильно ему нравилось, как хорошо она думала о нем, как сильно она любила его. Ему просто нравилось...но Харон даже не пытался понять это неоднородное чувство любви. Никогда в жизни он не испытывал такого и, в общем-то, не понимал, зачем это надо.

Харон перенес ослабшую девушку в комнату, уложил ее спать. Долгое время он сидел молча рядом с ней, рассматривал опускающуюся ночь, погружающей в раздумья.

Он окинул спящую девчонку взглядом и, усмехнувшись, вышел на улицу. Интерес ко всему происходящему не давал ему покоя. Ему хотелось изучать людей...

04 октября 2013 (пятница)

Спустя неделю, после ночи проведенной с почти-что дьяволом, наконец, Виктория почувствовала себя в нужном тонусе, с нужным количеством сил и легкостью в теле. То была пятница. Виктория была на работе, пытаясь спроектировать обновленный дизайн продукции компании.

Она рисовала и рисовала, неотрывно всматриваясь в мелкие детали и штрихи, стараясь ни о чем не думать. У нее уже получался неплохой готовый эскиз, когда в углу монитора выскочил конвертик.

Вика на секунду остановилась, оторвавшись от рисунка, и уставилась на мерцающий кон-верт.

«Это еще что?», единственная мысль, с которой она, не хотя отложила ручку в сторону и полезла читать детали письма.

Виктория, добрый день.

Сообщаю Вам о том, что на сегодня на 15:00 Вам назначена встреча от лица генерального директора Григория Догманова. Бизнес-обед будет на третьем этаже, в кафе «La Esperanza». Прошу Вас взять с собой ноутбук

Ассистент отдела

Лидия Свиридова.

Девушка нахмурилась, перечитала еще несколько раз письмо. Она не очень понимала, кто такой Григорий Догманов, что за бизнес-обед и почему ее участие необходимо.

Выяснив у коллеги и подтвердив свои догадки, Вика узнала, что Григорий – никто иной как генеральный директор российского филиала, где она работала. Доля испуга и сомнения тут же закралась к ней в душу. Вдруг речь пойдет об увольнении? С другой стороны, гендиректору заняться что ли больше нечем, как приглашать всех потенциально уволенных сотрудников на обеды?

Девушка плюнула на все мысли и принялась дальше рисовать. Она склонилась низко-низко над рисунком, усердно чирикавая пластмассовой ручкой детали, которые тут же переда-вались на экран.

Неожиданно все замерло. Никаких движений. Тишина. Виктории это не понравилось. Уже не понаслышке она знала, что внезапное обездвиживание мира – совсем хреновый знак.

Веки тяжелили. ...Виктория сопротивлялась, но в итоге все-таки закрыла глаза и оказа-лась в каком-то блеклом коридоре. Пролетая сквозь него на огромной скорости, пытаясь раз-глядеть мельтешащие предметы. Стены словно сотканы из мерцающих лиц незнакомых людей, интерьеров, разноцветных освещений, букв. Разных букв, не только кириллицы. Все окружа-ющее пролетает сквозь нее в бешеном темпе. Виктория не успевала ни за что зацепиться гла-зами, растворяясь в нескончаемом потоке видений.

А потом все замерло. Опять. Остановилось. Интимная атмосфера. Мягкий полумрак, слабое освещение, мягкие кресла с подушкой на сидалище. Вика ощутила себя сидящей в одном из таких кресел. Перед ней стол со стеклянной столешницей. Непрозрачной. Салфетки, столовые приборы, солонки и перечницы, все аккуратно расставлено на столе.

Расслабляющая музыка. Согревающая и наполняющая романтичными образами. Жен-ский тембр. Сахарный. Так приятно его слушать и ничего не понимать. Язык – французский. Оно и к лучшему.

Напротив сидит молодой человек. Нет. Это мужчина. Солидный, уверенный в себе муж-чина.

Пиджак, запонки на рукавах, идеально выбритое лицо, ровный пробор на голове. Каза-лось, что он весь идеальный и вычурный. Ни одного изъяна и брака.

Виктория склонила голову набок, нахмурившись, разглядывая ухоженного мужчину.

– Виктория – он поднялся и протянул руку. – Рад личному знакомству. Григорий.

Девушка встала, пожала протянутую руку и улыбнулась, не зная, что ответить.

– Взаимно.

Они оба уселись по своим местам: Григорий рассматривал сидящую напротив девушку; она рассматривала, как аккуратно и профессионально обработаны его ногти.

– Мне бы хотелось обсудить с Вами текущую ситуацию по обновлению дизайна главной упаковки. – Мужчина протянул девушке упитанную папку. – Но для начала, давайте, все-таки закажем обед. Прошу Вас.

Григорий передал меню девушке, неотрывно следя за ее глазами.

– Хорошо.

Виктория была немногословна. Вообще вся обстановка немного смущала ее. Спустя мимолетного копошения по листам меню, Вика заказала лишь облепиховый чай.

– Григорий, – девушка закрыла папку и посмотрела мужчине в глаза. – По данному продукту у меня уже разработан план нового дизайна. Только сегодня я собиралась выслать его на утверждение. Но раз Вы заговорили о нем, то позвольте я покажу Вам эскизы и шаблоны.

Вика достала ноутбук, передвинулась ближе к Григорию и открыла крышку компьютера.

– Так, смотрите, – начала она, открыв первый слайд презентации.

Виктория говорила много, членораздельно, пытаясь донести всю информацию до собеседника. Внезапно она почувствовала, как его нога дотронулась до ее под столом.

Это случайность, промелькнула мысль. Виктория бросила удивленный взгляд на Григория и на секунду замолчала.

– Простите, – мужчина улыбнулся. – Продолжайте Вашу презентацию. Очень интересно.

–...На этом слайде я показала созданную новую форму, более усовершенствованную, которая, на мой взгляд, подходит к продукту лучше, чем предыдущая.

Григорий внимательно смотрел презентацию нового проекта. На столе остывал ланч, но они оба были погружены в яркий монитор ноутбука.

– Вот это да! – выдохнул мужчина, поправив галстук, как только Виктория закончила презентацию. – Я рад, что наши кадровики взяли Вас. Этот проект завтра к полудню должен лежать на моем столе. Я полностью его одобряю и даю Вам зеленый свет на реализацию каждого слайда.

Девушка не могла сдерживать улыбку, слушая лстящую, пьянящую хвалю в свой адрес. Григорий же не стеснялся в словах, осыпая труд девушки благодарственными и воодушевленными возгласами. И лишь очередное прикосновение его ноги вернуло Викторию в реальность.

– Простите, – Вика решила, что это ее вина. – Мне следует отстечь.

Девушка поспешила встать, как почувствовала теплые сильные пальцы, сжимающие ее запястье.

– Виктория, прошу Вас, – Григорий встал, томно рассматривая глаза собеседницы.

Виктория не верила ни своим глазам, ни своим ушам. Что это такое? Генеральный директор просит ее остаться с ним рядом... Не может быть.

– Я бы хотел, – поправил себя мужчина, – посмотреть еще один проект. Людмила сообщила мне о Ваших начинаниях в области графического изображения лозунга продукта. Мне было бы интересно взглянуть. У Вас с собой он?

– Да, – заворожено ответила девушка, смотря в глаза мужчине.

И Григорию безумно понравился этот взгляд, полный интереса, непонимания, зачарованный и жаждущий знать. Какому мужчине не понравится? Одна лишь была проблема, о которой мужчина и не догадывался. Виктория смотрела на женщину, стоящую за его спиной. И только Вике было известно, что женщину никто не видит.

Призрак гладил плечи, стряхивая невидимые пылинки, по-матерински поглаживал спину. У нее на лице застыла улыбка боли, а на щеках – стеклянные слезы. Конечно, ведь перед ней стоял ее сын!

Вика ясно видела мельчайшие сходства: одинаковые носы, контуры губ и припухлость, цвет и разрез глаз, больше смахивающий на европейский, нежели на российский. Полностью осознав, что перед ней никто иной, как призрак матери Григория, который оберегает любимого

сына даже с того света, стряхивает пылинки с него, Вика, наконец, отвела взгляд, села и снова открыла крышку ноутбука.

– В этом проекте у меня только наброски, они еще не до конца доработаны.

– Хорошо, я готов их рассмотреть. – Улыбнулся Григорий, сам садясь к девушке поближе.

Прошло еще около получаса, прежде чем они закончили обсуждать эскизы второго проекта. Григорий внес свои незначительные поправки, скорее для вида, чем по существу. Виктория внимательно выслушала замечания начальства, допивая свой чай с облепихой.

– Что ж, коллега, – Григорий неожиданно даже для себя, взял девушку за руку и улыбнулся.

Вика смотрела на улыбку и все больше и больше понимала, что она уже не имеет никакого отношения к работе. Она вроде бы дружеская, но в ней есть нотки, едва заметные нотки в умеренном темпе, длительностью тридцать вторыми...едва уловимые нотки симпатии.

Его рука, нежно держащая холодные, бледные пальцы рук уставшей девушки, лишь аккомпанировала к тем ноткам в улыбке, подтверждая их существование.

Призрак старушки, беспокоящийся о судьбе своего живого сына, был хмур. Вика ясно поняла, что женщина смотрит именно на нее, прямо в глаза. И ее взгляд был невозможно тяжел, болезненный и внушающий страх.

– Невеста Дьявола... – Вика услышала явный шепот.

Девушка закрутила головой: везде люди в деловых костюмах, заняты поглощением своих обедов, изредка бросая друг другу фразы о делах; женщина-призрак, изучающая холодным взглядом отдающую тепло руку сына ненавистной девчонке; песни на французском.

Но кто сказал это? Чей был шепот? Женский? Призрак? Нет, не может, ее губы безмолвно сжаты в строгую линию.

– Невеста Дьявола... – снова прозвучал тот же шепот.

Виктория нахмурилась еще сильнее. Она смотрела на дух старушки и видела, как ее беле-сая бестелесная рука взмывает вверх и пытается разжать пальцы сына, которые все еще крепко держат руку Виктории.

– Нет... – прошептала едва слышно девушка, уловив на себе осуждающий взгляд встре-воженного духа.

– Что Вы сказали? – Григорий вопросительно посмотрел на взволнованную девушку.

– Ничего. – Старушка вновь ушла за спину сына. – Ничего, – повторила Виктория.

– Я очень рад, что теперь у нас работает такой специалист. К середине следующей недели мой ассистент организует нам обед вне офиса. Прошу Вас подготовить пилотный проект по этим продуктам с Вашими набросками, смонтировать непосредственно эскизы в проектные оригиналы и представить мне. Дедлайн Вам по силам, Вика?

– Да, Григорий, я справлюсь. – Виктория поправила волосы, стараясь не смотреть в глаза духу. – Без проблем.

– Пойдемте, вернемся на рабочие места и да, мне было очень приятно общаться с Вами лично.

Виктория нехотя улыбнулась и поспешила к выходу, поскорее отвернуться от призрака.

Время вновь затикало, снова заторопилось. Виктория открыла глаза. Она за своим рабо-чим столом. В руках пластмассовая ручка. На экране почти законченный эскиз. Время пятна-дцать минут третьего.

Очередное непонимание. Что это было? Как к этому относиться? Виктория откинулась на стуле и закрыла глаза, пытаясь понять, что происходит с ее головой. Будет ли этому конец? Внезапно ее осенило: время же! Ей срочно надо бежать на встречу...опять...

Девушка схватила ноутбук и бегом помчалась в назначенное место, благо там она уже была. Появившись в ресторане, Вика увидела все те же столы, лица, интерьеры и официантов,

все, что она видела в своем внезапном видении. Даже музыка была такая же! Вопрос «какого черта» так и не покидал ее разум.

Тот же стол, идеально ухоженного мужчину она уже видела и с ужасом ожидала, сбудется ли все то, что было в видении.

К ее страху сбылась каждая секунда того, что выдало подсознание... даже уже предсказуемое появление духа старушки, следящего за вычурным Григорием, который, несмотря на свой высокий статус в компании, совершенно не нравился Вике.

Единственное, что не прозвучало, так это пугающее клеймо «невеста Дьявола». Что немного успокоило девушку, видимо ее подсознание решило подбросить изюминки в видение.

После, как встреча была закончена, Виктория пыталась унять дрожь в ногах и руках, радуясь, что ее видение и происходящее просто совпадение, да и только.

Стоя уже в коридоре, Григорий с улыбкой смотрел на Викторию, она, теряясь в закоулках собственного разума, не знала, как себя вести.

– Хорошего Вам дня. – Пожелал он.

– Вам тоже... спасибо... – Виктория развернулась и пошла в сторону своего рабочего места.

– Невеста Дьявола...

Девушка остановилась как вкопанная. Обернувшись назад, она увидела в лобби всю ту же старуху. Женщина стояла, пристально смотря на перепуганную Викторию.

– Что Вы сказали? – сдуру спросила Вика.

Старуха молча приподняла руку вверх и погрозила пальцем, после чего исчезла.

Вика стояла парализованная. За все время общения с демоном, она почти смирилась, что видит кого-то, кого другие не видят. Она не знала, что именно она видит – духов, призраков или еще что-то неизвестное. Но то, что эти товарищи еще диалоги начали вести, да и не просто разговоры говорить, а вешать увесистые ярлыки. С этим девушка смириться пока не могла.

– Харон. – шепнула она в трубку, услышав мужской голос. – Встреть меня в 18:30 у метро Баррикадная.

– Странный у тебя голос, детка. – Загадочно произнес демон.

– Наверное, мне надо серьезно поговорить с тобой.

– О как. У меня еще не было серьезных разговоров. Какая должна быть реакция? Подожди, молчи. Серьезный разговор... Так. Логически, слово серьезный не вызывает позитивных мыслей. Эй, Вик, что я сделал?

Несмотря на свое паническое состояние, Виктория улыбалась. Гадающий Харон немного отвлек ее от мыслей о злосчастной старухе.

– Нет. Не все так плохо. Просто встретить меня, хорошо?

– Как скажешь. Как твое самочувствие, красотка?

– Красотка? – снова улыбнулась Вика.

– Вот ты, как я прям, к каждому слову. – Харон тоже улыбнулся. – Я понял тебя. В 18:30 на Баррикадной. Спорим я угадаю поезд и вагон, в котором ты будешь ехать?

– Попробуй. – Виктория уже совсем забыла об инциденте на работе.

Воспоминание было разбито вдребезги картинками с лицом Харона. Его милая улыбка и нежный взгляд способствовали наискорейшей реабилитации для девушки.

Виктория услышала гудки в трубке, усмехнулась, уже будучи в предвкушении встречи.

Тем временем Харон блуждал по городу, упиваясь видом улиц и красивыми женщинами, упорно коллекционируя всю информацию о поведении людей. Он заигрывал с девушками, применяя всякие мыслимые и немыслимые уловки, чисто из-за любопытства, посмотреть что будет. Ему было интересно читать их мысли и слушать, что они говорят в ответ. Его это веселило.

Одной юной девушке он «случайно» наступил на ногу, споткнулся и едва не упал. Она тут же хотелось напасть словесно на неуклюжего мужчину, высыпать кучу нецензурных слов. Но Харон тут же защебетал на испанском, как ему жаль, что он такой неловкий, не заметил девушку, пока разглядывал достопримечательные своды Большого Театра.

Девушка уже улыбалась, совсем забыв про истоптанный замшевый ботинок. А Харон, уже на ломанном русском, продолжал раскаиваться в содеянном. Ну и, конечно, бесподобно умилительный акцент, невинные глаза, красота и иностранец делали свое дело.

Очередной вывод был сделан: русские женщины не так уж и сердиты, коими они хотят выглядеть. Их недовольные лица довольно быстро превращаются в сияющую искренностью улыбку и готовность помочь. Харон это видел лучше любого другого мужчины. Сексуальная энергетика, который он обладал, очаровывала женщин не только во сне.

Другой паре, которая привлекла его своими страстными поцелуями посреди Александровского Сада, Харон рассказал все, что видит. Он ловко прикинулся слепым старцем, взял за руку девушку и зашептал хриплым голосом:

– Десятого октября – свадьба. – Глядя в некуда, крепко держа девушку за руку, он читал ее мысли. – Ты ждешь эту свадьбу. Все уже куплено. Это твой будущий муж. Но у него уже есть любовница.

Парень побледнел и запротестовал, прогоняя старика, чтобы он чушь не нес. Но демон коварно улыбнулся, блеснув глазами, в которых не было ни намек на старость, продолжил рассказывать то, что не мог знать никто другой, кроме самой пары.

В итоге, зареванная девушка залепила парню шипастыми розами по лицу, вышвырнула кольцо и вся в слезах умчалась в метро.

– Ах ты мерзкий старый хрыщ... – зашипел парень, сжимая руки в кулаки.

– А ты через полгода станешь импотентом, молодой человек, – замогильным голосом пророчил демон.

Вдоволь навеселившись с прохожими, Харон зашел в метро, забитое людьми как консервная банка кильками. Люди ехали домой, пытались улыбаться, прикинуться что им весело и они рады концу рабочего дня. Но между делом они не забывают гаркать на окружающих людей, смотреть волком, ненавидеть себе подобных.

На Кузнецком мосту в вагон ворвалась бурная толпа уставших людей и Харон оказался почти в углу. Перед ним стояла миловидная девушка и она так понимающе смотрела на все, что творилось вокруг. Ей наступали на ноги, толкали, но она лишь думала, что бог с ним, все случайно и не специально.

Демон стоял совсем близко к ней, без стеснения разглядывал ее лицо. В нем было немного печали и грусти, какая-то безысходность. Харон смотрел как неподвижно застыли ресницы, глаза смотрели вперед на его грудь.

Двери открылись и еще больше народу забило в вагон, всех пиная и толкая. Демон лишь успел поставить руку, оперевшись в стенку, но так и не позволил себе придавить девушку.

– Форменное безобразие... – Тихо сказал он, смотря в ее перепуганные глаза.

По ее лицу было видно, что девушка ожидала, что мужчина вот-вот навалится на нее всем своим огромным весом, отдавит ногу или сделает еще какую-нибудь гадость. У нее испугались глаза, в то время как глаза Харона улыбались.

Вагон тронулся, народ волной пошел по инерции от противного, но демон крепко держался рукой за стену, не давая многотонной волне опуститься на девушку. Он едва заметно улыбался, наблюдая понятное смущение.

Девушка старалась не смотреть на мужчину, так бесстрашно прикрывающего ее своим телом. В тусклом свечении вагона Харон наблюдал, как щеки покрываются румянцем, а глаза опускаются все ниже.

Пользуясь своим положением и потенциальным сближением, демон еще чуть придвинулся к ней. На сей раз так близко, что уже ощутил тепло юности. Девушка тоже почувствовала атмосферу и подняла глаза на мужчину.

– Простите, – тихо сказал он, слегка склонившись к ней.

Вагон начал останавливаться и стена пассажиров наваливалась на спину демону. Такой напор он, естественно, удержать не мог и толпа почти впечатала его в девушку.

Вместо того, чтобы поднимать крики и впадать в истерику, девушка улыбнулась и отвернулась к двери, в стекле которой отражался профиль нависшего над ней демона.

Дарья... Демон закрыл глаза и позволил потоку мыслей так неинтересно ворваться к себе в голову... Вечно бы так ехала... Мой на такое не способен... Наушники в ушах... Телефон в руке. А тут незнакомец... Защита от всего на свете. Не хочу, чтобы ты выходил...

«Выходил» – слово вернуло Харону реальность, выпуская чужие мысли из головы. Он поднял взгляд, посмотреть что за станция.

– Станция Баррикадная, переход на кольцевую линию..

Харон еще раз улыбнулся, окинул девушку заинтересованным взглядом и вышел из вагона.

Он стоял посреди станции, с закрытыми глазами и слушал. Нет. Он не слушал людей, несмолкающий шум и гам вокруг, механизированные голоса... Он пытался услышать ее.

И вот видения понеслись одно за другим: интимная атмосфера, бар, кафе, ресторан. Что-то непонятное, но точно место, где едят. Виктория. Удивление. Непонимание мужчины. Амбициозный педант. Г...Георгий...Григорий... что-то на Г...Серый, лоснящийся костюм. Аккуратно причесанные волосы... Ужин. Обед. Какая-то еда. Что-то блеклое. Непонятное. Вроде движется. Вроде нет. Это не человек. Нет сердца, бестелесность. Дух. Женская энергетика. Страх. Виктория и ее страх. Почему?

Демон считывал видения девушки, которая ехала к нему на встречу. И чем ближе она была, тем сильнее и лучше он видел все то, что видела она.

Харон развернулся в другую сторону и направился к головному вагону, следующего из центра поезда. Да. Чем ближе он подходил, тем больше и яснее понимал, что Виктория едет в этом вагоне. Ее бешеная энергетика... энергетика ведьмы выдавала себя и Харон чувствовал ее, подходя к средним дверям.

Мужчина остановился у воображаемого вагона и уставился на стену, в которой словно в телевизоре видел, как в туннеле мчится вагон метро. А через несколько секунд из туннеля показался яркий свет. Харон улыбнулся.

Поезд медленно подъезжал к перрону, мужчина сделал шаг назад, немного теряясь в толпе.

Виктория рассматривала многочисленную публику, не видя там желанного мужчины. Поезд остановился, двери, около которых стояла Виктория, открылись и перед ней появилась рука.

– Как ты это делаешь, а? – спросила Вика, не скрывая приятной улыбки и восторга.

– Ты, детка, струишься по всему моему телу. Я чувствую каждый твой атом и нейрон. Кстати, я рад, что твое настроение улучшилось при виде меня и в голосе появилась приятная слуху интонация. Хотел бы я, чтобы ты забыла об обеде с мужчиной...но ты же именно об этом хотела поговорить?

– Это просто невозможно, Харон. Ну нельзя же так беспардонно копаться в моей голове. Нам вовсе не о чем будет говорить, если ты все мои мысли читаешь. Пойдем на улицу?

– Вообще-то, я не читал. – Харон поволок девушку сквозь толпу. – Я практически перестал тебя слышать. Но пока все еще довольно четко вижу твое прошлое, яркими картинками, живописными так сказать. Все еще чувствую твои переживания. Почему тебя смутило приглашение того мужчины?

Они ехали по длинному эскалатору. Харон стоял на ступеньку ниже, обнимая девушку. Лишь только в его объятиях она могла полностью расслабиться, позволить всему течь своим чередом, никуда не вмешиваться, ни о чем не думать. Лишь его руки могли отвлечь ее от всего на свете, и заставить думать только о нем. О том, чтобы эти руки, теплые, нежные, гладящие спину под джинсовой курткой, никогда не останавливались.

– Он напугал меня. – Вика обняла Харона, положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

– Напугал? Ты не любишь внезапности? – он подхватил девушку и аккуратно перенес с экскаватора.

– Не люблю. – Честно ответила Вика, проходя вперед на улицу, пока Харон держал ей дверь.

– Хотя для него это было не совсем внезапно. – Демон вышел следом за ней и тут же тоненький, как иголочка, дождик закапал ему на лицо.

Виктория уже стояла, разглядывая печальное небо, ощущая его слезы на лице.

– Дождь... – прошептала она и что-то понесло ее в волшебную страну иллюзий и мечтаний.

Все потому, что демон уже крепко обнимал ее, пытаясь укрыть от дождя. Под его рукой она чувствовала себя, как птенец сапсана, под крылом матери.

– Я слышал, что в человеческом мире, дождь – довольно романтическое мероприятие для влюбленных. Романтика, детка!

– Возможно. Но не для всех. Для нас с тобой существует дух романтизма, а тем, кто нас сейчас толкает и матерится, дух романтизма вряд ли известен. Я хотела прогуляться до дома... дождь. Настолько ли ты романтичный, Харон, чтобы гулять со мной под дождем? Конечно, он уже не такой теплый и ласковый, как летний, но он все равно хороший, когда ты рядом.

– Можем узнать сейчас романтичность моей... души, – Харон смотрел на нее.

– Ну чего ж мы тогда ждем? Пойдем скорее! – Вика схватила его за руку и поспешно пошла к Садовому кольцу.

Они шли в обнимку, перебирая ногами затоптанное временем Садовое кольцо. Дождь еще капал, но уже готовился покинуть не прошибаемую парочку. Люди бегали с зонтами, постоянно натыкаясь друг на друга спицами. Вике было на все наплевать! Дождь. Снег. Люди. Мир. Планета. Да и был ли смысл на все это обращать внимание? Все это жило в своем круговороте. Жило оно и до Виктории, будет жить и после. Единственное, чего у нее не было и вряд ли будет после – это мужчина. И он шел рядом... пока.

– Неужели тебе не захотелось присмотреться к человеку, с которым у тебя был обед? – спросил Харон, которого мучало любопытство.

– Спрашивать – откуда ты знаешь – глупо... Наверное, потому что человек мне не понравился, я ничего к нему не чувствую и единственный мужчина в моей голове – ты.

– Это я знаю, детка. Но, как бы тебе сказать... Он же человек... С ним у тебя больше шансов жить как человек.

Вика остановилась, подошла к Харону и с неописуемым страхом и отчаянием посмотрела ему в глаза.

– Скажи мне честно, Харон. – Тихо попросила она. – А будет ли у меня возможность после той ночи с 26 на 27 сентября, жить нормально хоть с кем-то? Смогу ли я когда-нибудь полюбить человека так, как я люблю тебя? И сможет ли он дать мне то, что даешь ты? Харон, скажи мне, не молчи!

– Ты ставишь на себе крест? 16 сентября 2015 года тебе будет всего двадцать три года, а ты говоришь о будущем и о своих способностях любить?

– Я не хочу ставить крест, но я реалист. Ты – самое прекрасное, что случилось со мной за всю мою жизнь. Я ни о чем не жалею и уж тем более, я не собираюсь жалеть о твоём появлении.

– Знаешь, детка, мне еще придется немного пожить среди людей, прежде чем ответить тебе сейчас.... Я, честно, не знаю, что сказать, что я должен сказать...

– Не надо говорить то, что ты должен. Что тут? – Виктория дотронулась до его груди. – Что тебе говорят тут?

Харон молчал. Слезы. На глаза наворачивались слезы. Вика ждала ответа, как манну небесную.

– Я...

– Только правду, Харон. Скажи мне правду, что ты чувствуешь здесь? – первая слеза упала на щеку и поспешила убежать вниз, слиться с дождем.

– Правду? – уточнил демон. – Ничего. Я ничего не чувствую здесь.

Демон убрал ее руки. Вика поджала нижнюю губу, борясь с подступающими слезами. Она взяла его за руку и поцеловала пальцы, прижимая теплую ладонь к своей щеке.

– Ничего... Но я сделаю все, чтобы то, что сейчас внутри твоей груди наполнилось человеческой жизнью, чтобы ты услышал, с каким трепетом бьется сердце, когда видишь глаза человека, испытывая к нему неподдельные чувства. Я научу тебя чувствовать, Харон, научу. Только не сопротивляйся.

– Я понял тебя. Я не против. Пытайся. Только не позволяй им капать, ладно?

– Ты не хочешь, чтобы я плакала? – сквозь слезы улыбнулась Виктория, все еще сжимая его руку. – Я не буду.

– Ты продолжаешь? – улыбнулся он.

– Нет. Это остатки. Пойдем гулять дальше? Я должна тебе еще кое-что сказать.

– Ты о встрече?

– Да. Была женщина.

– Обозвавшая тебя *Невестой Дьявола*?

– Ты... – Вика хотела было удивиться, но всего лишь усмехнулась. – Да, именно. Харон, почему она так сказала?

– Ты снова слушаешь всех подряд и записываешь на свой счет? Сегодня, когда мы поднимались из метро, тебя обозвала какая-то девчонка, сейчас я вспомню как... подожди. Что-то вроде падлы что ли. Почему ты не обратила на это внимания? Может, не стоит тогда обращать внимание и на то, что несут с того света?

– Ты хочешь сказать, что оскорбление было не о чем? – Девушка вздохнула.

Харон остановился, стоя около опечаленной девушки и со словами «иди сюда», затащил в ближайшую арку. Он зажал ничего не понимающую девчонку в углу, положив ей руки на голову.

– Прости, Виктория, но я совершенно не понимаю, о чем ты сейчас говоришь... Мне нужно знать... Сейчас! – Демон сжал руки чуть посильнее, со скрипом проникая в сознание девушки.

– Нет, нет. Харон, так не честно...

– Все безболезненно... Я хочу твою честность, Виктория, а как я еще могу получить ее, не побывав в твоей голове?

Она закрыла глаза, стиснув зубы от натиска мужчины, запрокинула голову и едва слышно пискнула. Тем временем демон бороздил запутанные коридоры сознания и подсознания, ища ответы на свои вопросы.

– Вот они, – прошептал он, еще сильнее сжимая девушку. – Еще чуть-чуть терпения... я выужу их.

Прошло чуть больше минуты, прежде чем Харон слегка отпустил измученную девушку. Он расслабил руки, нежно поцеловал губы и сделал несколько шагов назад, отвернувшись от Вики.

– Я не убийца, детка. – Тихо сказал он, стоя к ней спиной.

– О чем ты?

– Не убийца, но ты вынуждаешь меня. – Харон развернулся. – Мне искренне жаль, что именно я должен это сделать, но я знаю, что никто другой не сможет.

– Что такое ты говоришь, Харон? Ты меня пугаешь...

– Скажи мне, Виктория, как ты могла до этого додуматься, а? – он скрестил руки на груди. – Что у тебя за логика?

Вика нахмурилась и нервно захлопала глазами, ожидающе таращась на мужчину.

– Теперь ты не понимаешь, о чем я говорю? – Мужчина вновь приблизился к ней, хватая нежно за плечи. – Ты вынуждаешь меня убивать твою надежду.

– Надежду? – У Виктории стоял комок в горле, она начала понимать о каком убийстве надежды говорил демон. – Нет, Харон, не надо. Не руби с плеча...

– Я видел ее в твоих мыслях. Это та старуха подала тебе ее, да? Почему ты так безрассудно поверила ей?

Кто-то откашлялся, в арке слышались шаги. Харон отпустил девушку и сделал шаг назад. Впервые в жизни он почувствовал странное чувство. Он смотрел на прохожего, на его удаляющуюся фигуру и не понимал того чувства, которое появилось вместе с незнакомцем. То была первая ступень стыда.

– Невеста дьявола, детка, вовсе не означает, что ты – невеста дьявола. В моем мире не существует свадеб.

– Да, но в моем – существуют! – Перебила его Вика, хватая за руки. – В моем мире существуют свадьбы. Невесты. Женихи... Любовь. В моем мире все это существует. И у меня есть право мечтать об этом. Ты не можешь лишить меня этого. Не можешь. В моем мире есть много чего, что в твоём вряд ли когда будет и тебе это чуждо, но разве это что-то значит? Господи, Харон... – Виктория схватила за голову, поражаясь разговору. – Я в шоке, на самом деле! Даже не думала что и в вашем мире вся жизнь изорвана и изранена стереотипами и предубеждениями, от которых вы не в состоянии избавиться!

То было первое разочарование, которое испытала девушка. Нет, ни в коем случае она не разочаровалась в мужчине. Нет. Ее расстроило то, что настолько сильно некоторые вещи не зависят ни от того, кто ты есть, ни от того, что окружает тебя.

– Что это, Вика? – спросил демон, поглаживая левую часть груди. – Я чувствую твои чувства. Как это называется? Я хочу знать...

– Я сейчас чувствую боль и отчаяние от твоих слов. Мне ужасно неприятно и больно. Все это я бы охарактеризовала как... разочарование. Да... Харон, это называется разочарование... Пойдем. Мы уже вымокли насквозь. Этот разговор случился слишком рано и я расплачиваюсь за столь ранний срок его начала. Ни в коем случае не перенимай это удручающее чувство на себя. К тебе мои чувства сможет изменить разве что только смерть.

Разочарование. Какая это степень его? Оно сильное? Что следует после? Одна маленькая капля человеческого чувства в бесчувственные дебри демона и вот он уже озадаченный и пытается понять, что, зачем и почему. Больше всего он пытался понять, зачем. Зачем люди чувствуют такие ужасные эмоции? Почему бы им просто не отказаться от них, внемля другим эмоциям? Почему люди так любят разочаровываться во всем? Харон за месяц пребывания с людьми успел узнать, что такое радость. Почему бы не воспользоваться этим бесподобным умением радоваться... Что за глупые существа эти двуногие создания? У них имеется такой широкий спектр позитивных эмоций, а они не останавливаясь поедают грязь и отбросы.

– Хорошо, Виктория. На данном этапе, твои мысли мне ясны. Спасибо. Я приму к сведению сегодняшний урок. И я хотел тебе кое-что сказать о мужчине, с которым ты сегодня обещала: в его сердце закрадывается то, что вы называете симпатией. Нет, конечно, это не любовь. Я не чувствую от него того, что я чувствую от тебя. Но я так понимаю, люди совершенно не

застрахованы от влюбленности. Но, выражаясь твоим языком, показать на что способна его кровать и он сам – он уже готов.

Виктория слушала «увлекательный» рассказ о своем начальнике и вместо того, чтобы что-то понять из сказанного, она пыталась понять, есть ли хоть доля ревности в словах Харона, чью любовь она жаждала пробудить. Хоть чуть-чуть ревности. ... Но либо она была глуха, либо ревности все-таки не было. Харон просто говорил, как утреннее «привет» или «как дела».

Они свернули с Садового кольца на Тверскую улицу на станции Маяковская и пошли в сторону Красной площади, к дому Харона. Впервые они молчали довольно продолжительное время. У каждого были свои мысли, над которыми хотелось подумать. И в тот момент им все равно было хорошо. Харон не мог и не желал вторгаться в голову Виктории; а в его голову вряд ли бы кто смог залезть, кроме Люцифера. Они дали себе чуть-чуть времени переосмыслить что-то, поработать над недоразумениями.

На Пушкинской площади демон остановился и уставился на огромное здание, величественно возвышающиеся за памятником.

– Почему ты никогда мне не говорила, что это за здание? – спросил он Викторию

– Это? – девушки кивнула. – Кинотеатр. Ты никогда не интересовался.

– Что за звук? – Тихо спросил Харон сам себя, поворачиваясь лицом к Вике. – У тебя что...это твои зубы так стучат? Почему они это делают?

– Харон, – усмехнулась она, потирая раскопчившийся нос, – зубы стучат у людей обычно в двух случаях: либо когда нам страшно, либо когда мы замерзли.

– Страха у тебя никого нет, значит ты замерзла... Замерзла.... – Загадочно повторил Харон. – Ага, однажды я видел, как молодой человек прохладным вечером надевал свою куртку на девушку...Я дам тебе свое пальто.

Виктория с доброй улыбкой уставилась на Харона, наблюдая как он строит логическую цепочку в голове и ей очень хотелось дождаться ее завершения. Харон поспешно расстегивал пальто, сбавляя скорость на последних пуговицах.

– Но оно тоже мокрое...насквозь. Очевидно, как и твое и именно поэтому ты стучишь зубами... О, люди... Что происходит в кинотеатре? Пойдем, зайдем туда погреться.

– Пойдем. Более того, мы можем посмотреть какой-нибудь фильм. В кинотеатрах показывают фильмы.

– Да? – удивился Харон. – Пойдем, конечно. Зачем, кстати, люди ходят смотреть фильмы в кинотеатры, если у них дома есть телевизоры и интернет, где можно все то же самое посмотреть?

– О, Харон, это такой многозначный вопрос, на него можно долго отвечать и разнообразно, попробую вкратце объяснить. Кино – это не только место, где можно посмотреть новый фильм, отдохнуть от реальности, не ложась спать. Получить новые эмоции, сопереживать героям или порадоваться за них. Немного расстроиться от мысли, почему то, что показывают в кино, никогда не происходит в жизни. Или вздохнуть с облегчением от того, что увиденное – всего лишь фильм и не более. В общем, кино это ничто иное, как место, где можно получить эмоции. Сюда часто ходят парочки. Они здесь, чтобы насладиться обществом друг друга, а не происходящим на экране. Как правило, спрашивая их, о чем был фильм, они едва вспоминают его название.

– Хм... – мужчина бросил на девушку улыбчивый взгляд. – В таком случае, у нас есть несколько поводов, чтобы зайти туда.

На экране шла мировая драма, которую знают все и уже ни одним поколением. Титаник.

Первые двадцать минут фильма Харон занимался своей девушкой. Он целовал ее пальцы, согревая их своим дыханием, нежно растирал кожу, согревая прозябшие руки. Он обнимал Викторию, едва заметно растирая ей плечи, разогревая свою нескончаемую страсть. Мужчина

неотрывно смотрел на рядом сидящую девушку. То, что показывалось на экране его не очень интересовало. Виктория вызывала в нем намного больше интереса.

Но спустя двадцать минут, демон взглянул на огромных размеров экран и... Виктория потеряла его, как собеседника. Демон сладострастия был полностью погребен невероятно красивыми и бесподобными кадрами.

– Кто это? – спросил он Викторию, увидев рыжеволосую девушку на экране, стоящую а палубе.

– Главная героиня фильма. Ты не смотрел начало? – улыбнулась Вика, поглаживая его руку.

– Нет, честно говоря, я был занят твоими оледеневшими руками и жалел лишь об одном, что мы не дома, в кровати. Там бы я согрел тебя намного быстрее. Ты бы изнемогала от внезапной жары... А сейчас я наткнулся взглядом на эту красивую женщину. Почему она так выглядит?

– В смысле одежды? Это начало двадцатого века, Харон. Тогда все так выглядели. Я думаю ты общался с женщинами и в то время, не так ли? Но, видимо, без одежды. Кино может показывать очерки как прошлого, так и будущего. Так что ничего удивительного.

– Я понял.

Харон снова уставился на экран, где один из главных героев пытался поговорить с рыжеволосой девушкой. Все, мужчина был поглощен съемками.

Виктория даже не пыталась отрывать его от просмотра этого великолепного фильма о любви. Ее удивляло и даже немного веселило то, что довольно драматичный фильм, можно сказать, девчачий, так сильно заинтересовал демона, которому тысячи лет. Конечно, всю свою жизнь Харон занимался лишь дамами их причинными местами. Он ничего не знал о том, что существует в мире людей и для чего это надо. Демону в тот момент было лучше всего: для него не существовало понятия кино для мальчиков и кино для девочек. Он ничего не знал о разделении между полами. Не знал, что надо придуливаться, что «фи, это сопливая драма для глупых первокурсниц, а вот это фильм – для настоящих мужиков!». В его голове не было ни грамма навязанных человеческим обществом стереотипов. Ему не надо было казаться крутым на работе утром среди заводчан-сослуживцев. Он был совершенно независим от общества и его продажного мнения. Он даже не знал, что обозревал откровенно «девчачий» фильм. И лучше всего было то, что Харон даже не представлял и не думал, что после фильма ему придется говорить «фу, какая мерзость», в душе вручая сто пятый Оскар режиссеру и актерам. Демон просто смотрел, зарождая в себе ни кем не испорченное мнение.

А на экране завязывалась любовь. Настоящая, искренняя любовь, которая может быть только между мужчиной и женщиной. За этой любовью Харон следил особо внимательно. Он следил за действиями молодого человека, за его переживаниями и чувствами, за движениями его рук, губ и громкостью его слов.

Следил он и за девушкой, и за ее эмоциями, переживаниями и чувствами. И такую нежность он почувствовал, блуждающую между двумя героями. Никогда в жизни он не испытывал ничего подобного с женщинами. Не потому что не верил или призрачил, скорее потому, что не знал, что это возможно, что он имеет права на такие чувства.

Сцену кораблекрушения он вообще смотрел с открытым ртом и с замирающим сердцем. Такая громадина во всех планах, и историческом, и плане совершенства, уничтоженная природой... Демон не мог поверить своим глазам: как люди смогли выстроить такое необыкновенное чудо, покрытое живой роскошью. Почему же так нелепо произошло? Одним легким движением природа сравняла эту громадину с пылью, показывая людям, с кем они тягаются, напоминая им, что не стоит мнить себя богами. Ничто не вечно, у всего есть конец.

Сцена, где легкая, едва закрутившаяся любовь, едва начавшаяся жизнь, пытается выжить с помощью их рук: они вдвоем хотят спастись, сохранить любовь. Харону было очень инте-

ресно наблюдать за этими двумя. Он волновался за них, тихонько шептал, куда им следует бежать, где, возможно, она найдут спасение. Он с любопытством наблюдал и за вторым влюбленным мужчиной, за его обидой и унижениями. Ведь он тоже любил главную героиню.

Здесь демон узрел, что любовь все-таки такая бестолковая и глупая. Ну зачем она сделала то, что сделала? Ну ведь все же было хорошо, любил рыжую девчонку этот богач, расписались бы и все хорошо! Вдруг Харон понял, что девушка-то не любила его! Чертова взаимность. Демон уже успел провести некоторые параллели и в своих телесных отношениях с влюбленным в него человеком.

Виктория смотрела в глаза Харона, как порой совсем жуткие кадры отражались в них. Он вообще моргал? Вика знала фильм наизусть, ей не к чему было смотреть на экран. А вот зарождающиеся эмоции, которые, возможно, впервые искажали лицо демона, были намного интереснее для просмотра. Сдерживала она улыбку тогда, когда Харон инстинктивно сжимал ее пальцы, видя какой ужас творится на экране. Пытался ли демон хотя бы на секунду представить, почувствовать то, что чувствовали те люди, которые переживали катастрофу. Насколько на самом деле все было страшно и ужасно?

– Это было лучшее, что я видел на земле... – восторженно прошептал Харон, когда экран покрылся печальной черной вуалью пустоты. Свет плавно набирал силу, освещая зал. Стояла тишина, лишь редкие шепоты разрезали пост-эйфорийную тишь.

– Рада, что тебе понравилось, рада, что мы зашли сюда, но моя куртка все еще сырая внутри... Опять под дождь.

– Нам не придется никуда идти. Сегодня я в буквальном смысле понял, что такое героизм и чего ждут девчонки от мужчин. Я читал мысли дам, сидящих в зале. Там не было ни одной, которой не хотелось бы такой же сумасшедшей любви.

– Я даже не удивлена. К сожалению, в жизни очень редко случается двум людям влюбиться друг в друга. Чаще, по настоящему любит лишь один... И наши с тобой отношения далеки от исключения.

– Жаль.

– А мне-то как жаль! Но я рада хотя бы тому, что ты все равно рядом со мной, учишься чувствовать, а не мечешь в меня молнии, ненавидя за то, что вынужден жить среди нас.

– Иди ко мне. – Харон протянул руку. – Пойдем, найдем укромный уголок. Вот, например, укромно? По-моему вполне. Подойди ко мне. Ближе, детка.

– Что мы делаем?

– Еще ближе. Нотки недоверия или ты мне веришь?

– Верю, только тебе.

– Закрой глаза и считай. Вслух.

– Раз, – прошептал девушка, крепко обнимая мужчину, – два.

– Три, Виктория, открывай глаза. – Харон ослабил объятия. – Мы дома. Тепло и сухо.

– Я тоже хочу такую способность. Постоянно забываю, что ты способен на такое.

– Главное, не забывай о моих других способностях.

И вот, сильные, казалось бы, неуклюжие руки, освобождают горячее тело от одежды и так проворно.

Виктория снова в объятиях ада и снова она этому безумно рада. Она в предвкушении и сейчас уже знает, что именно предвкушать. Она уже знает ради чего отдала душу и для чего этот мужчина с ней, на что он способен. Ей безумно, неистово, неудержимо хочется этого. Она снова жаждет ощутить божественную энергию, прикосновения и шарм. С ума сводящие поцелуи, от которых кружится голова, дыхание учащается и не знаешь, хватит ли сил дышать дальше. Сердце теряет рассудок, колотится в бешеном темпе, словно последние минуты ступит и хочет успеть зацепить больше жизни. Тепло, ласкающее кожу, прожигающее пламя, от

которого горит пожар, так нравится и плевать на ожоги. Главное лишь то, какую эйфорию оно несет на своих обнажающих языках.

Ей снова хочется ощутить его язык, не знающий стеснения и скромности, услышать безнравственные слова, от которых волосы встают дыбом, заражая тело сексуальной энергией. Она готова к пост-параличу, к расплате за свое сладострастие за то, что упивается им не с земным мужчиной, а отдает себя демону. Ей снова на все плевать. Она ждет лишь его в своих объятиях, ждет лишь его поцелуев.

И Харон, как никто другой, прекрасно знал о чувствах девушки, о ее строптивых желаниях и в этом случае он был безотказен. Более того, в постели он умел и мог проявлять инициативу, здесь она никогда не будет наказуемой...

Одежда. Влажная, местами не просохшая, никому не нужная, лежала на полу. Ее никто больше не хотел. Руки обхватили талию и Виктория не открывая глаз, почувствовала, как пол, земля, остается внизу; как тело в объятиях демона, сильного демона, поднимается ввысь, прямо к высоким потолкам. Его ласки, невозможные, умопомрачительные ласки, хочется во что-то упереться, а под ней ничего нет. Пропасть.

– Мы упадем. – Прошептала девушка, полностью расслабившись в руках демона.

– Мы давно уже пали, детка, – ответил он, проводя рукой по бедру, – нам некуда больше падать...одно твоё слово и я остановлюсь. Мы ляжем спать, прикинемся, что нам ничего не надо. Давай, детка, откажи мне, как прежде...Расскажи мне о романтике...

– Никогда. – Сквозь легкое, наркотическое безумие, прошептала Виктория.

– Тогда верь мне и не задавай вопросов.

Забвенье. Реальность мертва. Окружающий мир нем. Снова тень огромных крыльев на столь безликом потолке. Его дыхание у ее уха. Глаза закрыты. Они не хотят ничего видеть, ничто не должно помешать ей насладиться физически тесным моментом. Уши глухи. Они слышат лишь их звуки, больше они не желают ничего слышать. Им не интересно. Они молчат в такт стучащему сердцу.

Эта небывалая невесомость, обескураживающая, пытающая раскаленным молотком надпочечники, требуя выпустить томящийся адреналин. Эндорфины уже ублажают сошедший с ума гипофиз. Энергия. Как взбесившийся вулкан, прорвавший целостностный покров земли, уничтожающий жизнь, погружает ее во взрослую метафору, предлагая пройти гиперболический путь к персонификации, не стесняясь и не стыдясь себя, наплевав на всемирное время, на его гадкие, глумливые стрелки, которые безжалостно перебирают собой космическую материю, пододвигая ближе к неизбежному вакууму, черной, прожорливой дыре.

Нет конца. Его никто не ждет. И они оба, как наивные, ничего не знающие дети, верят в его отсутствие, притворяясь, что все будет хорошо, жизнь не такая жестокая, как им казалось ранее. Как прекрасно, если есть всеми желанная способность обдурить себя и хоть ненадолго поверить в иллюзию. Нет желания отказываться от нее и девушка всецело отдавалась ей...ему.

Демон же поглощал выплеснувшуюся энергию. Он не мог не забирать ее. Ему нужно питаться, чтобы давать себя снова. У него и в мыслях не было отказаться от энергии.

Пространство все также неустойчиво, все также смущает своим пространственным гаммаком, в котором они оба лежат. Оно балакает, качает, как младенца в колыбели. Виктория не здесь. Она не на земле. Она осваивает пространство, изучая внутреннюю структуру, устройство молекул и атомов, того, что без прикосновения Харона не существует. Он – маг, волшебник. Злой или добрый. Ответа не было. Да и неважно это было. Харон бесподобно создавал иллюзию востребованной сказки.

Чем приятнее становилось девушке, тем сильнее она чувствовала, как из нее уходит энергия. Чем больше из нее выходило энергии, тем сильнее становился Харон, что умопомрачительно сказывалось на его любовных действиях. Чем сильнее становился демон, тем больше энергии он заставлял девушку выделять. Замкнутый круг, переполненный порочностью, цик-

личностью. Его совсем не хотелось прерывать, из него не хотелось выходить ни демону, ни уж тем более Виктории.

А свет... он рядом. Вот он. Ласкает пару, зависшую в невесомости, ласкающую друг друга под потолочным сводом.

– Прости, детка, – тихо сказал демон, – но я чувствую, как ты вот-вот выплеснешь весь свой потенциал, – он сжал ее в своих объятиях, – и мне придется его забрать.

И все снова...

На следующее утро, Виктория смогла открыть только глаза и больше ничего. Но на этот раз она совершенно не боялась и не переживала. Она знала, что с ней происходит и примерно, когда это закончится. Просто наслаждение и ощущение, что от жизни было взято все, и жить, в принципе, больше не зачем. Плевать, если наступит внезапная смерть, к ней готовы. Все, и тело, и душа, преисполнены неописуемым восторгом и счастьем.

Виктория просто лежала, обнаженная в собственной немоте, с закрытыми глазами и чувствовала нежные прикосновения Харона. Ей хотелось улыбаться, но сил не было. Улыбалась ее душа и демон видел эту баснословную улыбку и радовался, осознавая, что причина этой радости и готовности последовать в другой мир – именно он.

10 октября 2013 (Четверг)

Неделя промчалась словно одна бешенная секунда, не оставив о себе ни следа, ни мгновения воспоминания. Мир крутился, бежал, вселенная крутила свою забористую пластинку, устанавливая ей удобный темп. Она веселилась, глядя как спотыкаются неуспевающие люди, как они пытаются догнать, а кто-то и перегнать. В этом хаотичном, вихреобразном потоке, кружилась Виктория, поглощенная любовью вселенского масштаба к демоническому существу.

Веселый темп сильно вымотал девушку. Она чувствовала усталость, хотела закрыть глаза, чтобы отдохнуть... хотя бы чуть-чуть передышки. Но нет. Разве можно вырваться из воронки, если ты в самом эпицентре? А снаружи безумный смерч силой F5 по шкале Фудзиты. Нет, никогда оттуда не вырваться. Так и придется как белка в колесе, стремительно бежать по кругу.

И вот Виктория снова сидела в кабинете директора и ожидала встречи с ним, мысленно думая, что он ей уже надоел.

Каждое утро Григорий заходил к девушке, поинтересоваться как у нее дела. Он сидел с ней по пятнадцать минут, расспрашивая всякие вопросы, на которые девушке не сильно хотелось отвечать. Но она не могла просто прогнать его.

Стояла тишина. Гробовая. Стрелки часов разрывали своим секундным темпом. Навязчивость молчания. Неумолимый круг висел на стене и тикал, тикал, тикал. Печально-хмурым видом, исподлобья, Вика смотрела на секундную стрелку, как она прочесывает круг за кругом, подавленная и безотказная.

– Виктория, – в кабинет ворвался Григорий и быстрыми шагами подошел к девушке. – Рад снова встретиться с Вами... Жаль, что опять в формальной обстановке.

Вика встала, дотронулась до протянутой ей руки. Мужчина тут же слегка сжал ее и что-то начал поспешно бормотать, но Вика его уже не слушала.

Внезапное прикосновение спровоцировало шквал несвязанных между собой картин. В начале Вика видела все сквозь глаза ребенка. Все так весело, беззаботно, маленькие проблемки, не стоящие яйца выеденного, сводили с ума детскую психику. Слово «хочу» постоянно мерцало перед глазами. Потом мир явно поменялся. Он «повзрослел», потерял немного красок, отбросил детали. Но слово «хочу» вовсе не поменялось. Напротив, к нему добавилось еще кое-что – «получу». Взгляд подростка такой гордый, напыщенный и вовсе бестолковый, совершенно ничего не понимающий, а если и что-то воспринимающий, то с точностью да наоборот. И последнее мировоззрение было уже наполнено лозунгом «не существует того,

чего я бы не получил, если захотел». Все это время разнообразные лица сменяли друг друга, словно кто-то накладывал слои в фотошопе с непрозрачностью в 30%. Улыбки покрывались слезами, слезы уходили в морщинистую радость, глаза пустели, другие наполнялись смыслом жизни, третьи отрешено смотрели сквозь пустоту. Голоса, настойчиво шепчущие что-то, на непонятном языке. Нежные, страждущие, печальные и отчаянные. Они перемежались между собой, как четко сформированные нити ДНК, украшенные молекулами. Тянущиеся руки, с желанием обнять и обогреть, приласкать, но потом все чаще и чаще с желанием отнять, забрать, вырвать...

Вика открыла глаза и увидела прямо перед собой лицо Григория, с долей удивления, разглядывающее ее лицо.

– О чем Вы думали? – с улыбкой спросил он, отпуская ее руку. – Я не мог дозваться Вас. Что-то случилось?

– Нет, – быстро зашептала девушка, поправляя волосы, – нет, все нормально. Легкое головокружение. А... Я готова показать проект.

Григорий улыбнулся и сложил руки за спину. Виктория стояла около стола под натиском пронзительного взгляда, пряча свой. Она хмурилась, поджимала губы и явно нервничала. Мужчина же был расслаблен и продолжал улыбаться. Не выдержав эмоциональной атаки, девушка развернула ноутбук экраном к Григорию и затараторила свою презентацию проекта.

Пока она рассказывала, руководитель не произнес ни слова. Он внимательно смотрел в монитор, разглядывал в нем графики, столбцы и кучу немыслимо прекрасных эскизов.

– Хорошая задумка, хорошая. – Григорий отвел взгляд от черного экрана. – Но мне кажется чего-то не хватает. Как Вы считаете, Вика?

– Что по Вашему? – приподняв брови, спросила она.

– Вика – Вы дизайнер, вот и скажите, чего не хватает. – Григорий незаметно пододвинулся ближе к ней.

– И как дизайнер, я говорю, что все нормально. Я не вижу никакой незаполненной ниши. Если Вы ее нашли, то скажите, тогда я смогу ее исправить. – Виктория бросила быструю улыбку на мужчину.

– Единственная незаполненная ниша – нам просто необходимо встретиться в неформальной обстановке. – Заявил мужчина.

Его тон был серьезен как никогда. Ни грамма усмешки или каких-либо других намеков не прозвучало. Он молча смотрел на девушку, полностью развернувшись к ней лицом, откинувшись на спинку кресла. Наступил тот самый мерзкий момент, когда слово «нет» застревает в горле и не может вырваться. Оно очень хочет, но не может. Безотказность. А как можно отказать генеральному директору?

– Хорошо. – Виктория опустила глаза.

– Прекрасно. – Григорий поднялся с кресла. – Лидия назначит Вам встречу. Я думаю, не раньше следующей недели. Подойдет по Вашему расписанию?

– Да, вполне. Спасибо, я могу идти?

– Конечно, Виктория! – Григорий пожал ее руку и проводил до дверей своего офиса.

Харон сидел в центре Москвы, безуданно наблюдая за людьми, которые ранее его не интересовали. Да и вообще он призрачил их, насмехался. Потешал свое самолюбие. Но не сейчас. Потехи закончились.

– Как же сложно было тебя найти! – около него появился еще один мужчина. – Совсем уже людьми провонял, собственного запаха не осталось. Дальше мы тебя совсем потеряем.

Харон скрестил руки на груди и притворно состроил недовольную рожу, уставившись на гостя.

– Люцифер знает, что ты здесь, Актон?

– Нет. Я не отпрашивался. Но думаю, он не заметит моего отсутствия. Я ведь на чуть-чуть, на пару часиков. В печенках уже сидят чужие ребра и поясницы!

Харон молча улыбался. Нельзя было сказать, что он был безумно рад видеть соотечественника, но и совсем плохо ему от этого не было.

– Мне, к тому же, интересно... Это правда, о чем шепчутся за стенами дворца Люцифера? – таинственно прошептал Актон.

– А о чем шепчутся? – Харон демонстративно приподнял объемную кружку с кофе.

– Ну...о твоём изгнании на землю. Чем ты так разгневал Люцифера?

– Это слухи. – Смутился Харон. – Нельзя же так всему верить. Я устал за столько лет непрерывной работы... решил взять... отпуск.

– Отпуск? – Актон подозрительно посмотрел на демона.

– Время, когда ты можешь отдохнуть. – Пояснил Харон, – этому я научился здесь. У людей. Они всегда берут отпуска, когда устают. А мы даже не знали, что такое возможно.

– И Люцифер тебя просто отпустил?

– Не просто, но отпустил. – Харон снова улыбнулся. – Как тебе люди снаружи?

Актон огляделся. Что он мог сказать о людях, бросив на них беглый взгляд? Люди – красивые. Они пропорциональные, выразительные. Они много говорят и мало слушают. Они много думают, в основном о себе. Они не улыбаются, да и, в принципе, не очень приветливы. На первый взгляд. Женщины. Хотят быть красивее, чем они есть на самом деле. Быстро ходят. Идут даже не глядя на дорогу. Они много смеются и плачут в своих мыслях, которые плотно закрыты от других людей. Мысли – это что-то личное, что не должно быть показано обществу. Они злятся, когда их кто-то толкает или медленно идет перед ними.

Это все, что мог сказать Актон, прибывая среди людей около часа.

– У меня было примерно такое же мнение о людях... Но пожив с ними, я начал воспринимать их по-другому. Я понял, что они очень чувствительные. Умеют переживать настоящие эмоции, на которые мы вряд ли будем способны. Так что, если надумаешь отдохнуть где-нибудь, без раздумий отравляйся в человеческий мир. Не пожалеешь. Нет ничего общего с сидением у них в ребрах. Да, детка! – Харон перебил свой рассказ звонком. – Где? Сейчас скажу... Кафе не далеко от Патриарших прудов. Здесь подождать? Ты уверена? Хорошо. Я понял тебя.

– И-и-и...кто это был? – Актон не упустил ни слова.

– Это? Телефон, – демон протянул свой мобильник.

– Эту штуковину ты покажешь мне потом. Я хочу знать, с кем ты разговаривал. Не с Люцифером же!

– А почему он не может поговорить со мной по телефону?

Неожиданно за столом появился еще один мужчина. Он казался таким воздушным, легким, но с таким тяжелым голосом, басом. И еще более тяжелым взглядом. С бордовым оттенком в зрачках. Едва заметным. Чарующим, манящим...грозным. Оба демона замолчали и посмотрели на повелителя. И если Харон чувствовал себя расслабленно, то Актон заметно нервничал.

– Почему ты здесь, Актон? – разглядывая взволнованные глаза своего подчиненного, поинтересовался Люцифер.

– Я...я хотел навестить Харона.

– Почему я узнаю об этом, когда ты его уже навещаешь?

– Люцифер... – Харон попытался что-то сказать.

Легкий, изящный, но властный жест, превращающийся в очевидное «стоп», лишил его возможности говорить. Люцифер не сводил глаз с Актона. На губах застыла улыбка с явной издевкой и вычурной надменностью.

– Актон, – продолжил повелитель, поняв, что никто ему отвечать не собирается. – Я почему еще должен вот за этим следить, дружок мой дорогой? Ты же лучше меня знаешь, что тебе запрещено появляться в мире людей. Почему ты нарушил мой указ?

Улыбка сошла с лица Люцифера. Раскинувшись на удобном кресле, рассерженный мужчина грозным видом лазил по лицу перепуганного демона. Прошло больше, чем несколько минут, прежде чем Люцифер снова заговорил.

– Эх, Актон... молчаливый мой друг, ты отправишься со мной в мои покои, будем серьезно разговаривать. А то у меня ощущение, что ты совсем перестал понимать меня и мой язык. А пока...

Люцифер щелкнул пальцем и для Актона мир стал глух. Он не слышал ни звука, ни шороха, просто вакуумная пустота в ушах.

– Что он сделал, что с ним не так? – Харон, наконец, почувствовал возможность поговорить.

– Ничего. Актон – хороший демон, но глупый и доверчивый. А еще с его приходом на землю, он в буквальном смысле влюбится в человеческую жизнь. Потом мне надо будет уничтожать болезненные воспоминания земной жизни. Оно мне надо, Харон? Я переживаю, что потеряю такого демона в любви к человеку. Не хотелось бы. Зная твою нелюдимость, моя совесть чиста, когда я отправлял тебя сюда.

Актон неподвижно сидел и смотрел, как беззвучно открывается рот Люцифера и пытался только догадаться, о чем мог говорить повелитель. У Харона была легкая улыбка на лице, подобно тому он смотрел на Актона.

– Я понял тебя, Люцифер. Ты всегда считался беспокоящимся о своих подданных правителем.

– Рад это слышать. Как твои дела, Харон? Я давно не приходил к тебе, прости, пожалуйста. Куча внезапных дел заставила меня откладывать нашу встречу.

– Тебе необязательно отчитываться...

– Нет, Харон. В первую очередь – ты мой друг. Я хочу, чтобы ты, как мой друг, знал, что я не забыл о тебе, нет. Я был занят, но мысленно я всегда с тобой. Я прекрасно осведомлен о твоей «брачной» ночи в человеческой кровати... с Викторией. Я все это знаю, от меня невозможно ничего скрыть.. Но, к сожалению, я совсем не вижу твоих эмоций, которые ты переживал в ту ночь. Расскажи мне, Харон. – Люцифер окинул быстрым взглядом Актона, улыбнулся едва живому демону.

– Это был необычный опыт. – сознался Харон, – чувства вовсе не те, что я ощущал во снах. Ее отдача сводила меня с ума. Все, что было раньше во сне – всего лишь сон. Теперь я знаю, на что способен на самом деле. Я убрал самоуверенность еще более могучей самоуверенностью. Меня распирает гордость... И я впервые остался с женщиной в постели после. Я спал с ней, Люцифер. Она лежала рядом, без жизни, без движения, потому что всю ее энергию я забрал. И я чувствовал умиротворение от нее... Пока я еще ни разу не пожалел о своем решении отправить меня на землю.

– Я надеюсь, твоя работоспособность в благолепной реальности, после человеческого тела в твоих руках, не ухудшится?

– Ни в коем случае, можешь не переживать. Мне нравится в Москве, нравятся люди, но я скучаю по родному дому. Да и по работе. После каждого соития, Виктория потом неделю в себя приходит. Она отдает мне себя до последнего и я, конечно же, беру всю ее до последней частички.

– Я бы сделал то же самое...я делал то же самое. – Люцифер все еще посматривал на Актона загадочным взглядом.

– Делал? – Удивился Харон.

– Друг мой, – повелитель улыбнулся. – Я же мужчина. Мне нравятся женщины. Это нормальная природная закономерность. И я хочу дотрагиваться до них, ощущать нежные тела в своих руках, слушать изнемогающие вздохи и чувствовать, как острые коготки раздирают мою спину... И я понимаю все то, что ты испытал в ту ночь.

– О, Люцифер... – Харон потер лоб, загадочно рассматривая столешницу. – Представляешь, я даже подумать не мог, что ты тоже связан с женщинами... с человеческими в реальности.

– Ну Харон, что с тобой? – Люцифер посмотрел на официантку. – Любое существо мужского пола из наших мест ищет связи с женщинами. Это не удивительно и не ново. Не только инкубы спускаются в мир людей, да, Актон?

Демон сидел, «наслаждаясь» невозможной, пугающей тишиной и немотой, которыми наградил его Люцифер.

– Знаешь что плохо, мои избранницы на последней секунде превращаются в прах. В черный, рыхлый прах. Моя энергия, внезапный свет, который я не могу в себе более сдерживать, вырывается из меня и сам знаешь – это не для человеческих глаз. Так что, все мы связаны одним женским пороком на земле. Но таким как Актон нельзя давать вольностей в этом. Вижу, ты еще что-то хочешь спросить. Давай, друг мой, не стесняйся.

– Я... с того самого дня практически не слышу, о чем она думает. Я вижу пустые коридоры и вереницу из них. Но не мысли. Я пока еще могу считывать с нее поток, если дотронусь до ее головы. И с каждым разом мне становится все труднее и труднее читать даже так. Мне тяжело с ней.

Люцифер склонил голову набок, нагло разглядывая сидящую за соседним столом девушку. Казалось он вовсе не слушал Харона, полностью отдавшись прекрасному виду одинокой особи.

– Это ведьма, Харон. – Ответил он внезапно. – И это нормально, что она не хочет, чтобы кто-то рылся у нее в голове. Даже ты. Она становится сильнее, сама того не понимая. Она неосознанно перекрывает тебе доступ к своим мыслям. Не переживай, ты справишься. Стоит, наверное, тебя сразу предупредить, что могущество ведьмы в ней пока еще дремлет. Это все так, шалости. Интересен будет тот момент, когда она осознает, кто она есть.

– К ней ходят духи, она не дает мне читать мысли, ее энергетика просто колоссальна, и это все шалости? Она совсем необычная... Почему, кстати я не могу видеть призраков?

– Тебя наделить этой опцией? – Люцифер улыбнулся той самой даме, чем немного смутил ее. – Зачем тебе духи, когда тебя окружают живые люди, Харон? Ты совсем сегодня не рациональный. Мне это не нравится. Я не советую тебе видеть призраков. Толку в этом нет никакого, а людей в глазах мельтешит еще больше. Забудь об этом. Кстати, я чувствую часть себя у девушки дома... Никогда не могу понять, как это происходит?

– О, Люцифер, стоило тебе сказать сразу, но я забыл. То самое перо, которое последний раз привело тебя ко мне, находится у Виктории.

– Интересно. – Повелитель улыбнулся и наклонил голову. – Ну ладно, пусть остается. Я не против. Почему она не ослепла...

Люцифер задрал голову к потолку. Затем его взгляд, не моргая словно черная тень вновь полез к той самой девушке, на которую он смотрел до этого. Нравилась она ему. Очень.

– Виктория через десять минут будет здесь. Ты соскучился?

– Я, что? – удивился демон.

– Ничего, друг мой, ничего. Еще думаю, тебе следует знать, что бедный мальчик Григорий, решил приударить за твоей рыжей ведьмой. Что ты об этом думаешь?

Харон умиротворенно допивал свой кофе, искоса посматривая в сторону. Люцифер во всю улыбался и стрелял глазами с девушкой.

– Григорий? – уточнил он. – Мужчина, с которым она обедает?

– О, да! – Падший Ангел, блеснув бордовыми глазами, наконец, уставился на своего друга. – Как же он хотел, чтобы прикосновения под столом не заканчивались. Так глупо, он касался ее колена и смотрел за реакцией. Нравится ей или нет. С бахвальством он изучал ее пустой безымянный палец, разворачивая в голове картины скучного, удручающего человеческого секса. Он уже всю ее забрызгал слюнями... а ты сидишь Актона развлекаешь.

Люцифер аккуратно поставил чашку на стол и улыбнулся, что было сил. Он забавлялся. Да, Харон был его другом, но не веселиться он не мог. Даже Люцифер поражался, насколько его подданные могут быть бесчувственными. И в то же время он слегка, совсем слегка завидовал им.

– Знаешь, насколько ты на самом деле счастлив, друг мой? Ты не испорчен человеческими чувствами так, как испорчен я, благодаря своему отцу. Тебя ничто не сможет выбить из колеи, тебе не надо ни к чему готовиться морально. Такое ужасное смешенное разделение на два совершенно разных пути. Одни хотят стать бесчувственными железками, другие хотят научиться чувствовать. Не поддавайся этому соблазну, Харон, не поддавайся. И тогда, ты никогда не узнаешь, что такое потеря... Сейчас. Еще две секунды и дверь откроется.

Харон тут же перевел взгляд на входную дверь и в одну секунду увидел, как входит Виктория. Ее заинтересованный взгляд шарит по столам в поисках любимого лица. Девушка очень хорошо знала, что такое соскучиться и тяжкие переживания.

– Милый мой, – прошептала она, едва заметив демона за столом.

Она тут же бросилась к нему в объятия, но наткнулась на внезапную преграду. В считанную секунду Вика едва не столкнулась с появившемся на ее пути Люцифером.

– Господи... – Виктория тут же отпрянула назад.

Конечно, она узнала владыку ада и ей стало не по себе от незапланированной встречи. Девушка сделала шаг назад, завороченно смотря в центр романтических глаз, где разгорался дьявольский пожар темного бордового цвета.

– Добрый вечер, Солнышко! – Люцифер улыбнулся, преграждая собой путь.

Виктория и не спешила прорываться. Впервые за все время, девушка вспомнила о знаке на своей лопатке. Она почувствовал его, словно свежий порез, стянувшейся новой кожей. Но боли не было. Вика стояла словно парализованная. Она не видела Харона, ни его ухмылку, отдающую скорее добром, ни Актона, жадно разглядывающего ее, словно голодная собака, бредущая о кости с кусками мяса сверху. Появление Люцифера знаменовалось посмертным затишьем. Все в округе перестало существовать, двигаться, дышать, все замерло.

– Здравствуйте... – заикаясь прошептала она.

Сзади послышался скрип стула: Харон встал и хотел подойти к девушке. Он почувствовал ее звериный страх, непонимание и услышал, как судорожно, безмолвно, где-то в голове, язык шептал одну единственную молитву, безуданно крестясь в бурном воображении. В реальности же девушка все еще не могла пошевелиться.

Не успел Харон сделать шаг, как увидел руку повелителя, жестом показывающую ему остановиться. Демон замер на месте. Люцифер даже не смотрел на своего друга. Он держал невидимую нить между собой и перепуганной девушкой. Люцифер приблизился к лицу Виктории, с самодовольной улыбкой прошептал:

– Что, Солнышко? Я не слышу тебя... Скажи громче!

Словно загипнотизированная, Виктория открыла рот и начал говорить. То, что она говорила, повергло в шок и без того удивленного Харона. Актон, к своему счастью, все еще находился в искусственно созданной Люцифером глухоте и кроме едва заметно открывающегося рта, он ничего не видел и не слышал.

Виктория говорила на латыни. С каждым словом шепот звучал все увереннее и сильнее. Язык ни на секунду не запнулся, как будто она вылезла из эпохи Цезаря, из сената, заполненная бесподобным красноречием и метафорами. И если Харон просто слышал потрясающую кра-

сивую латинскую речь, все понимая, так как во времена Цезаря он все так же прекрасно жил, но он не мог уловить смысл. То Люцифер, застывший с прекраснейшей улыбкой на губах, осознавал, что против него клепают одно из мощнейших, древнейших заклинаний-защиты. И то, как Виктория это делала, завораживало его больше всего: ее глаза, не моргают и не шевелятся, смотрели прямо в глаза самому Люциферу; они не знали страха, в отличие от остального организма; губы шептали бесконечный текст; голос, соловьиный, женственный и магнетический.

– Люцифер... – тихо позвал Харон.

В ответ Падший Ангел помахал рукой, неотрывно следя за шепчущими губами. Затем он поднял руку и протянул ладонь Виктории. На открытой руке зарождался огненный шар, со стреляющими внутри молниями. Люцифер с восторгом и воодушевлением смотрел на шаровую молнию и на читающие губы. Но никто в округе, казалось, вообще не замечает ничего не обычного. Все заняты своими делами. Или Люцифер не хотел, чтобы их замечали...

Внезапно Виктория замолчала, сделала глубокий вздох, хлопая глазами, пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь внезапную пелену перед глазами.

– Не могу больше... – едва слышно сказала она.

– Хорошая попытка, Солнышко! – Люцифер задул огненный шар на руке и стряхнул пепел. – Я должен был весь покрыться огнем, да? В другой раз, в другой раз.

Виктория тяжело дышала, все еще переживая тревогу и страх перед властителем ада. Но у нее не осталось никаких сил, чтобы полностью поддаться панике.

– Рад был видеть тебя, Харон. – Люцифер помахал остолебеневшему демону. – А ты, Солнышко, – он снова подошел к ней совсем близко. – Ты ничего не видела. Мы с тобой не встречались. Ты только что вошла и увидела Харона. До встречи.

Он еще раз окинул девушку глумливым взглядом, щелкнул пальцем у нее перед носом, и, прихватив с собой Актона, исчез.

– Харон! – воскликнула Виктория, увидев мужчину.

Демон стоял у стола в полной прострации. То, что он видел, лишило его слов. Откровенно говоря, он занервничал. Глядя на Викторию, серьезности его предела не было. Перед ним стояла самая настоящая ведьма и буквально минуту назад она пыталась спалить Люцифера.

Вечер был задумчивый. Девушка долго пыталась узнать, что не так с мужчиной, но он всячески находил отговорки и вполне умело ими пользовался.

Виктория ничего не рассказывала Харону о своей работе, о Григории и его слишком частом появлении в ее жизни. Она все еще наивно полагала, что Харон начнет нервничать из-за появления другого мужчины в жизни девушки. Частично, его упадническое настроение она связала именно с этим. Ей было невдомек, что демоны не чувствуют любви, у них нет чувств, они не знают, что такое ревность. Эти эмоции для них чужды по отношению к человеку. Между собой они еще могли погрязнуть в разборках, чья та или иная жертва. Но разбираться с людьми по таким вопросам – нет. Низшие, примитивные, ничего не знающие и не замечающие существа – вот что думает большинство демонов. Но как это можно было объяснить влюбленной девушке? Она хочет ответных чувств. И она их не получала. Ей пришлось компенсировать недостающее своей фантазией о том, что демон разозлится, узнав о приближении соперника.

Харон же в свою очередь старался понять всю эту солянку чувств человека. Но в тот вечер он изучал читающую заклинание девушку. После этого у него появилась небольшая кучка вопросов. Харон терпеливо ждал, когда уснет Виктория и она не заставила его долго ждать. Девушка довольно быстро погрузилась к Морфею, поскольку чувствовала невозможную усталость, словно месяц проработала без выходных, ежедневно поднимаясь в пять утра. Конечно, тягаться с самим Люцифером было глупо с ее стороны. Но то было желание отчаянного духа ведьмы, о котором Виктория все еще ничего не знала. Даже не догадывалась. А благодаря прозорливому Люциферу, еще ничего и не помнила.

– Что это было? – Харон бесцеремонно ворвался в покои повелителя.

Несущий Свет сидел у окна и с таинственной улыбкой разглядывал безмолвные дали за горизонтом. Стояла ночь. На черном небе светилась необъятных размеров Луна кровавого цвета. Не было ни одной звездочки, лишь одна вдали, в стороне от Луны. То было Солнце со своей планетарной системой. С Землей. Оно было так далеко, что тусклый свет едва был виден на черном полотне неба.

На горизонте виднелись высочайшие горы с серыми верхушками. Они казались такими блеклыми из-за опустившейся ночи. Харон точно помнил, что в дневное время вид из апартаментов Люцифера всегда был удивителен.

– Я ждал тебя, друг мой. – Повелитель все также неотрывно смотрел в окно. – Я чувствовал, как весь вечер, пока твое Солнце мечтало не спровоцировать в тебе чувство ревности, ты думал и грезил о встрече со мной. Ну что ж, ты здесь и я тебя слушаю. – Люцифер отошел от окна и уставился на Харона.

– Я хочу знать, что это было в кафе?

– Да тут все просто. Кофе будешь? – он налил себе и Харону ароматный кофе. – Смотри. Есть девушка и есть дар, полученный ею от ведьмы. Так как девушка и дар пока сосуществует отдельно, случается то, что случилось. Виктория, как человек, испытывает настоящий страх к нашему миру. Ко мне, в частности. Конечно, это нормально! Я бы удивился, если бы было по-другому. Ее дар включил защитную реакцию. Инстинктивно. Он же без мозгов и не понимает, что все магические воздействия на меня... ну просто смешно.

– Люцифер, у тебя огонь был на руках. Это тоже смешно? – Харон забрал свою кружку.

– Это защитное заклинание. Я должен был весь покрыться огнем. Как в куполе. За это время, ведьма бы успела сбежать, а огонь и запах дыма закрыли бы ее след. Тут уже ничего не поделаешь, я не смог бы ее отследить.

Люцифер пожал плечами и улыбнулся. Его явно забавляла эта игра с ведьмами, чего нельзя было сказать о Хароне. Он был настороженным, так как с колдуньями встречался только в постели. А с влюбленными колдуньями – вообще никогда.

– Ты считаешь, что это безопасно провоцировать так ведьму?

– В принципе, да. Но это еще и очень увлекательно. Тебе так вообще переживать не стоит: эта девушка любит тебя сильнее своей жизни.

– А тебе в чем интерес?

– А мне всегда интересно поразвлечься с людьми. Они такие доверчивые и смешные. Им можно говорить все, что угодно и добавив «волшебный» пункт – это выгодно, то мы получаем душу. А влюбленные люди – это вообще неопишное чудо. Виктории даже не надо было говорить о выгоде. Ей наплевать на это. Она хотела тебя. Получила. Ты для нее что-то вроде радуги.

Харон внимательно слушал Люцифера, пил кофе, выращенный в родных краях, с совсем другим вкусом.

– Я, честно говоря, не помню, чтобы в тебя влюблялись ведьмы. – Сказал демон. – Откуда у тебя уверенность на счет Виктории?

– Ты прав, друг мой. В моей жизни не было по настоящему влюбленной ведьмочки, но женщины были. А ведьмы и женщина это почти одно и то же. Я нашел к ним подход, думаю ты тоже справишься. Но если тебе нужна помощь, ты помнишь, что я всегда в твоём распоряжении?

– Конечно, Люцифер. Как Актон переживает увиденное?

– Он ничего не помнит, кроме одной из моих прекраснейших лекций, на тему почему ему запрещается покидать наш мир.

– Если он снова ослушается?

– Снова? – Люцифер бросил на Харона серьезный взгляд. – Мне придется лишиться его крыльев. А ты знаешь, что это значит, в общем-то, он тоже знает. Конечно, он знает о санкциях, если посмеет еще раз пренебречь моим приказом. Не переживай, Харон, я – не тиран. Я всего

лишь требую, чтобы мои указы выполнялись. Я обязательно отпущу Актона в мир людей, как только он будет готов к этому. Но сейчас – нет.

– Люцифер, – отрешенно спросил демон, – могу я задать вопрос, отвлеченный от темы?

– Я слушаю.

Люцифер сидел за живым деревянным столом, ножки которого выросли прямо из земли, от корня многовекового дуба. Столешницей служила идеально обточенная мраморная плита наваристого черного цвета. Харон сидел напротив, на такой же стуле, как и стол.

– Я могу влюбиться?

Улыбка Люцифера моментально исчезла с лица. Он нахмурился, встал из-за стола и пошел бродить по своей огромной комнате.

– Я смутил тебя, прости! – Харон тоже встал.

– Не стоит, друг мой, но вопрос действительно, огорчил меня. Прости, но мне бы хотелось знать причину этого вопроса. Ты в состоянии ответить мне?

– Да. Я живу среди людей и большинство из них находится в состоянии влюбленности. Мне интересно это чувство...смогу ли я испытать его самостоятельно, а не через Викторину, прочувствовав ее влюбленность?

– Вообще я никогда сам лично не встречал влюбленных инкубов. И никогда не слышал...

Ответ Люцифера немного удивил Харона: он был слишком прост. Так повелитель никогда не отвечает.

– Никогда?

– Никогда. Но это ничего не значит. Не значит, что их не было никогда. Я же не могу встречать и знать все, что было! В нашем мире есть понятие любви, это я точно знаю, но я не уверен, что все обитатели на нее способны. По крайней мере, я точно раздавал любовь не всем. То же самое и с людьми. Они не все способны любить и суждения с их колокольни будут сильно разниться с убеждениями тех, кто познал любовь.

– Ты сам когда-нибудь был влюблен? – спросил Харон.

– Что лукавить, друг мой! – усмехнулся повелитель. – Однажды я напрямую встретился с любовью. Она была очень красивой девушкой. Она умерла. Долгое время я не мог смириться с ее исчезновением, приставая ко всем колдунам и ведьмам, прося их помочь мне. Но увя, в игры против самой смерти, победителей нет ни у нас, ни у моего отца. Она всех ровняет.

– Как ты понял, что влюбился? – Харону было чертовски интересно, как зарождается это убогое чувство.

– Харон, – Падший Ангел улыбнулся и подошел к демону. – Если вдруг ты влюбишься, ты это поймешь. В мире людей скоро рассвет. Тебе следует вернуться к своему Солнцу.

– Ты прав.

Харон встал, поблагодарил своего друга за гостеприимство и уже у дверей Люцифер окликнул его:

– Ты был в кино. Как тебе?

– Лучшее, что я видел. – Улыбнулся демон и исчез.

Виктория спала младенческим сном, даже не пошевелилась ни разу за ночь. Харон успел улечься в кровать ровно за секунду, как прозвенел будильник.

– О, господи... – сквозь остывающий сон прошептала Виктория. – Это последний день...

Харон лежал с закрытыми глазами, ловко прикидываясь, что спит. Девушка пошла собираться на работу, оставив спящего мужчину в баюкающем уюте утреннего обелиска.

Демон долго думал над словами Люцифера, анализировал всех влюбленных, которых встречал. Ему было очень интересно, как работает любовь. Под свои рассуждения он не заметил, как уснул. Сквозь сон Харон почувствовал теплые губы, нежно целующие его в щеку, в

плечо и приятный шепот, рассказывающий о любви. Все еще прибывая в своих неподвластных человеку сновидениях, Харон принял утренний поцелуй Виктории.

25 октября 2013 (пятница)

Вот подходил к концу второй месяц малообещающей любви девушки и демона. Виктория влюблялась все больше и больше и была только рада тому, что мужчина позволяет себя любить, а местами даже очень неплохо подыгрывал.

Ежедневно Вика бегала на работу, стараясь избежать настойчивого директора, теща память и воображение недавними картинками, где они с Хароном вдвоем.

Демон же всю общался с девушками. Москву он изучил довольно быстро и хорошо. У него появились любимые места, где он часто проводил время. У него появились места, которые он ненавидел и никакой силой его туда не затащить. Порой ему становилось скучно: Виктория работала целыми днями.

Харон решил познакомиться с какой-нибудь девушкой и восполнить энергетические запасы. Он любил Вику... в постели. Безумно любил. В эту любовь он верил. Но беда в том, что Виктории нужно было много времени, чтобы восстановить силы. По этой причине неспящими в постели они оказывались всего раза три в месяц. Для Харона, который ранее получал от женщин все, что хотел и не один раз, прелюбодействовать в постели три раза в месяц – не просто слишком мало, а практически ничего. И если первый месяц пребывания в Москве от голодных мыслей его что-то отвлекало, то к концу второго месяца, природа взяла свое. Он все чаще заглядывался на других девушек.

Ближе к полудню демон открыл глаза. Светило солнце сквозь окно, мир казался таким теплым, что даже демон улыбнулся, глядя на улицу.

Распивая горячий ароматный кофе, мужчина стоял у окна, разглядывая как Москва готовится к ланчу. Он залез в свой телефон, в ожидании увидеть какую-нибудь красивую фотографию и приятную подпись от Виктории. Каждое утро, по пути на работу, девушка фотографировала что-то интересное и отсылала ММС Харону, с очередным признанием внизу. Вот и в тот день демон изучал смартфон, но там ничего не было. Отсутствию фотографии слегка смутило, но не настолько, чтобы поддаваться панике.

Харон неспешно застегивал рубашку, рассматривая свое небритое лицо в зеркале. Как же ему не нравилось бриться! Он считал это серьезным наказанием для человека и не мог понять, за что оно? Два дня без бритвы – не так много! А все опять в щетине.

От разглядывания, ощупывания и переосмысления жизни его оторвала музыка, о существовании которой, демон ничего не знал. Харон нахмурившись изучал телефон Виктории и входящий на нем вызов.

– Телефон Виктории! – сообщил он в трубку, слушая ответ.

– Господи, слава богу! – раздался радостный вздох и глупое хихиканье. – Я думала, что потеряла его. Харон, какое счастье, что я просто забыла его дома.

– Привет, детка. – Харон был серьезен.

Его как всегда смущали формулировки Вики. Ну что за набор фраз «Господи, слава богу» по отношению к демону? Его это злило и он не мог и не хотел успокаиваться.

– Что у тебя с голосом? – Вика моментально поняла лишь по одной интонации, что что-то не то.

– Вика, честно, я до сих пор не понимаю, почему я должен это слушать.

– Что «это»? – девушка смутилась, капаясь в голову, вспоминая, что такого оскорбительного успела сказать.

– Эх, детка, ты неисправима. – Сквозь печаль улыбнулся мужчина.

– Ты о «слава богу»? – Виктория приснула от смеха. – Ну это же всего лишь вводное словосочетание. Вовсе не несущее никакой смысловой нагрузки. Все люди говорят это, независимо от их статуса глубоковерующего христианина или атеиста. Не стоит обращать на это внимания. Но если тебе так неприятно, то я, конечно, исключу из своего лексикона это словосочетание. Не переживай...

– Где тебя встретить? – Харон проигнорировал все рассуждения и оправдания девушки.

– Хм... в семь часов на Кузнецком мосту. Если у меня что-то изменится, я тебе наберу... Только вот если у тебя что-то изменится, я даже не узнаю... О, господи! Запиши мой рабочий мобильный.

– Не переживай, у меня ничего не изменится. Буду ждать тебя на Кузнецком мосту в семь вечера. Я знаю твой рабочий мобильный.

– Я люблю тебя... – Виктория улыбнулась.

В ответ стояла тишина. Харон как всегда не знал, что ответить.

– Ладно, – усмехнулась девушка, – я не буду тебя мучить. Не надо выдумать, что бы такое мне ответить. Я просто люблю тебя.

Виктория повесила трубку и с улыбкой посмотрела в окно.

– Виктория!

Девушка вздрогнула и обернулась. Около нее стоял Григорий.

– Вы напугали меня. – Вика опустила взгляд и встала из-за стола.

– Пойдемте в мой кабинет. Возьмите ноутбук.

Григорий распорядился и пошел вперед. Вика за ним, уже ненавидя ближайшие два часа...

Харон вертел в руках телефон девушки, разглядывая фотографии. Весь телефон был забит его фотографиями: как он спит, ресницы, глаза, он улыбается, загадочно смотрит в окно, мокрый после дождя на улице, с чаем на кухне. В большинстве случаев, Харон даже не видел, как Виктория его фотографировала. Палец устал листать тома с фотографиями.

Дисплей снова зажегся яркими цветами, на экране высочило фото Василисы. Демон улыбнулся и нажал «принять вызов».

– Телефон Виктории.

В ответ тишина и едва слышное дыхание. Удивленное.

– Харон? – Василиса, наконец, заговорила.

– Добрый день, Василиса.

– Привет. А... Вика?

– Она на работе, телефон дома забыла. Чем могу быть полезен? – Харон закрыл глаза и ему тут же пришел образ девушки

Неопрятный пучок или хвост темно-русых волос, огромная майка, свалившаяся с плеча лямка, которая лежала на запястье; легены, обрезанные под шорты... Глаза полные счастья и удовольствия.

– Да... я хотела погулять с ней вечером, давно не виделись.

– Пойдем, погуляем.

– С тобой? – удивилась она.

– Да. Я не гожусь? – обиженно спросил он.

– Почему... годишься. Хорошо. Где встретимся? – воодушевись Васька.

– Ты же тоже на 1905 живешь? Рядом с Викторией?

– Да, почти. Я между 1905 и Баррикадной.

– Я понял. Я буду ждать тебя у фонтана у Зоопарка. Ты помнишь, как я выгляжу?

– Еще бы! Через сколько ты будешь там? – Васька уже надевала носок.

– Полчаса.

– Окей, договорились.

Девушка повесила трубку и помчалась собираться. Харон же продолжил рассматривать фотографии. Наконец, среди этой кучи своего лица и тела, он нашел одну фотографию самой Виктории. Она была такая...красивая что ли. Оливковые глаза и огромные черные зрачки. Взгляд строгий, изучающий. Несмотря на то, что это был просто снимок, в ее глазах жила сама жизнь. Убранные в вечернюю прическу волосы, блестящие и все отражающие. Поджатые губы, с которых вот-вот сорвется суровое слово. Да, Харону определено нравилась эта фотография. Он испытывал неясные ощущения, рассматривая снимок. Ему просто хотелось смотреть в эти задумчивые глаза, на губы...

В назначенное время Харон появился у главного входа в Московский зоопарк. Понятное дело, девушка опаздывала. Это его уже не смущало. За два месяца наблюдения за разнообразными отношениями, Харон прекрасно знал, что если был договор встретиться в три, а время уже три пятнадцать, это вовсе не значит, что девушка забыла или не собирается приходить. Она просто опаздывает. Это знак негласного приличия между женщинами.

Харон стоял у неработающего фонтана, когда внезапно понял, что Василиса вот-вот появится и он даже знал откуда. Девушка появилась из-за угла и тут же нашла одинокого демона. Мужчина окинул девушку быстрым взглядом и поймал себя на мысли, что она ему интересна...естественно, не как новый друг.

– Ты потрясающе выглядишь. – Он рассматривал ее глаза, уже мысленно проникая в ее голову. Пока Василиса ничем его не удивляла. То, что он красивый – Харон слышал уже от нее, когда они виделись летом в последний раз. Вопрос – почему повезло именно Виктории, а не ей – тоже.

– Привет. – Василиса не очень-то смущалась. – Спасибо. Куда пойдем?

– Мне все равно. Везде люблю гулять. Твои предпочтения.

Харон осторожно, не провоцируя, с легкой, воздушной улыбкой, взял ее за руку и поднес к своим губам.

– Харон... – удивленно прошептала девушка, озираясь по сторонам, с неописуемым восторгом наблюдая за мужчиной.

– У тебя совсем замерзли руки, – он обдал ее руки горячим дыханием, пытаясь согреть. – Такие бледные и холодные...

Девушка ни грамма не сопротивлялась, потому что руки действительно замерзли и нежнейшие попытки согреть их, дарили ей также заботу.

– Пойдем потихоньку. – Харон, продолжал растирать руку девушки. – Подожди. Дай вторую руку.

Мужчина надел перчатку на ее руку и улыбнулся.

– Убирай в карман... в перчатке.

– Слушай, я даже не знаю, что сказать на это. – Василиса с довольной улыбкой посмотрела на собеседника.

– Можно попробовать сказать то, что ты действительно думаешь, а можешь и соврать.

– Ну ты же все равно не узнаешь, что я выберу, – Василиса заглянула Харону в глаза.

– Конечно... – Демон улыбнулся, провел пальцем по ее щеке. – Конечно, не узнаю.

Время уже было около четырех часов, когда из всей кучи неприятнейших мыслей о своей персоне, Харон услышал, что девушка голодна.

– Зайдем покушать? – спросил ее демон.

– Только что об этом подумала! – восторженно воскликнула Василиса.

Девушка уже давно согрелась, но продолжала ходить в перчатках демона, держась за его руку. Ей очень льстили джентльменские наклонности. Она балдела, слушая его приятный тембр голоса и сами слова. Ей нравилось смотреть на него. Оно и понятно, Харон создал себе

уникальное тело, которое не может не зацепить. И Василиса цеплялась все глубже на этот адский крючок. Харону же было просто скучно...и интересно.

Они сидели на полукруглом диване, в укромном уголке, под балконом второго этажа. Рядом с ними никого больше не было.

Едва заметно Харон подсел поближе к Василисе. Они болтали и болтали. Мужчина садился все ближе и ближе. Девушка решила притвориться, что ничего не замечает, что все, что происходит – нормально. Так и должно быть.

И вот уже в какой-то момент, Харон полулежал на мягком удобном кожаном диване, крепко держал Василису за руку. Она улыбалась. Его пальцы между ее, красивые, длинные и теплые. Согревающее и ласкающее тепло. Смех и улыбка. Краем глаза Васяка изучала мужчину и постепенно начала сходить с ума от уже проснувшейся похоти. Ей были безумно приятны прикосновения и взгляды. Иногда он так смотрел на нее, что ей вечно хотелось ощущать этот чарующий взгляд.

А через минуту демон сладострастия услышал мысленную мечту о поцелуе... Их губы слились в страстном поцелуе и, единственное, что успела понять Василиса, что никогда в жизни она не испытывала таких чувств при поцелуи.

Ни один из них не думал о Виктории. Демон чувствовал себя превосходно. Конечно, энергия от поцелуя была незначительной, но вполне себе питательной. Харон понял, что ему нравится целоваться и спать с женщинами в реальности больше, чем во сне. Они такие живые и энергичные, такие отзывчивые и чувствительные! Он и сам чувствовал свое либидо по-другому, намного мощнее.

А Василиса вообще ни о чем не могла думать в объятиях искусителя, кроме него самого. В отличие от Виктории, у нее было много мужчин, но такой – впервые. Она просто поддалась животному инстинкту и своему безнравственному «хочу». Она не останавливала напористого мужчину. Не хотела. Более того, ей хотелось большего и единственное, о чем она сожалела, пока его руки обнимали ее талию под кофтой, так это то, что они не в спальне. От нее отказа бы не последовало.

– Я еле сдерживаюсь, чтобы не разорвать эту дурацкую одежду в клочья и не... – Харон снова вернулся к поцелую.

Он уже рассматривал, какие яростные и дерзкие картины плыли в фантазии Василисы. Ему нравились эти картины и их вопиющее содержание. Но он отдавал себе отчет в том, что происходит: его сдерживали от разрыва одежды не люди и обстановка, а цена и плата. Василиса ни чем не отличалась от среднестатистической дамочки, которую мог ублажать Харон. За свои услуги обычно он забирал жизнь! Рано или поздно ему пришлось бы остановиться.

И когда Харон, наконец, уgomонил свою страсть, дав своим губам отдых, Василиса увидела лицо Виктории перед глазами.

– Харон, – прошептала она испуганно.

– М, – промычал он в ответ, пододвигая девушку к себе ближе.

– Что мы делаем?

– Мы делаем то, что хотим оба.

– А как же Виктория? Вы же любите друг друга и ты позволяешь себе такое поведение?

Демон слегка был удивлен внезапной и совершенно неожиданной претензией, но улыбку с лица убрал.

– Ты мой сладкий, лакомый кусочек... – прикасаясь к ее лицу, прошептал он, – мне просто захотелось сделать то, что я сделал. Более того, я уверен, и даже не спорь, что тебе, еще больше, чем мне, захотелось, чтобы я сделал то, что сделал.

– Твоя правда! – Василиса улыбнулась, положив голову ему на плечо.

– Я знаю. И еще я знаю, что окажись мы в более уютном месте, мы бы не остановились, да?

– Я бы уж точно нет... Ты не такой как все, но я думаю о Виктории... Она моя подруга и то, что мы сделали называется предательство. Ей нельзя говорить об этом. Слышишь меня?

– Почему? – искренне удивился Харон.

Василиса вытаращилась на мужчину. Удивлению ее предела не было.

– Ты в своем уме? – злобно прошипела она.

– Вполне. Я не очень понимаю, что такого мы сделали? Мы просто поцеловались и это естественно для мужчины и женщины. Женщины вообще созданы для того, чтобы их целовали.

– Ты вообще с этой планеты? – улыбаясь, спросила девушка. – Ты разобьешь ей сердце. Она возненавидит меня! Мы делаем неправильно по отношению к ней. Понимаешь? Господи, почему я вообще тебе это объясняю? Ты же взрослый мужик, ты должен сам все это понимать!

– Я понял тебя.

На самом деле, Харон ничего не понял, но чувствуя негодование от дамы, решил, что с ней просто надо согласиться.

– Можно я тебя спрошу кое о чем и ты честно ответишь? – мужчина снова взял девушку за руку.

– Слушай, а ты, действительно, странный человек, – Васька посмотрела ему в глаза. – Очень красивый и странный. Наверное, часа два мы с тобой целовались, ты трогал мое тело, ты шептал мне наикрасивейшие слова, я думала, что влюбилась... И сейчас ты спрашиваешь, можно ли задать мне вопрос?

– Да, – задумчиво ответил Харон, – думаю да, спрашиваю. Это тоже плохо? Я не должен себя так вести?

– Какой вопрос? – Василиса проигнорировала высказывания мужчины, восприняв их как стеб.

– Если бы вдруг мы с тобой снова оказались вдвоем, может быть наедине, может снова в кафе, ты бы оттолкнула меня?

– Нет. После сегодняшнего, зная на что ты способен и предполагая, что ты еще можешь, я точно не оттолкнула бы тебя... Не смогу. Меня совесть сожрет. Уже жрет. Я даже не знаю, как буду смотреть в глаза Вики при встрече. Честно, не знаю. Но я хочу, чтобы сегодняшний вечер повторился. Гореть мне в аду за это...

– В аду? Гореть? – усмехнулся демон. – В аду не настолько плохо, как ты думаешь, и там не все горят.

– Я не буду спрашивать, откуда у тебя такая информация, я и так вижу, что странный чувак, но этим ты тоже берешь. Виктория не должна знать о поцелуях и вообще о том, что мы виделись. Харон, ты слышишь, не должна! Это измена и предательство. Кстати, дай мне ее телефон.

– Зачем?

– Удалю свой звонок, чтобы у нее не закралось подозрение.

Демон протянул ей телефон и сам застыл в рассуждениях. Измена, предательство. Странные люди. Зачем все так усложнять? Но проблема в том, что Харон немного запутался в дефинициях чувств. Он немного знал о дружбе, немного, совсем немного о предательстве и совсем немного об измене. И ему хотелось знать больше, но любой вопрос касательно этих тем непременно смутил бы Василису. А Харону уже порядком надоело, что его считают странным.

Наболтавшись и на обнимавшись, «друзья» вышли из кафе.

Виктория весь день пробыла в кабинете Григория. Они закрывали проект и мужчина совсем не щадил девушку.

К четырем часам она уже совсем выдохлась и перестала соображать, что от нее хотят. Но к ее счастью, Григорий, наконец, сообщил, что его все устраивает и можно отправлять на печать. Виктория лишь вздохнула с облегчением.

– Спасибо, Вам, Вика. Вы очень хорошо поработали. В этом месяце премия Вам обеспечена.

– Спасибо. – Устало ответила девушка, разматывая провода.

Григорий улыбнулся. Он смотрел как девушка борется с проводом, пытаясь открутить его от своего ноутбука.

– Позвольте, – Григорий встал и легким движением пальцев, открутил шнур. – Вы сегодня уставшая. Я Вас утомил?

– Нет... хотя, – девушка улыбнулась. – Руку Вы к этому приложили.

– Искуплю вину. Отнесите свой ноутбук и я Вас жду на первом этаже. Прихватите пальто. Мы поедem в очень хорошее место поужинать и расслабиться.

– Но время только четыре часа я должна быть на рабочем месте.

– Нет, не сегодня. Со вчерашнего дня я Ваш непосредственный руководитель. У Вас больше нет менеджера. Более того, Вы переезжаете в отдельный кабинет, рядом со мной.

– Э... – Виктория смутилась. – А за что такие привилегии?

– Вы считаете, Вы не достойны?

– Нет... я, – девушка покраснела. – Вы загоняете меня в тупик. Хорошо, я пойду переоденусь.

– Жду в фойе на первом этаже.

Вика вздохнула бросила быструю улыбку и вышла, почти выбежала из кабинета, пока не посыпались новые вопросы.

У своего стола она собрала сумку, ни на кого не смотря. Ее коллеги злились и завидовали ей. Они не понимали, за какие такие заслуги генеральный директор так благосклонно к ней относится. Виктория была скрытна, старалась никому ничего не говорить. В друзья не набивалась. Уж тем более она не старалась дойти до близких отношений с Григорием.

Спускаясь вниз, девушка набрала номер своего мобильного, оставленного дома.

– Как дела? Я так соскучилась... – Виктория с улыбкой стояла у лифтов.

– Привет, детка. Я гуляю.

– Где? В центре, как всегда?

– Да. У тебя что-то изменилось в планах?

– Нет. В семь, как договаривались. Просто звоню узнать, как дела и сказать, что очень сильно хочу тебя увидеть.

– Через два с половиной часа я буду ждать тебя в центре зала. – Харон тоже улыбнулся, сжимая руку Василисы.

– Хорошо. Люблю тебя. – Виктория положила трубку и зашла в лифт.

Внизу около дверей, ее ждал Григорий. Вика окинула его взглядом и опять вздохнула. Этот солидный мужчина, в пальто, в лакированных ботинках, в отглаженных брюках, совсем не то, что она хотела видеть. Но до шести вечера у нее не было права голоса.

Григорий открыл дверь машины, подождал, когда девушка, совершенно не привыкшая к машинам, усядется и сел за руль.

– Вам стоит пристегнуться. Мы поедem недалеко, но все же... К половине седьмого я должен вернуться в офис.

– Без проблем – Виктория начала пристегиваться и без проблем превратилось в проблему.

Григорий усмехнулся, наклонившись к девушке, взял ремень безопасности и потащил к себе. Виктория вжалась в кресло. В нос ударил запах буржуазии и крема после бритья. Мужчина на секунду бросил взгляд на зажавшуюся девушку и улыбнулся.

– Вы очень нервничаете, – тихо сказал он, – расслабьтесь, я не кусаюсь.

Виктория смотрела, как его зеленые глаза внимательно изучают ее, все также нависая над ней, хотя ремень безопасности уже давно был пристегнут и уже можно было бы и отодвинуться.

– У Вас безумно красивый цвет глаз, – еще тише сказал Григорий, медленно наклоняясь к ее губам.

– Ой, телефон звонит. Простите. – Вика замахала руками, едва не попав по лицу мужчине.

Девушка прижала к уху телефон и начал говорить с пустотой. Она прекрасно понимала, как нелепо, возможно, даже глупо, выглядит, но целоваться со своим новоиспеченным боссом ей совсем не хотелось. К тому же, если раньше он ей не нравился, то в тот момент у нее вообще к нему было отвращение. Чем ближе к ней он пододвигался, тем больше слез в ее глазах появлялось. Если бы он все-таки изловчился и поцеловал ее, то Вика не смогла бы сдержать истерику.

Всю недолгую дорогу, пока они ехали, Виктория вела беседу с невидимкой, лишь бы Григорий только не разговаривал с ней. Краем глаза, она следила за ним, за его реакцией и молилась лишь об одном, чтобы никто не позвонил ей на самом деле.

Едва машина остановилась, Виктория попрощалась с выключенным телефоном и выскочила из машины, словно ошпаренная. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы этот ужасный ужин закончился поскорее. Она жалела, что она – не демон и не может управлять и искажать время. К тому же вечно таскающийся за своим сыном призрак женщины, начал порядком надоедать девушке. Но ее радовало то, что призрак не хочет, чтобы Григорий просто прикасался к ней.

Они сидели друг напротив друга и ждали, когда принесут выбранные блюда. И если Григорий всю плешь проел Вике своим псевдо нытьем о том, что он хочет есть, то Вика есть совсем не хотела. У нее стоял комок в горле.

– Виктория, я пригласил Вас сюда, чтобы немного отдохнуть от работы и пообщаться о чем-нибудь отвлеченном... и никакой субординации. Согласны?

Девушка кивнула и приподняла уголок губ, печально посмотрев на собеседника.

– Вы сегодня весь день не своя. Что с Вами?

– О чем Вы говорите?

– О том, что у Вас во взгляде прострация. От чего?

– Не знаю. Сегодня пятница, конец рабочей недели. Я, наверное, действительно, устала. А Вы совсем не утомились за неделю?

– Я живу в ритме нон-стоп уже не первый день и даже не первый год. А знаете, человеческий организм – это машина, компьютер. И он будет работать так, как запрограммируешь. Эта неделя не сильно отличалась от предыдущих. Разрешите.

Мужчина пересел на боковой стул, ближе к Виктории. Она лишь молча думала, почему «разрешите» Григория звучало не как вопрос, а как императивное утверждение. Вика снова начала нервничать, стараясь не подавать виду. Григорий взял ее за руку и начал внимательно разглядывать ее пальцы.

– Ваши руки создают удивительные шедевры...

– Не совсем это шедевры.

– Вы совсем себя не цените. Кто внушил Вам такую низкую самооценку?

У девушки начала кружиться голова и она знала, что это означало. Пока босс говорил, Вика смотрела сквозь легкий туман, как он хоронит свою мать. Он совсем один на кладбище. Ни родных. Ни друзей. Никого. На улице тепло. Светло. Светит солнце. Двое рабочих засыпают гроб землей. Очень быстро. Григорий хмурый. В глазах слезы. В голове лишь одна мысль: «она даже не пришла». Он смотрит в яму и ни о чем не хочет думать. Виктории так жалко его! Она чувствовала всю его душевную боль и как сильно и глубоко он переживал потерю. На мгновение к ней пришло ощущение, что жизнь выпала. Как жить дальше? Чувство вины. Глубочайшей вины. Но даже деньги бессильны вернуть жизнь, если она, действительно, собралась

уйти. А в груди все щемит и болит. И вот последняя лопата земли выброшена сверху на холм. Тут приходит осознание, что это – все. Больше ничего нельзя вернуть назад. Все кончено.

Виктория вернулась в реальность, как только Григорий убрал свои руки от ее.

– Господи... – прошептала она, смахивая слезу со щеки, пытаясь забыть увиденное.

– Виктория? Вы плачете? – Григорий наклонился к ней и снова прикоснулся к ее руке. – Я обидел Вас?

Девушка мотала головой и просила Бога больше не показывать ей ничего из прошлой жизни и умерших людей. Ей не хотелось знать, какую боль они пережили, не хотелось чувствовать ее вместе с ними снова и снова. Ей надоели духи, которые бесконечно к ней приходили и показывали свои переживания. Она не хотела их видеть. Ее душили слезы не потому, что она увидела Григория на кладбище, а потому, что ей надоело это видеть в целом. Девушка уже не задавалась вопросом, почему она это видит. Ее мучал другой вопрос: «Что сделать, чтобы не видеть?»

– Вика, поговорите со мной. Что происходит?

– Мне что-то в глаз попало... сильно больно... очень.

– Дайте я посмотрю! – мужчина недолго думая схватил девушку и принялся рассматривать ее глаза, тщательно выискивая соринку. Он вытер ее слезы, погладил по щеке и так по доброму посмотрел на нее, что Виктории на мгновение стало легче.

– Так лучше?

Вика кивнула головой, неотрывно смотря ему в глаза.

– Я рад. – Он улыбнулся и отпустил девушку. – Виктория, расскажите мне о себе.

– Что именно?

– Что Вам нравится, что не нравится, чтобы Вы хотели от жизни, о семье... все. Меня интересует о Вас все.

– Вы первый.

– Что это значит?

– Это значит, что Вы отвечаете на эти вопросы первым.

– Вам интересно или Вы хотите отвертеться? – усмехнулся Григорий, пригубив кислый морс.

– Мне интересно. Правда. – Вика улыбнулась.

– Хорошо. Дам Вам фору подумать. Я родился в 1979 году 8 августа. Семья у меня неполная... была. Отец бросил семью, когда нам было два года.

– Нам?

– У меня есть... была сестра – Полина. Мы поругались и я решил, что для меня этого человека больше не существует. Так что уже десять лет мы не общаемся. Я закончил школу, закончил экономический факультет МГУ с отличием. В двадцать три года пришел к нам в компанию финансистом. В течение десяти лет делал карьеру и вот в итоге, я – генеральный директор. Вот вкратце моя история.

– А мама?

– Мама умерла десять лет назад.

– Простите.

– Ничего, это было давно. Я храню о ней хорошие воспоминания. Как раз, когда сестра с ней поругалась, у мамы оторвался тромб и сами понимаете, чем это закончилось. Полина до сих пор считает, что была права. Она даже не посчитала нужным прийти на похороны. Простите, что все это говорю, это утомительно.

– Нет. У нас же разговор по душам, помните? – Девушка улыбнулась.

– Да, Вы правы! Ваша история?

– Моя? Да у меня то же самое, практически. Отец бросил нас. Правда, мы с ним общаемся изредка и по его желанию. Мама жива и здорова, к счастью. Мы с ней постоянно ругаемся.

Она невозможная. – Виктория покачала головой. – Правда, невозможная. Иногда, я понимаю, почему отец ушел. Он просто не мог с ней жить. Смириться с ее сумасшедшим нравом – невозможно. Он ушел.

– И Вы ушли? – Григорий со всей серьезностью посмотрел ей в глаза.

– Да. Я тоже ушла...

– Вы бросили ее?

– Нет! Ни в коем случае! Я ушла от нее, потому что я не могу с ней находиться на одной территории. Очень тяжело. Вам этого не понять. Ваша мама все время Вас по голове гладила и пылинки сдувала, а моя все время искала во мне изъяны.

– С чего Вы взяли, что моя мама была именно такая? – Григорий загадочно улыбнулся и прищурился. Только в тот момент Виктория поняла, что сболтнула лишнего. Внезапно ей стало не по себе волнительно.

– Я... мне... Просто так показалось.

– Вы совершенно правы! Моя мама всю жизнь нянчилась со мной. Знаете, как сильно меня это бесило? Но она была моей мамой и я не мог позволить себе грубить и обижать ее.

Виктория не смогла сдержать улыбку, понимая, что Григорий за стенами офиса не такой дотошный человек, коим казался раньше, с ним приятно и интересно разговаривать.

– А что Вы имеете в виду под изъянами? – спросил он ее.

– Ну... долгая история. Нудная и неинтересная. Знаете, проблемы отцов и детей, которые годам никто не может разрешить.

– Мама давила, Вы сопротивлялись?

– Что-то типа того. Перетягивание каната.

– Где Вы живете, Виктория? Куда Вы ушли от мамы?

– Я живу со своим мужчиной, – облегченно выпалила девушка, в душе радуясь, что ее ответ остановит поплзновения в ее сторону.

Григорий и впрямь не сразу нашелся, что ответить. Услышав о мужчине, он незаметно ухмыльнулся, слегка печально, опустил взгляд на свои тарелки. Внезапно Виктория поняла, что проблема молчания не в том, что Григорию нечего сказать, а в том, что он выбирает, что именно сказать.

– Вы справляетесь? Я имею в виду... Вы работаете недавно...

Вика, нахмурившись слушала своего босса, не понимая, что с ним происходит: всегда уверенный в себе, красивый и почтительно говорящий мужчина, внезапно стал похож на смущенного выпускника школы.

– Что с Вами? – девушка не выдержала.

– Простите... Внезапная головная боль. О, господи, я должен ехать... У меня запланирована встреча. Виктория, я должен ехать. Позвольте мне подвезти Вас?

– Спасибо, но мне на метро быстрее будет и к тому же, я совсем не хочу Вас задерживать. Поезжайте, Григорий и не беспокойтесь, хорошо? Вы не должны опаздывать.

– Виктория, – мужчина встал, – я безумно рад, что Вы разделили со мной ужин. Надеюсь, это был не последний раз.

– Как скажите! Мне, правда, было интересно сегодня с Вами.

– Только сегодня? – он подмигнул девушке.

– Вы отвлекли меня от работы и да, мне было интересно.

Григорий подошел к ней и доброта, и теплота струилась от него, от которых девушке снова стало не по себе.

– До понедельника, Вика. Счет я оплатил.

Босс пошел к выходу, накидывая пальто около дверей. Виктория смотрела ему вслед загадочно прищурившись. Но не успела она полностью впасть в свои пост-обеденные думы, как вспомнила, что ей надо бежать к Харону.

Девушка мчалась с улыбкой на губах на Кузнецкий мост, предвкушая встречу.

Вика вышла из вагона метро и тут же, обтекаемая безумной толпой, направилась к центру зала, бредя скорее увидеть демона, Виктория совсем расплылась в улыбке. Но ее никто не ждал.

Виктория судорожно оглядывалась: никого. С одной стороны толкнули, с другой – обозвали. Шаг вправо – на кого-то наступила, шаг влево – кто-то сильно задел огромной сумкой. А потом нежные, теплые руки опустились на глаза, а сзади появилось непреступное чувство защищенности. Больше никто не пихает, никто не наступает, все – уют и покой. Вокруг словно стеклянный цилиндр, который сродни инкубатору, стабильно защищал от воздействия внешних факторов и окружающей среды. Что-то неестественное и пугающее, но такое близкое и романтическое.

– Любовь моя... – тихо сказала Вика, прикасаясь к его рукам.

Его тепло и прикосновения она узнала бы из миллиарда.

– Я хотел сделать сюрприз – ответил он, обнимая ее одной рукой, другой все еще закрывая глаз. – А ты такая проницательная. Ну хоть бы притворилась, что ты понятия не имеешь, кто сзади.

– Но я же прекрасно знаю, что это ты и никто другой. Я не хочу никого другого на моем месте.

Пока Харон скрывал рукой от девушки происходящее вокруг, он прекрасно чувствовал, как ее мысли бегут по его нервным импульсам, как въедаются ему в голову и как радость и самодовольство просыпается от содержимого мыслей. Он уже почти привык к чувствам девушки, к тому, что для нее он был кем-то вроде бога. И с каждой секундой ему все больше и больше это нравилось.

Он развернул девушку к себе и поцеловал губы, безмолвно шепчущие о любви. И вкус поцелуев с этой женщиной ему тоже нравился все сильнее и пленительнее.

– На нас смотрят люди. – Виктория слегка отстранилась от настойчивого мужчины. – Это не хорошо. Ты же знаешь.

– Знаю. Но ничего не могу подделать с собой. Я слышу, о чем ты думаешь. Я вижу, чего хотят твои тело и губы. Неужели, ты думаешь, что они беспокоятся о людях? Вот это место, голова твоя, беспокоится о людях, а они... губы... пальчики... руки, то тепло между твоих ножек... ничто из этого не знает, что такое люди. Им плевать на это и я согласен с ними...

Демон с новыми силами приступил к поцелуям с дикой страстью, к объятиям, из-за которых земля и небо мешаются под ногами в однородную кашу неприятной консистенции; Виктория уже стояла у столба. Потихоньку теряя рассудок и мораль.

– Харон, – шикнула она, уже сражаясь не только с ним, но и с собой и своими желаниями.

– Я понял. Понял тебя. В начале тебе мешала романтика, теперь люди. Вам всегда что-то или кто-то мешает? Я понял, что когда закончатся «люди», начнется что-то другое, да, детка?

Харон смотрел тяжелым взглядом на свою спутницу, абсолютно не понимая, почему люди так по-дурацки устроены, что если им ничто и никто не мешает делать то, что они хотят, то они мгновенно сами себе придумывают какие-то сдерживающие факторы. Так веселее? Интереснее?

– Нет, проблема не в этом...

– В этом и только в этом. – Отрезал демон. – Я не прикасаюсь к тебе больше, когда мы вне дома, так? Я правильно тебя понимаю?

– Нет, – встревоженно покачала головой Виктория, хватая его за руку.

Демон улыбнулся, не скрывая легкой издевки в глазах.

– Нет-нет-нет, – девушка держала его руку у своей щеки, – ты не можешь лишить меня своих объятий и прикосновений.

– Подожди, ты сама себя их лишаешь, говоря мне о людях, которым наплевать на наши поцелуи. Они проходят мимо, смотря на нас как на атрибут станции, кусок экспозиции.

Неужели, ты думаешь, что эти люди беспокоятся о тебе? Или... думают? Ты что! Не лишай себя ничего... я говорю тебе не только о руках.

Харон аккуратно, чтобы не привлекать к себе внимание, снова поцеловал девушку. На этот раз поцелуй был беглым, почти полностью лишенным страсти, блеклый и обыденный.

Она шла за ним, держа его за руку, пробиваясь сквозь толпу, направляясь к выходу.

И вот они снова на эскалаторе. Как же сильно ей нравились эти моменты идиллии, когда она полностью может наслаждаться моментом.

– Почему мы на Кузнецком мосту? – спросил Харон, поглаживая нежное запястье девушки.

– Не знаю, почему именно Кузнецкий мост, вообще хотела сходить в книжный. Ты не против? – Виктория смотрела на него с таким воодушевлением, такими добрыми глазами и с надеждой в голосе, ждала, что он ответит.

– Ммм...огромная книга. Об искусстве. Конечно же, о чем еще она может быть.

– Ты увидел, да?

– Совершенно случайно.

– Ну так что скажешь?

– Разве я могу отказать тебе, детка?

Вика уже даже не пыталась не улыбаться. Мужчина, шедший рядом с ней, не оставлял ей выбора. Ей все нравилось в нем. Ни одного изъяна. Ни одного недочета. Все.

– Тот мужчина ведь так долго избавлялся от желания поцеловать твои прекрасные губы... Ты бы позволила ему это сделать?

– Нет.

– Почему?

– Я не люблю его.

– Для того, чтобы целоваться, нужно обязательно любить?

– Конечно! Как можно целовать нелюбимого человека? Я даже представить не могу, что чей-то рот притронется к моему! Фу. У меня есть ты для всех поцелуев.

– То есть, когда люди встречаются, они не целуются с другими людьми? – спросил Харон, наконец, понимая, почему Василиса бесконечно говорила о их совместных нехороших действиях.

Демон начал понимать, что люди предпочитают единство. По крайней мере, в начале и в реальности. Виктория остановилась, обернулась к задумчивому Харону и заглянула ему в глаза.

– Харон, в аду существует понятие «измены»?

– Нет.

– Нет?

– Нет. Что это значит для вас, людей? – он продолжил идти впереди, глубоко задумавшись над своими действиями.

– Если измена обнаружилась, это значит – все. Если она не раскрыта – ничего. Когда это «все» – как правило это разрыв. Болезненный для одной из половинок. Кто-то может простить. Точнее сказать, что простил, но содеянное любимым человеком остается на всю жизнь с этой парой.

– Ты бы простила? – лукаво спросил демон.

– Я бы убила. – С полной серьезностью в голосе ответила Виктория. – Убила бы ее. Тебя бы не смогла, но ее...

– Ты кровожадная! – Харон открыл дверь в книжный магазин.

– Благодарю. – Вика одарила могущественного демона соблазнительной улыбкой и проскочила в магазин под его рукой, держащей ей дверь.

– Измена – это всегда предательство. А предательство – низко, подло и опять больно. Все человеческие чувства слишком сплетены между собой, получается что без одного невозможно другое. Если ты не знаешь, что такое любовь, ты никогда не узнаешь, что такое измена.

Харон стоял позади девушки, пустыми глазами наблюдая, как она рассматривает однотипные книги по искусству, ища нужную. Он понимал, что слишком сильно ошибся в самом начале, когда его не человеческий разум выстраивал мнение о людях. Он совсем не учел то, что они чувствуют, что они вообще умеют это делать. И больше всего ему было непонятно, что теперь делать, как прикидываться, что он тоже чувствует что-то.

– Все, пойдем. – Печально, но бодро сообщила Вика, ставя книгу назад на полку.

– Ты не будешь ее брать? – Удивился демон, забирая назад книгу. – Ты о ней уже не первый месяц думаешь. В чем дело?

Виктория отвела взгляд. Это чувство было ему знакомо.

– Смущение? Да, точно, смущение. Почему, детка?

– Нет-нет, все нормально. Никакого смущения...

– И это ложь. – Демон уже не улыбался.

И Виктория знала, что это значит. В одну секунду она оказалась в его объятиях, а его рука аккуратно гладил ее голову. Со стороны выглядело так, словно парочка влюбленных друг в друга людей дарят немного ненавязчивой ласки. Но Вика прекрасно знала, что демон, как черная вдова, плетет нити-паутинки между своей рукой и разумом человека. Нити-паутинки через секунду мощнейшие провода, в которых чертовски нуждался Харон, когда переставал понимать речь девушки.

Вика же мысленно умоляла мужчину остановиться, не вторгаться в ее голову. Физически она никак не могла препятствовать – Харон слишком приятно лазил у нее в голове.

– Книга... Мечта, – зашептал демон, прикрыв глаза. – Цифра. Большая цифра. Снова цифра. Пятое ноября. Что будет пятого ноября? Вика? Давай, детка, думай об этом, я должен понять, что происходит... пятое ноября... Пятое. Вот оно что, зарплата. Пять тысяч девятьсот шестьдесят рублей... Цифры на книге. А, это стоимость.

Демон открыл глаза и все также строго изучал лицо девушки. Она была взволнованна. Взгляд опущен, детский румянец на щеках.

– Эта книга слишком дорогая и ты не готова сейчас потратить столько денег, но ты ждешь зарплату и тогда ты снова сюда придешь. Я правильно собрал твои несвязанные мысли? – спросил он, отдавая девушке книгу.

Она не могла смотреть ему в глаза. Ей было стыдно. Очень стыдно. Стыдно, что со своей довольно неплохой зарплатой, она все равно не могла вот так вот с легкостью отдать почти шесть тысяч рублей.

– Детка, я правильно тебя понял? – повторил свой вопрос демон, нежно прикасаясь к ее подбородку, пытаясь нащупать стыдливый взгляд.

Она молча кивнула, а на глазах блеснули слезы. Ей не хотелось, чтобы Харон снова видел ее рыдающей.

– Я смогу купить ее для тебя? – спросил он, не позволяя девушке отвернуться.

Ему было важно смотреть именно ей в глаза, чтобы понять как проявляются эмоции. Настоящие эмоции. Демон довольно быстро сообразил, что без чтения мыслей, можно просто посмотреть в глаза и мгновенно почерпнуть оттуда нужную информацию.

– Нет, Харон, это слишком дорого. Как и все, в общем, книги связанные с этим направлением искусства. Я получу зарплату и...

– Я неправильно выразился, – перебил ее мужчина, забирая назад увесистую книжечку, – я куплю ее. Возражений я не приму.

Он развернулся и пошел к кассам. Виктория с открытым ртом осталась стоять у полок, не очень понимая, как так все получилось.

– Я слышу, как ускоряется твой пульс, – тихо, едва слышно, сказал Харон с улыбкой на губах, когда Виктория подошла к нему в очередь.

– Харон...

– Я знаю, почему он ускоряется. Ты ждешь эту книгу! Ты радуешься. Эмоция радости и счастья. Я уже хорошо в тебе выучил ее, потому что она у тебя самая яркая, сильная и чистая.

– Спасибо! – Вика уткнулась ему в плечо, пряча наидовольнейшую мину.

– За что? Мы же только в очереди!

– За то, что произойдет в ближайшие две минуты.

Книга была куплена, Вика была счастлива. За этой книгой она ходила когда была студенткой, когда выпустилась и когда устроилась на работу. Ей безумно хотелось ее, но каждый раз что-то останавливало от покупки.

Они шли вниз по улице от метро Кузнецкий мост, Харон нес тяжеленную книгу, запакрованную на все случаи жизни. Виктория держала под руку мужчину и даже не пыталась скрыть своего счастья и улыбку чеширского кота. Ничего не предвещало беды, как внезапно все поплыло перед глазами. Вальс. Мерзкий тошнотворный вальс. Нет ранее статичных предметов. Дома потекли, словно сбежали с картин сюрреализма. Бетонные, кирпичные, железные предметы превратились в тягучую резинку, неизвестно кем растягивающуюся. В одночасье небо с землей поменялись местами. Вика перебирали ногами темнеющие кучевые облака, просыпающиеся вдалеке звезды. А земля сыпала катышками грязи сверху, асфальт швырялся ошметками назад в людей. Вверх ногами мчались машины, раздавая свой свет всем вокруг, ослепляя глаза. А сами глаза-то, что творили! Машины, словно выносливые, бессмертные бактерии, делились, как клетки. Вика видела, как мир прямо на ее глазах приобретал двойника и они оба были такие отвратительные! На них было чертовски больно смотреть! Невозможно. Своей диплоидной аномалией они сводили с ума девушку. В глазах нет фокуса. Они вовсе не ее. Все вверх дном!

Виктория не могла сделать ни шагу вперед. Она просто не понимала, что происходит, где асфальт, куда ступить. Она словно в космонавта превратилась, безуданно работающего на МКС, совсем забывшего, что такое гравитация и гравитационная постоянная Ньютона. Ни какой координатной. Отсутствует. Непонимание и нарастающий страх.

Девушка пыталась что-то сказать, просить помощи у стоящего в ступоре демона. А он лишь слышал слабовольное мычание одинокой коровы в поле, заполненном репейником.

Сердце. Быстрее и быстрее. Все страшнее и страшнее. Половина организма тяжелеет, словно отрывается и летит в бездну. Нет, не больно. Страшно. Тело покрывается слоем чего-то мягкого и противного, чего-то такого, что заставляет помнить об истинной принадлежности тела, но дает все меньше и меньше ощущать его.

Лицо. Это не лицо, скорее маска. Холодная, резиновая маска из собственной кожи... мышц. Противно. И снова страшно. Виктория опустила вниз и у Харона почти не было времени, чтобы успеть подхватить девушку, не дать ей упасть. Он держал ее, книгу и у самого творилось внутри все то же самое, что переживала Виктория.

– Что это, детка? – отходя в сторону от людей, на ходу Харон пытался выяснить, что происходит.

Девушка мямлила что-то невразумительное и непонятное в ответ. И тут в нос демона ударил запах болезни. Откуда? Откуда у молодой девчонки, до сего часа полностью здоровой, болезнь? И раз болезнь имеет запах, значит это не просто ОРВИ, а что-то серьезное...

– В груди щемит... Боль и страх. Что я должен делать? Вика! – Харон позвал девушку. – Не закрывай глаза, слышишь! Это слишком опасно! Не закрывай глаза!

Люди оборачивались, смотрели, любопытничали, кто-то осуждал, кто-то жалел, хотел помочь, но стеснялся, кто-то отводил глаза в сторону.

Харон упал на ближайшую лавку, поддерживая больную девушку. Книга упала рядом на грязный истоптанный асфальт. Виктория ни слова не могла выговорить, мужчина сидел рядом, не понимая, что происходит и каковы должны быть его действия. Но он прекрасно понимал, что то, что происходит с Викой не должно происходить с ней. Это не ее болезнь, не ее недуг.

Ее голова лежала у него на коленях. Глаза были закрыты. Бездвижные. Дыхание тихое. Внутренняя боль продолжала свое наступление. Он гладил ее по щеке, смотрел на лицо, на растрепавшиеся по его коленям рыжие волосы. Ее тихие, но тяжелые вздохи, стоны наркомана, переживающего ужасную ломку. Он не знал, что делать, что можно вызвать скорую, что нужно найти врача. Не знал. Просто сидел и старался успокоить девушку, пожалеть.

Так прошло чуть больше часа. А потом Виктория замолчала. Стоны прекратились. Попытки двигаться исчезли. Тишина. Мертвая. Что-то вздрогнуло внутри груди демона, скорее даже кольнуло. Неприятно и неожиданно. Именно то, что кольнуло в груди, заставило мужчину склониться над лицом девушки, дабы понять, есть ли у нее вообще дыхание, бьется ли сердце.

Не успел он наклониться к ней, как Вика открыла глаза. Широко-широко. Напуганный и нечего не понимающий взгляд. Все еще не движется. Демон смотрел ей в глаза, но казалось, что Виктория не видела его. Она просто смотрела в небо, покрытое черной вуалью.

– Эй, малыш? – тихо позвал Харон.

В ответ – тишина. Виктория не слышала его голоса. Она вообще ничего не слышала. Просто смотрела не моргая ввысь. Все та же тишина, более зловещая. Эти глаза, оливкового цвета пугали еще больше, чем когда они были закрыты. А потом она заговорила. Так же внезапно, как и оказалась до этого немой и обездвиженной.

– Ужас какой-то... – тихо прошептала она, поднимаясь с колен ничего не понимающего демона.

Он совсем смутился. Харон точно чувствовал зловещий запах неизлечимой болезни. Виктория пахла им, никто другой. Он слышал, как именно ее сердце сбилось с собственного ритма, то утихая, шепотом отсчитывая последние удары, то разгоняясь, с криком «я не сдамся». Он слышал, как учащенное дыхание становилось слабым и безнадежным. Но сейчас, рядом с ним сидела вполне себе здоровая девчонка, сильная и энергичная. Ее организму не угрожала никакая болезнь.

– Что происходит? Что со мной происходит, Харон? – спросила она мужчину, внимательно изучающего ее лицо.

– Не веришь, детка, я только что сам собирался тебя об этом спросить.

Девушка отвернулась и уставилась в лужу, на грязное отражение чистого вечернего неба. Она думала. Думала так громко, что ее на несколько минут услышал демон, от того и не мешал ей думать, в маленькой надежде, что Виктория хотя бы мысленно опишет, что за припадок с ней приключился. Может у нее все-таки имеется болезнь, о которой никто не знал... Но такого не может быть. Демон тут же переубеждал сам себя. Любую болезнь он мог выявить быстрее самого лучшего в мире доктора, работающего с самой лучшей аппаратурой.

– Как же мне все это надоело! – вскрикнула Вика, вставая с лавки. – Пойдем в паб?

– Несколько вопросов. – Харон встал, медленно, словно остерегаясь чего-то, и подошел к встревоженной девушке. – Что тебя достало? Какой паб? Ты считаешь, что с тобой все в порядке?

– Харон, – улыбнулась Вика, – я уверена, что это дело рук проклятых духов! Они периодически показывают мне свои переживания, заставляя меня переживать их вместе с ними... Господи, я говорю тебе об этом... Теперь ты будешь считать меня сумасшедшей. Ну а что делать-то? Рано или поздно, тебе все равно пришлось бы узнать об этом.

Викторию понесло. Она не хотела говорить демону о своих все еще длящихся видениях, но язык совсем не слушался ее. Он хотел говорить обо всем. Он устал молчать и скрывать! Ему хотелось кричать обо всех ужасах, которые происходили с организмом.

– Это ничего страшного. Видишь, я вполне бодр и не чувствую себя плохо. Просто очередной дух... Проблема в том, что они достали меня. Ужасно достали! Может, ты знаешь какое лекарство от них? Как сделать так, чтобы они не ходили ко мне? У меня уже сил нет смотреть на эти пустые глаза и рты с шевелящимися губами. Мне надоело переживать все их больные эмоции, плакать вместе с ними, отделяться от чувства потери, смотреть их воспоминания о жизни, о которой мне ничего не известно! Мне не интересно! Я не хочу!

Девушка снова опустилась на скамейку и зарыдала, закрывая лицо руками. Демон молчал, с притворной грустью, рассматривая впереди стоящее здание.

– А паб? – продолжила Виктория, всхлипывая, – паб недалеко отсюда. Мне это поможет отвлечься и забыться. Просто хочу выпить! Ты пьешь? А на счет в порядке ли я – не уверена. Именно поэтому и надо в паб!

– Пью ли я? – отвлекся Харон, взглянув на небо. – Что я должен пить? Кофе? Я люблю кофе.

– Нет, милый мой, – Виктория вскочила с лавки, – алкоголь!

– Алкоголь? – переспросил мужчина, разглядывая загадочное выражение лица девушки. – Хорошо. Пойдем в паб. Что такое паб?

– Место, которое ничем не отличается от кафе. Ты что, серьезно, никогда не бывал в пабах?

– Может и бывал. Просто я не всегда обращаю внимания на названия.

– Так, хорошо. Что насчет баров? Клубов?

– В баре был.

– Отлично. Значит паб не будет совсем новинку для тебя. Пошли! – Виктория взяла его за руку и пошла вперед.

Харон шел за ней. Он все еще оставался в легком недоразумении. Иногда такое случается с демонами, которые умудрились связаться с ведьмами. Девушка, уверенно и бодро шагающая впереди него, тащащая его за руку с силой, десять минут назад лежала на лавке и Харон мог поспорить с кем угодно, что слышал, как ее сердце остановилось. Теперь она мчит вперед как паровоз с неимоверной тягой. Словно никакого приступа болезни и не было и демону вообще все показалось.

Приглушенный свет, куча народу, ненавязчивая музыка. Они едва нашли свободный стол. По счастливому случаю бронь отменили в ту самую секунду, когда Харон спрашивал о наличии свободных мест.

Мужчина оглядывался и да, он определенно бывал в подобных местах. Какая к черту разница, как они называются паб или бар, если там делают одно и то же, особенно по пятницам и выходным.

Харон заметил, что в Москве народ вообще любил расслабиться по пятничным вечерам. Он добрел, становился улыбчивее, приветливее до поры до времени. По ночам случались драки, какие-то из них демон наблюдал, развлекая себя, какие-то были скучные.

Несмотря на традиционную оживленность по всей Москве, Харону нравилось находиться в общественных местах. Его всегда интересовала публичность. И он был рад, что Вика изменила своим правилам и принципам проводить уютную пятницу дома, утверждая, что ни в ком не нуждается.

– Что ты решил? – спросила Вика.

– Я не знаю. Тут столько всяких интересных названий, которые мне хочется попробовать. Вот это, например, «Кровавая Мэри». Почему она кровавая? Почему Мэри? Кто это такая?

– Вы готовы сделать заказ? – у столика появилась официантка с потрепанным блокнотом и усталостью на лице.

– Кровавая Мэри, – Виктория улыбнулась демону, – пина колада, жаренный картофель и куриный шашлык. Ты же вроде не голодный?

Харон отрицательно покачал головой. Есть ему, действительно, не хотелось, так как он неплохо пообедал с Василисой. Демон, который видел, что Виктория тоже неплохо пообедала со своим начальником, искренне недоумевал ее аппетиту, особенно потому, что девушка раньше не отличалась особой прожорливостью.

– Кровавая Мэри, – официантка появилась снова уже с небольшим подносом. – Пина колада. Горячее будет чуть позже, хорошо?

– Да, благодарю, Анна. – Харон смотрел неотрывно на красноватый напиток перед своим носом, а сквозь него на искаженное лицо Виктории.

Девушка жадно вцепилась в трубочку, глотая холодный напиток, насыщенный кокосовым вкусом. Но глаза смотрели на официантку: с лисьем прищуром, Вика искала бейдж по всему ее телу, которого нигде не было. Она перевела взгляд на Харона. Мужчина приподнял уголок губ и ответил Виктории приветливым взглядом. И тут он услышал внутри себя то чувство, которое испытывают люди к своим половинкам.

– Почему? – спросил он, вертя в руках рюмку.

– Пей. – Приказной тон девушки немного удивил демона, но он решил пока не вступать в эту игру.

Харон помрачнел и Вика немного забеспокоилась из-за этого. Настроение резко менялось на мрак и причиной того были какие-то внешние факторы. Но в тот момент, Вика явно понимала, что сама является причиной перемены настроения любимого мужчины.

Харон поднял рюмку и залпом бахнул ее, даже не поморщившись все проглотил. Он не отводил хмурого взгляда от девчонки.

– Почему? – повторил он свой вопрос.

– Я не понимаю, о чем ты? – Виктория опустила глаза и дотронулась до его руки. – Ты все время так загадочно что-то спрашиваешь...

– Почему ты ревнуешь?

– Я не ревную.

– И теперь ты мне лжешь. – Усмехнулся Харон и тут же, совершенно неожиданно схватил за руку мимо проходящую девушку. – Анна, могу я попросить Вас принести еще две Кровавые Мери?

Он держал ее за руку, испепелял своими прекрасными глазами, но тяжелым взглядом. Официантка, с открытым ртом, неотрывно смотрела в глаза гипнотизеру. Другой рукой она ковырялась в кармане фартука, ища блокнот с ручкой.

– Хорошо... Еще что-нибудь? – едва слышно из-за музыки спросила она.

– Пока все. – Демон прожигал ее взглядом, слушая мысли, которые мгновенно разделились на «за» и «против» происходящего.

Мужчина отпустил руку и с интересом изучал Викторию. Она закипала и это было видно невооруженным взглядом.

– И сейчас ты не ревнуешь? – ехидно спросил он. – Давай, детка, солги мне снова и я продемонстрирую твою ложь тебе же.

Вика отвернулась в сторону. Чертова официантка. Она раздражала девушку своим присутствием и неспособностью контролировать свои эмоции. Анна вернулась через пять минут с двумя коктейлями. Она непроизвольно бросила улыбчивый взгляд мужчине. Тот взгляд был секундный, возможно, даже притянутый за уши к улыбчивому, но он был и Вика ясно видела это.

Анна поставила коктейли около демона, забрала пустой стакан у Виктории и пошла за второй пина коладай.

– Чтоб ты ослепла! – гневно прошептала Вика вслед уходящей девушке.

Демон прищурился, услышав страшное пожелание, а через несколько минут, раздался пронзительный визг. Из кухни выбежала та самая официантка Анна, держась руками за свое

лицо и истошно вопя. Все люди в баре уставились на нее с шокированными лицами, не понимая, что происходит. Девушка же кричала, а вокруг нее бегал поваренок, извиняясь и оправдываясь тем, что не видел, как та подходила к нему. Сковородка с кипящим маслом припала Анне прямо на лицо...

– Мои глаза! – рыдала несчастная.

Тут сердце Виктории сжалось в кулак, от понимания всего ужаса происходящего. Харон был серьезен и внимательно изучал Викторию и ее реакцию. От ее ненависти и следа не осталось. Но появилась жалость и ненависть к самой себе. Презрение.

– Этого не может быть... – сквозь оглушительные вопли Анны, Харон услышал тихий шепот Вики.

Мужчина молчал. Ему нечего было сказать. Он знал одну тайну, о которой было велено молчать. И к тому же, он только что видел собственными глазами работу ведьмы.

– Харон, скажи, пожалуйста, что это все неправда, – Вика снова всхлипнула, вытирая тыльной стороной ладони слезы.

– Что именно? – скосить под дурочка – вот, что оставалось демону.

– Это же не я? Не мои слова? – Вика искала поддержку.

– О чем ты говоришь, малыш?

– О том, что я ей сказала... а теперь она ждет скорую с ожогами по всему лицу...

– А, – Харон бросил взгляд на барную стойку, где только что была Анна и ее коллеги. – Нет, не думаю. Это совпадение. Просто совпадение. Но впредь тебе следует быть поаккуратнее с такого рода пожеланиями.

Виктория уставилась на демона глазами полными слез. Ей было чертовски плохо и стыдно. Чувство вины уже точило зубы о ее и так истерзанную плоть.

– Людям вообще стоит научиться думать о своих желаниях. Вы никак не хотите понять, что некоторые из них сбываются. Бойтесь своих желаний.

Мужчина загадочно улыбнулся, бросив исподлобья злобный взгляд на девушку. Где-то в глубине тела, души она понимала, о чем говорит Харон, но ни разум, ни сердце не собирались принимать тяжелую истину, в которую и верить-то не хочется.

– Зачем ты это сказала? – Харон опустил пустой третий стакан.

– Я не знаю. – Вика склонила голову и закрыла руками лицо. – То, как она смотрела на тебя... Как ты держал ее за руку. Как произносил ее чертово имя... Да, Харон, это определенно называется ревность и я ревную тебя! В этом нет ничего удивительного! Я люблю тебя и ревную. Я хотела пожелать ей смерти, но что-то остановило меня.

– Забавно. – Демон прищурил глаза. – Когда ты злишься, я начинаю чуть-чуть слышать твои мысли. Мысли, истошно кричащие о смерти, требующие материализации, я слышал. Но честно, я надеялся, что это не твои мысли. До сегодняшнего момента я знал тебя как самого доброго и отзывчивого человека, которого я когда-либо встречал. Что с тобой, детка? Как связаны «я люблю тебя» и безумная, слепая ревность? Ответь мне!

Виктория нервничала, опустошая свой стакан. Ее руки постоянно что-то тормозили, глаза искали. Она не могла просто сидеть на месте. Мондраж, охвативший тело смущал ее, лишая смелости.

– Я слушаю. – Харон напомнил о себе и своем вопросе.

– Сегодня так шумно... пятница. Я даже не слышу собственных мыслей...

– Вика! – перебил ее демон. – Я помогу тебе.

С подонской улыбкой, он встал со своего места и, сделав пару шагов, оказался около девушки. Он уселся рядом с ней на кожаный диван, крепко обняв взволнованную даму.

Его пальцы копошились в волосах, резко замерли и словно клешни, начали погружаться в затылочную область. Виктория пыталась запрокинуть голову, чтобы прижать мужскую руку. Второй рукой мужчина пододвинул слабо сопротивляющуюся девушку к себе и поцеловал.

Он уже давно приметил, что во время сладострастного поцелуя сила сопротивления и блокада мыслей значительно слабели и выудить то, о чем думала Вика, не составляло особого труда.

Демон продолжал свой умопомрачительный поцелуй, лишая девушку воздуха и разума. Вокруг все становилось темнее и интимнее, свет затухал, лаская своими ненавязчивыми лучами пылающую страстью парочку.

Кругом никого нет. Романтичная музыка. Святящийся шар под потолком. Поцелуй, длиною в вечность. А как же важен этот поцелуй для Вики, как трепетало ее сердце под натиском теплых и сладких губ. Как важны были ей объятия этого мужчины, такие сильные, страстные и теплые.

– Я все еще слушаю, – лишь на секунду инкуб оторвался от губ Виктории.

Та мимолетная секунда нужна была для нее, чтобы схватить воздуха и вернуться в океан страсти, полностью отдаваясь ему.

– Ты сама скажешь или мне сказать? – прошептал свой вопрос Харон, еще нежнее и крепче сжимая обмякшую девушку.

Она уже давно забыла об официантке, о своих словах и ужасном совпадении. Забыла о своей ревности, потому что на тот момент Харон принадлежала лишь только ей. И она это чувствовала и с радостью принимала.

– Я понял, детка, – его горячие губы опустились на шею, чуть ниже мочки уха. – Я сам... скажу.

Виктория запрокинула голову и провалилась в иллюзорное наслаждение. Руки Харона все так же обнимали ее податливое тело, вступая в роль проводника для дерзких мыслей человека.

– Эгоистка, – мужчина зашептал, с улыбкой на лице. – Эгоизм. Это слово вертится у тебя на языке. Я твоя собственность, да? Вот как ты воспринимаешь... Собственность.

– Нет-нет.

– Ох, я слышу совсем другие вещи, – демон остановил свои умопомрачительные поцелуи. – Ты даже забыла о существовании людей и о том, что они на нас смотрят.

Виктория открыла глаза. И вправду, пятничная толпа никуда не делась, народ все по-прежнему пил и не стесняясь, пялился на страсть инкуба. Девушка поправила волосы, кофту и отвернулась от строптивых глаз.

– Не собственность. – Заключила она.

– Все, что мне надо, я услышал. Ты считаешь, что я принадлежу только тебе, потому что ты меня любишь. Интересная логика. Хочешь я поделюсь своими мыслями?

Вика молча кивнула головой, пряча под волосами красный цвет стыда на щеках. Она все еще неловко чувствовала себя из-за того, что совсем забылась, позволив мужчине чуть ли не возлечь с ней посреди бара.

– Почти два месяца я нахожусь на земле среди людей. Я непросто сижу дома и жду твоего возвращения, как верный пес. Я работаю над пониманием психологией человеческих отношений. Я прочел ни один десяток женских и мужских мыслей и пришел к выводу, что огромное количество женщин уравнивают собственность и возлюбленного. То же самое делаешь ты. Почему-то здесь, в этом вопросе, люди напрочь лишают друг друга души, внедряя материалистические ценности. Тут даже не в доверии вопрос. Ты можешь верить, но «мое» – оно никуда не девается. Ты эгоистка. Ты хочешь быть единственной в мире женщиной, на которую я посмотрю и к которой притронусь.

– Это чувство, которое я не могу контролировать. Возможно, ты прав. Я, действительно, хочу быть единственной в твоей жизни. Разум понимает, что это невозможно. Он помнит, чем мне пришлось пожертвовать ради того, чтобы быть сейчас с тобой. Но сердце, Харон, сердце человека устроено намного сложнее, чем просто четырех камерный кусок мяса. Сердце никогда не согласится с разумом. У них даже разные виды мышления, настолько разные, что

разум никогда не придет к таким выводам, к которым приходит сердце. Общась так плотно с людьми... со мной, тебе придется учитывать этот факт. Ибо когда ты подслушиваешь мою внутреннюю борьбу и диалоги, ты должен быть готов, что услышишь исповедь сердца, не разума. Какое место в аду занимает ревность?

Мужчина взглянул на девушку с неким недоумением.

– Ревность? В аду? Я бы не сказал, что мы очень ревнивые. Никаких проблем с ревностью у нас нет. Население четко знает, где чья собственность и никто не претендует на чужое. Это бесполезно. Все, что попало в руки демону, остается там до тех пор, пока сам демон этого желает. Когда это становится ему не нужно, он избавляется от этого. Другие ненужную вещь не подбирают. Ниже их достоинства.

– То есть у вас действительно понятия измены не существует?

– Ох, до чего же ты забавная! – Харон усмехнулся. – Виктория, ты не сможешь заставить меня чувствовать ревность, ты не сможешь мне изменить. Я не знаю, что это такое.

– Что ж, это печально. Но я все равно попробую доказать тебе, что человеческие чувства уникальны и научись ты их испытывать, твоя жизнь никогда не будет прежней.

Харон молча разглядывал оливковые глаза напротив, возрождающийся в них огонь, пламя которого подавало надежды устроить пожар вселенского масштаба. Эти глаза с бешеной легкостью едва не проклинали малейшее препятствие. Эти глаза полны самоотдачи и любви и в то же время, их эгоизму нет предела.

Волнистые рыжие волосы, ровно подстриженные по нижнему углу лопаток, словно меняли свой цвет. Краснели, набирались зловещего окраса, пропуская его сквозь себя, покрываясь невероятным блеском, свечением пламени. Аккуратно рассыпанные веснушки, лицо из-за которых казалось утонченным и изящным, стервозным, забавляли демона.

Да, черт возьми, лицо девушки нельзя было назвать добрым. Ранее милый рыжий цвет, спровоцировавший Люцифера на пару капель сентиментальности, в тот момент выступал в роли индикатора опасности, как яркие пятна у каракурта. Вот момент Харон ясно увидел, что разум, как всегда еще не в курсе, а вот сердце, похоже догадывается о присутствии неоднородной, мощной силы внутри тела, потенциалы которой все еще пока не раскрыты и никем не опознаны.

– Ты очень красивая... – демон был серьезен.

Ему не хотелось очаровывать Викторию. Он прекрасно знал, что она и так очарована им. Он просто захотел сказать ей это. Захотел сам услышать, как изменилось его мнение. Тогда, в начале лета, она была миловидной дурочкой.

– Я? – усмехнулась Вика.

Ее щеки снова вспыхнули, глаза заблестели. Как же ей хотелось спрятаться в какой-нибудь панцирь и вести оттуда диалог.

– Удивительно, – прошептал мужчина, прикасаясь к вспыхнувшей щеке. – Я видел твое тело без дурацких ниток. Я был внутри тебя во всех смыслах. Я целовал тебя везде, каждый миллиметр твоего тела... А ты все еще краснеешь.

После сказанного, Вика покраснела еще больше, чувствуя, как воспоминания поползли в голову.

– Ты никогда не говорил, что я красивая...

– Ммм, вот оно в чем дело. – Демон улыбнулся. – Я исправлюсь.

Виктория всполошилась и полезла в сумку. Ее мобильный разрывался от звонка. Девушке даже не надо было смотреть на дисплей. Она просто знала, кто ей звонит.

– Да, мам. – С улыбкой ответила она.

– Я в больнице. У бабушки инсульт.

12 ноября 2013 (Вторник)

Утро. Прозвенел будильник. Викторией нужно было вставать на работу. Она лежала в обнимку с Хароном, радуясь каждому вздоху. И ей совсем не хотелось вылезать из теплой кровати, не хотелось, чтобы его руки отпускали ее.

– Уже уходишь? – сквозь сон спросил демон, стискивая Вику и подтаскивая к себе.

– Надо.

– Зачем? У меня есть все, что тебе надо. Брось эту работу.

Виктория улыбнулась. Предложение Харона было очень заманчивым.

– Я люблю свою работу. И к тому же, через какое-то время ты исчезнешь, а у меня ничего нет: ни работы, ни денег. Не очень хорошая перспектива. Но мне так не охота уходить от твоих нежных рук... Взяла бы с собой

– Без проблем!

Харон скинул с себя одеяло, вскочил с кровати и подошел к девушке близко-близко. На его лице сияла безумная улыбка, разрезающая тихий шепот.

– До вечера, детка!

Дальше пустота. Снова черные и серые коридоры. Полное непонимание, что происходит. Снова страх, но уже не такой сильный, потому что Вика уже знала, что примерно происходит и где она находится. Конечно, присутствовать между мирами ей совсем не нравилось, но что она могла сделать?

– Харон! – позвала она.

Звучание ее голоса удивило ее еще больше, чем вся ситуация в целом. Ей словно мыльных пузырей в рот напускали и звук был соответствующий. Естественно, демон не слышал ее.

Темнота подступала все ближе, девушка находилась в смятении, постоянно булькая имя демона.

Конечно, Харон не мог услышать ее. Он улыбался Григорию, сидя в своем кабинете. Он был хорошо знаком с Абраэлем, от которого видел много тонкостей по соращению мужчин. Совершенно не сложно. Уже будучи в теле Викторией, Харон на секунду усомнился. А правильно ли разделены обязанности между демонами сладострастия. Флиртуя и заигрывая с мужчиной, Харон вообще не видел ни какой проблемы в его соблазне, отчего пришел к выводу, что суккубам значительно повезло в жизни. Чтобы соблазнить женщину инкубам приходится стараться лучше. Но что Харон мог знать о несправедливости? Ничего. Люцифер не может быть не справедлив, если он так распорядился, значит так надо.

Харон беспрекословно принимал волю повелителя. Он – инкуб и только рад этому. Но повеселиться с человеком – такую возможность он не мог упустить.

Григорий, как не пытал девушку, так и не смог понять, что с ней происходит. Вместо скромной, зажатой девчушки с румянцем на щеках, перед ним сидела по меньшей мере королева. Властная, знающая себе цену, самовлюбленная. Нельзя было сказать, что Григорию были не по нраву перемены в подчиненной, но он уже успел привыкнуть к застенчивой Вике.

Сама же Виктория блуждала среди теней, продолжая настойчиво звать демона, подсознательно требуя, чтобы он вернул ей тело. Харон все также не слышал ее. Он не хотел ее слышать. Ему было весело и, как и все демоны, он любил пакости и проказы.

Вика замерзала. Все ее тело было покрыто мурашками. В том срединном мире стоял черный туман. Он опускался на кожу, пощипывая ее, укутывая глаза. Сырость. Промозглость. Зябкость.

Девушка скиталась в поисках той ниточки, которая свяжет ее либо с демоном, либо с кем-нибудь живым. Внезапно она остановилась и закрыла глаза. Она поставила левую руку ладонью вверх. Указательный и средний пальцы были вытянуты и напряжены так, словно на них висели грузы. Большой палец отведен в сторону. Безымянный и мизинец согнуты в крючкообразной

форме. Что-то горячее, обжигающее начало образовываться на ладони. Руки дрожали от силы, которая выделялась от нее. Губы зашептали:

– Spiritus inferior, loco, protinus. Spiritus inferior, loco, momentaneus. Spiritus inferior fatis huc te poscentibus affers.

Виктория повторяла и повторяла маленький текст, требуя что-то от чего-то. И через какое-то время появился маленький чахлый дух. Весь темный, с перепуганными глазами, в образе старой плешивой собаки. Он озирался по сторонам. Виктория все еще стояла с закрытыми глазами, но текст уже не читала. Она улыбалась. Ведьма лучше самого духа знала, что он здесь и пришел на ее зов. Дух молчал, покорно смотря вниз.

– Мне нужно мое тело! – твердо сказала Вика.

– В нем сейчас демон...

– Я знаю. – Перебила Вика.

– Он сильнее и чин его старше.

– Мне нужно мое тело! – повторила Виктория. – Сейчас. Договорись с ним!

Дух не осмелился больше перечить злящейся колдунье и молча исчез. Виктория открыла глаза и вся уверенность куда-то исчезла. Вот только на этот раз она точно все понимал, как читала текст на языке, о котором ничего не знала, как появилась сущность в виде собаки, которую она могла видеть сквозь закрытые глаза и как это существо даже не стало перечить ей, а просто исчезло выполнять ее приказ, испуская страх.

Яркий свет. Тепло. Долгожданное тепло. Виктория обнаружила себя в зеркале, в едущем лифте. Она дотронулась до стекла и мгновенно поняла, что находится в зазеркалье, а женщина, которая стояла в кабине лифта, всего лишь ее тело с инкубом внутри.

– Харон, – прошептала она.

Демон повернулся и увидел заблудшую душу в зеркале.

– Сейчас, детка...

Еще теплее. Горячо. Уютно и комфортно. Привычное тело. Вика открыла глаза. Да, однозначно, это ее тело. Демон освободил его. Харон стоял рядом. Девушка тут же бросилась смотреть на часы – время было начало седьмого вечера.

– Господи, Харон... – ужаснулась она. – Ты весь день выступал в моем теле! Что же ты натворил там!

– Ничего существенного, детка. Ты хотела взять меня с собой. Я согласился на эту нелегкую авантюру.

– Авантюру? – удивилась Вика.

– Знаешь, как тяжело находиться в чужом теле и не питаться его энергией?

– Уж не хочешь ли ты сказать, что ни грамма не съел моей энергии? – Виктория недоверчиво взглянула на мужчину и усмехнулась, глядя в лукавые глаза.

– Совсем грамм. Может пару.

– Я бы хотела, чтобы ты забрал эти два грамма другим способом.

– Какое дерзкое предложение. Принимаю с радостью! Но в начале мы навестим твою бабушку, не так ли, детка?

– Как ты... Ах, да, ты же весь день провел в моем теле. Кстати об этом. Есть пара вопросов! – Вика нахмурилась.

– Я не удивлен.

– Я не пыталась тебя удивить. Я, – начала она, заикаясь, – когда я была...ну...когда ты вышвырнул меня из моего же тела.

– Вышвырнул? – Харон не смог сдержать улыбки.

– Ну подожди, не перебивай! – пискнула Вика.

– Хорошо. Слушаю.

– Короче, когда я была там, где мне быть не полагается, между своим и твоим мирами, я что-то сделала.

– Что-то сделала? – Мужчина удивленно повел бровью. – Как это понимать?

– Я разговаривала на незнакомом мне языке.

– Ты это помнишь? – теперь была очередь Харона хмуриться.

– А не должна?

– Что еще там было? – демон перевел тему.

– Я точно знаю, что вызвала какой-то дух себе в помощь, чтобы он помог мне избавиться от тебя... выгнать из моего тела. И... я знаю, как смешно это звучит, но это так! Этот дух явился! И покорно отправился выполнять мою просьбу. Не смейся надо мной Харон! Я не сумасшедшая.

– Я не буду, – мягко ответил он, – не буду. То есть, ты считаешь, что призвала к себе в помощь духа?

– Да! – Виктория была серьезна.

Харон тоже был серьезен как никогда, но виду старался не подавать. Конечно, он был слегка обескуражен тем, что Вика сохранила все воспоминания о своей деятельности и мысленно он уже готовил себя к тому, что девушке надо что-то отвечать, потому что сейчас последуют вопросы.

– Это был сон. Забвение. – Брякнул демон, все больше понимая, почему Виктория появилась в зеркале.

– Какой сон, Харон?! – удивилась девушка. – Ты, действительно считаешь меня сумасшедшей? По твоему, я не в состоянии отличать сон от реальности?

– Нет, детка. Ты слишком часто примеряешь на себя маску сумасшедшей. Тебе не идет. Прекращай. Во-вторых, человеческое дитя, мне бы хотелось, чтобы ты все-таки проявляла ко мне должное уважение. Я напому тебе, ты заключила сделку с Люцифером и поэтому я здесь. Я не намерен выслушивать необоснованные претензии. Вообще, высказывать демону претензии – нонсенс. Ты либо мне веришь, либо не спрашиваешь. Я говорю, что твое состояние на тот момент – сон. Насколько я знаю, во сне люди способны не только духов вызывать на незнакомых языках. Я понимаю и принимаю твое состояние нервозности, но учитывай, пожалуйста, тот факт, с кем ты ведешь беседу.

Виктория ощутила давно забытое чувство страха. Долгое время Харон не менял интонации к ней, всегда был учтив и добр, вежлив и снисходителен, в общем-то, вел себя как джентльмен. Девушка даже успела забыть, что он – демон. Что нашло на него в момент разговора, что звук его голоса покрылся мраком и сухостью, почему взгляд помрачнел, а руки стали холодными, Вика не совсем поняла.

– Харон, я... – Виктория сделала шаг назад. – Я... прости, пожалуйста, я ни в коем случае не хотела тебя обидеть...

– Обидеть? – Демон усмехнулся. – Обидеть демона? Знаешь, детка, что большего всего мне в тебе нравится? На тебя невозможно долго злиться, даже если очень захочется, ты все равно все исправишь!

– Прости, – девушка опустила взгляд. – Я, правда, думаю, что это был не сон! Как это можно объяснить?

– Никак! – Харон обхватил девушку. – Я докажу тебе, что это было забвение.

– Как?

– Повторюсь: дух, помощь, язык? Да?

– Точно.

– И ты все помнишь ясно, как себя все свои годы?

– Да.

– Хорошо. Вызови дух сейчас. – Харон сложил руки на груди. – Давай, детка, прочти заклинание и пусть он явится. Сейчас.

Виктория молчала. Внезапно ей стало очень стыдно и неловко. Если Харон прав, то насколько бредово и нелепо она будет выглядеть после прочтения заклинания, ожидая, что кто-то еще и явится.

Девушка отрицательно покачала головой. Харон тоже начал потихоньку успокаиваться, понимая, что из них двоих он звучит куда более убедительнее.

– Почему ты отказываешься? Это же самый лучший способ проверить, был ли то сон. Читай. – Голос демона звучал настойчиво.

– *Spiritus inferior*, – прошептала Виктория.

– Дальше. – Настаивал демон.

– *Loco, protinus*. – Вика смотрела в янтарные глаза демона, – *Spiritus inferior, loco, momentaneus. Spiritus inferior fatis huc te poscentibus affers*.

– Где дух? – спросил Харон, уже не столь решительную девушку.

– Я... я не знаю. – Вика озиралась по сторонам, в поисках существа.

– Разве это не доказывает, что ты была в забытьи, а? – демон, наконец, улыбнулся, прижимая к себе девушку.

Ни он, ни она, не заметили старую собаку, стоявшую позади.

С тяжелым сердцем Виктория вошла в палату. Тишина. Запах лекарств. Штатив с капельницей. Дыхание. Женщина лежит с закрытыми глазами, рот приоткрыт. Нет движения.

Вика сидела у кровати бабушки. Женщина едва могла пошевелить пальцами на руках. Одна нога была полностью обездвижена, одна еще как-то шевелилась. Бабушка молчала: больше она не могла говорить. Часть лица отныне не подчинялась командам мозга.

Харон оставался в дверях. У него был лишь праздный интерес, посмотреть, что будет. Смятение чувств и переживания Виктории словно по проводам передавались ему. Просто шквал, тяжелый, давящий, шквал эмоций.

Вика сидела и молчала. Она смотрела на парализованную старушку и не понимала, почему так произошло. Долго размышляла и обдумывала происходящие и все равно ответа не было. Часто случается то, что случается, никто не застрахован, ни у кого нет отсрочки. Просто почему-то это всегда приходит слишком неожиданно. Никто не готов болеть.

Демон продолжал стоять в дверях, поглядывал на девушку и жвал жвачку. У него не было мыслей. Он не знал и не сталкивался с такой скорбью. Он не был ни утешителем, ни сочувствующим. По сути, ему наплевать. Харон, несмотря на свою стихию страсти и желания, укротительства любви, был бесчувственным чурбаном.

Виктория дотронулась до руки женщины и ее словно молнией пронзило. Девушка почувствовала те же самые ощущения и эмоции, как тогда, когда что-то обездвижило ее после книжного магазина... И тогда она поняла и провела параллели между случившимся и своими ощущениями. Конечно! Как же она сразу не догадалась!

– Харон! – девушка подбежала к нему и схватила за руку. – Пошли скорее!

– Все? Уходим? – демон ничего не понимал, быстрым шагом идя за девчонкой.

– Я поняла!

– Что? – крикнул он ей вслед. – Что ты поняла? Теперь я тоже хочу понять! Вика!

Она уже добежала до гардероба. Вика поспешно одевалась, ни на кого не обращая внимания.

– Эй, эй, – Харон поймал девушку уже перед выходом. – Подожди. Остановись. Два вопроса. Первый: куда ты бежишь? Второй: что ты поняла?

– Я почувствовала, что происходит с бабушкой! Помнишь тогда, в книжном? А потом мне позвонила мама. Помнишь? То, что было со мной, то же самое, что было с бабушкой! Только тогда я не поняла...

– Как тебе это в голову пришло, Виктория? Почему тебя не смущает слово совпадение?

– Харон! – Вика нахмурилась. – Почему ты такой скептик? Ты же самый яркий представитель того, чего для людей не существует! Как ты вообще можешь знать что-либо о понятии скептицизма?

– Это не скептицизм, детка, а реализм. Как ты поняла и пришла к такому выводу?

– Когда я дотронулась до бабулиной руки. Все то, что я переживала в книжном, снова вернулось воспоминанием.

Харон оставался внешне хладнокровным. Внутри же, он не знал, что делать. Виктория явно что-то заподозрила о своем скрытом таланте и задача демона была в том, чтобы убрать эти подозрения.

– Пошли, я покажу тебе то, что действительно существует.

– Куда?

– Дай мне руку.

– Харон, куда мы идем?

– Однажды, ты сказала, что веришь мне... Руку! – Харон настаивал, прижимая ее к себе. – Чуть ближе. Ты же знаешь, для чего это, да, детка? – Мужчина улыбнулся. – Закрывай глаза.

Чувство предвкушения и ожидания переполняли девушку. Харон же мысленно метался между мирами и иллюзиями, думая, что точно будет способен отвлечь Вика от своих мыслей. И он нашел то место.

– Можешь открывать глаза. – Тихо сказ он.

Виктория не спешила исполнять просьбу мужчины. Она слушала тишину. Жуткую и страшную. Именно такой тишиной сопровождался приход Люцифера. Испугавшись жутких воспоминаний, Вика открыла глаза.

Вокруг никого, только Харон. Необычная местность: большие деревья с зелеными листьями, закрученными в конической форме. Их цвет был не просто зеленым, а супер насыщенным и, скорее, пульсирующим. Глазам и нравится смотреть на него, и устают они быстро. Листва бушует, полная жизни и вдохновения. Но все кругом бездвижно. Ни ветерка. Воздух тяжелый, грузный, но дышать можно почти полной грудью. Небо окрашено в ярко красный цвет, с примесями и полосками желтого, переходящего в оранжевый и лилово-фиолетовые линии. Закат. Тоже беззвучный. В небе нет ни одной птицы, никто не поет чудесные песни. Уши болят, поглощая эту тишину.

Под ногами трава. Ноги босые. Трава мягкая, зеленая, идеально ровная, травинка к травинке. Природа не может такое сотворить. Невозможно. Слишком все идеально. Но ходить приятно. Нет ни одной дорожки. Просто трава кругом. Тепло. Можно сказать хорошо, но хочется ветра.

Харон стоял рядом с опущенной головой. Он чего-то ждал. Скорее всего – реакции. Хотел понять, что чувствует Виктория в этом необычном месте. Но она молчала и лишь озиралась по сторонам.

Сзади стоял дом. Серый с кирпичным оттенком. Трех-этажный. Большой, бревенчатый дом... с крышей, сделанной словно из кожи. Крыльцо с огромными колоннами, выточенными на них фигурами поникших существ. Все из дерева. Оно необычное. Прежде Виктория не видела такого. Срубы мягко отточены, покрыты то ли лаком, то ли еще чем, но линии на них, не круглые, а продолговатые, выразительные. В целом, дом отталкивающий. Виктории не хотелось в него заходить.

Вика снова повернулась к Харону. Ну должны хотя бы кузнечики стрекотать! Но нет, тишина. Девушка вертелась в поисках звуков, уже не понимая себя и своего отношения к этому.

У нее появилось ощущение, что она в инкубаторе... в аквариуме, где процветает искусственная среда, где вроде бы жизнь лежит на ладони, а на самом деле ее нет.

– Где мы? – спросила Вика, удивляясь звучанию своего голоса.

Ни эха, ни привычного отклика в голове. Даже собственный голос был не узнаваемый. От всего, что непонятно, Вике становилось еще страшнее.

На горизонте показалась часть какой-то планеты. И даже не имея образования астронома, Виктория поняла, что то была не Луна. Огромное и слишком близко расположенное небесное светило. Оно было словно как в необыкновенных фильмах про космос или на фотошопных картинках категории вселенная.

Страшно.

Глядя на этот огромный шар на горизонте, сердце замирало. Казалось, что планета несется напрямик в то место, которое все привыкли называть домом. Еще минута-другая, дальше последует апокалиптическое столкновение, взрывная волна которого разнесет все существующее на квантовые частички.

Страшная красота – вот, когда к Виктории пришло осознание этого далеко не свежего оксюморона. Глаза хотят смотреть, им интересно, а организм уже не дышит от страха.

– Это мой дом, Виктория, – Харон поднял на нее глаза.

– Твой дом? – ее голос звучал очень тихо, почти не слышно, но высокие нотки все равно прорывались наружу. – Я в аду?

Виктория была перепугана. Испуг сковал ее тело еще хлеще, чем появление «адской луны» в тихом небе.

– Это просто мой дом...

Харон, наконец, начал чувствовать девушку. Находясь на его территории, ее собственные силы немного ослабли. Он снова превосходно слышал все ее мысли, как когда-то, все панические и тревожные вопли в голове, требующие вернуться на землю. Он чувствовал ее неподдельные переживания. И он прекрасно понимал, что девушка в полнейшем смятении. Она ничего не знает, ничего не понимает, для нее все дико и страшно. И нет ни сил, ни желания бороться с этим невозможным переизбытком эмоций.

Харон также понимал, что девушка скептически относится к месту, где демон обитал уже не первое тысячелетие.

– Мы в аду? – снова спросила Виктория, поворачиваясь лицом к мужчине.

– Если тебе станет легче, то да, мы в аду.

– Почему? – слезы, снова слезы. – Почему мы здесь?

– Почему ты плачешь?

– Потому что я хочу вернуться домой! На землю! – прорыдала девушка. – Мы сможем вернуться на землю, Харон? Скажи, пожалуйста, да! Я так не хочу тут оставаться! Мне страшно и я совсем не понимаю, почему нахожусь здесь!

Харону пришлось обнять Викторию, потому что она рыдала все сильнее и ей становилось все страшнее.

– Мы здесь без всякой причины. Я хотел показать тебе свой дом... – Харон чувствовал себя удрученно.

– То есть, ты не собираешься жечь меня на сковородке?

– Что? – удивлению демона придела не было. – Жечь на сковородке?

– Тыкать вилами и вечно истязать мое тело... – добавила Виктория, дрожа всем телом от одной только мысли о своем пребывании в аду.

– Пойдем-ка, – Харон взял Вику за руку и пошел в свой дом.

Как же сильно он соскучился по родным стенам, запаху, которого на земле никогда не почуять. Понятие «родного» существует не только на земле. Привычка и любовь к окружающему никого не оставила в стороне.

Он провел рукой по мраморным стенам. Черный цвет камня был настолько низменным, насколько вообще возможно было вообразить, и он так радовал глаз демона. Хладность и неживое отражалось от черных мраморных стен, приятные сущности Харона и пугающие Викторию.

В коридоре дома инкуба, Вика чувствовала себя как в склепе. Ее немного пугало, но запах, который она чувствовала, был таким приятным и сладким, что он и дом никак не хотели отождествляться.

Коридор был длинным. Стены, снаружи бревенчатые, внутри каменные, казалось, тянулись в бесконечность. Ничего больше не было в этом пустынном месте. Ни одной фотографии или картины. Просто голые стены. Пустые. На них не было ничего, кроме черного, отталкивающего цвета. Интерьер не для слабонервных.

Харон пропустил девушку вперед. Виктория, опасаясь всего на свете, сделала шаг вперед. Рука непроизвольно дотронулась до холодной каменной стены. Вика тут же отдернула руку: такого обжигающего холода она в жизни не испытывала. Словно кончики пальцев погрузились в жидкий азот, на несчастную миллисекунду, которой было достаточно.

– Холодные... – сказала Вика, оборачиваясь к демону.

– Для человека – да.

– Как ты ощущаешь эти стены? – спросила она.

– Как тепло родного дома.

– Тепло родного дома? – девушка перевела взгляд на стены, но притронуться к ним больше не рискнула. Она медленно двинулась вперед, внезапно начиная понимать, что входная дверь медленно закрывается, скрывая за собой частички искусственного света.

– Эй! – вскрикнула она, остановившись в полной темноте. – Харон! – Ее голос дрожал, сердце трепетало. Темнота в этом гнетущем доме казалась еще чернее и невыносимей. – Дай мне руку... Прошу тебя, любовь моя, – прошептала Виктория, вытягивая руку в черный вакуум.

Несколько секунды тишины, жуткой и неподвижной, и вот сильная рука, наполненная привычным теплом, сжала ее пальчики, трясущиеся от страха.

– Как сильно ты напугана, дитя, – голос прозвучал у самого уха.

Виктория вздрогнула, шурясь и пытаясь разглядеть Харона.

Откуда-то сверху появилось небольшое свечение, по форме напоминавший стандартную галактику. То был необычный свет, не тот, к которому привыкли люди. Он был живой, подвижный, словно где-то сопрягались языки пламени, аккуратно сжигающие что-то сухое. Но свет был тусклым и нигде не было видно его источника. Складывалось впечатление, что под потолком образовался сгусток заряженной энергии, который излучал свет. Но то, что свечение было явно живым, у Виктории не осталось сомнений. Они шли по коридору и свет все-так же неспешно двигался над их головами.

Легким, но неожиданным движением руки, Харон остановил девушку посреди бесконечного коридора. И вот, черная, мраморная стена справа начала раздвигаться.

Взору открылась огромная гостиная с высочайшими потолками. Под их сводами сложнейшая архитектура, неподвластная человеку. Комната в форме строгого квадрата. Обставленная без изъяснов и со вкусом. Там были и столы с резьбой на винтовых ножках и стулья, чьи ноги пустили корни в пол, а у самого низа пытались распуститься уже набухшие почки.

Появившиеся, наконец, окна, открывали живописный вид близлежащий лес. Густой и темный, с неизвестными видами деревьев, листья которых были такими разнообразными по формам, но не имели ничего общего с деревьями в мире, в котором привыкла жить Вика.

На одной из стен весело огромное зеркало, размером чуть ли в не половину самой стены. Отражало оно все, кроме самой Виктории. Оно просто игнорировало присутствие девушки.

Не было в гостиной никаких современных гаджетов. Ни книг, ни стеклянных фигурок на пыльных полках. Ничего, что могло бы быть привычным человеческому глазу. Стол разве что. Громадный, массивный и совершенно пустой. Ни скатертей, ни салфеток, ни солонок, ни цветов, ничего.

Декор был совсем скучным по человеческим меркам. Но зато затейливая резьба присутствовала везде, где только можно. Красивая, разнообразная и вроде бы даже к месту.

– Гостиная... как вы называете это. – Сказал Харон, взяв девушку за руку.

Он пытался понять, что чувствует Виктория, нравится ли ей или нет. Больше всего он не понимал, почему ему было так важно узнать ее мнение. Но поскольку Вика сама все еще не могла определиться в собственных чувствах и эмоциях, толкового она ничего не могла сказать и Харону. Девушка просто молча смотрела на мужчину.

– Твое дерзкое предложение... поэтому мы здесь. Я чувствую, ты все еще не допонимаешь твое присутствие в моем доме.

– Предложение?

– Да. Смело высказанное демону сладострастия. Пойдем.

Виктория шла за Хароном, не очень понимая, о чем он говорит. Внутри все еще был страх за свою жизнь, но вера, слепая, глупая и все-таки тщедушная вера имела место быть. Вера демону. Настолько глубоко и сильно Виктория верила Харону, что у нее не проскочило ни одной мыслишки-вопроса: «а не дура ли я верить демону?».

Они шли вверх по винтовой лестнице. Холод мрачных ступенек обжигал босые ноги девушки. Она буквально взлетела вверх по ступенькам, крепко держа руку мужчины. Он шел впереди, стараясь не спешить. Его движения были такими медленными и отрешенными, словно он шел на эшафот.

Сверху все также беспечно плыл сгусток иллюминационной энергии. К этому явлению Виктория почти привыкла. По крайней мере, из всего происходящего, странное свечение смущало ее меньше всего.

И вот очередная стена разверзлась перед ними и Вика оказалась в спальне.

– Вот это место я хотел показать тебе...не сковородки... – прошептал сзади стоящий Харон.

Его руки уже обнимали обездвиженное тело девушки. Она же рассматривала огромную кровать, которая занимала добрую половину комнаты, застланную все тем же черным цветом. Виктория почти уже приняла этот мрачный цвет, лишенный жизни. В принципе, у нее были обоснования для преимущества данного цвета в доме демона. Но и смущение ее было понятно: никогда в жизни Вика не видела столько черного цвета сразу.

– Сделай шаг вперед, детка, – Харон приподнял ее и медленно двинулся вперед. – Не бойся, тебе ничто не угрожает в этом месте... ничто.

Его губы опустились на ее плечо, едва прикасаясь к коже. Вика молчала. Наверное, впервые она не могла расслабиться в чудесных руках демона-искусителя.

– Да ты совсем здесь незащищена, – Харон улыбнулся, оскалив зубы и подхватил девушку на руки.

А через секунду-другую, Виктория ощутила под собой до невозможности мягкую кровать. Она была настолько мягкой, что в первый момент девушке показалось, что она все еще падает. От ощущения падения ее отвлек расположившийся сверху демон и его чудодейственные поцелуи.

– Как необычно держать в объятиях женщину, которая умудряется думать еще о чем-то, кроме меня...

– Любовь моя, – тихо-тихо сказала Виктория, – я лежу в кровати, сотканной из черной перины, на самой мягкой, которой я когда-либо ощущала в своей жизни. Надо мной – мужчина, самый красивый и изысканный, которого я когда-либо встречала. Мужчина, к которому я испытала столь прекрасное, хоть и болезненное чувство – любовь. Этот мужчина демон. Сейчас я нахожусь в том месте, о существовании которого я не то что не догадывалась, я отрицала его и насмехалась над теми, кто пытался хотя бы просто намекнуть мне на него. И я считаю, вполне нормальным, что я не совсем готова расслабиться и думать только о тебе.

С легкой улыбкой на губах молча, не перебивая, Харон слушал очередное признание девушки и впервые понял, что ему надо что-то ответить. И его ответ должен быть чем-то таким, что Виктория никогда в жизни не слышала и никогда больше не услышит.

– Не буду врать, детка, но я не испытываю смущения в незнакомых местах...

– Я не сомнева...

– Подожди, – он подарил девушке кроткий поцелуй, чтобы прервать ее речь. – Я хотел сказать тебе кое-что.

Он провел пальцами по рубашке и она просто расстегнулась сама. Вика старалась не смотреть, что творит Харон, дабы в сто тысячный раз не убеждать себя в присутствии здравого ума. Ее грудная клетка тяжело вздымалась, как не крути, нервы были на пределе. И плюс, прикосновения демона заставляли поддаваться искушению.

– Однажды я услышал в твоей голове мысль, точнее желание, хочу быть единственной..., – Демон расстегивал тугую пуговицу на джинсах девушки.

Она беспрекословно наблюдала за действиями Харона. Закрывать глаза и отключить сознание как раньше, она не могла, так как ей было немного страшновато. Мужчина неспешно скидывал с себя рубашку, испепеляя пламенем своих глаз девушку.

– ...Я не девственник, нет. – Он сорвал с нее штаны. – Но благодаря тебе я узнал, что единственной можно быть не только у девственников.

– Харон...

– Какая же из тебя совершенно никудышная слушательница. Ты можешь не перебивать?

Виктория молча смотрела в глаза демоническому существу и приятная дрожь пробежала по ее телу, выманивая предвкушение наружу из недр подсознания.

– Ты единственная женщина за все мое долгое существование, которая осмелилась заложить душу Люциферу, чтобы быть со мной, зная, каковы на самом деле шансы, поймать то, чего хочешь ты.

Вот Вика начала забывать, где она находится. Собственная локация становилась совсем не интересным вопросом, особенно в тот момент, когда Харон колдует над ее телом и губами и руками, и словами.

– Ты – единственная человеческая женщина, с которой я разделил свои сексуальные умения в реальности и от этого опыта, я чувствую себя в тысячи раз сильнее. Ты единственная из всех, кто находился со мной в непосредственной близости, и до сих пор жива. Ты единственная, ставшая единственной...

На секунду демон замолчал, с загадочным выражением лица изучая девушку, удивление и радость которой вырывались из сердца.

– И ты единственная женщина... человек, который лежит в этой постели...

Харон опустил с поцелуями на шею девушки...

За несколько секунд, перед тем как провалиться во взаимную отдачу чувств, Виктории показалось, что она видела нижнюю часть крыла... черного, как смоль, лоснящегося и пытающегося обнять ее.

Уже полностью отдав свою энергию и получив безумное наслаждение, Вика спала бездвиженная в кровати. Демон, в расстегнутой рубашке и брюках, стоял у окна и думал. У него был серьезный повод подумать.

– Харон. Утро доброе! – сзади него появился невысокое, черное существо, с ногами от копытного животного, с головой и телом человека, но с хвостом льва и рогами коровы.

Демон даже не обернулся. Этого персонажа он уже ждал.

– Повелитель ожидает... У себя! – сообщило существо, топнуло копытцем и исчезло.

Харон вздохнул и отошел от окна. Тихонько он зашел в комнату, где спала Виктория. Он присел на край кровати и убрал прядь волос, хаотично спускающуюся на щеку. Вика лежала на животе, руки под подушкой, одеяло на ногах.

– Надеюсь, ты этого стоишь... – Прошептал Харон, щелкнул пальцем и исчез.

Люцифер сидел в кресле, за своим необычным столом. В его левой руке мельтешило перо, нахальными движениями заполняющее бумагу умопомрачительного бордового цвета. Выражение лица его казалось нейтральным. Он ничего не замечал, лишь усердно что-то писал.

– Люцифер! – Харон дал знать о своем присутствии.

Падший Ангел остановил свою скоростную пропись и поднял глаза на гостя. Затем он вскочил, бросил перо на стол и тут, глядя на лицо повелителя, Харон в очередной раз убедился, что когда приходят черти от имени Люцифера, значит, дела совсем плохи.

– Ты что, совсем из ума выжил?! – зловещим шепотом спросил Люцифер, подходя к Харону.

Демон молчал, с опущенной головой смотрел вниз. Ну что он мог сказать?

– Только попробуй! – прозвучало строгое предупреждение. – Даже не думай, что ты сможешь прикинуться дурачком, не понимая, о чем я говорю!

– Люцифер... – Демон мельком взглянул на друга.

Он был зол и это если совсем мягко описывать его состояние. И Харон, зная уже далеко не первый день своего повелителя и друга, догадывался о причине негодования.

– Я жду ответа! – Люцифер отвернулся от демона, устремив свой взгляд на пейзаж за окном.

– Я хотел показать свой дом и место, где мы живем.

– Харон. Друг мой. – Взмолился Люцифер, вновь подлетая к демону. – Как ты додумался привести ведьму в ад? Я бы ничего не сказал, будь она просто человеком! Но ведьма, Харон... Ты чуть не совершил фатальную ошибку!

– Почему? – Харон заволновался. – Ты говорил, от нее нет никакой угрозы.

– На земле. – Повелитель снова перешел на угрожающий шепот. – На земле от ведьмы нет никакого вреда для нас. На земле. – Люцифер закатил глаза, глубоко вздохнул и выдохнул, снова уставившись на перепуганное лицо инкуба.

– Чем грозит ее присутствие здесь? – чуть ли не мысленно спросил Харон.

– Во-первых, твое безрассудство с ней в постели. – Люцифер неотрывно смотрел в глаза демону. – Давай, подключай логику, друг мой. Что происходит в обычном случае? Ты забираешь энергию от женщины. Полностью. Так? Я ничего не путаю?

– Все верно.

– Как ты себя чувствуешь сейчас? – Люцифер исподлобья окинул взглядом озадаченного Харона.

– По меньшей мере – странно. – Харон был откровенен как никогда.

– Почему странно?

– Я не чувствую той силы, которую я обычно получаю от Вики в постели...

– Так, – на мгновение лицо повелителя исказила легкая улыбка.

– И мне кажется, что я устал.

– Знаешь, почему?

– Нет.

– Виктория в нашем доме не может отдавать свою энергию. – Люцифер уселся за стол, нервно теребя стакан. – Она живая. Понимаешь? Она не демон, не дух и не черт! Она – человек. Ее энергия остается при ней. И все бы ничего, если бы не один нюанс, она – ведьма. А ведьмы прекрасно владеют накопительными способностями. Знаешь, что это значит?

Харон отрицательно покачал головой, понимая весь внезапный интерес и вполне обоснованную злость повелителя.

– Ведьмы накапливают энергию. Находясь с тобой в постели, где выделяется колоссальное количество энергии, не ты поглотил ее, а она!

Тут Харона прошиб разряд.

– То есть, – он быстрыми шагами подошел к Люциферу, – ты хочешь сказать, что она сохранила свою энергию, еще и мою забрала?!

– Я не хочу, я это уже говорю! – повелитель хлопнул демона по плечу и усмехнулся. – И теперь, она в разы сильнее. В этом есть и моя вина, я должен был помешать или рассказать, хотя бы что-то сделать, но я молча наблюдал... непростительная ошибка!

– Ведьма с энергией демона... – прошептал Харон.

– Да, друг мой, даже звучит-то как! Так что очевидный факт, но, пожалуй, озвучу его: утром Виктория не будет обездвижена и безжизненна; с твоей энергией в ней сейчас столько сил, что хватит надолго.

– Прости Люцифер.

– Не надо. Моя вина намного больше твоя. Прими мой совет на будущее: не води в дом кого попало, особенно ведьм. И я бы на твоём месте, отправлялся домой и постарался по максимуму израсходовать ее силы.

– Но, – Харон подался вперед.

– Ступай друг мой, и, надеюсь, твоя же энергия не причинит тебе же вреда!

– Люцифер! Ты должен мне ответить!

– Позже. – Отмахнулся уставший повелитель.

– Нет. Не потом и не позже. – Харон аккуратно схватил повелителя за кисть и мольбой в глазах посмотрел на него. – Сейчас. Ответь сейчас.

Люцифер молчал и смотрел проникновенным взглядом в глаза своего друга. И вроде бы он понимал, что Харон прав и с ответом не стоит больше затягивать, чтобы не было повторения ситуации.

– Озвучь, пожалуйста, свой вопрос, – повелитель повернулся лицом к Харону. – А то я точно не могу понять, на какой именно вопрос ты хочешь услышать ответ. У тебя такая каша в голове из этих вопросов.

– Какой вред мне может нанести ведьма?

– В принципе, как я уже говорил ранее, ничего серьезного сделать она не может, кроме того, что может забрать всю твою энергию. Полностью опустошить тебя.

– Ты что, сейчас серьезно?

– Абсолютно. Не хотел говорить раньше, просто не мог себе даже представить, что тебе хватит ума привести в ад ведьму...

– Интересно... Я же смогу восполнить запасы, если вдруг такое произойдет?

– Ну конечно! Просто не сразу. И... лежать без движения совсем не хорошая штука... Подумай хорошенько перед тем, как что-то сделать.

– Я понял тебя, Люцифер. Понял. Не понял лишь одного, как я смогу восполнить свои энергетически запасы, если сам буду без движения, а чтобы получить энергию, я должен производить эти движения?

Люцифер улыбнулся, в душе обрадовавшись, что друг все-таки еще пока соображает.

– А вот это вопрос на сто долларов. Пара вариантов развертывания сюжета у меня имеется. Самый лучший – это если о твоей беде узнаю я, ну или еще кто-то из наших тебя подберет и твоя задача очень сильно мысленно просить их отправить тебя ко мне. Самый худший вариант – это если тебя найдут люди в таком состоянии. Среднего варианта у меня пока нет. И кстати, с твоим исчезновением энергии, ведьма может обнажить свое истинное обличье, довольно серьезно повредив твою прекрасную маску.

Харон слушал повелителя и все больше ему казалось, что он издевается над ним.

– Люцифер, – обратился он к нему, – если я разгневал когда-то тебя, то хоть скажи, когда и чем, потому что я все-таки не совсем понимаю, за что на меня свалилась эта кара?

Люцифер развалился на стуле, поджал губы и опустил взгляд. За последние сутки он порядком устал и ему хотелось отдохнуть, а ему докучали вопросами. Он провел рукой по лбу, потер глаза и, прищурившись, посмотрел на друга.

– Ты заставляешь меня оправдываться, – вдохнув, сообщил он, – я не хотел, чтобы именно так все вышло. Понимаешь, будущее не подвластно никому, ни мне, ни моему отцу. Я хотел, чтобы ты развлекся, отдохнул от тысячелетнего однообразия. Хотел бы я насладиться на тебя кару, ползал бы ты сейчас опарышам без глаз в подземелье, потешаясь лишь отголосками своей памяти. Но и просто дать тебе женщину на растерзание – было бы слишком не гуманно, не так ли?

Харон горько усмехнулся. Он чувствовал смятение, не понимая, что происходит в голове.

– Люцифер, можно я попрошу тебя как друга, не как повелителя?

– Конечно.

– Если ты когда-нибудь еще решишь, что мне скучно или моя жизнь вдруг стала слишком однообразной и тебе, по доброте душевной, захочется разнообразить ее, посоветуйся прежде со мной, хорошо? Возможно, это всего лишь видимость или еще что-нибудь. Не надо кидаться в омут с головой. Безусловно, я ценю твою заботу и многогранную помощь, но сейчас я в панике. Прости мою откровенность.

– Хорошо, друг мой, я, конечно же, учту твои пожелания. А теперь ступай.

Люцифер встал из-за стола, обнял друга и тот исчез.

13 ноября 2013 (среда)

Харон появился в квартире, когда дома уже никого не было. Мужчина обреченно прилонился к стенке в прихожей, краем глаза рассматривая записку, лежащую на столе.

Виктория уехала на работу в безупречном настроении. Конечно, когда она открыла глаза, то была готова к временному параличу и каково же было удивление, когда открыв глаза по звуку будильника, Вика поняла, что может пошевелить конечностями и не только.

Она, прибывая в небольшом шоке и вроде бы как и в радости, понеслась на кухню, сделать вкусный завтрак для любимого, которого не обнаружила рядом в кровати.

Виктория позвонила Харону, но автоматизированный женский голос ответил, что абонент находится вне зоны действия. Будучи в полной уверенности, что Харон остался у себя дома, Вика готовила яичницу с беконом, думая о том, почему в этот раз в ней столько сил и энергии. Через какое-то время она нашла объяснение данному феномену. Секс был на территории демона, в искусственном месте, где Виктория не смогла окончательно расслабиться и просто напросто не отдала всю свою энергию. Подсознание позаботилось, что вдруг понадобится бежать или того хуже, защищаться? Нужно было сохранить силы любой ценой. Это единственное рациональное объяснение, которое Виктория смогла дать себе и своей необычной активности.

Харон скинул ботинки и подошел к столу, осторожно взяв сложенный вдвое лист бумаги.

«Chéri,

Не смогла дозвониться до тебя, решила оставить записку. Надеюсь твоё настроение так же на высоте, как и мое. Не знаю, что сегодня случилось, но я полна сил! Это и пугает, и в то же время прекрасно. Завтрак на плите, сок – в холодильнике. Кофе – рядом с плитой. Вечером увидимся. Безумно люблю.

Спасибо за сегодняшнюю ночь и за доверие».

Демон сидел за столом, пил кофе и изучал записку, представляя, какой на самом деле переполох чувств творился у девушки в голове.

Виктория ехала в метро, стоя у дверей. У нее действительно было потрясающее настроение. С нескрываемой улыбкой, она рассматривала удрученные лица пассажиров, вспоминая волшебную ночь.

На одной из станций Вика заметила нечто совсем необычное. В средние двери вошло нечто. Сердце заколотилось от страха, глядя на зашедшее в вагон существо. Виктория не понимала, что именно привлекло ее внимание в нем. С виду то был обычный человек. Мужчина средних лет, с лицом, на котором застыл откровенный пофигизм ко всему происходящему. Но что-то в нем было не то, не то, что было в обычных людях. Он был совсем другим... Но лишь Виктория заметила это.

Мужчина, зайдя в вагон, встал около дверей, но затем целеустремленно перевел взгляд на Викторию. Встретившись с ним взглядом, Вика окончательно поняла, что он – не просто человек. Он неотрывно смотрел на нее и на губах поползла циничная и самонадеянная улыбка.

Внезапно мужчина на считанные секунды, почти двадцать пятым кадром, превратился в черную фигуру, ростом метра два с половиной, горбатую, склонившую голову под потолком. У него были огромные крылья, как у летучей мыши, только намного плотнее и чернее. На голове рога, как у горного козла. Лицо обезображено, но Виктория не могла понять, чем именно. Словно всю кожу изъели суровые эрозии и злостные язвы. Шрамы, порезы, отталкивающие и омерзительные. Зубы. Оскал хищника. Огромные, длинные клыки, торчащие невпопад по всему рту, внушающие звериный ужас. Кожа цвета черни, словно существо вылезло из сгоревшего дома.

Оно было огромное и мощное. Лишь несколько секунд Виктория наблюдала чудище, а затем оно вновь стало среднестатистическим мужчиной.

Он снова улыбнулся перепуганной и ничего не понимающей девчонке и направился к ней.

Вика засуетилась, не зная, куда провалиться, видя, что существо идет к ней и постоянно в его человеческий облик врывается этот страшный нечеловеческий урод, который до чертиков пугал Викторию.

Мужчина дошел до девушки. Он стоял в сантиметрах пятидесяти от нее. Виктория почувствовала смердящий запах, а вместо человека застыл улыбочивый образ не пойми чего, то ли черта-переростка, то ли демона, то ли еще кого. Человеческий облик вовсе исчез и более даже не пытался появиться вновь.

Вика молчала и с ужасом в глазах изучала нечто из преисподни. То, что существо было именно оттуда, у девушки не было никаких сомнений. Она слышала, как в висках стучало ее собственное сердце, поддавшееся панике. Как тяжело было ее дыхание, а страх подступал все ближе.

Девушка услышала голос, что напугало ее еще больше. Существо молчало, но Вика точно знала, голос принадлежал именно ему... Мысленный голос.

– Ты видишь меня...

Шепот. Ужасный, зловещий и застывший между иронией и забавой.

Вика смотрела в черные глаза. В его глазах не было ни белка, ни зрачка, просто черные ямы, будто глазницы были полыми. От того, что девушка не понимала, что хотя бы примерно могло происходить у этого существа на уме, ей становилось еще хуже.

– Я знаю, что ты видишь мое истинное обличие.

Снова тот же самый шепот в голове, сковывающий виски в тиски.

– Абхор! Всегда к твоим услугам! – Существо слегка склонило голову и вышло на следующей станции.

Виктория смотрела вслед необычному пассажиру, вообще ничего не понимая. Лишь один вопрос мучал ее – что это было?

Девушка уже почти смирилась с диагнозом умалишенной, но нашептывать самой себе об очередном приступе безумия ей не хотелось. Она уже устала от этого. Поэтому осмысливала то, что произошло и пыталась забыть, стирая выступивший пот со лба.

Добравшись до работы, Виктория незаметно прокралась в свой кабинет, граничащий рядом с офисом Григория, и уселась за проект.

Но в тот день работать она не могла. У нее просто не получалось сосредоточиться на проекте. В голову беспрерывно лезли воспоминания необычной ночи, необычного места и утренней встречи с чудовищем.

Девушка в очередной раз набрала Харону и через два гудка в телефоне раздался тихий глубокий голос.

– Да, детка, – мужчина улыбнулся и Виктория четко видела перед глазами эту улыбку.

– Все нормально? – спросила она, откинувшись в кресле, запрокинув голову к потолку.

– Да. Почему ты спрашиваешь?

– Просто. А тебя ничего не смущает? – девушка рассматривала навесные потолки.

– Ты о своем самочувствии?

– Да. Необычно ведь, правда?

– Это нормальное явление... – Харон подошел к окну. – Такое бывает, когда ты находишься не в своем измерении. Организм начинает работать по-другому.

– Это была поистине потрясающая ночь и измерение. Харон, ты все-таки фантастичный! – шепотом сообщила Вика.

– Я рад, что у тебя океан неподдельных положительных чувств и мне, безусловно, льстит, что причина этих чувств – я.

Щеки снова вспыхнули, глаза закрылись. Девушка все еще чувствовала стеснение и смущение, находясь с демоном, слушая его речи, чувствуя его руки.

– Кстати, сегодня приготовленный тобой завтрак содержит в себе намного больше благодарности и обожествления, чем обычно. Воспринимаю это, как должное, уж прости. Ел с аппетитом, рассматривая картины с изображенным утренним прошлым, где ты готовишь этот завтрак, вкладывая в него душу.

Вика уже сидела вся красная, с улыбкой имбицила на губах. Как же ей были приятны слова демона, его похвалы и признания. Ради того, чтобы слышать их снова и снова, Вика была готова на многое.

– Ты можешь ничего мне не отвечать, – продолжил Харон с улыбкой на лице, – я знаю все, что сейчас с тобой происходит и какие чувства тебя переполняют. Я чувствую их на расстоянии. Они прекрасны. Виктория. Я жду тебя дома вечером.

Девушка слушала короткие, отрывистые гудки в телефоне, чувствуя, как, наконец, краснота отступает от лица, стыд ослабляет свою мертвую хватку. Как же хорошо с одной стороны было, что Харон был не таким навязчивым, как просто человеческие особи мужского пола. Но с другой стороны, Виктории не хватало напора.

Вика выпрямилась и чуть не подпрыгнула на кресле от неожиданности, увидев в дверях Григория.

– Боже... – выдохнула она, поправляя волосы, пряча глаза. – Доброе утро, Григорий. Вы, как всегда, напугали меня.

– Доброе утро, Вика. – Ответила мужчина.

– Вы давно тут? – осторожно спросила девушка, вставая с кресла, пытаясь выяснить, что мог слышать начальник.

– Достаточно. – Сухо ответил Григорий и вошел в кабинет, закрывая за собой дверь.

Вика смотрела на него и чувствовала внутри возрастающую дрожь. Ей было непонятно, что происходит с ней и ее ощущениями. Просто было жутко и не по себе. Григорий медленно

подходил к ней все ближе и ближе, искоса поглядывая то на взволнованное лицо, то на содержимое стола, то просто в пол.

– Григорий? – тихо позвала она, пытаясь встретиться с ним взглядом. – С Вами все в порядке?

– Виктория, – мужчина уже стоял около нее, чем смущал девушку еще больше.

Ей вообще хотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не слышать ни его голос, ни его слова, ни видеть его озадаченного лица и глаз, которые словно энцефалитные клещи, впились в ее лицо.

– Этот разговор не может больше ждать.

– Григорий подождите, – перебила Вика, отступая назад, – у нас же с Вами сегодня не запланированы встречи! Мой проект еще не готов до конца. Не все недочеты исправлены. Давайте оставим это до пятницы, как и договаривались?

Григорий нахмурился и тоже сделал шаг, только вперед, навстречу Виктории.

– Я не о проекте, Вика. Я, в принципе, не о работе.

– Тогда о чем Вы? Я не понимаю. – Вика опустила взгляд, нервно хрустя пальцами.

Отступать ей дальше было некуда, позади огромное окно в пол, сбоку стена.

Мужчина стоял около нее и смотрел ей в глаза, наблюдая за ее нелепыми попытками спрятаться. Он застыл в нерешительности, мысленно проклиная себя за поспешные поступки.

Виктория молчала и ждала, что будет дальше. В принципе, она прекрасно понимала, о чем именно хотел поговорить Григорий и все бы ничего, но ей нечего было ему ответить. У нее не было ответа.

Перед глазами вспышками фотоаппарата замерцали картины: Григорий и она обнаженные в кровати. Виктория не знала, чья это комната, но не ее точно! На другой картине, Григорий гладит ее по бедру, крепко целуя губы, свет стал тусклее. Интимные области размыты, словно на них наложена телевизионная цензура. На третьей картинке, собственно сам секс. Картина еще более размытая, чем предыдущая, но Виктория понимала, что здесь уже непосредственно сама близость. Такая унылая, зауспокойная близость... И только после этой картины, Вика догадалась, что видит она не свои мысли и фантазии. Что в ее голову пытаются прорваться обреченные на провал, грязные мыслишки Григория.

– О чем, Григорий? – Виктория искоса взглянула на молчаливого мужчину.

– О Вас. – Вдохнул он и посмотрел ей в глаза.

– Обо мне? – удивилась девушка. – Что со мной не так?

– Нет, дело не в том, что что-то не так. Дело в том, – Григорий взял ее за руку, – ... в том, что я хотел поздравить Вас с окончанием испытательного срока! Поздравляю!

Мужчина пожал ей руку и быстрыми шагами вышел из кабинета. Виктория удивленно посмотрела ему вслед и взгляд застыл на появившемся фантоме женщины.

– Оставь моего сына! – Виктория услышала угрожающий шепот с того света.

– Да больно нужен он мне! – огрызнулась девушка в ответ. – Вам надо, Вы и следите за своим сыном! Мне на него наплевать!

Вика злилась. Неужели даже после смерти люди не способны различать правду и ложь? Неужели даже там мир несовершенен?

Пока девушка бубнила на призрак, она даже не заметила, что в дверях ее кабинета стоит уже не совсем дух, а вполне себе живой человек.

– Внизу курьер... к тебе. – Сообщила коллега и, окинув девушку странным взглядом, вышла, – совсем умалишенная...

Виктория услышала, как ее обозвали сумасшедшей и, наверное, впервые, она осознала разницу между тем, когда ты сам себя называешь психом и, когда это делает кто-то другой.

Девушка спустилась вниз и тут же встретила глазами с бородатым мужчиной, совершенно антисоциального вида. Чутье подсказывало ей, что из всех людей, толпившихся в фойе здания, именно это неприглядный мужик – курьер.

– Добрый день. Виктория Драхе? – спросил он.

– Да.

– Вам доставка.

– Но я ничего не заказывала.

– Я знаю. Это подарок от... секунду, – мужчина полез во внутренний карман, – от господина Харона... Фамилию, к сожалению, не указал.

И вот, наконец, на озадаченном лице появилась улыбка. По телу пробежалась теплая волна. Вика чувствовала их одну за другой, бегающих по раскаленным мышцам и сосудам. Легкую дрожь, будоражащая нервы, зачаровывающая девушку.

Вика взяла протянутый пакет и неожиданно, сама для себя поняла, что курьер работает в доставке не на земле.

– Хорошего дня, – сказал мужчина, бросил на девушку таинственный взгляд и загадочную улыбку, после чего буквально растворился в толпе людей.

Виктория вернулась на рабочее место, положила пакет на стол и уставилась на него, не моргая. Непонятно откуда, Вика уже знала, что внутри коробочка, содержимое которой она видела, но не совсем явно. Что-то круглое, не крупное, преобладает красный цвет. И это не кольцо.

Девушка улыбнулась и, наконец, открыла пакет. Да. Действительно, коробочка, бирюзового цвета. Ювелирная. Обычно в таких лежат украшения. Несмотря на свой, казалось бы, незначительный вес, Виктория понимала, насколько был велик материальный вес вещицы.

– Да открывай уже! – приказала она сама себе и открыла коробку.

На подушечке лежал идеально ограненный кристалл, красно-бордового цвета, размером с ноготь большого пальца руки. В центре минерала был настоящий калейдоскоп оттенков красного. Красота и необыкновенность камня поглощали восприятие и сознание девушки. Она зачарованно смотрела как блестит камень, как его цвет словно тянет, поглощает восприятие смотрящего. От скрупулезного разглядывания камня Вику оторвал телефонный звонок.

– ...Я вижу его, детка. – Виктория услышала голос, принадлежащий любимому мужчине. – Он лежит у тебя на ладони и тебе кажется, что то место, где находился камень, стало горячее и живее. Да? Я вижу, как его необыкновенный цвет отражается в твоих глазах, цвет спелого граната... Как же он подходит твоим глазам.

Грудная клетка вздымалась все чаще, пульс уже давно был за всеми рамками нормы, установленными ВОЗ.

– Что это, Харон? – шепотом спросила она.

– Паинит.

– Па... что?

– Па-и-нит, как его величают на земле. Нравится?

– Безумно! Он очень красивый. До сих пор глаз не могу оторвать...

– И здесь я понимаю тебя. – Харон улыбнулся. – Один из прекраснейших камней коллекции Люцифера.

– Это камень Люцифера? – Виктория вздрогнула от услышанного имени владыки ада.

– Ну нет. Люцифер имеет подобный и считает его одним из красивейших на земле. И я с ним согласен.

– Да... – Виктория загадочно взглянула на камень. – Я с ним тоже соглашусь.

– Через две минуты к тебе войдет безнадежно влюбленный в тебя мужчина, который утром хотел сделать свое навязчивое признание... но струсил.

– Господи, – Вика расстроилась, услышав предсказание демона и обреченно брякнулась в кресло, крепко сжимая подарок в кулаке.

– Нет, не он, – сухо ответил Харон. – Жду тебя дома.

Мужчина положил трубку и хмурым взглядом посмотрел на мобильник в руке. Ему было тяжело: организму, устроенному совершенно по-другому, не хватало энергии. Еды. Он слишком много отдал ее девушке, не поимев ничего взамен. Ему нужна была сила...

Он бесцеремонно провалился в чей-то сон. Увидев прекраснейшую природу сказочных Альп и не менее прекрасную девушку на лыжах, демон не смог сдержать победоносную улыбку. Девушка была совсем одна в этой дикой безлюдной местности...

По взмаху волшебной палочки, Харон стоял уже рядом с девушкой, в лыжном костюме и очках, скрывающих большую часть лица. В руках были палки, на ногах уже закреплены лыжи.

И вот незнакомка смотрит на него, пытаясь разглядеть лицо сквозь маску, мечтая о том, чтобы маску сняли. Мужчина, прочитав примитивные и низменные мысли дамы, непринужденно снимает маску. Лучи угасающего блеклого солнца освещают белоснежную улыбку. Тонкую, обаятельную, уверенную в собственном совершенстве.

А через секунду-другую девушка уже созерцает янтарные глаза, на которые так изящно падает свет, делая их еще более привлекательными. И несмотря на то, что лицо демона освещает многотысячелетнее светило, черные зрачки все равно расширены, словно в темноте.

Девушка не в силах оторвать глаз от мужчины, просит его прикоснуться к ней. Харон без промедления откладывает палки в сторону и в мгновение ока, девушка оказывается в его суровых, но таких ласковых объятиях... Немного надо демону сладострастия, чтобы его жертва начала терять рассудок.

Он уже шепчет о разрешении вторгнуться в ее душу, обещая даровать то, что она никогда не сможет забыть и глупая, гипертрофированная девчонка шепчет в ответ сакраментальное «да».

В секунду обстановка меняется. Белоснежные и холодные Альпы испаряются, обрушиваясь горизонтальной стеной вниз, как падающий занавес в театре. И следующая внеплановая декорация выдвигается вперед.

Камин, пышущий жарким огнем, приятно потрескивающие пламя на сухих ветках. Ковер с длинным ворсом, застилающий пол у камина, мягкий и нежный. Такой белый, словно только выпивший снег на горе.

Пол, покрытый черным деревом, отражающий все, словно зеркало... безликое и пустое.

Девушка на ковровом ворсе, лежит, раскинув руки. Глаза закрыты, на лице улыбка. Блаженный вздох – демон прикоснулся губами к низу ее живота, аккуратно приспуская трусики...

Внезапно, девушка просто исчезает из объятий, как будто ее никогда там и не было. Кулаки сжимаются, зло обуревают. Рык. Зловещий рык. Мощный удар по полу и мужчина оказывается в реальности, в своей московской квартире. Харон прекрасно понимал, что произошло и несомненно его это бесило. Иногда такое бывает... когда жертва внезапно просыпается из-за воздействия каких-то внешних факторов.

Харон сидел за столом. На лице застыла гримаса бешенства и злости. Снова была потрачена энергия и снова он остался ни с чем.

Мужчина сделал глубокий вздох и хотел было погрузиться в сон еще какой-нибудь девушки, как почему-то абсолютно бессознательно вспомнил о подруге Виктории – Василисе. Она неоднократно писала ему смс различного характера. Демон набрал номер и через буквально пару гудков длинную в вечность, девушка ответила на звонок.

Без проблем они договорились встретиться... недалеко от дома Василисы, потому что демон лучше самой девушки знал, что через час в ее доме будет пусто и большая кровать матери будет в их распоряжении.

Оставалось лишь одно небольшое препятствие и Харон пока обдумывал как его можно решить и какой из вертящихся в голове способов наилучший.

Плавной походкой девушка с обмотанным шарфом вокруг лица, шла к нему на встречу. На него смотрели лишь голубовато-серые глаза. На улице уже было холодно. Еще не было снега, но погода была промозглой и была бы возможность, люди целиком бы укутались в пледы и бродили по улицам, как оживленные мумии.

Глаза девушки горели таким ярко-желтым огнем, страстью, что не просто сжигали, а испепеляли к чертям. Хотя и Харон не видел лица, одни лишь глаза, он четко знал, что девушка улыбается и знал, почему. Потому что демон видел насквозь мечты и пошлые мысли, и был готов воплотить их все в жизнь... за немалую плату.

Василиса подошла к мужчине. Расстояние между ними было не больше пятидесяти сантиметров. Они смотрели в глаза друг другу и молчали. Харон был рад, что у людей имеется такой момент, когда им не нужно говорить и объясняться, они просто знают, зачем собрались в том или ином месте.

Харон взял Василису за руку, спрятанную в варежке из ангорской шерсти и притянул девушку к себе.

– Я рад тебя видеть... Очень. – Сказал он и осторожно прикоснулся губами к виску, единственному месту, где не было шарфа.

– Ты самый взаимный человек в моей жизни, – Василиса ответила легкой улыбкой, спрятанной за тканью.

– Я знаю. – Он чуть сжал ее руку и бросил лукавый взгляд на девушку.

– Откуда?

– Сейчас миру открыт один единственный орган, который не способен врать. Твои глаза. К великому счастью, я превосходно умею читать глаза человека...

– А ты совсем не изменился с последней нашей встречи.

– Что это значит?

– Странности в тебе не убавилось. – Василиса снова улыбнулась.

Харон замедлил шаг, а затем и вовсе остановился, преграждая собой путь девушке. Вася вздрогнула перед внезапно появившейся преградой. Она смущенно хлопала глазами, приподняв голову, разглядывала серьезное лицо демона. Харон уже совсем приблизился к ней, сократив расстояние до едва существующего. Его рука медленно ползла по воздуху вверх и за секунду, одним лишь пальцем, сдернул с лица Василисы шарф, выставляя ее бледно-розовые губы ступающей по Москве зиме. Не успела девушка и глазом моргнуть, как почувствовала на своих губах вкус и тепло губ мужчины, страсть которого разрывала ее по кусочкам. Она ответила на поцелуй, выкинув из головы последний образ Виктории...

– У меня сейчас никого... Не хочешь зайти? – сквозь бурное желание, спросила Вася.

Харон ждал лишь этого вопроса, чтобы на секунду прикинуться задумчивым, а затем как бы невзначай согласиться. Все шло по плану, по его плану. Через десять минут они стояли у квартиры. Василиса судорожно искала ключи, Харон стоял позади нее, нежно обнимая и прижимая к себе.

Замок щелкнул, дверь открылась, впуская в квартиру сладострастие. Еще в коридоре Харон довольно быстро избавлялся от преграждающей путь к телу одежды, хаотично разбрасывая ее по полу. Неспешно он избавлялся и от своей оболочки, вызывая расстегивая маленькие пуговицы рубашки, ремень на брюках.

– Если бы я спросил тебя, чем готова ты пожертвовать, чтобы я сейчас не остановился, что бы ты ответила? – внезапно спросил Харон, нежно целуя ее шею.

– Я бы отдала жизнь... потому, что не смогла бы вынести такого издевательства... – с закрытыми глазами прошептала девушка, впиваясь пальцами в спину демона.

Мужчина улыбнулся и поддался на притягивающие его тело, хрупкие, но цепкие пальцы, изгоняя своим искусным теплом, руками, языком и словами возбуждение, привнося вместо него долгожданное удовлетворение.

Он получил все, что хотел, восполнив свои силы, но не до конца. Ему не хватило еще одного, может двух женских тел до наилучшего самочувствия.

– Что же мы наделали... – услышал он беззвучный шепот Василисы.

Девушка лежала на кровати, свернувшись калачиком. Физически ей было лучшего всего на свете. Такого идеально баланса она никогда в жизни не испытывала. Но вот в душе, с каждым делением на циферблате, пройденным секундной стрелкой, ей становилось все хуже и хуже. Омерзительнее. Ее тошнило от самой себя.

– Почему? – с явным безразличием в голосе, спросил Харон. Он взглянул на лицо Василисы и совсем смутился. Она смотрела в некуда, не шевелилась, тихонько вздыхала, а по носу текла слеза. – Почему ты плачешь? – спросил демон. – Не думаю, что тебе было плохо...

– Нет, не в этом дело. То, что было между нами – это самое лучшее, что когда-либо случилось со мной... Но мы предали Вику.

Демон склонил голову набок, разглядывая появляющееся страдание на лице девушки. Лишенный чувств, не знающий человеческих эмоций, Харон не понимал, в чем его обвиняли.

– Если ты считаешь, что мы предали, почему ты позволила случиться тому, что случилось? Почему ты не подумала о ней, когда ответила на мой звонок?

– Я... – Василиса запуталась, – я...

– Ты хотела получить то, что возжелало твое сердце и разум. Тебе было наплевать на все, кроме собственного желания. Ты ни на секунду не задумывалась о Виктории. Так оставь это и сейчас. Это фальсификация чувств и сострадания. Ты даже сама в них не веришь, мысленно пытаешься оправдать так называемую оплошность. Приводишь кучу нелепых доводов, которые, на самом деле, совсем нельзя назвать аргументами... Ты лежишь и плачешь. Ты плачешь от обиды к самой себе, что ты не в состоянии оправдать себя. Ну так не оправдывай! Меня всегда удивляли люди. Вы стремитесь разрушить все, что приносит вам наслаждение. Вы так глупы и смехотворны.

Обездвиженная Василиса молча слушала Харона. Ее слезы давно высохли, оставив после блеклый след.

– Ты, – прошептала она, – ты буквально сдираешь мои самые постыдные мысли. Как ты это делаешь?

– Совпадение. – Внезапно Харон осознал, что переборщил с догадками, совсем забыл, что Василиса не знает о его демонической сущности.

– В это я никогда в жизни не поверю! – Васька закрыла глаза, мечтая спрятаться под одеяло. Какая-то нервозность и едва ощутимый страх проникли в ее тело. Волнение уже не давало покоя. Харон стиснул зубы и опустил голову. – Кто ты такой? – почти не слышно спросила она, с опаской заглядывая демону в глаза. Глаза же налились бордовым цветом, окружая в плотное кольцо чернеющий зрачок. Он словно пульсировал, разрывая собой глазное яблоко, окружая его в пламя несовершенства.

– Что еще за вопрос! – прикинулся он удивленным, потирая лоб.

Василиса молчала. Ей становилось страшнее, глядя на метаморфозы на прекрасном лице демона. Неожиданно в кровати повеяло холодом. Могильным. Трупным. Он постепенно сковывал зажатую девушку, парализуя и вгоняя в ступор.

– Я, – тихо ответил Харон, приближаясь к лицу девушки. – Я тот, кто видел, как рождается земля. Как появляетесь вы, по его подобию. Я смотрел, как вы размножаетесь. Я тот, кто держал Люцифера, когда он стряхивал с себя гнев своего отца. Я тот, кто поднимал с ним кубок всевластия. Я наблюдатель, не знающий покоя. Я – верховный демон-инкуб. Повелитель сладострастия. Укротитель страсти.

– Ты сумасшедший... – заикаясь произнесла девушка, уже окончательно понимая, что ее страхи были не на пустой почве. Незаметно даже для самой себя, Василиса тщетно пыталась слезть с кровати, даже не понимая, что ее тело парализовано, отдав всю энергию демону. Ей

хотелось бежать как можно дальше. Не оглядываясь, умоляя сердце не выпрыгивать от страха из груди. Еще чуть-чуть, дать ей жизни, дать возможность скрыться. Спрятаться.

– И вот, ты боишься меня... – легким, но почти молниеносным движением рук, демон схватил Василису и прижал к себе, неотрывно смотря в глаза. – Сумасшествие для вас синоним чего? А? О, ты боишься сказать, но я слышу то, что ты думаешь. Ты думаешь о психопате. Серийный убийца. Так обо мне еще не думали... женщины во всяком случае. Не надо, не бойся. Я не причиню тебе вреда. Вы его причиняете сами себе. К тому же, у тебя роль не совсем пешки...

Василиса смотрела, как шевелятся губы демона, слушала его пьянящий голос и пыталась сорвать себе, убеждая, что все не по-настоящему, что все нереально.

– А сейчас, Василиса, – Харон поднял на нее взгляд. – Ты забудешь об этом разговоре, ибо эта совершенно не та информация, которую тебе надо знать. Посмотри мне в глаза.

Девушка подняла тусклый взгляд на Харона, в ужасе понимая, что ничто не сможет заставить ее забыть то, что произошло в ее квартире. Но смотря в невозмутимые глаза демона, Василиса и не подозревала, что ее воспоминания вытаскивают по картинке из головы и разбирают вдребезги, без шанса на восстановление. А через несколько минут молчания и загипнотизированных взглядов, Василиса поняла, что несколько секунд назад был лучший секс в ее жизни с красивейшим мужчиной. Поняла она и как сильно душит ее зависть по отношению к Виктории. Вопрос – почему именно ей? – не выходил из головы.

Харон незаметно улыбнулся, прочитав немного дерзкие, накрученные им мысли. Они ему нравились больше, чем рыдающая дама, безнравственно прикрывающаяся внезапно появившейся совестью, чтобы выглядеть чуть достойной в глазах мужчины, ибо в своих она все равно останется неотразимой.

Виктория же рисовала наброски. Она пыталась. Ей надо было нарисовать эскиз на рекламную продукцию, а каждый ее рисунок заканчивался появлением изображения мужчины, в объятиях которого женщина. Безумные штрихи, можно даже сказать совершенно несуразные, рисующие силуэты на белом листе. Резкие и уверенные. Их даже не надо было подтирать ластиком! Да, они были немного хаотичны, порой непонятно, где начинались и заканчивались. Но каждый штрих в итоге был на своем месте. По отдельности они были сумбурны, но в целом картина была цельна.

Вика не понимала, что с ее головой и руками. Как вообще такое возможно? Говорить самой себе нарисовать квадрат, а карандаш вместо геометрической фигуры рисует пропорциональные тела мужчины и женщины. И рука рисует их так, словно она всю жизнь была уверена, что квадрат выглядит именно так.

Виктория рисовала и рисовала, пока не осознала, что взбунтовавшаяся конечность сейчас отвалится от усталости. Девушка взглянула на кипу изрисованных листов. Лишь одно она знала абсолютно точно – изображенный мужчина – Харон. И Виктория ни на секунду не усомнилась в этом. Но вот кто та нарисованная женщина – Вика понять не могла. Себя в ней она совсем не чувствовала.

– Ну как дела? – дверь чуть приоткрылась. Григорий уже в четвертый раз наведывался к девушке.

– Идут потихоньку. – С легкой и быстрой улыбкой, ответила она, вглядываясь в лицо директора. Он смотрел на веснушчатое лицо рыжеволосой девчонки таким добрым и приветливым взглядом, словно что-то замышлял. Затем он опустил глаза на рабочий стол девушки, весь устланный альбомными листами с карандашными штрихами. Тут Вика ощутила волну смещения. Весь стол усыпан рисунками какой-то парочки, плотно занимающейся своей похотью и вожделением.

– Черт... – едва слышно выругалась Вика и бросилась собирать листы.

– Что с Вами? – удивился Григорий и быстрыми шагами подошел к столу, взяв изрисованный лист.

Сердце девушки едва не выпрыгнуло от нервов. Она поджала губы и ожидающе уставилась на мужчину, в ужасе представляя, что о ней подумают. Но Григорий молчал, хмурым видом изучая рисунок.

– Что это? – наконец, спросил он и уставился на девушку.

– Послушайте, Григорий, – тихим и сжатым голосом зашептала Виктория, покашливая. – Это... Как Вам сказать, чтобы Вы правильно поняли... Я... Мне нравится чертежная графика и... тела... Да. Человеческие. Ну, понимаете, как мы красиво устроены...

– Вика, – мужчина перебил ее оправдания. Его взгляд уже давно изменился. Он подобрел, стал мягче. На губах появился намек на улыбку.

– Да? – Виктория опустила глаза. Почему-то ей стало так обидно, что захотелось плакать. Она шмыгнула носом, стараясь сдержать слезы. Она чувствовал себя мальчишкой-подростком, которого мать случайно застукала за онанизмом.

– Я не против графики и человеческих тел... И не надо так переживать, будто Вы нарисовали что-то непристойное. Это же всего лишь куча тренировочных линий.

– Куча тренировочных линий?! – не веря своим ушам, воскликнула девушка. Она бросила взгляд на листы и даже упала в кресло от неожиданности. Все листы были заштрихованы в разных направлениях. Просто штрихи. Ничего не значащие, ни на что не похожие. Рисунок психически не здорового человека.

– Я не хотел Вас обидеть... – извинился Григорий, удивленными глазами наблюдая встревоженное до безумия лицо Виктории, копошащейся в изрисованных листах бумаги.

– Вика, с Вами все нормально? – таинственно спросил он, передавая ей листок. – Вы странно выглядите.

– Странно выгляжу? – переспросила она.

Ее голос уже становился истеричным. Что-то играло с ней злую шутку. То ли сознание, то ли воображение. И Виктории так надоело выглядеть душой, не способной контролировать саму себя. Она уже привыкла ко всему... Но каждый раз случалось что-то, что вышибло ее из колеи повседневности. Ведь она явно видела нарисованную пару, занимающуюся любовью, а теперь на ее руках лежит куча исполосованной карандашом бумаги.

– Подождите, – Григорий взял ее за трясущиеся руки, стараясь унять нервный тремор, пытаясь успокоить девушку. – Не разбрасывайте бумагу. Успокойтесь, Вика. Успокойтесь! Все хорошо. Все в порядке.

Он гладил едва сдерживающую слезы девушку по рукам, смотрел ей в глаза, пытаясь понять, успокоилась ли она.

– Черт, – снова прошептала Виктория и всхлипнула.

– Пойдемте со мной, – Григорий открыл дверь и кивнул в сторону выхода. – Пойдемте.

Он шел впереди, внимательно прислушиваясь к шагам сзади. Виктория поспешно шла за боссом, немного отвлечшись от своих произведений искусства. Григорий привел девушку в простенькую, но уютную кофешку, усадил в кресло и заказал два охлаждающих напитка.

– Расскажите мне, что с Вами происходит. – Мужчина со вздохом опустился на стул напротив, поправляя брюки. Он не сводил глаз с печальной девушки.

– Я не знаю, – тихо ответила она и закрыла лицо руками. – Просто не знаю.

– Эй, – он аккуратно убрал ее руки от лица. – Все хорошо. Не надо нервничать. Со мной Вы можете быть естественной... Мы здесь не о работе собрались поговорить...

– Мне кажется, я схожу с ума... – Виктория подняла глаза на собеседника.

– Почему? Что не так? Может, я могу помочь? – Григорий сыпал вопросами.

– Нет, нет, все нормально. Просто маленькая слабость.

– Вы уверены? В кабинете Вы выглядели так, словно вот-вот сойдете с ума...

– Нет, правда, все нормально. – Улыбнулась Виктория, – я не хочу, чтобы Вы думали, что в компании работает псих или критин.

Григорий усмехнулся.

– Знаете, у всех бывают минуты слабости и психически нездоровые мысли. И Вы не исключение. Я просто хотел сказать, что если Вам нужна помощь, любая, душевная или материальная, Вы всегда можете обращаться ко мне. Я Вам друг.

Виктория молча слушала предложения о дружбе, прикидываясь вновь улыбающейся девушкой. А у самой перед глазами стояли ею нарисованные картины. Она чувствовала себя усталой. Вся эта суматоха с представителями ада сводила ее с ума. Виктория была уверена, что достаточно было просто отдать душу Люциферу и можно наслаждаться свободной жизнью с Хароном. И никак она не ожидала, что с появлением печати Люцифера на теле, у нее появятся проблемы и с телом и с головой.

– Я помню тот день, когда увидел Вас впервые. – Григорий мечтательно прикрыл глаза. – Я шел в свой кабинет, а Вы стояли в компании маркетологов, улыбались, о чем-то щебетали. Тогда я подумал: «Какая веселая девушка!». И так было какое-то время. А потом с Вами что-то начало твориться. Вы мрачнели, тускнели, улыбка все реже приходила к Вам. Я говорю об искренней улыбке, а не о той, которой Вы прикрываетесь, как бы говоря, что все хорошо. Я Вам не верю, Виктория. Вы не та, какой были раньше. Вас что-то беспокоит и как бы Вы не пытались скрыть это от людей, все равно заметно.

– Да, от Вас, похоже, ничего не скроешь, – вздохнула девушка.

– Я знаю, что не имею никакого права приставать к Вам с подобными вопросами. Деловой этикет и все такое... Но я специально привел Вас сюда, чтобы Вы смогли хоть чуть-чуть расслабиться и отвлечься от повседневной суеты. Здесь нет места деловому этикету и стилю.

– А Вы обо всех сотрудниках так переживаете? – Вика взглянула на руководителя.

Григорий молчал. Неожиданный вопрос немного сбил его с толку, несмотря на то, что он на своей должности слышал и пострашнее вопросы, с ответами на которые всегда ловко выходил из ситуации.

– По правде сказать, нет. – Честно ответил он.

– И чем я заслужила такую почтительность?

– Виктория, – усмехнулся Григорий, чувствуя, что его хотят зажать в угол. – Вы не так воспринимаете ситуацию.

– Почему же? – Вся робость и застенчивость исчезли. Вике надоело не понимать. – Григорий, я просто хочу разобраться и понять, почему у Вас такое трепетное отношение ко мне. Вы сегодня утром приходили... О чем Вы хотели поговорить? Не надо только лжи. Испытательный срок совершенно ни при чем, так ведь?

Мужчина был серьезен. Кадык нервно совершал скачкообразные движения, то была единственная часть его тела, которая хоть как-то двигалась.

– Ваши внезапные перемены порой выбивают меня из колеи. Честно. Полчаса назад Вы едва не рыдали, сейчас передо мной сидит дерзкая и бесстрашная девчонка. Вы удивляете меня.

Виктория опустила взгляд. Она дала себе немного времени успокоиться. Из-за непонимания самой себя, появилась агрессия, которую Вика совсем забыла сдерживать. Ну с чего она решила, что генеральный директор должен отчитываться перед ней?

– Простите.

– Ну что Вы! Я вовсе не это хотел услышать.

– Правда, простите. Порой со мной действительно что-то случается и я становлюсь невозможной.

– Виктория, прошу Вас...

– Григорий, пойдете. Нам нужно вернуться на свои места. Я все-таки хотела бы закончить свои эскизы... точнее, начать их. И... простите мое вызывающее поведение. Я должна учиться сдерживать свои эмоции.

Девушка встала, Григорий тут же вскочил. Ему совсем не хотелось заканчивать посиделки, но и заставить никого он не мог. Безусловно его радовало то, что Виктория все-таки пришла в себя. Григорий и не подозревал, что Вика сама была бы не прочь поболтать с ним, но дотошный призрак его матери утомил ее своим монотонным шепотом, требующим оставить в покое ее любимого сына.

Виктория вообще любила поговорить с Григорием. Да и что тут собственно такого? Интеллигентный, умный мужчина, хорошо выглядящий, вкусно пахнущий. Иногда он был ненавязчив и даже немного скромный. У него грамотная, хорошо поставленная речь. Виктория не видела минусов в общении с мужчиной, кроме одного. Именно в то утро, когда Григорий вошел в кабинет девушки и начал нести несвязную ахинею, Вика заподозрила, что дело вовсе не в дружбе. Но что она могла сделать? Уволиться? Этот вариант совершенно не привлекал ее. Она решила отпустить ситуацию и загружать голову по мере поступления проблем. Пока Григорий открыто не достает ее, все можно списать на дружбу.

Виктория шла по улице, не поднимая глаз, боясь, что она снова увидит что-то необычное и странное. Ей больше не хотелось ничего видеть. Все таинственное и мистичное, привлекающее ее ранее, сейчас стало ненавистным. Порой невыносимым. Но она упорно продолжала считать, что Харон из другого мира – самое лучшее, прекрасное и необычное что случилось с ней когда-либо. И все бы ничего, но теперь Вика признавала, что сопутствующие факты по настоящему тяжелы.

Виктория шла к метро, крепко сжимая в руках красный пакет. Ей казалось, что он излучает тепло любимого мужчины, что она чувствует его целиком. Ни о чем не думая, она просто отрошенно брела к спуску в подземку.

На встречу шли люди, которых Вика старалась не замечать. По всей видимости, люди тоже не очень смотрели куда идут и через несколько секунду кто-то сильно толкнул девушку. Виктория с перепугу отстранилась назад и возмущенно уставилась на «обидчика».

– Все-таки мир и вправду тесен. – Удивленно сообщила она, глядя на мужчину.

– Вика? – усмехнулся он. – Вот так встреча! Какими судьбами ты здесь?

– Привет, Данил. Я работаю здесь. А вот что ты здесь делаешь...

– Да я по делам. – Скромно ответил он, внимательно разглядывая девушку.

Темно-оливковые глаза смотрели на его лицо, а в голове плыли воспоминания о проведенном вместе с Данилой времени. Как это было! Виктория приподняла уголок губ, чувствуя как память ворошит былое, навивая сентиментальности. Улыбки. Смех. Ночные прогулки. Первое признание в любви. Его забота и внимание. Переживания. Слезы радости и горя. Знакомство с родителями. Смущение и стыд. Первый сексуальный опыт. Мнительность. Виктория перестала улыбаться. Вспоминая свою сексуальную жизнь с Данилой, она поняла, как уныло и вяло протекали эти два года, насколько Данил был неуклюжим эгоистом в постели. Он был просто жалок.

Легкий ветерок, прохладный, колыхал ее волосы, растрепывая новые волосинки, наплевав на все попытки девушки, убрать выбившиеся пряди. Она морщила носик, вертелась на месте, пытаясь поймать сторону, где нет ветра. Поджимала губы и щурила глаза, но не отводила взгляда от Данила.

– Почему ты на меня так смотришь? – спросила Вика, натянув капюшон на голову.

– Прошло всего полгода, да? С нашей последней встречи, а ты так сильно изменилась, как будто прошло несколько лет...

– В чем это выражается? – Вика улыбнулась.

– В чем? – молодой человек ответил улыбкой. – Ты была раньше такой... тихой что ли и скромной, а сейчас я вижу перед собой уверенную в себе девушку. Принципиальную, дерзкую и... красивую.

Данил смутился, сам не понимая, почему он это все говорит, но говорил он искренне.

– Ну что ж, это хорошие изменения, – вздохнула Вика, – Ладно, Дань, интересная встреча, но я бы все-таки хотела пойти домой. Немного устала сегодня.

– Жаль, что ты торопишься, – с сожалением сказал Даниил и взял девушку за руку.

Тьма ударила Вике по глазам, вынуждая их закрыться, а рука механически сжала мужскую. Запах спирта. Алкоголя. Сигаретный дым. Слезы. Страшные мужские слезы. Отчаяние. Боль. Сильнейшая боль в груди. Нет, она не физическая. Моральная. Потеря. Одиночество. Самобичевание. Женщина. Другая женщина. Еще незнакомые лица. Мельтешат и мельтешат. Трудовая книжка пылится дома. Безденежье. Все лица отвернуты. Они смеются. Продажа машины. Мама. Теплые руки и неоценимая помощь...

– Тебя уволили? – заторможено прошептала Виктория все еще держа руку молодого человека.

– Да как ты это делаешь! – испуганно вскрикнул Данил, выдернув руку.

– Что? – Виктория вернулась в реальность из своего неконтролируемого транса.

– Тогда ты рассказывала мне о женщине, которую я сам чуть ли не впервые видел. Теперь про мою работу, о которой ты ничего не могла знать!

– Мне, правда, надо бежать! – девушка быстрыми шагами помчалась вперед, осознав, что снова совершила ошибку.

– Вика! – позвал Данил.

Но девушка стремительно шла вперед, не желая ни с кем разговаривать. Еще несколько раз она слышала свое имя, но даже не обернулась.

Спускаясь в метро с эскалатора, Виктория, затерянная в толпе жаждущих добратся домой людей, совсем неожиданно оказалась в объятиях мужчины. Как же отлегло, когда Вика поняла, что она в объятиях Харона.

– Ужас, а не день, – вздохнула она с улыбкой на губах, прижимаясь к мужчине. – Что ты здесь делаешь? Мы вроде дома договорились встретиться.

– Разве ты не рада мне?

– Ты же знаешь ответ.

– Знаю, поэтому искренне не понимаю, почему вместо радости я вижу удивление и даже нотку упрека, так ведь вы говорите? – улыбнулся он, отводя девушку в сторону. – Я здесь потому, что распереживался, что еще не скоро увижу тебя.

– Почему? – снова удивилась Вика.

– Ну у тебя сегодня целый день встречи с твоими почитателями. Светловолосый мальчик, твой бывший любовник, который лишь только сегодня оценил потерю в виде тебя. Твой мужчина, с которым вы постоянно ходите по кофе и вечно торчит в твоём кабинете, едва не откусил себе язык, умоляя себя сдерживаться от слащавого поцелуя.

– Я ничего этого не знаю...

– Я знаю.

Вика посмотрела на него. Улыбчивая физиономия, с ехидной маской. Пустые, переполненные безразличием глаза. Девушка вздохнула, понимая, что у демона все еще нет никаких чувств. Он все так же холодно и рассудительно выполняет свою работу.

– Ты так сильно сжимаешь камень. Разве ты не слышишь, как он кричит от боли? Я не знал, что ты такая бессердечная!

– Кто кричит? Камень? – спросила Вика, разжимая кулак.

На ладони лежал красный, граненный камень и ничего больше. Просто камень и отличало его от других камней лишь то, что в нем были караты.

– Да, – кивнул демон и взял двумя пальцами минерал и положил себе на ладонь. – Ему больно.

– Но это же камень! Как ему может быть больно?

– Люди не видят и не слышат ничьей боли, кроме собственной. Это то, что Люцифер пытался доказать своему отцу. И тогда его отец сказал: «Я создал их по своему подобию и если сейчас они не в силах узреть чужую боль, то дай им время, сын мой». Достаточно ли прошло времени, Виктория?

Девушка смотрела в некуда, все еще пытаясь понять и поверить в то, что камни действительно умеют чувствовать. Мужчина дотронулся до нежной щеки, загадочно заглядывая девушке в глаза. Он улыбался так подло и низко и в то же время, его улыбка была невозможно прекрасна... улыбка ангела, измазавшегося в черни.

– А? Детка? – спросил он. – почему ты молчишь? Все еще не слышишь?

Вика покачала головой. Ну ничего она не слышала. Да и не верила! Не могут камни плакать!

– Вы безнадежны! – укоризненно покачал головой Харон. – И мне это нравится. Ему – нет. А мне – да!

Он жадно впился губами в ее, погружая их в тишину и умиротворение. Уничтожающий пчелиный шум исчез. Стонущие от жизни люди – тоже. Мир продолжал свою зачарованную жизнь, но без угрюмого окружения. Прикосновения Харона – вот чего ждала Виктория. Их же ждал и Харон...

Солнце. Теплое, гуашевой желтое солнце в чистом, лазурном небе. Шум воды. Пение райских птиц, которые, откровенно говоря, петь совсем не умели. Бриз. Запах морской воды. Песок под ногами. Нагретый вопиющим солнцем и его дальнозоркими лучами. Приятный.

Виктория точно осознавала, что находится на пляже. Совершенно безлюдным и свободным. Уникальная музыка природы и никого больше, кроме Харона. Он массирует ей кисть руки. Наслаждение... Нажимает на точки, доставляющие еще больше наслаждения. Он гладит ее руки, не переставая массирует основание большого пальца. Виктория смотрит в небо, а на лице блуждает озорная улыбка.

– Какая прекрасная иллюзия! – прошептала Вика, закрывая глаза.

Им было слишком больно смотреть на лазурное небо, освещенное солнцем. К тому же Харон творил чудеса все больше. Просто уже хотелось закрыть глаза.

– Пойдем, – шепотом сказал Харон и подхватил девушку на руки.

Он заходил в воду, ласкающую его пеной. Виктория, раскинув руки, лежала на его руках и наслаждалась моментом. В таком тихом, богемном месте, с мужчиной-мечтой, она забыла о своих мирских переживаниях и тревогах. Плевать на Григория. Плевать на призраков, их желания и угрозы. На все плевать. Вика хотела лишь одного, чтобы этот момент никогда не заканчивался.

Харон аккуратно спустил девушку с рук. Вода тут же завладела ее послушным телом, окутывая теплыми волнами спину. У ног вились наглые рыбы, щекоча своими плавниками кожу. Вода прозрачная, как стекло. Мягкий песочек на дне позволял утопать ногам в себе, покрывая их своими мелкими песчинками. Девушка улыбнулась и взглянула на Харона. Он же разглядывал ее, внимательно изучая реакцию. Виктория приподнялась на мысочки и поцеловала мужчину. Его руки чуждые этой земле и воде, но уже такие родные, крепко обняли девушку, не давая ей возможности выбраться.

Пока они оба таяли в поцелуи страсти, никто не заметил шаловливую волну на заднем фоне. Спустя несколько секунд волна накрыла собой парочку, так безответственно относящуюся к стихии. Морской, соленый вкус на губах, слегка пощипывал микро ранки, полученные на наступающем московском морозе. И стереть хочется эту воду и вроде уединение с природой. Харон пришел на помощь поцелуями.

Медленно, почти неподвижно он утаскивал их обоих под воду.

– Я не... – попыталась вырваться девушка.

– Это неважно... расслабься.

Их головы скрыла вода и море успокоилось, вернувшись в полный бриз. Под водной гладью, не расцепляя объятий, двое погружались непросто в недра морские, они погружались друг в друга, вновь и вновь изучая, что значит шепотка доверия между мужчиной и женщиной. Какова порой цена этого доверия. Но Харон вовсе не мучился вопросами. Он прекрасно знал цену каждого своего шага, вдоха, движения планеты Земля, в человеческом мире. Окунувшись в потрясающий шквал чувств и эмоций, испробовав то, что простые люди никогда не смогут испытать, Виктория открыла глаза: она стояла в коридоре Харона. Он стоял сзади, обнимая девушку, дожидая необходимую энергию.

– Хм, – усмехнулась девушка, поглаживая руки Харона – я снова на ногах после секса с тобой! Не может быть... Значит секса не было, а ты просто отправил нас в прекрасную вымышленную страну.

Мужчина отпустил ее и с улыбкой начал раздеваться. Неспешно снимая пальто, ботинки, Виктория наблюдала за ним с высочайшей благодарностью на лице и почитанием в душе. Последовав его примеру, она тоже разделась и прошла в комнату.

– Как же я устала сегодня! – сообщила Вика, грохнувшись на кровать.

Харон заулыбался еще шире, чувствуя в себе подъем энергии.

– Надо переодеться, – нехотя сказала Вика, вставая с кровати, – И еще я хочу есть. Давай закажем пиццу, любовь моя?

Девушка улыбочиво посмотрела на Харона и стянула с себя кофту. Из-под лифчика высыпались мелкие крупинки белого песка. Виктория нахмурилась и взглянула на свое тело. На животе был пляжный песок, а на шее все еще висел божественной красоты камень.

– Харон! – воскликнула Вика, понимая, что все это значит.

Демон лишь лукаво посмотрел на нее в ответ и вышел из комнаты.

3 декабря 2013 (Вторник)

Хлопья снега сыпались на Москву. Харон спал, нежась в постели. Он уже начинал понимать, как здорово быть ничего не делающим человеком. Находились плюсы в человеческом бытии, но вместо того, чтобы начинать понимать их, он все больше и больше впадал в непонимание. Почему люди довольно часто называют жизнь скучной и однообразной? Даже когда с ними случается разнообразие, они очень быстро забывают о нем. Они боятся. Смущаются. Думают, как разнообразие может отразиться на их будущем.

Демон не понимал, что могут делить между собой люди, у которых есть все. Почему из-за мелочей разворачиваются масштабные катастрофы. Но он понял, что человеку дано такое умение, как чувствовать, но не понимал, почему многие эмоции просто игнорируются. Почему-то кто-то чувствует исключительно позитивные эмоции, а кто-то не испытывает ничего, кроме негатива.

Харон хотел знать, что такое влюбленность. Почему-то он был уверен, что заниматься любовью, будучи влюбленным, намного интереснее и приятнее. Он относился к сексу как к своей работе. Ему нравилось, но уже надоело. Но он не мог просто бросить это занятие: демон питался лишь энергией страсти и секса. Всем нужна пища, без этой материи ничто не может выжить.

Он развлекался с женщинами. В реальности. Во сне ему надоело это делать. Скучно и, наверное, даже глупо создавать барышням очередную страничку с кучей иллюзорной фигни. Люди в реальной-то жизни бесконечно строят иллюзии, очень переживают из-за них, разби-

вают сердца и головы. И раньше Харон не знал, что сон человека – всего лишь продолжение реальности.

Харон осознал всю прелесть тактильных ощущений с женщиной в человеческом мире и теперь даже не знал, что заставит его вернуться в мир сновидений.

Женщины погибали. Никто не выживал после смертельного соития с королем сексуальных утех. Они так же, как и во сне, почти беспрекословно соглашались на сделку, за что потом расплачивались. Харон не адвокат, он никогда и никому не объяснял, что и зачем следует. Он – демон. Кроважадный, эгоистичный, заносчивый и принципиальный. Ему нужно было получить «да» и он получал его. Любой ценой пополняя царство Люцифера падшими душами.

Он поражался вере человечества... женской части в особенности. Они верили в то, что им никто не причинит вреда, что предложенная сделка – глупая шутка, а возбуждение уже на таком приделе, что нельзя просто отказать. Кажется, что вот-вот рассудок потеряется..., и они соглашались.

Кто-то умирал, отдыхая после вторжения демона, просто лежа с закрытыми глазами. Сердце не выдерживало нагрузки и предательски тормозило, а затем и вовсе останавливалось. Уставшее, измотанное и лишенное жизни, оно замирало в груди.

Чье-то сердце, более слабое и глупое, отказывалось качать кровь еще в процессе. Оно больше не желало ничего, кроме покоя. И оно получало его.

Те дамы, чьи сердца были в разы сильнее и умудрялись переживать и соитие с адом, и весь ужас безмолвия организма после, встречались с самим Облитератором. Дух или демон, следующий за приверженцами ада, подбирает бунтующие души. Он проверяет, не оставил ли демон кого-либо в живых. Тем, кто умудрился пережить ночь с демоном, было хуже всего. Облитератор приходил лично. Он никогда не наденет приятную человеческому взору маску. Является в своем собственном обличии.

Как правило, Облитератор – это последнее, что видят люди. Ад не знает ни одной истории, где человек выжил бы после встречи с этим духом. Его тело подобно человеческому, по крайней мере есть две руки и две ноги. Дух передвигается, задействовав и руки, и ноги одновременно. Он похож на паука, только еще противнее и, как кажется на первый взгляд, совершенно неуклюжее существо. Ложное впечатление. В переломанном и странном положении Облитератор носится слишком быстро! Как краб.

Он весь белого цвета, с мутными серыми продольными полосками по всему телу, что порой напоминает окрас коры дерева. Голова его более овальная и вытянутая, чем человеческая. Имеется смутное очертание носа, но его совсем не видно. Вместо рта – тонкая полоска. Словно на лице никогда не было ротовой полости, просто натянутая кожа, как барабан. А затем, кто-то сделал разрез и получился рот, вместо губ. Во рту скрывались огромные зубы, напоминающие ногти росوماхи по форме и длине. Из-за такой необычной формы зубов, нижняя часть лица сильно вытянута вниз. Вместо глаз огромные, черные потертые круги, словно карандашом нарисованные и затертые сверху очень плохим ластиком. Размазанные и жуткие, потому что в середине этой грязно-черной пучины светятся две точки, два угля, светло-желтого цвета.

Волос у него нет. Все тело – сплошная кожа, шершавая и смертно воняющая. Так как Облитератор питается сырой и свежей плотью человека, заключившего сделку с кем-либо, то весь процесс перегнивания и разложения происходит прямо внутри духа. Все, что попало в полость Облитератору, исчезает совсем. Ему позавидовали бы все химики и физики, так как организм демона способен переварить даже квантовые частицы. И вот, пока он переваривает, что занимает не одну неделю, Облитератор испускает зловоние, которые человеческий нос едва выдержит. Даже Харон, встречаясь с Облитератором, морщил нос. А с учетом того, что дух питается постоянно, перерыва между вонью нет.

Однажды Харон в очередной раз встретившись с Облитератором на одной территории, пораженный чрезмерной вонью, спросил Люцифера, для чего тот сделал этих духов такими

вонючими? Люцифер в свою очередь, со свойственной ему улыбкой, попросил относиться к Облитератору чуть снисходительнее, ведь именно он подчищает все косяки, оставленные другими демонами. К тому же, где это видано, чтобы падальщики и зачищики в одном лице, пахли ромашками и чабрецом? Более того, на счастье всех, кто просто пересекается с этим духом, он не очень разговорчив. Предпочитает молчать. Но если все-таки заговорит, то даже собратья-демоны просто не смогут не поморщиться. Самый тошнотворный, невозможный, рвотный, омерзительный запах, какой только может быть в мире, во вселенной, это запах изо рта Облитератора. Может поэтому дух такой молчаливый, чтобы зловоньем случайно не навредить своим же. Ему и самому не всегда комфортно. Этот демон одинок, что порой наводит его на грустные мысли.

Убивает он двумя способами. В первом случае он появляется, как правило, ночью и от его эффектного появления люди теряют сознание и больше не приходят в себя. Второй способ вступает в игру, если у человека вдруг оказались железные нервы, и они выдержали появление Облитератора. Зловонье. Дышать становится нечем, поскольку частое и осипшее дыхание духа паскудно заражает кислород спорами яда, которые отравляет человеческий организм.

После чего Облитератор проникает внутрь тела и пока оно не остыло, пожирает все внутри.

Те, кто согласился на сделку с демоном, не имеют шансов выжить. Кроме двух человек: Виктории, которая получила Харона, заплатив своей душой и... Василисой.

Харон, Люцифер и Облитератор имели очень долгий разговор, где инкуб просил разрешения у Люцифера не рассчитывать с Василисой, а также не подключать Облитератора, поскольку Харон рассматривал девушку, как всегда доступный источник энергии, который в общем-то под рукой и при желании ее можно заставить одной лишь силой мысли прийти.

Люцифер долго слушал аргументы демона, после чего решил все-таки позволить Василисе жить безвозмездно... Пока. То, что девушка подписала себе смертный приговор, знали абсолютно все, кроме нее и ее подруги, что вполне естественно.

Люцифер прекрасно понимал, что у его друга сложная партия и инкуб старался продумать ее до мелочей. Если вдруг ведьма взбесится и примет решение обезвредить Харона, у него должен быть запасной источник энергии.

Ни одна из девушек не догадывалась, в каком спектакле принимали участие... на их счастье. Так легко разыграть партию с человеческими жизнями, о которых люди и не подозревают – любимое занятие в аду. Пока люди в полной уверенности думают, что они играют, на самом деле, играют ими.

Харон виделся с Василисой стабильно раз в неделю, подогревая в ней интерес, питаясь ее энергией. Потихоньку он узнавал, что женщины разные не только физически в постели, но и в жизни.

Виктория всегда готовила ему потрясающие обеды, успевала печь баснословные пирожки и торты. Делала вкусные соки и кофе с добавками. Она неустанно крутилась около плиты, с каждым разом превосходя саму себя в кулинарном искусстве. И демон не стал отрицать, что все что делает Виктория, действительно, вкусно и его аппетиты только возрастали.

Василиса предпочитала ходить по кофешкам и ресторанам, пробуя в меню самые дорогие блюда. У нее не было стеснения заявить Харону, что она желает отужинать и причем за его счет.

Виктория блюла чистоту в доме. Несмотря на свой дизайнерский характер, даже ее стол всегда оставался чистым. Харон редко мог наблюдать, что ее дорогостоящие карандаши валяются по всему столу. Напротив, они всегда были убраны в большую коробку, отсортированные исключительно по цвету, плавно переходящего из одного в другой.

Василисе нечего было разбрасывать. Уже неоднократно побывав в ее комнате, Харон не мог понять, были ли у девушки вообще увлечения? Ее комната была слишком пустой, несмотря

на то, что там всего было навалом. Неопределенность Василисы в жизни стойко отражалась на ее характере и поведении.

Виктория бесконечно говорила ему приятные слова любви, к которым Харон настолько привык, что считал их уже как должными. Вика никогда не забывала упомянуть о своей любви к мужчине и каждый раз мысленно благодарить непонятно кого за то, что у нее все так складывается.

Василиса никогда ничего подобного не говорила. Она попросту ничего подобного не испытывала. Мысленно она была совсем не против, если бы Харон влюбился в нее. Быть с таким мужчиной – редкость. Порой их взаимоотношения заставляли демона поражаться ходу мыслей девушки. Она не останавливаясь надумывала себе, по какой причине Харон находится с ней. Из всех причин девушка остановилась на одной – Харон, конечно же, влюблен в нее, не иначе! И чувствуя фантазийную влюбленность мужчины, который, в принципе, не способен никого любить, Василиса пыталась крутить им, искренне не понимая, почему ни одна ее уловка не работает.

Виктория гладила его рубашки и брюки, Василиса их мяла. Вика смотрел ему в глаза и говорила, как сильно она любит его. Василиса смотрела ему в глаза и просила любить ее.

И каждый раз, когда Харон оставался наедине с подругой Викторией, она снова и снова видела постельные сцены между мужчиной и женщиной без лиц. И в какой-то момент, она привыкла к ним так же, как и к духам, говорящим с ней, видения прошлого и интуитивного предугадывания будущего.

Ей даже в голову не могло прийти, что ее подруга, единственная в своем роде, спит с ее любимым мужчиной. Откровенно говоря, Виктория практически забыла о существовании Василисы. Она не звонила и не писала ей, полностью занималась Хароном. А Василисе было страшно от одной только мысли, что она позвонит и предложит встретиться, как было раньше. Васька даже не представляла, как смотреть подруге в глаза, улыбаясь рассказывая неоднородную чушь и не вызвать никаких подозрений.

На самом деле Виктория была до невозможности слепа! Из-за любви. Она ничему не хотела верить, ни на что не хотела смотреть. Она любила и хотела любви, пытаясь разбудить и привить это чуждое чувство демоническому существу.

Виктория вытащила Харона в театр на спектакль *Гамлет*. Место, где люди аплодировали стоя после монолога Гамлета, а Харон улыбался, слушая мысли людей и актеров: лишь малое число зрителей думали о только что увиденном, многие думали об антракте и шампанском. Но Виктория доказывала, что искусство театра очень сложное. Харон снова улыбался: людям вещи кажутся сложными, чья химическая формула на самом деле состоит из двух молекул. Людям вообще не нравится, когда все просто. Харон поражался удивительной чертой человеческих организмов – вечно стремиться к сложности, усложнять элементарные процессы, усложнять свою жизнь. Ярким примером такого *сложного* человека, который просто не хотел жить без перегрузки, была Виктория.

Девушка водила Харона на оркестровые и оперные выступления. На них Харон сидел молча, с хмурым выражением лица, а Вика не могла понять ни одной его мысли, ни его настроения. Харон же не понимал, что значат вставшие дыбом волосы и маленькие выпуклые точки, которые люди называют «мурашки».

Они постоянно ходили в кинотеатры, но лишь съемки Титаника не выходили у демона из головы. Современное кино инкуб воспринимал плохо, ни на грамм не веря актерам. Он был уверен, что сыграл бы лучше и убедительнее. Несмотря на это, походы по кинотеатрам нравились ему больше всего.

Гуляли они все реже, на улице становилось все холоднее. Землю засыпало снегом.

Виктория задумчиво смотрела на падающие снежинки, Харон тайком смотрел на ее зрачки и ресницы, на отражающийся в глазах снег. Как же давно он не слышал ее внутреннего

голоса! В те моменты, когда Виктория погружалась в мысли, молчаливо и тоскливо всматриваясь во что-либо, он слышал тихий шепот, отсчитывающий время.

Он понимал, что должен что-то почувствовать к ней, что-то, что сожмет его сердце в тиски, а на глаза навернутся слезы. То, что люди называют жалостью. Но нет. Ни один мускул не дрогнул в нем. Девчонку предупреждали, что союз земной женщины и демона невозможен! Иногда все-таки стоит поверить говорящему.

Но Харону очень нравилось, как ее глаза меняли цвет, когда смотрели на снег. Они блестели. Жили и снова поднимали полумертвую надежду с колен, реанимируя ее.

Демон часто обнимал девушку, стоя вместе у окна и разглядывая падающий снег. Он зарывался носом в рыжих волосах, закрывал глаза и крепко сжимал руки, все больше понимая, как же хорошо быть тем, кого любят.

Виктория с каждым днем по миллиметру приближалась к рубежу познания самой себя. Семя сомнения и подозрения глубоко пустило свои корни. «Что-то со мной не так?» уже не было актуальным. «Что именно?» почти полностью поглотило ее разум. Девушка доставала вопросами своего благоверного, ответы на которые он не хотел говорить.

Зачем ему говорить, что Абхор – демон ужаса и страха, служащий ведьмам, работающий как проклятие. Ведьма накладывает порчу и, чтобы известить жертву, вызывает Абхора себе в помощь. Демон прекрасно выполняет свою работу. Он ходит за своими жертвами, пугая их в темноте, подсовывая самоуничтожающие мысли, зачастую приводящие к самоубийству. Если ведьма прокляла кого-то с помощью Абхора, то ничего не существует, что помогло бы отвести демона от несчастного. Абхор будет преследовать жертву до тех пор, пока не изведет. Еще в течение нескольких поколений демон не отпускает родню и потомство несчастного.

Как бы все это Харон объяснял Виктории? Более того, ему потом пришлось бы объяснять, почему Абхор предложил свои услуги Виктории, даже не открыв рта. Так она еще и поняла его.

И, конечно же, Харон врал. Откуда он знал, кто такой Абхор? Почему он вообще должен знать, кто он такой? Да и к тому же, Виктории скорее всего померещилось. Да и вовсе не стоит предавать этому значение. Виктория верила. Харон смеялся про себя. Удивительная черта людей – они слишком часто верят и, как правило, всему подряд. Безоговорочно. Главное, убедительно звучать, рассказывая свою ложь. Особенно женщины верят всему подряд. Особенно влюбленные. Женщинам вообще не обязательно что-то говорить. Можно просто склонить голову, бросить чарующий взгляд, всем своим видом показывая собственное превосходство одновременно с тем, что она такая красивая. Можно сказать, пару приятных слов. Желательно необыденных. И женщина обязательно должна понять, что перед ней хам, но не просто среднестатистическое уличное быдло, а обаятельный, интеллигентный хам с отменным чувством юмора, перемешанным с цинизмом и тонким сарказмом! Учтивость и манерность приветствуются.

Виктория ходила на работу. Ей безумно нравилась ее деятельность, но она очень уставала от давления своего начальника. Она привыкла к нему, и он уже не казался ей таким отталкивающим и дотошным. Но ответные чувства в ней так и не проснулись. Одна лишь мысль, что он притронется к ней в роли любовника, вызывала рвотные позывы. Вика даже не рассматривала варианты флирта с Григорием. Да, он был потрясающим весельчаком и юмористом. Он умел сочувствовать и всегда старался помочь. Он был безотказен и улыбчив. Его двери были открыты. Он любил рассказывать и вовсе не был обделен даром слушать. Прекрасный человек... Друг. Викторию смущал один факт: прекрасным человеком со всеми золотыми качествами он был лишь для нее. Только к ней в кабинет Григорий мог зайти, будучи в полной уверенности, что его ждут и готовы выслушать. Для других сотрудников он носил маски. И Виктория уже видела почти весь гардероб. Коллеги, мягко говоря, недолюбливали Вику. Ей было оказано столько привилегий и почестей и всего за четыре рабочих месяца! В компании

были люди, поработавшие не один год, и они заслужили всего лишь быструю, отрешенную улыбку в свою сторону.

Естественно, поползли слухи. И если поначалу Виктория всячески протестовала, пытаясь доказать всему миру, что она верна своему любимому мужчине, что даже мысленно не готова на нарушение верности. Потом она сдалась... По совету Григория. Он утверждал, что людям надо о чем-то говорить на работе. И пусть их темы будут хоть как-то связаны с работой. К тому же, не Виктория, так кто-нибудь другой. Григорий с усмешкой вспоминал, как ему приписывались романы, стоило ему только проявить вежливость и учтивость хоть к какой-нибудь даме. Конечно, неприятно, когда на тебя волком смотрят все коллеги и непонятно, то ли они завидуют, то ли ненавидят. Со временем Виктория научилась игнорировать это. Вот только осталось дожидаться, чтобы Григорий научился игнорировать ее. А это уже сложнее.

Харон мысленно веселился, разглядывая лицо, полное тоски в воспоминаниях Вики, в очередной раз убеждаясь, что человек все-таки глупое существо, особенно когда влюблен. Демон задавался вопросом, на который у него не было ответа и которым задавалась добрая половина человечества.

Вот есть Виктория, по уши влюбленная в существо, которое от робота отличает лишь человеческое тепло. Девушка лелеет надежду на взаимную любовь и ежечасно молится всем богам, чтобы почувствовать эту любовь от Харона.

Есть Григорий, влюбленный в Викторию и в довесок пылающий страстью. Обе любви безответны. Почему?

Почему они не могут влюбиться друг в друга? Что за сингулярная цепочка, которую люди так любят создавать, влюбляясь не в тех? Демон не понимал и этой сложности.

Постепенно он начал успокаиваться, замечая, что энергия, которую он случайно передал Виктории, медленно, но все же покидает хрупкое тело девушки. Но она так неспешно отдавала ее назад, что демон уже отчаялся. Ведьма словно знала, что должна быть экономной и не раскидываться ценным имуществом.

Их интимная жизнь набирала обороты. Демон любыми путями старался выкачать назад свою энергию и ему бы это удалось, если бы Виктория была просто человеком. Забрать у ведьмы то, что ее инстинкты не хотят отдавать – едва возможно. Только если прибить ее. Харон не мог. Договор. Он превратился в постельного кудесника, истощая девушку все больше.

Виктория все больше погружалась в интимные подробности страсти. Она узнавала свой организм совершенно с другой стороны, о существовании которой ранее не догадывалась. Она узнала, что такое сладострастие. Что такое, когда удовлетворяют страсть, и она ненадолго ложится отдохнуть, давая организму возможность набраться новых сил.

Виктория познала райское наслаждение, будучи на земле. Каждый рецептор всех нервных окончаний полностью отдавался организму. Любое прикосновение к телу вызывало толпу чувств, которые невозможно ощутить полностью, оставаясь при этом в сознании. Каждый миллиметр кожи был настолько обострен, что Виктория не могла сдерживать вздох наслаждения.

Что нравилось Харону, так это искренняя отдача девушки. Инкуб привык и умел удовлетворять. Но ему совершенно было непривычно, что ему в ответ доставляли удовольствие. Он знал, что такое отдавать, и Виктория научила его принимать. Как много раз ее губы касались его торса! Какими горячими они казались! Как много раз ее ласковые губы, теплые и нежные, опускались ниже и ниже по торсу, вызывая непривычные судороги в теле. Ее горячее дыхание и нежный язык не знали усталости. И демон мог позволить себе закрыть глаза во время ласк влюбленной женщины. Да он просто не мог не расслабиться в ее объятиях, от ее прикосновений. Только с Викторией он узнал и понял, что женщины способны отдавать. Ему это льстило, он пользовался глупой влюбленностью и забавным желанием угодить во всем.

Вот уже пожаловал декабрь. Роскошный, пухлый декабрь. Москва была в бегах: елки, подарки, банки, скидки, пустые прилавки, еда. Люди бешенные, глаза невменяемые, все куда-

то бегут, спешат, ничего не видят. Харон все чаще выходил на улицу, понимая, что в декабрьской России замышляется нечто грандиозное. Город постепенно начинал сверкать ярче. Он весь был обмотан проволокой, на которой висели мерцающие лампочки. Темнота быстро опускалась на мегаполис и тут же включались электрические гирлянды, освящая центр города, как днем.

Зеваки празднично бродили по улицам, задрав голову, разглядывая мерцающую иллюзию натянутых над головой проводов. И они восторгались! Как же красиво! Невероятно и бесподобно! Харон не смог найти красоту. Просто лампочное мерцание. С таким же успехом можно говорить о красоте фонарных столбов.

Демону все равно нравилось бродить по вечерней зимней Москве, наблюдать за длительной подготовкой к одному мигу.

Виктория сидела, отвернувшись от рабочего ноутбука. Она сидела в кресле, обращенном к окну, и смотрела как с неба падают снежинки. Девушка непрерывно думала и думала обо всем, что случилось с ней за последние месяцы. И тут словно молния сверкнула перед глазами: Сергей!

Девушка бросилась к ноутбуку и принялась писать письмо.

Victoria: *«Сергей, привет. Надеюсь, ты меня помнишь? Мы встречались летом, обменивались книгами. Я знаю, что прошло много времени, но мне больше не к кому обратиться... Жду твоей помощи».*

Send и конвертик с мольбой умчался в просторы матричных кодов. Наступил момент ожидания. Секундные стрелки тут же заняли места часовых. Время остановилось.

Столько времени Виктория чувствовала себя умалишенной, не способной ни с кем обсудить свое незавидное положение. Как же она могла забыть еще об одном психе, с которым была знакома, с кем можно было попытаться обсудить то, о чем нормальному человеку страшно даже подумать. Но вот согласится ли он обсуждать что-либо с ней? Вопрос, действительно, беспокоил ее.

Со скоростью света девушка чертила макеты, правила предыдущие эскизы, старалась ни о чем не думать и не предугадывать события.

Григорий находился в командировке в Америке и у Вики было время свободно дышать. Ей больше не надо было закрывать двери и с ужасом в сердце ждать, когда они откроются и войдет Григорий.

Но в дверь вошли. Вика ничего не видела, но почувствовала, что в кабинете кто-то есть. Она подняла взгляд. В дверях стояла женщина, девушка, точнее. Коллега Вики. Но Виктория никак не могла вспомнить имя гостьи. Ранее, когда рабочее место Виктории было в опенспейсе, эта девушка сидела недалеко и вроде была даже улыбчива. Как же ее звали? Алла? Анна? Нет. Виктория не могла вспомнить.

Девушки загадочно тарасились друг на друга и молчали, пока гостья, наконец, не произнесла звуки, преобразовавшееся в речь.

– Не совсем дружеский визит. – Сказала она и вошла в кабинет, закрывая за собой дверь.

Виктория напряглась. Внутри что-то упало. Ей совсем не хотелось никаких визитов, тем более не дружеских. И, конечно, нацеленная на конфликт дама заставляла ее нервничать. К тому же Виктория понимала, что довольно-таки слаба, чтобы постоять за себя, как в физическом, так и в моральном смысле.

– А какой тогда? – нехотя спросила она, неотрывно следя за девушкой.

Анастасия! Точно, ее звали Настя! Вика вспомнила имя оппонента.

– Ты знаешь, по компании ходят слухи о тебе и Григории.

– А мне что с того? – Вика пыталась выглядеть естественно, не показывая своего волнения. – Просто слухи. Нельзя же верить всему, что болтают.

Настя смотрела на Викторию, ее взгляд пал на бордово-красный камень на шее. Как же неестественно долго она пялилась на него и ей явно было тяжело отвести взгляд от драгоценного пианита. Интуитивно рука Виктории потянулась вверх. Ковшик-ладошка прикрыла подарок Харона.

– Скажи честно, ты спишь с ним? – Настя спросила в лоб.

– Что еще за вопросы! – возмутилась Вика, бросив взгляд на девушку.

Тот взгляд был уже не застенчивым и безмолвным, скорее агрессивным и совершенно не свойственным ей. К тому же Вика чувствовала, что с пробуждающейся яростью, пробуждалось еще кое-что. Что-то незнакомое, непривычное, как будто кто-то чужой проник в ее тело.

– Простой вопрос. – С издевательской улыбкой сказала Настя. – С чего вдруг у тебя спустя два рабочих месяца появился свой кабинет? Григорий вообще отсюда не выходит. Хочешь сказать, что по доброте душевной?

– Я вообще не собираюсь ничего тебе говорить. С какой стати, я должна тебе что-либо объяснять?

– С такой, Вика, что тебя не переваривает весь коллектив, особенно женская его часть. Все мужчины считают тебя шлюхой, готовой улаживать своего господина за все.

– У меня есть мужчина! – отрезала Виктория, – Я верна ему. Мне никто не нужен, кроме него.

Сама не понимая зачем и как, девушка начала оправдываться. Она знала, что коллеги не считали ее святой, но, когда кто-то приходит и в лицо заявляет «ты – проститутка», становится вообще не по себе.

– То есть, у тебя еще и дома кто-то есть? – усмехнулась Настя. – А он знает, что ты спишь со своим босом?

– Я не сплю...

– Да ладно тебе! Просто так у тебя все появилось, что ли? Имей смелость признаться, что ты – шлюха!

Настя произнесла последнее слово почти по слогам. Она чувствовала свое превосходство и способность морально задавить напором Вику. И ей нравилось издеваться над ней. Возбужденная Виктория выглядела такой смешной! До поры до времени.

Внезапно, у Виктории перед глазами опустилась черная вуаль. Девушка улыбнулась. Встала.

– Восемь лет назад... Десять. – Прошептала Виктория, закрывая глаза. – Парк. Полно листвы, бушует лето и жизнь во всю стремится распространиться... Огромный парк. Ботанический сад – надпись незаконченная на карте...

– Что ты несешь? – Настя попыталась перебить ее, ничего не понимая, о чем именно говорит Виктория.

– Мне грустно... Обидно. Родители не понимают, отказываются понимать. Но я-то умная. Я уже достаточно прожила, чтобы сформировать свое мнение о жизни и будущем.

– Эй, ты еще и больная? – Анастасия выглядела взволновано.

– Шорох. Кусты. Крайние ко мне. Какой-то мужик с загадочным выражением лица. Я хочу посмотреть на него... Окинуть его взглядом. Но мне страшно. Мужик без штанов что ли? Он стоит в кустах, со спущенными штанами, его руки не знают отдыха... Мне хочется кричать. Страшно... Интересно. Я разворачиваюсь...

– Эй, – шикнула Настя, – заткнись уже.

– О, да... я хочу уйти, но любопытство держит меня. Мужик просит не уходить. Я остаюсь. Он предлагает встать на колени перед ним и взять в рот. В его руках – деньги. Я забираю деньги, их мало. Я немного шокирована, но мне уже не страшно. Мужик напоминает мне, что я должна дотронуться до него, в руке трясется еще одна купюра. А мне так нужны деньги... Я забираю купюру и делаю то, что он хочет. Он горячий, пульсирующий в моих руках...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.